

HEBA

4 • 2025

НЕВА

4
2025

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

70 ЛЕТ ЖУРНАЛУ «НЕВА»

Дорогие друзья, читатели нашего журнала! • 3

К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

**Сергей СМИРНОВ, Владимир ЖУКОВ,
Юлия ДРУНИНА, Адам ШОГЕНЦУКОВ,
Анатолий ЧЕПУРОВ**

Переключка однополчан. *Стихи* • 5

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Сергей АРНО

Дом Гаргалезиса. *Роман-гротеск* • 9

Елена ЕЛАГИНА

Стихи • 67

Павел КРЕНЁВ

От Лопшеньги до Садовой, 26
и до синявинских болот. *Рассказы* • 72

Анна ГЕДЫМИН

Небо по щиколотку. *Стихи* • 95

Андрей АСТВАЦАТУРОВ

В лабиринте минотавра. *Рассказ* • 99

Григорий МАРК

В лабиринт превратилась душа. *Стихи* • 107

НЕСТОЛИЧНАЯ РОССИЯ

Елена БОГДАНОВА

Голосом бессмысленной капели. *Стихи.*
Предисловие С. Носова • 112

ПУБЛИЦИСТИКА

Дмитрий ТРАВИН

Нахальные «сироты» и высокопоставленные
«холопы» • 118

Феликс ЛУРЬЕ

Революционная целесообразность • 131

Дмитрий ЛАНКО

Деньги и финское экономическое чудо • 148

Евгений ПОПОВ, Михаил ГУНДАРИН

Александр Кабаков: последние дни • 172

Евгений БЕРКОВИЧ

Альберт Эйнштейн и религия • 180

Вячеслав РЫБАКОВ

Сорок лет спустя. Послесловие А. Мелихова • 201

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

Андрей ПОПОВ

Сальвадор и Гала: Жизнь под «золотым дождем» • 206

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Территория памяти. Евгений Лукин. Философия пацифизма в творчестве поэтов-фронтовиков Первой мировой войны. **Рецензии.** Альфия Галимуллина. От Симеона Полоцкого до литературы наших дней. Евгений Эрастов. Крошки волшебства. Елена Печерская. От музыки спасенья нет... **Книжный остров.** Публикация Е. Зиновьевой • 224

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

Русские паломники у святынь Бельгии. Часть 4 • 247

СЛОВО ЗА ВАМИ

Письмо из-за рубежа • 254

Издание журнала осуществляется при финансовой поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы» запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать на почтовый адрес журнала (191186, Санкт-Петербург, а/я 9).

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Главный редактор

Александр Мотелевич МЕЛИХОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Игорь Сухих (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (редактор-координатор).

Дизайн обложки **А. Панкевича**

Макет **С. Булачевой**

Корректор **Е. Рогозина**

Верстка **Д. Зенченко**

Дорогие друзья, читатели нашего журнала!

Как вы помните, в этом году у нас юбилей. Значительный, 70-й!

Это и для человека возраст, а для литературного издания, в наше-то время, — тем паче! На лаврах почивать мы не собираемся, наоборот — обновляем постоянные рубрики, ищем (впрочем, они нас тоже) новых авторов, рубрики новые тоже заводим, пробуем выйти и на белорусского читателя.

Циклы «Нестоличная Россия» и «Любимые уголки России» дополнительно отданы талантливым писателям и поэтам из дальних мест. И они нас не подводят, спасибо им!

Как вы догадываетесь, работать и сохранять журнал сейчас непросто, но мы все же рук не опускаем. Кстати, многие из вас нас поддерживают и в этом. Кто чем может (скоро напечатаем отчет об этом).

Виват тебе, любимый читатель! Кстати, автор он тоже читатель. А уж редактор и корректор и подавно!

Порадуемся вместе, что работаем — несмотря ни на что — да и вроде бы с пользой. Как вы считаете?

Дорогой журнал «Нева», дорогие друзья-коллеги! Радостно видеть литературный «толстяк», который встречает свое семидесятилетие таким юным и, как сейчас говорят, «трендовым». На страницах «Невы» постоянно появляются новые имена, впрочем, и маститые авторы почитают за честь опубликовать там свои произведения. Это оптимальное соотношение мудрой зрелости и молодого задора, классики и авангарда всегда украшало любимое нами издание, создавало его уникальный стиль. Желаем вам творческого долголетия, отсутствия досадных неурядиц и созидательной радости. Мы любим вас! Пусть всегда будет «Нева»!

Кира ГРОЗНАЯ,
главный редактор журнала «Аврора»

Приятно вспомнить:
уже 70 лет, как по одним берегам
вместе с редакторами и авторами «Невы»
«Мы спокойно, классически просто идем,
Как попарно когда-то ходили поэты».
Сердечно желаем вам не уставать,
продолжая свое доброе и трудное дело!

Редакция «Звезды»

Члены Союза писателей Санкт-Петербурга рады поздравить журнал «Нева» с 70-летием и появлением нового замечательного главного редактора.

Валерий ПОПОВ,
председатель Союза писателей
Санкт-Петербурга

Державного течения обновленной «Неве» во главе с Александром Мелиховым желает московская литературная семья Новиковых. Вечно молодой и интеллигентный журнал! Говоря строками самой юной из нас — Клавдии Шарыгиной (дебютантки «Невы» 2024 года):

не останавливайся,
пожалуйста,
НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ!

Владимир НОВИКОВ,
доктор филологических наук,
профессор Московского
университета

Поздравляю с юбилеем журнал «Нева», который стал цивилизованным. Если кто еще не заметил, время изменилось, и старый журнал вполне соответствует новому времени, отчего 70 лет не возраст, а начало или, скажу для политкорректности, чтоб никому не было обидно, продолжение. Пусть не врут: в нашей великой литературоцентричной России еще полным-полно талантливых писателей и поэтов, не променявших родину на колбасу, и «Нева» поддерживает их своими новыми рубриками, публикациями. Не обмелеет «Нева», даже и не надейтесь! Деньги кто-нибудь даст — или умное государство, или смышленные олигархи. Или мы сами, немонетизированные сочинители, соберем по медному грошику. Это наша страна и наш журнал.

Евгений ПОПОВ,
основатель и вице-президент
Русского ПЕН-центра,
ассоциированный профессор
Литературного института
им. Горького

ПЕРЕКЛИЧКА ОДНОПОЛЧАН

Стихи поэтов, шагнувших в литературу из окопов Великой Отечественной войны, опубликованные в журнале «Нева» № 5 в 1981 году.

Сергей СМИРНОВ

МАЛЬЧУГАН

В час беды любое сердце радо
Слышать рядом чуткие сердца.
Он приехал к нам из Ленинграда,
Мальчуган с глазами мудреца.

Выдавая ордер на вселенье,
Управдом спросил его: «Сынок,
Есть ли кто на вашем иждивенье?»
Мальчуган ответил: «Одинок».

И, как токарь третьего разряда,
В цех пошел до старшего лица
Этот скромный гость из Ленинграда,
Мальчуган с глазами мудреца.

Там ему станок токарный дали,
Мастер так сказал: «Держись бодрей,
Зорче глаз и жми на все педали,
Как заведено у токарей».

Мальчуган не улыбнулся шутке,
Он работал молча, как немой,
И не час, не шесть часов, а сутки
От станка не уходил домой.

И узнали мы — чего же ради
Мальчуган старался за троих,
Оказалось, где-то в Ленинграде
Он имел родителей своих.

Но сначала с ним отец расстался,
После — мать и целый круг родни...
Мальчуган совсем один остался,
Потому что умерли они.

Он всю зиму жил в полуподвале,
Жил пайком и... помнит вес пайка...
Ветер выл. Снаряды завывали.
Иней падал прямо с потолка.

Но весна явилась, как награда,
И один, с профессией отца,
Он приехал к нам из Ленинграда,
Мальчуган с глазами мудреца.

Он теперь не то, как все ребята,
Он другой, — он старше всех ребят,
Только кто же в этом виноваты?...
В этом только немец виноват!

Находи и бей врага! И снова
Бей его железом и огнем!
Бей пришельца — подлого, любого!
Пусть грустит Германия о нем.

Пусть — ему не спрятаться нигде тут,
Это наш священный долг бойца.
Вот о чем законно просит этот
Мальчуган с глазами мудреца.

1943

Калининский фронт

Владимир ЖУКОВ

Нам давно не до лычки в петличке,
не до маршей, мажорных насквозь...
День Победы стал днем переклички,
извините, что так повелось.

В горевых окаянных итогах
недобор окаянно велик...
Не откликается нынче картограф,
шрифтовик наш Тагиров Фаик.

Средь бетонных кладбищенских кольев
пулеметчики Мухины спят...
Стал лишь горсточкой пепла Григорьев,
мой наставник, мой вечный комбат.

Снова смерть поработала люто
в срок от мая до мая сполна...
Как и все, я слежу за салютом,
коль судьбою возможность дана.

Но и праздника я не нарушу,
взор вперяя за звездный навес...
То не их ли высокие души
осыпаются пеплом с небес?

Юлия ДРУНИНА

Умерьте пафос,	И не подлизы,
Говорите тише.	Боже сохрани!
Фразерам в наши дни	Венчали их
Доверья нет...	На всех олимпиадах
Я часто вспоминаю	И прославляли их
Трех мальчишек –	Во всех докладах.
Трех «мушкетеров»	И вдруг — война.
Предвоенных лет.	Какое тут ученье?
Все в этих школьниках	Надел шинели
Блестящим было,	Школьный комсомол.
Всегда ходили	А кто по возрасту
В лидерах они.	В солдаты не прошел,
Отличники,	Шел в партизаны
Но вовсе не зубрилы,	Или в ополченье.

А «мушкетеры»?	Не уроды.
Бросились в огонь?	Не вам писали
Нет, им, незаменимым,	Девочки стихи,
Дали бронь...	Не вам слагали
Родные одноклассники мои!	Педсоветы оды.
Какая сила	Немногие,
Вас звала под пули?	Немногие из вас
Одни погибли	К родителям вернулись
В первые бои,	С поля брани...
Другие	А «мушкетеры»?
До победы дотянули.	Где они сейчас? —
Вы были не бойки	Опять шумят,
И не тихи,	Как в детстве,
Вы были не красавцы,	На собраниях...

Адам ШОГЕНЦУКОВ

НЕРАЗДЕЛИМЫЕ

Нет, не была для меня неожиданной
Весть о войне.
Бывало, поем
Песню в шеренге короткоштанной,
Как мы любого врага разобьем.

Аэроклуб. Прыжки с парашютом.
Был ворошиловским я стрелком,
В маршах-бросках по горным маршрутам
Был я
Не худшим проводником.

Враг посягнул на нашу свободу.
Я с первого дня пошел воевать.
Кровь свою пролил. Встретил невзгоду
Грудью —
Как нужно ее принимать.

То — на летящем коне надежды,
То — как незрячий в сплошном дыму,
Рвался к победе сквозь ад кромешный,
Верный
Долгу
Своему.

Воя, священная буря крепчала,
Но молодая, страстная жизнь

Мне говорила,
Шептала,
Кричала:
«Родина держится — ты держись!»

Глуби земные от взрывов стонали,
В небе качались над нами миры...
Родина,
Родина,
Мы устояли,
Неразделимы, как недра под нами,
Соединяющие две горы.

*Перевел с кабардинского
Лев Беринский*

Анатолий ЧЕПУРОВ

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Вешним огнем
Загорелись поля и высоты.
Парни России
Под красными звездами спят.
Встаньте, товарищи,
Встаньте, мои одногодки!
Слышите, трубы
Зовут на победный парад.

Каждой весной,
Будто воздух струящийся грея
Солнечным светом
Суровых солдатских наград,
В далях далеких,
Во всех временах, не старея,
Будете вы
Приходить на великий парад.

Да, на парад!
Так вы землю прикрыли собою,
Так вы дрались,
Что бессмертье на ней обрели.
Вечная молодость
Вашею стала судьбою...
Праздник Победы!
Ты молод, как утро земли.

ДОМ ГАРГАЛЕЗИСА

Роман-гротеск

ЧАСТЬ 1. ЦЕНА СМЕХА

Глава 1. Все началось с пустоты

В этот вечер, не предвещавший никаких жизненных изменений и тем более потрясений, сидевшие за столиком в кафе Дома книги двое молодых людей и представить себе не могли, что их скучная и однообразная жизнь совсем скоро резко переменится. Они узнают, что такое лютый ужас и что такое безумное, безудержное веселье, что дикое непреодолимое счастье будет разрывать изнутри одного из них, а другой будет стараться спасти его от этого счастья.

Не знали они всего этого, а пили пиво и закусывали сухариками.

Молодых людей звали Егор и Мавродий. Они любили по пятницам после работы посидеть за кружечкой пива в кафе Дома книги. Пиво здесь было дороговато, зато вид в огромные арочные окна на Невский проспект и Казанский собор потрясающий! Хотя, конечно, не виды привлекали их сюда, а книги. Даже после работы их обоих тянуло к книгам, поэтому и выбирали этот Дом для пятничного отдыха.

Мавродий — белокожий с рыжими, коротко стриженными волосами, коричневыми веснушками на лице, среднего роста, худой и сутулый. Его друг Егор был роста невысокого, брюнет со смуглой кожей, длинным носом и маленькими быстрыми глазками, он любил пиво и книги в мягких обложках.

Они сидели молча, окидывая посетителей усталыми после работы взглядами.

— Руки ломит, — сделав несколько громких глотков, Егор поставил бокал с пивом на стол, у него как-то так было устроено горло, что глотал он очень громко. — В конце дня книги из библиотеки доставили... — он тяжело вздохнул, — я их рвал-рвал, целый вечер рвал...

Жестом он проиллюстрировал, как рвал книги, и снова тяжело вздохнул. Мавродий ничего не ответил: он тоже сегодня таскал пачки книг без пустоты внутри, как будто булыжники ворочал — ненавидел такие дни.

В кафе вошел мужчина лет шестидесяти. Мавродий, сидевший лицом к входу, отчего-то обратил на него внимание. Щуплый, роста невысокого, с аккуратной седой бородкой и с какой-то коричневой шишкой под носом, которую, должно быть, старался скрыть усами, но она все равно выпячивалась сквозь жидкие волосы. И тут же

Сергей Игоревич Арно родился в Ленинграде. Автор пятнадцати книг прозы, среди которых «Фредерик Рюш и его дети», «Роман о любви, а еще об идиотах и утопленниках», «Смирительная рубашка для гениев», «Живодерня» и другие. Заместитель председателя Союза писателей Санкт-Петербурга, директор Фонда братьев Стругацких, директор Издательства Союза писателей Санкт-Петербурга, общественный деятель, путешественник, дайвер.

вслед за ним вошел коренастый мужчина в кожаной куртке неопределенного возраста, с лысым черепом и мрачным лицом. Мавродию сначала показалось, что они вместе, но «бандюган» сел за свободный столик, а человек с бородкой, внимательно оглядев посетителей кафе, направился к столику, где пили пиво Мавродий с Егором, и без приглашения опустил на свободный стул.

— Скучаете, молодые люди? Хочу вас угостить. Позвольте, куплю вам пива.

— Я не против, — оживился Егор. — У меня, типа, пиво кончается, — он посмотрел на свой почти пустой бокал.

— Вот и замечательно! Давайте познакомимся, меня зовут Генрих Карлович.

Друзья тоже представились.

Ничего, казалось, не было особенного в этом человеке, но Мавродию он сразу не понравился.

Генрих Карлович указательным пальцем потрогал бородавку под носом, как бы проверяя, на месте ли, и махнул официанту.

— Ну, тогда я сейчас приду, — Мавродий поднялся из-за стола и направился в туалет.

До туалета нужно было пройти через зал, уставленный стеллажами с книгами, мимо мраморной лестницы и свернуть за угол. Мавродий неторопливо шел между стеллажами. Ему была приятна духовная атмосфера Дома книги. Вот полки зарубежной фантастики, современной литературы, детективов... Любителей книг было немного, иногда только между стеллажами замечался какой-нибудь одинокий человек, рассматривавший названия.

Когда Мавродий проходил мимо стеллажей, ему вдруг показалось, что из-за одного из них вдруг высунулась лысая голова с бандитской рожей, подмигнула ему и тут же исчезла.

Сзади послышались торопливые шаги, Мавродий оглянулся, за ним никого не было. Он прошел еще немного, как перед ним внезапно вырос официант, обслуживавший их столик, должно быть, он выскочил из-за стеллажа с книгами, чем напугал Мавродия. Он остановился, отступил и хотел обойти официанта, но парень вдруг приблизился к нему почти вплотную, прижав к стеллажу.

Он был лет двадцати пяти с круглым монгольским лицом и чуть раскосыми глазами.

— Я должен вас предупредить, — заговорил он тревожным шепотом. — Это очень страшный человек... Будьте с ним осторожны...

— Какой человек? — не сразу понял Мавродий, отстраняя от него лицо.

— Тот, что к вам за столик подсел, — как-то раздраженно, оттого, что его не понимают, проговорил официант, сузив и без того узкие щелочки глаз. — Он часто в Доме книги ошивается. Но ему не книги нужны, — как-то злорадно прошипел официант. — Совсем не книги! Если будет вам предлагать поехать к нему, не соглашайтесь. Кто с ним поговорит — исчезают и больше здесь не появляются. Я-то знаю — ему не книги нужны...

Неприятный холодок пробежал по спине Мавродия, хотя он и не был трусом, но почему-то слова официанта на мгновение взволновали его.

— Да мне тоже не книги нужны, — пробормотал Мавродий и, кивнув, направился в туалет, по пути мысленно продолжая начатую фразу: — Я пиво здесь пью, а книг у меня и на работе хватает.

Странно, что и на обратном пути из-за одного из стеллажей вновь высунулась бандитская рожа и, снова подмигнув, мгновенно исчезла, как будто и не высовывалась.

Когда он вернулся, стол был уже накрыт: на нем стояли бокалы с пивом, тарелка с бутербродами, блюдо с сухариками, запотевший графинчик водочки, рюмки... Егор, закинув голову, хохотал: новому знакомому чем-то удалось его рассмешить.

За огромным арочным окном Дома книги, выходящим на Казанский собор и Невский проспект, рядом с которым стоял их столик, зажгли фонари. Белые ночи еще не наступили, и этот последний месяц до белых ночей — когда в Петербурге еще включают фонари — время самое загадочное, самое таинственное... город предстает в призрачном, иллюзорном свете.

Но Мавродий не обратил внимания на то, что творилось за окном.

— Вот и Мавродий подошел! Мы тут с вашим другом анекдоты рассказываем, у него потрясающее чувство юмора, — сказал Генрих Карлович с улыбкой, потрогав бородавку под носом.

— Не замечал, — сказал Мавродий, усаживаясь, он не ожидал такого изобильного стола, ну да завтра не на работу. Интересно, во сколько ему все это обошлось?

— Ну, давайте за знакомство, — разливая водку по рюмкам, предложил Генрих Карлович.

Выпили и почти без промежутка он налил по новой.

— Я ученый-теоретик, — между тем говорил Генрих Карлович, — занимаюсь физиологией. А вы где работаете?

— Мы в книжном бизнесе, — сказал Мавродий, закусывая бутербродом.

Это почему-то очень понравилось Генриху Карловичу.

— Замечательно! — потрогав шишку под носом, воскликнул он с удовольствием. — Значит, гуманитарии! Вот почему мы в Доме книги встретились!

— Выходит, так, — Егор взял новый бутерброд. — Гуманитарии.

— Очень люблю гуманитариев. У меня в друзьях один читатель, он книг много читает, а еще — один писатель, и вот вы теперь... Я вам анекдотеч расскажу...

Генрих Карлович рассказал анекдот, потом другой, третий... Анекдоты были отстойные из прошлого времени: про то, как русский, американец и француз чем-то там мерились друг с другом, а русский всегда выходил победителем, а те — дураками. Мавродий забывал их тут же и смеялся для приличия. Такие тупые анекдоты теперь даже в Интернете не встретишь. Зато Егор хохотал вовсю и после долго не мог остановиться. Его задорный смех вызывал ответную реакцию у Мавродия, и он, заразившись, против своего желания тоже смеялся. На них обращали внимание посетители, сидевшие за соседними столиками, грозно поглядывал официант монгольской внешности, а Генрих Карлович все рассказывал и рассказывал. Он прямо набит был анекдотами и сам смеялся, но как-то неискренне, как будто делал вид. Рассказывая, он, словно забывшись, неустанно тербил указательным пальцем свою бородавку под носом, а когда смеялся, внимательно смотрел на друзей, словно изучая.

Генрих Карлович заказал еще графинчик водки, так что к концу вечера все были в приподнятом настроении.

Когда выходили из кафе, Мавродий обратил внимание на сидевшего неподалеку за столиком человека с бандитской физиономией, ведь именно он выглядывал тогда из-за стеллажей с книгами.

Недопив пиво, бандюган поднялся и вышел вслед за ними.

Они еще минут пять стояли на Невском проспекте у дверей Дома книги, прощаясь. Мимо проходили люди, на Невском в любое время суток полно народа, у метро пели уличные музыканты. Генрих Карлович рассказал анекдот, Егор ржал, Мавродий подсмеивался.

— Друзья мои, приходите ко мне в гости! — сказал Генрих Карлович. Он казался пьянее всех, и иногда его как бы тянуло в сторону. — У вас потрясающее чувство юмора,

а это самое главное чувство человека. Такие люди нам нужны! Вот здесь написан мой номер телефона, — он раздал друзьям визитные карточки.

Мавродий и Егор продиктовали ему номера своих телефонов. Сейчас казалось, что они знакомы много лет, настолько весело и душевно было им друг с другом. Но время пришло расставаться, друзья направились к метро, а Генрих Карлович в другую сторону.

Тут произошло странное происшествие, которому Мавродий не придавал поначалу никакого значения, а вспомнил много позже. Мавродий остановился, почему-то обернулся и посмотрел в сторону удаляющегося по Невскому проспекту Генриха Карловича. Он был уже не один, рядом с ним шел тот самый тип в кожаной куртке с бандитской рожей, которого Мавродий заметил в кафе Дома книги, подумав тогда, что они пришли вместе. Возле них остановилась машина, тип в кожаной куртке услужливо открыл перед Генрихом Карловичем дверцу...

— Ну, пойдём! Чего, типа, остановился-то? — потянул его за рукав Егор.

Мавродий работал в издательстве упаковщиком, и, перетаскивая пачки с книгами, он определял их ценность исключительно по весу: тяжелая пачка — значит, автор написал хорошую книгу, если пачка с книгами легкая — значит, мыслей в них мало, одни буквы. А буквы он не любил, главное ведь в книге не буквы, а мысли, а мысли он оценивал по весу.

Однажды он прочитал в Интернете, что все началось с пустоты и все закончится пустотой. Хотя он ничего и не понял из этого изречения, но сама фраза так почему-то потрясла его, что несколько дней он ходил взволнованный. Пустота по его размышлению оказывалась вовсе не пустой, а полной идеей, планов и образов, которые могут занять в ней свое место. Пустота ждет этого. А это значило, что в легких книгах, в которых, как он предполагал, мало мыслей, было просто больше пространства для заполнения мудростью. И он, пересмотрев свой взгляд на книги, больше стал ценить пачки с легкими книгами, в которых больше пустоты, потому что пустотой все и заканчивается. Пустота главнее всего.

— Какая чушь! — говорил печатник Николай Николаевич после обеда,ковыряя ногтем в дупле зуба. — Какая пустота?! Какие мысли?! Какие образы? Вот здесь бумага сто двадцать грамм, а это офсет шестьдесят пять, — он шупал мозолистой рукой белые листы, лежавшие стопкой на верстаке. — А это вообще меловка стапятидесятиграммовая, из нее книга — кирпич. Так что ты, Мавродий, выкинь эту чушь из головы, а постигай печатное дело — всегда кусок свой будешь иметь.

Но Мавродий не хотел постигать печатное мастерство: ему в его тридцать пять лет и грузчиком-упаковщиком было нормально. Не то что его друг Егор, сдиравший с книг обложки, тот всегда стремился к большему.

Егор, как и Мавродий, работал в книжном бизнесе, только с другой стороны. Он получал зарплату в организации, утилизовавшей книги. Издательства привозили им книги, не пользовавшиеся спросом у покупателей, и те шли в переработку, чтобы получились чистые листы, на которых печатали новые книги, которые также шли в переработку. Библиотеки города после инвентаризации отбирали книги, которые не заказывали читатели в течение трех-пяти лет, и отправляли в организацию Егора, где он трудился на самой ответственной операции — сдирал с книг обложки. Никто не выдерживал на этой работе долго — сходили с ума. А Егор ничего, даже спал хорошо — призвание!

Одни рвались легко, как будто устали бессмысленно стоять на полке и только дожидались, когда с них сдерут обложку. Другим не очень нравилась эта процедура, а бывало, что приходилось применять всю физическую мощь, и даже тогда обложка подавалась не полностью, часть ее оставалась; книга, словно огрызалась, цепляясь

за жизнь: не желаю умирать. Но Егор был сильнее любой даже самой умной книги и всегда выходил победителем. Старые библиотечные книги рвались, хотя и легче, но уставал Егор от них почему-то больше, чем от новых изданий. Только пиво после работы спасало.

Глава 2. Радости полные штаны

— Привет, ты, типа, чего сегодня делаешь?

Звонил Егор, они не общались две недели и даже не ходили пить пиво. Один раз Мавродий пытался ему дозвониться, но тот не брал трубку.

— Да ничего особенного...

Мавродий как-то приуныл в последнее время. Летом, особенно в жаркую погоду, как и большинство людей с белой кожей, он ощущал упадок сил и пропажу интереса ко всему. Читал новости в соцсетях, смотрел ролики и делать ничего не хотел.

— У меня тут, типа, одно дело появилось, думаю, ты тоже прибалдеешь, — Егор говорил возбужденным голосом. Мавродий не предполагал, что он может быть так увлечен чем-то, хотя знакомы они были со школы и вместе окончили полиграфический колледж. — Тут такое, я просто даже не знаю, как сказать... но я себе этого даже представить не мог!

Егор продолжал выражать бессмысленные, лишённые всякой конкретики восторги.

— Говори толком, чего ты хочешь, — прервал его Мавродий.

— Помнишь Генриха Карловича? Ну, мы с ним, типа, в Доме книги познакомились.

— Помню смутно, — сказал Мавродий, поморщившись, ему почему-то было неприятно вспоминать тот вечер. — Мы тогда так надрались, я весь следующий день лежал пластом.

— Да я не об этом. Оказывается, он великий ученый, изучает физиологию и, типа, ставит опыты, такие прикольные опыты!.. Он даже за них, типа, деньги платит... — и вдруг спросил, даже голос у него изменился: — Ты, вообще, счастлив?

— Что?

Мавродий даже подумал сначала, что ослышался, такой неожиданно странный был вопрос.

— Я говорю: ты счастлив? — повторил Егор.

— Ну-у, не знаю...

Вопрос поставил его в тупик, да он и не задумывался об этом никогда и меньше всего ожидал услышать его от своего старого друга, с которым каждую неделю пил пиво. Да, конечно, счастлив! Но вслух этого не сказал.

— Ну, ладно, это потом... Я спросил Генриха Карловича, можно ли тебя привести. Он разрешил. Сегодня как раз суббота, давай вечером, типа, сходим к нему в гости.

— А потом зайдем пивка выпьем, — добавил Мавродий.

— Да это круче, чем пиво!

Вот эта фраза больше всего удивила Мавродия: неужели Егор смог полюбить что-нибудь больше пива?!

Договорились встретиться у метро «Черная речка».

Мавродий выключил трубку, задумался и пожал плечами.

— Что за ахинея?.. Конечно, счастлив!

Мавродий, плохо рассчитав время, опоздал минут на десять. Егор ждал его, нетерпеливо шагая из стороны в сторону. Мавродий никогда не видел друга таким возбужденным и взволнованным.

— Я тебе по пути все расскажу — Генрих Карлович, типа, не любит, когда опаздывают. В общем, позвонил он мне через несколько дней после нашего знакомства, — начал Егор, шагая чуть впереди Мавродия. — У меня тогда настроение паршивое было, типа, на работе завал, книги рвешь-рвешь, а зарплату не прибавляют. Никто книги не покупает, новинки из издательств фурами прут. Короче, послал я его. Он на следующий день снова звонит. Я, говорит, поражен, типа, вашим чувством юмора. Типа, я такой выдающийся, что у меня чувство юмора какое-то необычное — зашкаливающее. Пригласил в гости, типа, по делу, тест провести. Он чувство юмора изучает, заплатить обещал. Я сначала-то идти не хотел — мало ли извращенец какой. Потом подумал, может, действительно ученый, а за деньги можно и тест пройти. А если извращенец, то я ему по башке настучу и уйду. Но все не так оказалось... — Егор вынул из кармана телефон, взглянул на экран. — О! Уже пять часов. Опаздываем!

— Так что там было дальше? — еле поспевая за прибавившим шаг другом, спросил Мавродий.

— Сам все увидишь, — бросил через плечо Егор. — Да мы и пришли уже.

Генрих Карлович жил на первом этаже сталинского дома.

На звонок дверь им открыл широкоплечий невысокий мужчина в рубашке с закатанными рукавами, из которых выглаживали мускулистые, волосатые ручищи в наколках. Мавродий сразу узнал его, это был тот самый бандюган, которого он уже видел в Доме книги, а теперь смог разглядеть его вблизи и при свете. Физиономия у него была и вблизи типично бандитская: один глаз стеклянный, должно быть, выбитый в драке; переносица вдавлена; лысая то ли от природы, то ли обритая голова в шрамах. Как будто явился с кладбища, где были захоронены братки из девяностых. Во всех его движениях чувствовалась неумолимая угроза. Он подмигнул правым глазом и молча пропустил гостей в квартиру. Станный у него был тик: дергался то один, то другой глаз.

Раздевшись в просторной прихожей, вошли в комнату. Там сидели человек десять мужчин разного возраста, все они оживленно беседовали, смеялись, но когда вошли Мавродий с Егором, вдруг смолкли, как будто обсуждали что-то запретное, и уставились на вновь пришедших.

Из другой комнаты в гостиную стремительно вошел Генрих Карлович. Одет он был торжественно — в костюм и белую рубашку с галстуком.

— Сегодня у нас новый гость, — сказал он. — Прошу знакомиться — Мавродий.

— Помню я одного Мавроди. В девяностом году он у меня две тысячи долларов одолжил, — сказал седенький старичок из кресла. — Обещал четыре тысячи вернуть. Это, случайно, не вы?

Кто-то засмеялся.

— Это не тот Мавродий, — серьезно сказал Генрих Карлович, указательным пальцем потрогав бородавку под носом, другой рукой он приобнял Мавродия за плечи и слегка подтолкнул в комнату.

Навстречу из кресла поднялся седенький старичок и протянул Мавродию руку.

— Добро пожаловать в царство смеха и веселья... — сказал он, как-то лукаво глядя на него.

— И счастья! — выкрикнул кто-то.

— Спасибо, — растерянно ответил Мавродий, пожимая протянутую руку.

Тут же поднялся другой, затем третий — все они с радостью и даже с восторгом пожимали ему руку. Так бывает, когда люди очень довольны тем, что ты оказался в их компании, которая стала еще более приятной, чем была до того... или когда злорадствуют. «Вот и тебе тоже достанется, не только нам страдать...» — почему-то в голову Мавродия пришла именно такая мысль.

В основном это были люди в возрасте от тридцати до пятидесяти, исключением среди них был седенький старичок. Все они называли свои имена, но Мавродий не запомнил; в память врезались только двое, один из которых с виду не старый, но с густой кривой бородой назвался Писатель и второй — щуплый, как подросток, в очках с толстыми стеклами представился как Читатель.

Руку ему пожали все присутствующие в зале, а молодой человек в мешковатом костюме с наружностью дауна даже обнял Мавродия и, кажется, собирался поцеловать в щеку. Но вместо этого, приблизив губы к его уху, прошептал:

— Беги...

Мавродий вздрогнул, отстранился от молодого дауна, посмотрел на него внимательно, но лицо его не выражало ничего, кроме добродушного счастья. И Мавродий подумал, что это почудилось ему...

— Это Андрюша, — сказал кто-то о дауне. — Он наш талисман.

Друзья сели на стулья в углу комнаты. В больших компаниях Мавродий всегда стремился оказаться подальше, чтобы не мозолить глаза и чтобы на него обращали поменьше внимания. Он сразу заметил, с каким обожанием все собравшиеся смотрят на Генриха Карловича, да и Егор не отрывал от него восторженных глаз.

Из-за угла прихожей вдруг высунулась голова бандюгана, подмигнула левым глазом и в тот же момент исчезла, как будто и высовывалась, чтобы подмигнуть.

— Все вы, друзья, знаете, зачем мы здесь собрались, — начал Генрих Карлович. — Мы собрались здесь для смеха. Миллионы лет человечество смеется над собой, но больше над другими. Все вы, собравшиеся здесь, обладаете выдающимся даром — чувством юмора. Известно, что это самое главное чувство, говорящее о высоком интеллекте носителя, и обладающие им люди могут достичь сверхрезультатов в жизни. Но самая главная цель человеческой жизни не просто скучно прожить ее, а достигнуть высшего ее состояния — счастья. Каждый из нас понимает это по-своему. У одного счастье — это деньги, потому что у него их нет. У другого — любовь, потому что его никто не любит, третий считает, что счастье в здоровье, потому что болеет... Каждый видит счастье в том, чего у него мало или нет вовсе. Но получив наконец то, чего у него нет, человек понимает, что счастье не в этом. Но в чем?.. Ведь каждый стремится к счастью, но не знает, как к нему подобраться. Не зря в старину говорили: «Счастье в нас, а не вокруг нас»; или «Всякому — свое счастье; в чужое счастье не заедешь»; или вот еще: «От своего счастья не отказывайся». Вы понимаете, о чем я говорю...

Наверное, все понимали, о чем говорил Генрих Карлович, и смотрели с обожанием, кроме Мавродия. Он вообще ничего не понимал.

Генрих Карлович продолжал говорить в том же духе. Уходя в историю, вспомнил Аристотеля и Ломброзо... Все это было неинтересно Мавродию, и он заскучал: он бы лучше выпил с Егором холодного пива — вот это было бы счастье, чем сидеть здесь в душном помещении, где и форточки-то все закрыты.

«На улице жарыща. Почему закрыты форточки? — подумал он. — И чего я вообще сюда притащился? Слушаю всякую ерунду...»

Поглядывая по сторонам, Мавродий обзирал ничем не выдающуюся обстановку комнаты с полированным шкафом и стареньким диваном, на подоконнике — горшок с полувысохшим растением, пачка журналов, пустая позеленевшая ваза для цветов, наручники...

«Беги!» — вдруг вспыхнуло в памяти предупреждение дауна Андрюши. Он сидел на стуле чуть впереди, видны были только коротко остриженный затылок, ухо и часть розовой щеки. Что он имел в виду, от чего хотел уберечь Мавродия... Хотя что мож-

но ожидать от больного человека и можно ли вообще это воспринимать всерьез. А может быть, и вправду почудилось?..

Мавродий повернулся к Генриху Карловичу, продолжавшему распалаться по поводу счастья, потом перешел к чувству юмора.

— ...Все мы знаем, что юмор бывает не только светлый, но и черный. И что же объединяет весь юмор? Ну конечно, смех! А смех — это и есть путь к счастью. Сегодня мы будем смеяться!

Мавродий снова покосился в сторону подоконника. Ну, точно — наручники. Он более внимательно стал оглядывать окружающих людей. Чуть впереди, рассеянно улыбаясь, сидел мужчина лет тридцати пяти, представившийся Писателем, взгляд его был светел и устремлен куда-то, даже не на Генриха Карловича, а вдаль. Слышал ли он, понимал ли он что-нибудь из того, что говорил Генрих Карлович... Мавродий, например, не понимал. Справа от него на стуле расположился гражданин лет пятидесяти с благородным лицом, в пиджаке, с повязанным на шее шарфиком; лик его был спокоен и одухотворен, но вдруг лицо его исказила отвратительная гримаса. Мавродий непроизвольно отшатнулся. Это длилось какое-то мгновение, да нет, должно быть, почудилось: лик его вновь был спокоен, одухотворен. Мавродий, не выпуская его из поля зрения, наблюдал искоса. И снова лицо его исказила жуткая гримаса и тут же пропала... и снова спокойно-одухотворенное лицо. Опять почудилось.

Он оказался в компании каких-то странных людей, не в своем уме, кроме него и Егора, конечно. Мавродий покосился на своего друга. Тот смотрел с таким восхищением на Генриха Карловича, что казалось, сейчас выпрыгнет из штанов. Таким своего друга Мавродий не знал... так что, пожалуй, и он не в себе. И снова из-за угла прихожей выглянула голова бандюгана и, подмигнув, исчезла.

Старичок, давший две тысячи долларов какому-то Мавроди, слушал, восторженно вздрагивая, кивая и всем своим существом реагируя на слова Генриха Карловича: иногда вдруг хлопнет в ладоши один раз и опять слушает, вздрагивая и кивая. Мавродий догадался, кого имел в виду старичок. Еще в детстве он слышал от отца историю гениального экономиста перестройки Мавроди, в честь которого и получил свое имя.

Его отец когда-то, посмотрев по телевизору рекламу компании МММ, вложил в нее все свои деньги и через некоторое время получил в три раза больше. Он снова вложил деньги в МММ, и снова ему выдали в три раза больше. Тогда он, будучи человеком азартным, продал машину и квартиру, вложил деньги в организацию Мавроди и стал ждать... А через несколько месяцев получил огромную сумму. Он купил новую квартиру, новую машину. И в честь человека, подарившего ему состояние, назвал родившегося в то время мальчика. Отец его был убежден, что имя это принесет сыну счастье. Он всегда так и говорил: «Не меняй имя, сынок, оно принесет тебе счастье. А это главное человеческое чувство. Кто не был счастлив — зря прожил свою жизнь».

Генрих Карлович между тем продолжал свою речь.

«Сколько же он будет говорить-то?» — подумал Мавродий.

И судя по всему, речь эту впервые слушал, вернее, не слушал только он один, и, возможно, она предназначалась именно ему. В процессе выступления в комнату из-за угла прихожей выглядывала бандитская рожа. Выглянет, подмигнет, посмотрит туда-сюда, исчезнет. А потом снова выглянет, посмотрит... и опять исчезнет. И опять выглянет...

— ...Чувство юмора развивается всю жизнь, но мы развиваем его семимильными шагами. Так что идем ржать!

С последней его фразой слушатели, разразившись аплодисментами и ликованием, повскакивали с мест и устроили настоящую овацию. Мавродий тоже встал и похлопал, раз здесь так принято. Все оживились, стали выходить в другую комнату, двери которой услужливо распахнул перед ними вынырнувший из-за угла одноглазый бандюган.

— Ты, типа, погоди, не ходи со всеми, — остановил Мавродия Егор, — сначала с тобой тесты нужно провести. А я пойду, а то там все лучшие места займут.

К Мавродию протиснулся Генрих Карлович.

— Ну, нам с вами, молодой человек, не до удовольствий, — он потрогал бородавку под носом. — Вот сейчас все уйдут, а мы немного поработаем, присаживайтесь.

Генрих Карлович, пододвинув стул, уселся напротив Мавродия и открыл блокнот.

— Не знаю, говорил ли Егор о том, что я изучаю чувство юмора. Есть люди, у которых очень сильно развито это чувство, а есть такие, у которых это чувство вовсе отсутствует. Вы замечали? — Мавродий пожал плечами. — В том-то и дело: они очень тщательно скрывают это, не желая казаться неполноценными. Вот нам и нужно выявить, есть у вас чувство юмора, или вы неполноценный. Кстати, испытуемым я плачу деньги. Так что попрошу ответить на мои вопросы честно, не задумываясь.

Между тем все вышли в другую комнату, бандюган закрыл за ними дверь почему-то на ключ.

Все это выглядело очень странно.

— Ну-с, приступим...

Генрих Карлович задавал Мавродию ничего не значащие вопросы, какие бывают в тестах психологов, и ему нужно было отвечать «да» или «нет». Удовлетворенно кивая, он отмечал что-то в блокноте. Из-за двери между тем слышались возбужденные голоса, смех, кто-то громко декламировал. Слов, правда, было не разобрать, как подумал Мавродий, рассказывали анекдоты. Может быть, прислушавшись, можно было понять, что происходит за дверью, но Генрих Карлович, постоянно задавая вопросы, не позволял сделать этого. Постепенно смех за дверью нарастал и усиливался, переходя в какой-то истерический гвалт. Смеялись сразу несколько человек. Кто-то вдруг взвизгивал надрывно, кто-то смеялся ровным басом, кто-то хохотал из последних сил... Что происходило за дверью, Мавродий не мог понять. Неужели анекдоты способны были вызвать смех такой интенсивности? Он просто зашкаливал. Должно быть, каждый возбуждал другого своим смехом, а тот заражал своего соседа... И вот, глядя друг на друга, уже хохочут все что есть мочи, изо всех сил!.. Так называемая групповая терапия.

Генрих Карлович сделал знак стоявшему возле двери бандюгану, и тот включил музыкальный центр. Смех и голоса из другой комнаты заглушила музыка, и их стало почти не слышно. Вероятно, Генрих Карлович сделал это, чтобы ему не мешали тестировать Мавродия. Он продолжал задавать вопросы, Мавродий отвечал, так прошло еще минут десять.

— Ну, вот и все вопросы, — улыбнулся Генрих Карлович, озабоченно глядя в блокнот и не переставая трогать бородавку под носом. — Вы успешно прошли этот тест. Я вас поздравляю.

Он вынул из кармана приготовленную заранее пятитысячную купюру и протянул Мавродию.

— Нормально! — Мавродий не ожидал такой суммы за один час разговора.

— Ну, раз нормально, то и славно. Номер вашего телефона у меня есть, теперь ваши данные обрабатывает искусственный интеллект, а я позвоню и скажу о результате. Проводи, Диоген.

Мавродий оглянулся. За его спиной стоял бандюган. Он подошел бесшумно, да, наверное, и небесшумно, просто громко играла музыка, за дверью хохотали и взвизгивали, и неудивительно, что он не услышал. Человек этот со странным именем Диоген почему-то пугал Мавродия.

— Я, может, Егора подожду, — сказал он.

— Нет, он надолго. Бывает, до самой ночи засиживаемся: когда тебе хорошо, время летит быстро.

Генрих Карлович протянул руку для прощания.

Выйдя из парадной, Мавродий оглянулся и посмотрел на окно Генриха Карловича, оно было зашторено плотной занавеской, постоял, прислушиваясь, но до него не донеслось ни единого звука. Начинал накрапывать дождь, Мавродий накинул капюшон и пошел к метро. Что было в той комнате, он не понял, да и не сильно задумывался. Такие деньги он нигде бы не заработал.

«С удовольствием еще приду, — подумал он, — и ржать над анекдотами буду, пускай самыми дебильными анекдотами, ржать буду столько, сколько потребуется».

Глава 3. Беги!

Утром Мавродий проснулся с мыслью, что вчерашнее посещение Генриха Карловича было каким-то обманом, жульничеством. Он вдруг понял, что гости его делают вид, что им смешно, а смеются только для того, чтобы получить деньги, раз уж хозяину это зачем-то нужно. Лежа в постели, он вспомнил, что видел сон, в котором он стоял на Дворцовой площади в огромной толпе людей, и все они смеялись, истерически закатываясь от смеха. Не смеялся только Мавродий: ему было не смешно, ему было страшно. Он вспоминал вчерашнее приключение как что-то далекое, непугающее, скорее забавное. Сейчас он был уверен, что все притворялись, чтобы получить зарплату. И если он хочет влиться в их коллектив, ему тоже следует научиться смеяться без фальши, от души, чтобы никто не заподозрил.

Лежа в постели, Мавродий попробовал засмеяться в голос — вышло как-то неестественно. Он поднялся и, похохатывая, направился в ванную. С каждым разом смех получался все лучше, все натуральнее.

«Пожалуй, и я смогу деньги смехом зарабатывать, — подумал он. — Поржал — пятерку получил. А может быть, чем громче смеешься, тем больше платят? Вот бы так! Интересно, как часто они собираются... Только бы по тестам подойти».

Он захохотал басом, потом фальцетом...

После завтрака, освоив азы, хохотал уже истерично, хлопая себя по ляжкам и взвизгивая. Ему было интересно разнообразить смех. Оказалось, существует множество видов смеха, но самое главное было добиться естественности, чтобы тебе поверили, а для этого требовалась тренировка.

Посмеиваясь, набрал номер Егора, но тот был вне зоны доступа. «Спит, наверное, — подумал Мавродий, — нахохотался вчера так, что подняться не может».

Мавродий жил в однокомнатной квартире, жена от него ушла к бизнесмену, детей у них не было, поэтому Мавродий пережил развод с безразличием. Зато теперь никто не мог помешать ему смеяться вволю, никто не скажет: «Ты что, дурак?!»

«Егор вроде говорил, что они раз в неделю собираются. По пять тысяч!.. Это ж нормальные деньги. Только бы тесты подошли».

Мавродий давно хотел купить новый ноутбук, а тут такая неожиданная удача!

Он снова набрал номер Егора, и снова тот был вне зоны.

Так Мавродий прохохотал всю субботу и посчитал, что уже готов к групповому смеху, даже если анекдоты отстойные.

Периодически в течение всего дня он позванивал Егору, ему не терпелось поделиться с ним своими мыслями и подтвердить предположения, но, как назло, телефон его оставался вне зоны.

Все воскресенье он продолжал тренироваться в смехе и достиг, как ему казалось, прекрасных результатов, так что сам себе верил. Но телефон друга молчал.

К вечеру какая-то тревога защемила сердце, настроение испортилось, он не понимал, почему это произошло. Быть может, оттого, что он слишком пересмеялся за эти дни. Зато научился смеяться на разные голоса и на любой вкус: ржать во всю глотку; прыскать мелко и гаденько; хохотать истерически с привизгом; злобно-гомерически; гортанно, солидным басом...

Но где Егор, почему его телефон выключен?!

На следующий день на работе был завал с книгами. Приходилось упаковывать и грузить в машину тысячный тираж, и пустоты в этих книгах не было, как будто автор напихал в них все самое ненужное и безнадежное, что есть в его голове: все дурацкие мысли, мелкие переживания и еще много-много лишних никчемных слов, — оттого книги приобрели такой вес. Мавродий упаковывал и таскал пачки до конца рабочего дня. Директор типографии, сволочь такая, экономя деньги, не хотел брать никого в помощь Мавродию.

Только возвращаясь домой с работы, он вновь набрал номер Егора, но с тем же успехом.

Эту ночь Мавродий спал плохо, иногда только впадал в забытье, и ему снились смеющиеся люди; они корчили рожи, показывали непристойные жесты... Он просыпался и ворочался с боку на бок и опять впадал в забытье... и снова — хохочущие рожи, непристойные жесты...

Где-то в середине ночи в измученном мозгу его вдруг всплыло доброжелательное лицо дауна Андрюши, который обнял его и шепнул: «Беги!» Он сейчас буквально слышал в ночи его шепот.

Мавродий сел на кровати. На улице тишина, где-то, грохоча по рельсам, проехал первый трамвай...

«Беги!»

«А ведь он предупреждал! — пронеслось в разгоряченной голове Мавродия. — Просто я не понял, не распознал, подумав, что мне почудилось... И значит, Егор не зря не отвечает по телефону, значит, с ним что-то случилось...»

Сейчас во тьме и тишине ночи он уже был уверен в этом.

В ночи все кажется ярче и острее. Когда Мавродий встал утром на работу, ночные ужасы показались чем-то далеким, ненастоящим, только тревога в сердце не давала покоя.

Телефон Егора не отвечал, и Мавродий решил после работы заехать к нему домой. Окна темные, на звонки дверь никто не открыл. Мавродий вышел на улицу. Осталась только Марина, подруга Егора, вот к ней-то Мавродию совсем идти не хотелось. Они никогда не находили общего языка, особенно после того, что случилось.

Марина работала в библиотеке Лермонтова. Они встречались три года, и Егор даже собирался жениться на ней, но почему-то передумал. Марина смертельно обиделась и переехала от него к родителям. Но потом постепенно они снова начали встречаться. Марина была уверена, что это Мавродий сбил Егора с брачного пути, и возненавидела его самой лютой на земле ненавистью обманутой женщины. Мавродий не знал, какие у них сейчас отношения, и, может быть, она сейчас пошлет его к чертовой матери.

Марина работала в отделе комплектации, и именно она направляла невостребованные книги Егору на утилизацию. Пользуясь служебным положением, она занималась подтасовкой, подсовывая книги в мягкой обложке или такие, с которых легко срывать твердую обложку. Егор научил ее выбирать лучшие книги. Но это было до того, как она ходила в невестах. Когда Егор вдруг жениться передумал, Марина проявила подлость мстительного характера. Она стала подбирать такие книги, что у Егора ночами пальцы на руках и на ногах сводило и крючило.

В библиотеке Мавродий нашел Марину не сразу, а долго блуждал среди книжных полок. Библиотекари говорили: «Где-то здесь...» — и разводили руками.

— О, привет. А я тебя ищу.

В углу одного из библиотечных залов, за столиком, заставленным стопками книг, Марина отбирала самые ненужные. Ей нравилась такая работа. В ее власти было приговорить книгу к уничтожению — со всеми мыслями, образами, судьбами героев, картинками — или оставить книге скучную жизнь на полке. Сегодня у Марины было плохое настроение, поэтому приговаривала она многих.

— Что, в библиотеку записаться хочешь?

Мавродий ухмыльнулся ее шутке.

— Ты давно с Егором виделась? — спросил он, уже по тону определив ее плохое настроение.

— Я бы его вообще не видела никогда. — Она подняла лицо от списка приговоренных, блеснув на Мавродий стеклами очков. — Он себе бабу завел, пропал тут у нее вечерами, приходил, все ржал, как сумасшедший, глаза бешеные.

— Когда это было?

— Да всю ту неделю, а сейчас трубку отключил. Точно бабу завел.

— Я вот тоже не могу дозвониться, — Мавродий в задумчивости взял со стола книжку, покрутил ее в руках, положил обратно. — Значит, ты не знаешь, где он может быть.

— Ну а где он, по-твоему, может быть?!

Голос Марины стал громким с визгливыми нотками.

«Нужно сматываться», — подумал Мавродий.

— Ну конечно, у бабы какой-нибудь, — и прошептала мстительно: — Я ему тут книжки подберу — не обрадуется.

Еще два дня прошли в тревожном ожидании. Теперь Мавродий был уверен, что с его другом произошло несчастье. Идти в полицию глупо: у него не было никаких доказательств. Тем более доказательств чего? Одни только догадки. Но о чем?

Фамилии Генриха Карловича он не знал, попробовал найти в Интернете редкое сочетание имени и отчества.

Среди них нашлись математик, доктор наук, знаменитый дзюдоист, русский ученый-электрик. Нашлись Генрихи Карловичи среди репрессированных и участников Первой мировой войны, но все они давно умерли, а среди живых не оказалось ни одного физиолога подходящего возраста.

В субботу Мавродий встал пораньше. Да, собственно, последние ночи ему не спалось, он проводил их в каком-то полубредовом состоянии, в голове кружились дурацкие мысли. Смеяться уже не хотелось.

Позавтракав, поехал на Черную речку, домой к Генриху Карловичу. По пути мучительно размышляя, с чего начать разговор. Положение было глупое, нелепое... но ведь где-то Егор должен быть!

Он хорошо помнил дорогу, дом, номер квартиры и даже код на двери.

Когда он позвонил в квартиру, ему открыли почти сразу. В дверях стояла женщина лет пятидесяти.

— Я бы хотел... — начал Мавродий, но женщина прервала его.

— Проходите, проходите, — она отступила в сторону, пропуская Мавродия в прихожую. — Вы удивительно быстро нашлись. Жильцы вот только вчера съехали. На них соседи жаловались, шумно было.

«Еще бы», — подумал Мавродий.

— А вы не знаете, куда старые жильцы переехали? — спросил он, остановившись в прихожей.

— Нет, конечно. Я риэлтор, а они без договора снимали.

Оборвалась последняя ниточка, которая могла привести к Егору.

Накрыв голову капюшоном, Мавродий шел к метро, дождь припустил сильнее. Теперь он совершенно не представлял, что делать. Идти в полицию, но что он там скажет? Как в квартире Генриха Карловича смеялись — глупо. Скажет: «Собиралась толпа людей смеяться, а за это им деньги платили». Этак наговоришь себе на смирительную рубашку.

Он уже дошел до метро, и вдруг его осенило! Мавродий вспомнил, что когда они только познакомились с Генрихом Карловичем, официант кафе Дома книги остановил его у туалета и предупредил, чтобы он не связывался с этим человеком и что-то вроде о том, что люди пропадают... Мавродий смутно помнил тот вечер, но это была зацепка, хотя и очень слабая. Да и как выглядел тот официант, он не запомнил, в памяти остались только белая рубашка и лицо с раскосыми глазами.

Он спустился в метро и поехал на Невский проспект.

Глава 4. Погоня

Почти все столики в кафе Дома книги были заняты, но столик, за которым они сидели в тот вечер, оказался свободным — первая удача за сегодняшний день. Усевшись за него, Мавродий стал озираться по сторонам в поисках официанта. Он почему-то был уверен, что увидит его сегодня. За соседним столиком сидела престарелая пара москвичей. Москвичей он без труда отличал от гостей из других городов, не говоря уже о петербуржцах. Он искал глазами молодого человека, но по залу ходили только официанты-девушки.

Взгляд его натолкнулся на сидевшего за столиком молодого человека, показавшегося ему знакомым: коротко стриженный массивный затылок, серый старомодный пиджак... Он сидел вполоборота, и Мавродий никак не мог вспомнить, где видел его... Да это было и неважно сейчас...

Подошла молоденькая девушка-официантка.

— Скажите, у вас здесь официантом молодой человек работал, такой... — Мавродий покрутил перед своим лицом рукой, пытаясь жестами пояснить свой вопрос, — северной внешности. — Девушка недоуменно пожала плечами и чиркнула что-то в своей книжечке. — Ну, глаза у него такие узкие, он нас обслуживал за этим столиком.

— У нас не работают официанты-мужчины. Если только бармен или администратор, но они...

— Да нет, официант, он нас за этим столиком обслуживал.

— Мужчины у нас официантами не работают, я год этот столик обслуживаю.

— Ну может, в другую смену... — не успокаивался Мавродий.

Во время разговора он непрестанно озирался по сторонам в надежде увидеть официанта. Взгляд его упал на человека, сидевшего за соседним столиком, силуэт которого показался ему знакомым, в этот момент тот повернулся и посмотрел в его сторону. Мавродий вздрогнул. Он узнал дауна Андриюшу, которого видел в квартире Генриха Карловича. Даун улыбнулся ему добродушно и помахал рукой.

— Так вы будете заказывать?.. — официантка не скрывала своего раздражения, нервно поигрывая ручкой.

Неделю назад от нее ушел парень к жирной Маринке, стерве! И она никак не могла успокоиться не потому, что ушел, — черт с ним! — а потому, что к жирной Маринке. А этот похож на ее парня. Тоже, видно, сволочь.

— Эспрессо, пожалуйста, — растерянно проговорил Мавродий.

Можно было подойти и заговорить с Андриюшей, но что-то его удерживало. Неприятно и жутко ему стало от этой неожиданной встречи, на память пришли слова молодого дауна, сказанные в квартире Генриха Карловича.

Когда официантка ушла, Мавродий стал более внимательно осматривать сидевших за столиками посетителей. Да нет, ничего подозрительного вокруг не обнаруживалось. Москвичи ели пирожные, поглядывая в окно на Казанский собор, трое молоденьких девушек задорно и весело болтали между собой. За дальним столом коренастый человек в кожаной куртке с бокалом пива, трое курсантов в военной форме...

Да, может быть, это и не тот даун, не Андриюша. Они все как близнецы-братья, все доброжелательные, улыбчивые... Но уж очень похож!.. Да нет, конечно, не он, не может же быть такого совпадения, похож просто...

И снова, как бы назло, желая развеять его сомнения, даун повернул лицо в сторону Мавродия и, широко улыбнувшись ему, покачал головой, потом соорудил из пальцев человечка и, постукивая по крышке, пробежал по столу. Беги! И отвернулся как ни в чем не бывало.

«Может быть, подойти к нему поговорить?» — подумал Мавродий.

А между тем из глубины зала на него, не отрываясь, смотрел мужчина в кожаной куртке, но Мавродий не обращал на него внимания. И когда официантка принесла кофе, поймав его взгляд, узнал не сразу. Он даже мысли не допустил, что это может быть он. А когда узнал, сердце заколотилось сильнее. Это был одноглазый бандюган, которого Генрих Карлович назвал Диогеном. Его он хотел видеть меньше всего, этот человек почему-то вызывал в нем ужас.

«Почему они здесь? — думал Мавродий. — Следят за мной? Но зачем?.. Что они могут сделать... Кругом полно людей, — лихорадочно билось в сознании Мавродия. — Да и зачем им что-то делать со мной?..»

Он смотрел на чашку кофе, боясь поднять глаза. Ему было страшно даже не из-за того, что они могут что-то сделать с ним, а из-за непонимания того, что происходит вокруг... Еще тогда, в квартире Генриха Карловича, ему становилось жутко, когда одноглазый бандюган заглядывал в комнату.

Глядя на чашку кофе, он слегка успокоился. Да нет, ерунда... Не поднимая глаз, сделал два глотка и почти совсем взял себя в руки.

«Вот сейчас я посмотрю, и их уже не будет», — подумал он, сделал еще глоток, поднял голову и вздрогнул, кровь ударила в лицо — оба они смотрели на него не отрываясь. Панический страх вдруг охватил Мавродия. Он вскочил, с грохотом задев ногами стол, и стремительно направился к выходу, чувствуя спиной их взгляды. По пути откуда-то вынырнула официантка, он, не глядя, сунул ей деньги и вышел из кафе.

Оказавшись среди книжных полок магазина, слегка успокоился: присутствие книг утихомиривало и даже вызывало сонливость, он подумал, что здесь-то Диоген его не достанет.

Мавродий решил спуститься не по ближайшей лестнице, а, чтобы запутать следы, по другой. До нее нужно было пройти через весь торговый зал.

Он шел мимо стеллажей, боясь заглядывать в узкие пространства между ними, все ускоряя шаг. Мелькали книжные стеллажи с надписями «художественная литература», «фантастика», «зарубежная литература»... И вдруг из-за одного из них выглянула голова Диогена, подмигнула и тут же исчезла.

Вот, черт! И народу, как назло, никого, даже продавцы куда-то подевались!

Ноги плохо слушались, рубашка промокла от пота, он еще ускорил шаг. А вот еще! Голова Диогена только на мгновение высунулась из-за другого стеллажа. Мавродий трясло от ужаса. Диоген выглянул в другом месте. И хотя Мавродий почти бежал, но Диоген, как-то быстренько обогнув с другой стороны книжный стеллаж, успевал выглянуть то спереди, то сзади. И как Мавродий ни ускорял шаг, не мог избавиться от этого мерзкого типа.

Дорога до лестницы казалась нескончаемой.

Мавродий, перескакивая через ступеньку, испугав одинокого покупателя книг, бросился вниз по лестнице. Оказавшись на первом этаже, не найдя выхода, побежал сначала не в ту сторону, заплутав в обширных залах Дома книги. И здесь ему казалось, что одноглазый Диоген не отстает, а следит за ним, выглядывая то из-за одного стеллажа, то из-за другого...

Наконец запыхавшийся Мавродий выскочил на Невский проспект. Народ шел потоком в одну и другую стороны. Летом в городе полно туристов, особенно, когда начинаются белые ночи, и все они едут на Невский проспект.

Не сбавляя темпа, лавируя между прохожими, Мавродий перешел канал Грибоедова и, смешавшись с гуляющим народом, направился вдоль канала в сторону Спаса на Крови. Ему казалось, что он оторвался от преследователя. Замедлив шаг, он шел нарочно не спеша, оглядываясь по сторонам. Иногда ему мерещилось, что на другой стороне канала среди народа мелькала лысая голова Диогена. Но Мавродий не был уверен, что это он, но голова мелькала снова, и Мавродий снова не был уверен... Так он дошел до Михайловского сада и Спаса на Крови, повернул направо и, пройдя еще немного, остановился у Марсова поля. Он боялся идти через открытое место, где он как на ладони. Но потом решил, что, издали заметив Диогена, сможет убежать.

Шагая дорожками Марсова поля, мимо Вечного огня и мемориала, он убедился, что за ним никто не следит, и успокоился.

Мавродий подошел к кусту сирени, здесь сирень цвела особенно пышно. Вдыхая ее аромат, он стоял так несколько минут, и казалось, что ничего не было: не было дауна Андрюши, Диогена, — а все это разыгравшаяся фантазия, спровоцированная исчезновением его друга... Он постоял у Вечного огня и уже неторопливо, шурша подошвами по дорожке Марсова поля, направился к Неве.

Глава 5. Друг твой на дне

Перейдя дорогу, Мавродий остановился на набережной, любуясь открывшимся видом. Вид города поражал его в любое время года, особенно сейчас, вечером, с приближением белых ночей, когда над Невой плывут облака, когда город предстает загадочным и таинственным. Было непонятно, сколько времени: мобильник у Мавродия разрядился. Последний звонок Егору он произвел на Марсовом поле, но с неизменным результатом.

Мавродий остановился возле спуска к воде, постояв, сделал несколько шагов по гранитным ступеням. Внизу на ступенях сидел мужчина и тоже любовался видом.

По Неве сновали прогулочные катера с туристами. Мавродий остановился неподалеку от сидевшего на граните человека. Он привлек его внимание нелепым и странным своим видом: длинное черное пальто, вязаная шапка на глаза. Да и не на красоту города он смотрел, а на темную воду Невы, как бы вглубь нее. Крючковатый нос, лицо, изъеденное глубокими морщинами... Человек не отсюда — не из этого мира, — а откуда, не поймешь.

— Все то же самое, — негромко проговорил человек и, закинув голову, захохотал гортанно. Почему-то послышалось Мавродию в его хохоте бульканье невской воды, как будто был это не человек, а утопленник. — Ничто не меняется, вечный город, — продолжал он. — И через сто, и через тысячу лет будет то же самое.

— Простите, не понял, — подумав, что обращаются к нему, Мавродий сделал шаг по направлению к говорившему.

— Вечный город. И Нева будет вечно нести свои воды в Финский залив: он и задуман был Петром как вечный. Весь мир превратится в песок и прах, кроме этого города.

— Ну, вы что-то мрачно смотрите, — проговорил Мавродий.

— Я не был здесь пятнадцать лет, — как бы даже не слушая Мавродия и как бы даже не ему говоря, а все так же глядя в темноту воды. — И ничего, ничего не изменилось. Все так же стоят мосты, Петропавловка, все так же живут в Неве русалки. Они тоже вечные и тоже будут всегда.

— Какие русалки? — не понял Мавродий.

— Те, которые корюшку тут жрут, а кормят корюшку рыбаками. Зазевался, они его бултых! — на корм корюшке. Я этих тварей хорошо знаю. Они выходят ночами и защекотывают прохожих мужчин. Их надо бомбами глубинными, бомбами! Но люди слишком нормальные и мне не верят.

Мавродий улыбнулся и присел рядом на гранитную плиту.

— Это на сказки похоже, — сказал он. — Вот у меня друг пропал, уже две недели на связь не выходит.

Человек поднял глаза и заинтересованно посмотрел на Мавродия.

— Ну вот же! — с торжеством в голосе воскликнул он. — Здесь, по набережной Невы, ночью гулял? Конечно, пропал, на дне он! — воскликнул он, напряженно вглядываясь в лицо Мавродия. — Так что можешь не искать своего друга. Они ночью выходят из воды и защекотывают. Так что друг твой на дне... Ну, по весне всплывет...

— Да нет, он в Веселом Поселке живет, там и Невы-то нет, — проговорил Мавродий задумчиво. — Здесь что-то другое...

Собеседник его тут же потерял к нему всякий интерес и снова уставился на воду. Каждый думал о своем.

— Я, вообще-то, русалковед, меня Яков Афанасьевич зовут, — он почему-то ни с того ни с сего закинул голову и захохотал гортанно, будто забулькал.

Мавродий тоже представился. Русалковед показался Мавродию странным с самого начала, но ему нужно было просто поговорить с кем-нибудь. Возможно, хотелось забыть сегодняшнее событие, только он не понимал этого.

— Главное — я им доказательства предъявил, что русалки живут в Неве. А мне все равно не верят! Пятнадцать лет я здесь не был, а все так и осталось, и русалки все так же народ губят... — вполголоса говорил Яков Афанасьевич.

— Уезжали куда-нибудь? — спросил Мавродий, не то что ему хотелось узнать об этом человеке, а так, разговор поддержать.

Яков Афанасьевич, вновь закинув голову, захохотал гортанно и закашлялся натужно.

— Куда же я от этого города уеду, на Пряжке я был — лечили. Пятнадцать лет от звонка до звонка.

— На какой Пряжке?

— Дурдом так на реке Пряжке называется, я там пятнадцать лет от звонка до звонка проторчал. Думали вылечить меня! А вот хрен им! — Яков Афанасьевич состроил из пальцев фигу и показал Мавродию. — Меня не убедить, что в Неве русалок нет!..

Ну, теперь для Мавродия все встало на свои места. Объяснился и наряд Якова Афанасьевича, и не вполне обычное поведение, и странные слова. Псих, что с него возьмешь!

— А ты знаешь, что Пряжка впадает в Черное море?

— Нет, — помотал головой Мавродий.

Он, конечно, был не знаток географии: в школе у него по этому предмету был трояк с минусом, кажется. Но то, что река Пряжка никак не может впадать в Черное море, это он понимал, но спорить не хотелось.

— А ты, наверное, думаешь, что не впадает?! — Яков Афанасьевич пристально вглядывался в лицо Мавродия, в голосе его слышалась угроза. — У нас все психи знают, что Пряжка прямиком впадает в Черное море. Ну а куда же она еще может впадать, по-твоему?! Вот скажи! Скажи!

— Да не знаю я, ну, может, каким-нибудь притоком, — он зачем-то лихорадочно старался вспомнить, куда же она впадает.

— Меня всего месяц как выкупили, а писатели все там остались. Там, в дурдоме, есть секретное отделение, где лечат писателей.

— От чего лечат?

— Понятно от чего — чтобы не писали. Сам подумай, кому нужно столько писателей? Они могли бы приносить пользу: работать менеджерами или коммерсантами. Вон сейчас стране рабочие и дворники нужны, — он опять, закинув голову, захотел невпопад. — А эти пишут всякую белиберду. Их никто не читает, а они пишут-пишут, пишут-пишут...

— Да, — подхватил Мавродий. — Я в издательстве работаю, там же и типография у нас, так мы эти книги сотнями в переработку отправляем, а писатели все пишут и пишут, все несут и несут... Но нам-то нормально, типография должна работать. А вылечивают их в психушке?

— Говорят, бывает, что вылечивают. Отделение-то секретное. Они там все под номерами, чтобы не возбуждать их мозг лишними буквами и чтобы они свои имена позабыли.

— Ну, вообще правильно.

Мавродию нравилось говорить с этим странным похихатывающим человеком, хотя и нес он полную ахинею.

— Вообще, в дурдоме нормально было: кормят по расписанию, хочешь — спать ложись, хочешь — песни пой. Я бы еще остался, да меня один сумасшедший выкупил. Теперь вот консультантом у него работаю.

— А что консультируете?

— Что-что, русалочью технику передаю. Меня там кормят, палату отдельную выделили, даже деньги платят. А меня вот все равно сюда, на Неву, к русалкам тянет. И ничего с собой поделать не могу... О! За мной, кажется.

Возле спуска остановился автомобиль, Яков Афанасьевич поднялся по гранитным ступеням, сел в машину и уехал.

«Странный человек, — подумал Мавродий. — А куда же все-таки Пряжка впадает?»

Ему не хотелось идти домой, вода успокаивала, волны накатывались на гранитные ступени, отступали, накатывались снова... Он не мог не согласиться с Яковом Афанасьевичем. Вечный город! И еще тысячи лет волны Невы будут накатывать на гранит, и еще тысячи лет будут стоять Петропавловка, Исаакий...

Наверху взвизгнули шины автомобиля, Мавродий повернул голову. Возле спуска остановились «скорая» и полицейская машина. Двое полицейских и санитар в халате торопливо спускались по ступенькам, но не дошли до конца, остановившись на середине лестницы.

— Опять ушел, — раздосадованно хлопнув себя по бокам, сказал санитар полицейским. — А ведь камеры показывали, что здесь сидел... Вот только что!.. Эй, молодой человек! Я к вам обращаюсь. Здесь был такой высокий мужчина в черном пальто и шапке?

— Был, — Мавродий поднялся с плиты.

— Ну и где теперь его искать! — сказал полицейский, обращаясь как бы к Мавродию. Мавродий пожал плечами.

— Опять опоздали, — с какой-то безнадежностью в голосе проговорил санитар.

— Он не сказал, куда поехал? — спросил полицейский.

— Нет, сел в машину и уехал.

— А номер, марку не запомнили? — не унимался полицейский.

— Да нет, — пожал плечами Мавродий.

— С Пряжки, из дурдома он сбежал, — сказал санитар Мавродию. — Гоняемся за ним уже месяц. Вы с ним, когда в следующий раз его встретите, поосторожней: на нем два трупа висят... а может, и больше, — и стал подниматься по лестнице.

— И все-таки ему помогли. Наверняка санитаров подкупил кто-то, у него самого денег не было, — говорил полицейский, поднимаясь за санитаром. — У вас в дурдоме коррумпция сплошная...

— Вы тень на моих коллег не бросайте, они народ честный. Циничный, но честный — не то что у вас...

Мавродий проводил их взглядом.

Господи, кого только не встретишь в Петербурге у Невы белой ночью!

Хотя и было уже поздно, домой не хотелось. Он боялся, что закроют метро. Потом вспомнил, что почти ничего не ел сегодня. Он поднялся по ступеням, еще раз оглянулся на Неву и почему-то подумал, что это в последний раз. И он больше не увидит шпиль Петропавловской крепости, Стрелку Васильевского острова и этот романтический таинственный город.

Мавродий вернулся домой около часа ночи. Первым делом пошел на кухню, съел бутерброд, запил холодным чаем. Странный день! Он не был уверен, а было ли все то, что произошло с ним сегодня, и что теперь делать. Идти в полицию? Но что он скажет? Может быть, написать заявление о пропаже человека, пусть сами разбираются. Он сделал еще один бутерброд и, откусывая на ходу, направился в комнату, зажег свет. И остановился в дверях.

За столом, положив голову на сложенные руки, спал мужчина в серой куртке. Мавродий изумленно смотрел на незнакомого человека и не знал, что предпринять.

Спящий пошевелился, поднял голову и, щурясь на свет, осмотрелся.

— Вы кто?.. — спросил Мавродий растерянно. — Как сюда попали?

Мужчина потер глаза, помотал головой, стряхивая остатки сна, потрогал пальцем бородавку под носом и прокашлялся. Мавродий уронил на пол недоеденный бутерброд и тоже словно проснулся. Перед ним сидел Генрих Карлович.

— Долго вы гуляете, я выспаться успел.

Мавродий был изумлен и напуган до такой степени, что, глядя на Генриха Карловича, не мог произнести ни слова.

— Однако вы, кажется, удивлены? А чему же тут удивляться, — он развел руками, — вы меня искали, вот я и пришел. Вы могли нарушить мои планы: пошли бы в полицию,

заявление настрочили, они бы стали искать, вынюхивать... И испортили бы одно хорошее дело. И что бы тогда из этого получилось? Пошли бы в полицию?! Ну, что вы молчите?

Он беспрестанно теребил бородавку под носом. Мавродий постепенно начал приходить в себя. Первый шок от появления этого человека прошел.

— Как вы сюда попали? — спросил он первое, что пришло на ум.

— Вы меня искали.

— Я искал своего друга Егора. Где он?

— Сейчас мы поедem к нему, и вы убедитесь, что он вполне счастлив.

— Я никуда не поеду, — решительно проговорил Мавродий, отступая на шаг.

— Диоген, прими! — крикнул Генрих Карлович куда-то в глубь квартиры.

«Какой Диоген?» — пронеслось в голове Мавродия.

Боковым зрением он заметил за спиной какое-то движение, обернулся — позади стоял одноглазый бандит. Мавродий вдруг почувствовал резкую боль в шее, попытался поднять руку... и потерял сознание.

ЧАСТЬ 2. ДОМ СМЕХА, ДОМ УЖАСА, ДОМ СЧАСТЬЯ

Глава 1. Странное место

Странное место расположилось под Петербургом на берегу Финского залива. Хотя и называют его Комарово, но комаров здесь не больше, чем в остальных частях Карельского перешейка. В старину его именовали Хирвисуо, что в переводе с финского означало «Лосиное болото». Уже тогда среди финского населения место это считалось загадочным, жутковатым, охотники обходили его стороной. А потом, когда стали строить здесь дачи и приехали жить люди творческие — писатели, ученые, артисты... — сами по природе своей странные; странные эти люди привнесли в эти места свои странности, поэтому и местные жители, кто рисковал поселиться в этих краях, смотрели на происходящее здесь, покручивая у виска пальцем. Мол, что с них возьмешь?

А потом появилось Комаровское кладбище, на котором захоранивали известных творческих личностей, тогда уж и совсем все стало непонятно, темно и невнятно. Как писал малоизвестный поэт, живший в Комарове, в дальнейшем сошедший с ума и утопившийся в Финском заливе:

Местные жители говорили, что белыми ночами не раз видели прохаживающихся по дорожкам Комарова Александра Володина и Дмитрия Лихачева, они беседуют о чем-то своем. Бывало, к ним подступал какой-нибудь нахальный молодой поэт, которому не спалось или его разрывало вдохновение, пытался заговорить, что-то выспросить у них. Но они, увлеченные беседой, не обращая на него внимания, шли дальше. Они были выше, где-то очень высоко над землей — здесь и как бы не здесь и не там...

Анна Ахматова прохаживалась всегда в одиночестве. Ее королевская осанка видна была издалека, она словно плывет над поверхностью земли, и даже когда встретается с коллегами, то еле заметно кивает в ответ на их поклоны. К ней никто не подходит — она неприступна. Где-то в ветвях кричит ночная птица, как будто ей страшно. На скамеечке сидит Даниил Гранин, вида растерянного, он всегда растерян, возможно, он ожидал здесь другого приема. Скрипя инвалидной коляской, проезжает Галина Гампер... прохаживаются Иван Ефремов, Александр Житинский... и другие писатели, поэты, актеры могут повстречаться на комаровских дорожках... Не подхо-

дите к ним, не нарушайте их покой — не нужно тревожить тех, кто здесь и не здесь, кто погрузился в вечность, тех, кого помнят. Если они захотят, подойдут сами к тому, кого выберут... Возможно, это будете вы.

Можно ли верить утопившемуся поэту, неизвестно. Но местные жители поговаривали, что из писательских домиков ночами доносятся не только стихи, но и заунывный вой и приглушенные стоны, поэтому домики писателей они стараются обойти подалее. А некоторые, особо впечатлительные, говорят, что ночами писатели выходят и пьют кровь читателей, якобы она вдохновляет их на творчество, на создание новых произведений. Бывает, что белой ночью, обступив и прижав прохожего к дереву, наперебой читают ему стихи, пока несчастный не умирает в муках... Но все это сказки. Кровь, конечно, писатели ни у кого не пили — так, покусывали иногда. А чтобы от их стихов кто-нибудь умирал, тоже сомнительно, разве что заснут летаргическим сном.

Но по поселку белыми ночами действительно блуждали тени отдохавших здесь когда-то писателей. Шепотом рассказывали, что не только похороненные на кладбище писатели бродили по дорожкам Комарова, но и будто съезжались сюда их коллеги и с других кладбищ Петербурга. С Богословского — Виталий Бианки и Михаил Чулаки; традиционно представительская делегация с Литераторских мостков — Иван Сергеевич Тургенев, Николай Семенович Лесков, Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, Александр Иванович Куприн...

Как они добирались сюда ночью, ведь транспорт не ходил.

Но был дом, мимо которого не решались ходить даже призраки, не то что местные жители. Говорили, что дом этот стоял на месте «Дома заик». Будто именно на этом месте еще до революции стоял дом, в котором доктор Рейхе лечил заикание. Страшные легенды ходили о его методах. Поговаривали, что он лечил заикание, забирая у человека часть жизни, и молодой заика выходил из его санатория выжившимся стариком. Он менял заикание на время. Куда он девал потом время? Загадка! И что будто бы прямо из дома вел подземный ход прямо в Зимний дворец, и что по этому ходу возили царских особ за временем.

По слухам, на месте «Дома заик», разрушенного после революции пролетариями, и стоял этот дом, обнесенный высоким забором. Часто оттуда доносились странные нечеловеческие звуки.

Глава 2. Куда я попал?

Что-то щекотало в носу, Мавродий помотал головой, потер нос, щеку, но бесполезно — снова защекоотало нос, потом ухо... Он отмахнулся. Открывать глаза не хотелось: не хотелось возвращаться из сладкого и мучительного состояния сна. Вновь смахнул назойливое насекомое и открыл глаза.

Рядом на корточках сидел даун Андрюша с травинкой в руке, которой он и щекоотал спящего Мавродия. Даун снова потянулся травинкой к его лицу, но Мавродий раздраженно оттолкнул его руку и попробовал подняться, но у него это получилось не с первого раза. Кружилась голова. Ему стоило больших усилий, чтобы сесть.

Он сидел на полу в незнакомой комнате. Рядом на корточках улыбался добродушный человек. Что с ним было, как он попал сюда, Мавродий не помнил. В памяти остались только Нева, Петропавловская крепость, мужчина в черном пальто...

— Где я? — потирая лоб, спросил он.

— Дома, — ответил даун Андрюша, лучезарно улыбаясь.

Он снова попробовал дотянуться травинкой до лица Мавродия, такая у него была игра, но Мавродий зло отмахнулся и стал вставать. Это ему далось с трудом: тело не слушалось, оно затекло от долгого лежания на твердой поверхности, ноги дрожали, кружилась голова... Даун Андрюша тоже поднялся с корточек. Мавродий качнулся, оперся о плечо дауна, огляделся.

Он стоял в просторной комнате. Диван, стол, стулья, три больших окна — за ними светло, но то ли день, то ли ночь, было не понять... со стороны улицы, прильнув к мутным стеклам окон, на него смотрели серые и мрачные лица людей, они смотрели, не моргая и не двигаясь, словно неживые. Его охватил страх, он озирался по сторонам — на людей за окнами, стоявшего рядом дауна... и казалось ему, что он попал в какую-то фантастическую реальность и нужно только проснуться, открыть глаза или закричать, чтобы все это исчезло.

И тут лица за окнами исчезли. Это произошло внезапно, как будто кто-то щелкнул пальцами, и они вдруг пропали.

Дверь отворилась, в комнату вошел Генрих Карлович.

Мавродий сделал шаг в сторону и опустился на стул. Силы оставили его.

— Андрюшенька, ты иди. Мне с молодым человеком поговорить нужно, — ласково и как-то даже заискивающе проговорил Генрих Карлович, потрогав бородавку под носом. — Иди, милый.

Андрюша вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Мавродий, чувствуя недоумогание, даже не поднялся со стула, а только переменял позу.

— Плохо, Мавродюшка? — притворно поинтересовался Генрих Карлович, заглянув ему в лицо. — А будет еще хуже.

— Где я?

— Дома, — повторил он слова дауна. — Теперь это твой дом, — Генрих Карлович стоял, склонившись над Мавродием и заглядывая ему в глаза. — А сколько ты проживешь в нем, от тебя зависит. Скажу сразу, чтобы не было недопонимания в будущем. Мы будем тебя лечить, это не всегда приятно, но обязательно пойдет тебе на пользу. Ты после сам в этом убедишься. Но у нас жесткая дисциплина, за каждую провинность — наказание. Ты примешь участие в важных научных экспериментах и, если все пройдет хорошо, отправишься домой обеспеченным человеком. А если плохо, — он цокнул языком, — то не отправишься.

— В каких еще экспериментах? — спросил Мавродий, но Генрих Карлович, не ответив, продолжал:

— Тебе следует твердо усвоить две вещи — бежать отсюда невозможно, и все приказы ты должен исполнять неукоснительно.

— Какие приказы, идите вы...

Мавродий попытался встать.

— Сиди! — властно сказал Генрих Карлович, надавив на плечо Мавродия. — Диоген! — крикнул он в сторону двери.

Дверь тут же отворилась, и в комнату вошел одноглазый бандит.

— Отведи его ко всем, завтра будем с ним работать. Только, чур, не калечить, — он вдруг засмеялся, как будто пошутил. — Он будет хорошо себя вести. Ведь будешь? — наклонился к Мавродию, заглянул в глаза и, не дождавшись ответа, сказал утвердительно: — Будет.

Диоген, поддерживая под руку, вывел Мавродия из комнаты. Они прошли через темное помещение и по деревянной лестнице стали спускаться вниз. Мавродий, ощущая его силу, понимал, что вырваться бессмысленно. Ему было страшно не столько перед ожидавшей впереди неизвестностью, сколько перед этим человеком, с кото-

рым бесполезно бороться — ему можно было только подчиниться. Но все-таки, преодолевая страх, он попробовал заговорить.

— Скажите, где мы, куда мы идем? — умоляюще проговорил Мавродий, повернув к нему голову, но по его каменному лицу понял, какой будет ответ.

Диоген молчал.

— А позвонить можно? — попросил Мавродий.

Диоген молчал.

Ноги Мавродия дрожали, в какие-то моменты он был близок к обмороку. Они свернули за угол, прошли помещение, заставленное ящиками. Окон нигде не было. Все комнаты, которые они проходили, освещались очень скудно, как будто экономили электричество. Так что Мавродий вряд ли смог бы найти обратную дорогу.

Они оказались в большом зале со спортивными тренажерами. Здесь занимались несколько здоровенных бугаев, кто-то колошматил ногами и кулаками грушу, кто-то отжимал штангу. Вида они были угрожающего. Когда Мавродий и Диоген проходили через спортзал, бугаи, остановив свои занятия, молча проводили их взглядами.

Мавродию становилось все хуже. «Господи! Куда я попал?!» — билось в голове, страшила неизвестность, ожидавшая впереди. Мавродий находился в полуобморочном состоянии и еле переставлял ноги. Если бы не поддержка Диогена, он бы, наверное, упал от слабости. Ему казалось, что они идут очень долго, как будто дом был бесконечно огромен.

Наконец Диоген открыл одну из дверей, и они вошли в комнату. Под потолком горела тусклая лампочка без плафона. Из мебели в ней стояли только двухъярусные кровати, на них лежали и сидели мужчины разных возрастов в одинаковой серой одежде, с одинаково мрачными лицами. Или так только казалось близкому к обмороку Мавродию. Никто из них не шелохнулся, только смотрели молча.

Диоген вытолкнул Мавродия на середину комнаты.

— Всем спать! — раздалось за спиной Мавродия, он вздрогнул и оглянулся.

Голос был нечеловеческий, как будто прокаркало какое-то неведомое существо с металлом в интонации. Нет, так люди не говорят, но голос явно принадлежал Диогену.

Он повернулся и, открыв дверь, вышел. Все стихло. За дверью была тишина, в комнате была тишина. Никто, кажется, не дышал — все молча, безучастно смотрели на Мавродия, а он стоял посреди комнаты, держась из последних сил, чтобы не потерять сознание.

Один из сидевших поднялся, подошел к Мавродию.

— Пойдем, я тебе, типа, кровать покажу.

Они прошли в конец комнаты, провожатый указал на свободную койку на нижнем ярусе. Мавродий опустился на взвизгнувшую пружинами кровать и тяжело вздохнул.

— Завтра будет легче, — сказал провожатый, усаживаясь рядом. — Они дрянь какую-то колют, так что, типа, целый день ничего не соображаешь.

Голос его показался знакомым, Мавродий более внимательно взгляделся в своего провожатого. Это был Егор... или не он? Мавродий всматривался в его лицо в свете тусклой лампы и не мог определить. Это был он, Егор, и одновременно нет: так он переменялся: землистое лицо, щеки заросли щетиной, его длинный нос вытянулся еще больше, глаза провалились в черные круги, взгляд загнанный. Казалось, он постарел лет на десять.

— Ну чего, типа, не узнал, что ли?..

— Да нет, узнал, — с сомнением в голосе проговорил Мавродий. — Где мы, что здесь происходит?..

— Что, друга встретил? — с верхнего яруса соседней кровати выглядывала бородастая, взъерошенная голова мужчины. — Такой же, как ты?! Убийца!

— Пошел ты, типа, сам знаешь куда! — огрызнулся Егор, но как-то вяло.

— Таких, как ты, садистов убивать нужно с особой жестокостью, а тебе тут счастье прививают, — сказала голова и исчезла.

— Писатель, — попытался пояснить Егор, кивнув куда-то в сторону, и замолчал, глядя в пол.

— Ты ложись, завтра будет тяжелый день, особенно у меня.

И полез на верхний ярус.

Мавродий лег на кровать и почти сразу провалился в сон.

Глава 3. Счастье

Споры о том, что такое счастье, идут уже многие века. Спорят ученые разных направлений: философы, психологи, физиологи и другие. У каждого есть свое определение, своя теория, свое видение счастья. Но ученые никак не могут договориться, выведя одну общую формулу счастья. Аристотель, наверное один из первых задумавшийся о природе счастья, считал, что «счастье есть смысл и цель жизни, основное назначение и венец человеческого существования». Что он имел в виду, не вполне понятно, но мысль о том, что счастье есть венец человеческого существования и его смысл, ясна. То есть выше ничего быть не может. От этого изречения можно было шагать дальше.

Но Иммануил Кант имел на этот счет свое мнение: «Счастье есть идеал не разума, а воображения».

«Не гоняйся за счастьем: оно всегда находится в тебе самом», — изрек Пифагор.

А Сенека вообще считал: «Истинное счастье... наслаждаться настоящим, без тревожной зависимости мыслей о будущем».

Изречения эти можно продолжать и далее с тем же успехом. Из чего становится понятным, что великие мыслители никак не смогли прийти к общему мнению, что же такое счастье.

Давно известно, что не является счастьем: «Не в деньгах счастье», хотя это тоже спорное изречение — некоторые, да почти все, считают иначе. Или вот еще: «Счастье дороже ума и богатства», «Дураку везде счастье», «Счастье в нас, а не вокруг нас».

Из чего мы можем заключить, что чувство счастья непостижимо и не может быть определено и объяснено: у каждого свое представление об этом чувстве. Есть мнение, что счастье сравнимо с музыкой. Вот гармония звуков несет удовольствие, блаженство... Но вот звуки смолкли, музыка затихла. Так вот счастье — это и есть звучание, но музыка не может звучать вечно, оттого счастье так же нежно, так же ранимо, так же недолго. Но в стремлении объяснить все примитивным физическим разложили это восхитительное чувство на три гормона.

Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп.
Поверил Я алгеброй гармонию.

Гормон эндорфин влияет на кратковременную радость и эйфорию.

Гормон серотонин подавляет негативные эмоции, способствует получению удовольствия от расслабления.

Гормон дофамин доставляет счастье от активных действий: отжиманий от пола, приседаний и оргазма.

Оказывается, от этих трех гормонов, как считал Аристотель, получится «венеч человеческого существования».

Далай-лама XIV писал о счастье так: «К счастью можно прийти двумя путями. Первый путь — внешний. Приобретая лучшее жилище, лучшую одежду, более приятных друзей, мы можем в той или иной степени обрести счастье и удовлетворение. Второй путь — это путь духовного развития, и он позволяет достичь счастья внутреннего. Однако эти два подхода не равноценны. Внешнее счастье без внутреннего не может длиться долго. Если жизнь рисуется вам в черных красках, если вашему сердцу чего-то недостает, вы не будете счастливы, какой бы роскошью себя ни окружили. Но если вы достигли внутреннего спокойствия, то можете обрести счастье даже в самых тяжелых условиях».

Но как писал Антон Чехов в «Палате № 6»: «Страдание презираете, а небось прищепи вам дверью палец, так заорете во все горло!» Не знаю, прищеплял ли кто-нибудь Далай-ламе XIV, достигшему внутреннего спокойствия, палец дверью, и обрел ли он после этого счастье.

Позитивные психологи придумали свою формулу счастья.

Счастье, по их убеждению, складывается из глубокого удовлетворения жизнью, при максимуме положительных эмоций и минимуме негативных эмоций.

И это «венеч человеческого существования»!

Но к счастью, должен быть какой-то простой путь, думали многие ученые мира. Его искали и ищут по сей день.

Глава 4. Смех и ужас

— Подъем, подъем, подъем...

Мерзкий дребезжащий голос врывается в сон, из которого не хотелось выходить, хотелось задержаться еще, хотя бы ненадолго. Но гадкий нечеловеческий голос вырывает из сладкой дремы, выталкивая в реальность.

Мавродий открыл глаза, несколько мгновений не понимая, где находится. Вокруг люди, вскакивая с кроватей, спешно натягивали одежду. Это чем-то напомнило ему солдатскую казарму, когда он служил в армии. Он поднялся с кровати. Посреди комнаты стоял Диоген, за его спиной, как глыба, возвышался здоровенный детина, вероятно, один из тех, кого Мавродий видел в спортивном зале. На его фоне широкоплечий Диоген выглядел щуплым мальчиком.

— Меня держись, — проговорил Егор негромко. — Делай все, что тебе говорят, не удивляйся и не возражай.

Все, кто оделся, торопливо выходили из комнаты, Мавродий с Егором тоже вышли. Пройдя несколько комнат, оказались в просторном зале с низким потолком без окон. Тускло горела лампочка под потолком, вдоль стен стояли деревянные топчаны с подлокотниками, чем-то похожие на пляжные лежаки. Все разделились на пары и подошли к изголовьям лежаков. Мавродий, оставшийся у входа, насчитал шесть пар. Егор оказался в компании бородатого взъерошенного писателя, которого Мавродий уже видел вчера. Он хотел спросить Егора, что ему делать, но тот показал ему знаком, чтобы он не подходил. Все было проделано организованно, без лишней суеты: здесь каждый знал свое определенное место. Растерянный Мавродий отступил в угол, не зная, что ему делать. В тусклом свете лампы он не сразу заметил стоявшего у стены со скрещенными на груди руками наблюдавшего за всем Генриха Карловича.

То, что произошло дальше, Мавродий вспоминал с ужасом всю свою жизнь. Это осталось в памяти самым сильным и самым невероятным воспоминанием.

Егор и еще несколько человек сняли с себя рубашки и улеглись на топчаны, их партнеры специально приспособленными для этого ремнями пристегнули их руки и ноги. Причем лежавшие на топчане оказались с вытянутыми вверх руками. Мавродий подумал, что сейчас их начнут пытаться. Но удивительным образом никто не сопротивлялся и не выражал недовольства или испуга, наоборот, все были сосредоточены и напряжены, как перед серьезной работой. Все это без лишней суеты, должно быть, они проделывали это действие много раз.

К Мавродию подошел Генрих Карлович.

— Ты должен это видеть, дружок, — прошептал он на ухо Мавродию, стараясь не нарушать напряженную тишину комнаты; тут никто не разговаривал, даже дышали как-то тихо или вовсе не дышали. Здесь было глухо, как в подземелье, и страшно, как в пыточной камере.

Диоген раздал всем какие-то белые перья и посмотрел на Генриха Карловича, тот еле заметно кивнул.

— Начали! — мерзким каркающим голосом проговорил Диоген.

Что произошло дальше, потрясло Мавродия. Люди с перьями в руках склонились над лежавшими на топчанах, провели по впадинам подмышек... и глухая тишина комнаты вдруг лопнула, наполнившись хохотом, воплями, воем, грохотом трясущихся в конвульсиях тел. С каждой секундой становясь все интенсивнее, громче, мощнее! Гигантская энергия человеческого хохота, трясущихся тел, воплей и ругани, казалось, готова была обрушить стены. Мавродий смотрел на все это с изумлением, открыв рот. Тела извивались на топчанах, пытаясь избавиться от щекочущих перьев, но путы на руках и ногах не давали им вырваться. А люди с перьями водили под мышками, по груди, по животам своих жертв... Это было ужасное и в то же время завораживающее зрелище.

Генрих Карлович в это время внимательно наблюдал за Мавродием. Глаза его сузились, он как будто не слышал воплей несчастных жертв, не обращал внимания, а изучал Мавродия.

Мавродий не знал, сколько прошло времени — он словно бы выпал из времени. Его буквально заорожили эти пытки, в них было что-то отталкивающее, чудовищное и в то же время привлекательное, то, что заставляло не отводить взгляда от извивающихся, вопящих и смеющихся в муках людей, а смотреть и смотреть.

Из зачарованного состояния его вывел Генрих Карлович.

— Это называется заряд счастья. У ребят потрясающее чувство юмора, — то ли всерьез, то ли издевательски, перекрывая вопли несчастных, прокричал Генрих Карлович в ухо Мавродию.

Оторвавшись от зрелища пыток, Мавродий непонимающе посмотрел на него.

— Пойдем, нам с вами еще на обследование нужно, — сказал Генрих Карлович, беря Мавродия под руку и выводя из комнаты. Пыточную от другого помещения отделила массивная дверь, и когда, выйдя в коридор, Генрих Карлович закрыл ее, наступила полная тишина.

Только сейчас Мавродий понял, что ждет его впереди — смех и ужас! Перед глазами стояли извивающиеся от страданий тела и безразличные лица палачей.

— Тебе, Мавродий, это еще рано. Нужно врачей пройти, а потом только наслаждаться весельем, — сказал Генрих Карлович.

Мавродий на ватных ногах молча брел за этим человеком. Как только они вышли из пыточной, он сразу как-то ослаб и сник, словно из него выпили всю энергию.

И мысль о том, что, может быть, пока они одни, дать этому человеку по башке и бежать, только мельком пронеслась в голове.

Они миновали комнату, используемую, должно быть, как склад: здесь стояла старая мебель, громоздились один на другой ящики. В следующей комнате не было ничего, только в углу стояла бочка.

— Это Диогена, — кивнув на бочку, сказал Генрих Карлович. — Он в ней живет.

Мавродий не понял, пошутил он или сказал всерьез.

Прошли еще две комнаты и стали подниматься по лестнице.

«Какой замысловатый дом, — думал Мавродий. — Запросто можно заблудиться».

Он не сразу заметил, что за ними идет откуда-то взявшийся человек в черной форме охранника. Похоже, это был тот самый бугай, который отвел всех в комнату пыток.

Они прошли еще через несколько помещений, поднялись по лестнице и оказались в небольшой комнате, в ней за столом сидел мужчина в докторском халате.

— Товарищ будет тебя сопровождать по дому, чтобы ты не заблудился, — сказал Генрих Карлович, кивнув на стоявшего у дверей бугая, и вышел.

— Садитесь, — пригласил доктор Мавродия. — Ну, на что жалуетесь?

Глава 5. Дом муки

В течение всего дня Мавродия обследовали доктора: брали анализы, делали снимок легких, прощупывали живот, расспрашивали о болезнях предков, измеряли давление, делали кардиограммы, проводили тесты... пожалуй, такого углубленного исследования он в жизни никогда не проходил.

С того самого момента, когда они вышли из пыточной, Мавродий лихорадочно размышлял о том, как отсюда бежать. Бугай, у которого на боку болталась дубинка, гигантской тенью неотступно следовал за ним, в какой бы кабинет он ни направился. Да и не в дубинке дело — такой здоровяк скрутил бы его и без всякой дубинки, он и пикнуть бы не успел. Тот ужас, который он видел в пыточной комнате, стоял перед глазами и преследовал его всюду.

Блуждая по врачебным кабинетам, он пытался запомнить и просчитать расположение комнат, лестниц. Пока понятным было только то, что это дом, стоящий где-то в лесу: в окна кабинетов были видны сосны, за ними высокий забор, кое-где вдоль него прохаживались охранники. Мавродий предположил, что везде натканы видеокмеры. Это была небольшая, хорошо охраняемая «Крепость муки». И если врачи признают его здоровым, всю эту муку ему суждено испытать на себе. Тем более что с детства он безумно боялся щекотки, ему страшна была одна мысль о чьем-либо прикосновении к своему телу.

Между исследованиями бугай отвел его в столовую. Там за накрытыми столами как ни в чем не бывало обедали люди, совсем недавно визжащие и хохочущие в муках, вместе со своими мучителями; и обед был вполне приличный — сейчас все здесь напоминало санаторий... Если бы не та комната в подвале, в которой он побывал утром.

Исследования здоровья Мавродия проходили до вечера. После ужина неразговорчивый бугай, отвечавший на все вопросы Мавродия односложно и бессмысленно: «Не велено, не положено» и все в таком духе, отвел Мавродия в комнату, где уже собрались все обитатели дома.

Егор лежал на втором ярусе в одежде поверх одеяла и смотрел в потолок. Мавродий остановился возле него. Он смотрел на друга и не знал, что спросить. Тот повернулся к нему и сказал:

— Вот так, типа, мы и живем.

Мавродий молча разглядывал его измученное лицо. Потом приблизился к его уху и тихо прошептал.

— Бежать нужно, ты не пробовал?

— Все не так просто, — сказал Егор вполголоса и бросил взгляд на кровать напротив, где лежал Писатель, который сегодня щекотал его так отчаянно, причиняя ему лютые страдания. Мавродий понимал, что по-другому он не мог.

— Понятно, что непросто. Там везде охранники, и забор высоченный с колючей проволокой, как такой перелезть.

— Все не так просто, — снова повторил Егор. — Завтра я Писателя щекотать буду, уж я постараюсь, — мстительно проговорил он.

Последнюю фразу Писатель услышал и, поднявшись на локоть, повернулся к Егору.

— Придется постараться, ты же знаешь: на меня щекотка слабо действует. А я бы тебе, садюга, лучше морду разбил, а не приближал бы твое счастье.

Писатель показал кулак.

— Он ненавидит меня за то, что я на работе с книг обложки срываю, — пояснил смысл их разговора Егор.

— Да я тебя за это душил бы, — с искренним выражением проговорил Писатель. — Я таких садистов в жизни не встречал.

Писатель фамилию свою скрывал от коллег, с которыми оказался в одном жизненном пространстве. Он не любил, когда на вопрос, читал ли ты книги (и называл свою фамилию), ему отвечали: «А кто это такой?» Это было для него мучительно обидно, хотя он и знал, что никто давно не читает книг и других писателей тоже не знают, почему его должны знать. Но поделаться с собой ничего не мог, поэтому решил свою фамилию никогда больше не обнародовать. Писатель — и все. Но когда он ближе познакомился с Егором, койка которого оказалась по соседству, и узнал, что он работает утилизатором книг и не просто отправляет книги в переработку, а срывает перед этим с книги обложку — этого он не мог простить никому!

— Ты и с Пушкина срывал? — спрашивал он Егора.

— Ну, бывало... и с Пушкина. Да мало ли их в мои руки попадало, типа, и классиков сдают: и Достоевского, да и Попова, и Мелихова — эти из современных, их много сдают...

— Ты палач! Фашист! — выкрикивал Писатель. — Это ведь все равно что кожу с человека живого содрать. Ты хоть понимаешь, какие они испытывают мучения, когда с них сдирают обложку?! Ты хоть раз поставил себя на место книги?! А, фашист?!

— Да мне, типа, по фиг, с какой книги срывать. Работа такая. Только бывают тяжелые обложки, особенно у классиков трудно отдираются.

Писателя переполняло чувство неприязни и отвращения к этому человеку, но откуда-то из глубин поднималось любопытство.

— А как спишь ты, хорошо? После такой садистской работы.

— Типа, нормально сплю.

И все-таки Писателя подмывало задать самый важный вопрос, который мучил и лез в голову.

Начал он издали:

— А кого еще из современных авторов, так сказать, казнил?

— Да много кого. Всех-то, типа, не упомнишь, — Егор чесал в затылке, это помогло ему вспоминать, — ну, там... Гранина много сдают. Тебе московских или питерских писателей?

— Питерских, конечно.

— Ну, Носова, там, Водолазкина, Мелихана...

— Ты их хоть читал, садист?

— Да нет, когда? Работы же много, а вечером, типа, пивко...

Писатель с досады откинулся на подушку.

— Ну, ты и сволочь, — одними губами прошептал он.

— Что? — не расслышал Егор.

— Да нет ничего. А кого еще вспомнишь?

— Кого нужно-то? — у него была неплохая память на фамилии. — Может, вспомню.

К этому-то и подводил его Писатель.

— Ну, например, у Сергея Арно обложки сдирал?

Удивительно, но какое бы отвращение и даже презрение Писатель ни испытывал к этому недочеловеку, садисту и извергу, ему все же было бы приятно оказаться среди казнимых классиков в компании с Пушкиным, Набоковым, Гоголем, чтобы стоять с ними рядом на книжной полке и с ними уйти в последний путь.

— Фамилия вроде знакомая, может, и срывал. А тебе, типа, какая разница?

— Ну, вспомни, вспомни получше, — настойчиво требовал Писатель. — Они такие серые обложки были, коричневые!.. Сергей Арно, ну, вспомнил?

— Нет, не помню.

— Ладно, давай спать, — сказал Писатель, отворачиваясь.

Егор вкратце рассказал историю знакомства с Писателем.

Мавродий слушал своего друга и недоумевал.

— При чем здесь твоя работа?! — воскликнул он, дослушав историю до конца. — Ведь завтра тебя будут мучить, вот где садизм.

— Во-первых, завтра не меня, а я щекотать буду, а во-вторых, все не так просто, как кажется, — повторил Егор.

— Что непросто? Бежать нужно!.. Ты же понимаешь, что здесь происходит что-то чудовищное! Во всяком случае, в полицию позвонить.

Егор как-то съезжился, зажал ему ладонью рот и выпученными глазами осмотрелся кругом — не слышит ли их кто, — приложил губы к его уху и прошептал:

— Не говори про полицию — ночью задушат.

— Кто? — тоже шепотом спросил Мавродий.

— Все.

Глава 6. Дом счастья

Ночью Мавродий спал плохо. Он ворочался, пытаясь понять слова Егора, но не находил им объяснения.

Утро здесь напоминало армейскую службу. После подъема под присмотром бугая — умывание, но в столовую отвели только Мавродия, остальные, как он понял, отправились на утреннюю щекотку.

Везде Мавродия сопровождал немногословный бугай, да это было и хорошо: без него Мавродий наверняка бы заблудился — он с детства терялся в малознакомых помещениях.

Бугай никак не хотел говорить с Мавродиём, даже на вопрос, как его зовут, ответил: «Неважно». После завтрака отвел его в кабинет к Генриху Карловичу.

Тот сидел за письменным столом и печатал что-то на компьютере. Когда вошел Мавродий, на мгновение оторвался от работы и, кивнув на стул, стоящий напротив, продолжил печатать.

Мавродий озирался по сторонам: вдоль стен — книжные шкафы, в углу ширма закрывала часть комнаты; на стенах репродукции в рамках, все они изображали смеющихся людей, но Мавродию после того, что он видел в пыточной, не хотелось смотреть на них.

— Ну, вот и славно, — наконец сказал Генрих Карлович, отрываясь от клавиатуры компьютера и поднимая глаза на Мавродия. — Как вы себя чувствуете?

— Доктора скажут.

— Вы можете идти, — бросил он охраннику, стоявшему у двери. — Мы тут поговорим с молодым человеком.

— Итак, вы видели, что здесь происходит, — когда охранник ушел, начал Генрих Карлович.

— Видел — вы пытаете людей щекоткой, — сказал Мавродий.

Сейчас ему почему-то стало все равно, что будет с ним дальше. Он был уверен, что не избежит судьбы своего друга Егора и скоро превратится в такого же испуганного, с загнанными глазами получеловека, который настолько деморализован, что даже не пытается бежать из этого страшного дома.

Вот сейчас они были вдвоем, и он мог схватить стул и ударить по башке Генриха Карловича или убить его каким-то другим способом. Но что будет с ним потом?

— Вы, конечно, хотите меня убить, — прочитав его мысли, сказал Генрих Карлович, потрогав бородавку под носом. — Напрасно. Вы не представляете, что ждет вас впереди. Ваша жизнь может перемениться... ну конечно, если анализы и обследование вашего организма дадут положительные результаты.

— И что, тогда вы защекочете меня до смерти? Или чтобы я стал таким же зомби, как и все остальные?

— Они не зомби, они находятся в предвкушении. Они ждут просветления.

— Чего ждут?! — с иронией в голосе спросил Мавродий.

— Попробую вам объяснить. При продолжительном щекотании у человека пробуждаются скрытые возможности организма. Существует мнение, что за время эволюции человеческий организм выработал рефлекс на представляющих опасность насекомых. Чувствуя щекотание от лапок насекомого, человек стряхивал его, избегая опасных укусов. Но все это, конечно, ерунда на постном масле. Никто не знает, почему человек боится щекотки до смерти. Ведь человека можно защекотать до смерти, но почему, не знает никто. Я же открыл, что продолжительное щекотание пробуждает в человеке скрытые возможности его организма. Мало того, со временем изменяются внутренние органы, меняется состав крови, зрение и обоняние... Но даже не это самое главное. Главное, что человек получает частицу счастья. Вы пока не представляете, какое блаженство на лицах людей, когда их перестают щекотать. Они испытывают неведомое доселе чувство легкости и восторга... Вы понимаете, о чем я? — усомнился Генрих Карлович, теребя бородавку.

— Да, вроде понимаю. Только они чего-то на счастливых не похожи. У вас охрана. Бойтесь, что они все от счастья разбегутся?!

— Ну да, это трудно сразу понять. Но вы не правы. Каждый из них счастлив и остается здесь по своей воле. Попробуйте сказать им, что больше щекотки не будет — так вас разорвут! А охрана не для тех, кто по эту сторону забора, охрана от тех, кто по другую сторону, или вот теперь для вас. Дверь открой, так никто не уйдет. А почему? Потому, что они уже наполовину счастливы и ждут только последнего глотка счастья и свобода им не нужна, поскольку счастье важнее свободы. Поймите, счастье внутри человека. Каждый человек рождается не добрым, как учат нас многие религии, каждый

человек рождается счастливым, и наша задача — вытащить это чувство из глубин его натуры, чтобы он реально испытывал его.

— А почему же вы, например, своего охранника Диогена счастливым не сделаете. Он вон какой злющий ходит...

И вдруг боковым зрением Мавродий увидел какое-то движение в углу, там, где стояла ширма, он оглянулся... Из-за ширмы торчала голова Диогена, но как только Мавродий посмотрел в ее сторону, голова мгновенно исчезла. Генрих Карлович, как будто не замечая этого, продолжал:

— Он тоже ждет своего часа. Мы обязательно займемся и его личным счастьем. А знаете, почему его называют Диогеном? Когда-то его выкрали злые люди и держали в бочке целый месяц. Там он лишился глаза, и гортань вырезали, теперь он говорит как робот. Ведь когда эксперимент закончится, люди обретут счастье. Первая партия счастливых уже ждет отправки... Да если даже эксперимент остановится прямо сейчас, то те, кто уже обрел счастье, понесут его людям. Я уверен: они научат других быть счастливыми.

Мавродий слушал странную речь Генриха Карловича и не понимал, что это: бред больного, или он хочет запутать его, а на самом деле цель этого дикого эксперимента совершенно иная. Поверить в то, что он говорил, было невозможно. Они что же, радуются этим каждодневным мучениям ради какого-то будущего просветления?.. Абсурд!

Между тем Генрих Карлович, непрестанно теребя бородавку, сам возбуждался от своих слов и продолжал более эмоционально, чем вначале:

— Человек получает счастье от других, и это естественно. Считается, что человек не может сам себя щекотать, поэтому ему нужна пара. Это как любовь — человек обретает счастье в присутствии любимого. Только любимый вызывает в нем чувство счастья. Щекотание — это та же любовь, только с другой стороны. Здесь тоже пока необходим партнер, доставляющий тебе счастье. Но самая сверхважная задача эксперимента, чтобы человек получал счастье от самого себя. Представьте! Проснулся утром, пощекотал себя под мышками, посмеялся от души и иди на работу. В обед на работе получил заряд счастья — и до вечера! Щекотка — путь к устойчивому счастью!

Слушая все эти, как казалось Мавродию, большие фантазии, он впадал в какое-то гипнотическое состояние, и ему начинало казаться, что все то, что говорил Генрих Карлович, правда. Что все так оно и есть.

— И неудивительно, что все это происходит здесь, под Петербургом. Этот город через некоторое совсем непродолжительное время станет городом счастья. Я думаю, именно петербуржцы, люди этого мрачного и дождливого, но фантастически прекрасного города, должны первыми в мире получить свою долю счастья. Они это заслужили своим терпением жить в плохом климате, своей интеллигентностью, аристократизмом... Вы представляете?! Все жители Петербурга станут счастливыми! Величайший город мира, полный счастливых людей. Они будут гулять по набережным, смеяться, целоваться, щекотать друг друга, самих себя, дурачиться... Потому что счастье — это и есть любовь! А кто не хочет настоящей любви?! Ведь ни один человек в здравом рассудке не думает, что счастье в деньгах! Миллиардеры несчастны больше всех других людей мира. А мы подарим его и миллиардерам, и нищобродам, всякий получит свой кусок этого прекрасного чувства. Потом, конечно, мы осчастливим Москву и всю страну. А потом и все человечество. Это же так просто!

Генрих Карлович замолчал, расправил плечи и победоносно посмотрел на Мавродия. Некоторое время оба молчали.

— Из Петербурга и революция начиналась, — сказал Мавродий.

Генрих Карлович задумался на мгновение и недовольно сказал:

— Это неудачный пример.

Генрих Карлович смотрел в глаза Мавродию, должно быть пытаюсь разглядеть, понял он что-нибудь из его речи или нет и что вообще можно ожидать от этого человека.

— Ну ладно, — сказал он наконец, слегка успокоившись после своей бурной речи. — Идите погуляйте во дворе, вам нужен свежий воздух. Сегодня будет еще несколько обследований, завтра ждем результаты анализов.

В коридоре у двери его ждал бугай.

— Мне гулять разрешили, — сказал Мавродий.

— Угу, — кивнул бугай.

Они вышли во двор. Светило солнце, в кронах деревьев шумел ветер, воздух здесь был свежий и чистый. Среди сосен кое-где стояли лавочки, на них по два, по три человека сидели участники эксперимента, кое-кто неторопливо прогуливался по песчаным дорожкам двора. Эта спокойная умиротворяющая обстановка напоминала санаторий для невротиков. Всех их Мавродий уже видел, но отличить не мог: одинаково сшитая одежда, одинаково мрачные лица, не такими он представлял себе счастливых людей.

Все подопытные свободно передвигались по территории, шли, кто куда хотел. Даже охранников было не видно, только за Мавродием, должно быть, как за самым опасным тенью ходил бугай.

«Как бы от него отделаться?» — подумал Мавродий. Несмотря на всю ту чушь, которую наговорил ему Генрих Карлович и в которую он почти поверил, Мавродий не оставял мысль о побеге, а для этого ему нужно было отделаться от охранника. Но как?

— А можно я пойду поем? — вдруг умоляюще попросил бугай. — Я сегодня даже не завтракал, все с вами хожу, хожу, а у меня диабет, мне кушать по распорядку нужно.

Мавродий ушам своим не поверил: во-первых, потому что бугай заговорил человеческим языком, а во-вторых, что он хочет оставить его одного.

И тут от неожиданности Мавродий задал дурацкий вопрос:

— А кто же меня охранять будет?

— Тут никто не обидит, — сказал растерянно бугай. — Все тихие. А я с вами ходил, чтобы вы не заблудились в доме. Он вон какой огромный. Здесь все поначалу теряются, потом ищем, ищем их...

— Конечно, идите обедать, — обрадовался Мавродий, — а я тут погуляю... я не убегу, обещаю.

Бугай улыбнулся.

— Да я знаю.

Бугай ушел в дом, а Мавродий отправился искать Егора. Он единственный мог объяснить ту странную ситуацию, в которой они оказались, и растолковать идею Генриха Карловича. А пояснения ему требовались. Большею чуши Мавродий не слышал в своей жизни, а она — как всякая чушь — требовала разъяснения.

Глава 7. Мы недооцениваем буквы

Егор сидел на лавочке в компании со своим учителем Писателем и еще одним — лет пятидесяти, с виду щуплым, но с пузиком, как будто надставленным искусственно.

Мавродию позарез нужно было поговорить с Егором: он был настроен на побег, но понимал, что одному это не под силу.

— Познакомься, это Читатель, — сказал Егор, указав на щуплого в очках. — Он тоже без напарника, так что, может, вы с ним в паре работать будете, когда ты обследование пройдешь.

Мавродий посмотрел на Читателя более внимательно. По виду это был типичный книжный червь: голова вытянута, чтобы удобнее было заглядывать в труднодоступные места на книжных полках, высокий лоб, редкие волосы, очки с сильной диоптрией, чтобы можно было читать между строк, с виду лет около сорока.

«Да я этого щуплого защекочу за одну минуту до смерти», — пронеслось в голове Мавродия.

— Присаживайтесь, — Читатель указал жестом свободное место на скамейке рядом с собой.

Мавродий сел на край.

— Егор говорил — вы издатель?

Мавродий кивнул.

— Ну да, в издательстве работаю. У нас там издательство и типография вместе.

— Это поразительно! — воскликнул Читатель. — Только представьте, сейчас на этой лавочке в Доме счастья собрались все те люди, которые принимают участие в рождении, жизни и смерти самого главного изобретения человечества — книги. Писатель, — он кивнул в его сторону, — зарождает и создает литературный мир, населяя его героями и событиями. Издатель, — перевел глаза на Мавродия, — издает и печатает книгу — несет ее читателю. Я читаю книгу, созданную этими людьми. Ну а Егор провожает книгу в последний путь.

— Цикл жизни, — вступил Писатель, — зачатие, рождение, жизнь и смерть. Я, значит, зачатие, Мавродий — рождение, Читатель — жизнь, Егор — смерть.

Расставил все на свои места Писатель.

Но Читатель, вдохновленный такой компанией, продолжал:

— Как известно, в Древней Греции до нашей эры книги читали только вслух. Они просто не умели читать про себя. Прошли тысячи лет, прежде чем люди научились читать про себя. И что получается? Слова из темноты человеческой фантазии и темноты сознания выходят на бумагу. Когда их читают вслух, они выходят на свет. А когда читают про себя, слова и фантазии автора уходят в темноту другого сознания, не видя света! Из темноты — в темноту. В церкви Святое Писание читают вслух? Ну вот, а почему тогда книги сейчас читают про себя — в темноту?

Вопрос его относился к Писателю.

— Наверное, потому, что темнота охватывает большее пространство. В мире больше темноты, чем света, — сказал Писатель, — и в темноте живет больше людей. Пусть свет будет у них внутри.

Мавродий слушал и ничего не понимал, да, похоже, и Егор тоже, и кивал из приличия, но выглядел смешно, как будто клевал своим длинным носом. Хотя появившиеся на его внешности мрачность и обреченность придавали лицу Егора некоторую задумчивость и осознанность, словно он размышлял над сказанным.

— Ну да, — Егору тоже не терпелось сказать, — но если все, типа, начнут в читальном зале библиотеки читать вслух, то это какой гвалт поднимется. Никто не будет ничего понимать. Какофония, типа, какая-то. Или в метро — электричка грохочет, да еще все вслух книги читают, перекрикивая друг друга... Слов слишком много стало, в Древней Греции слов было меньше, да и писателей. А сейчас много писателей, да таких писателей, что их читать невозможно... Я, правда, и так книги не читаю, но думаю, что если бы Писатель, типа, один был, его бы вслух читали. И мне бы меньше работы, только с одних книг обложки сдирать.

Мавродий тихонько сидел рядом, слушая этот странный разговор, ему не хотелось их перебивать. Казалось, щекотка подействовала на мозг его друга, и он стал явно не в себе.

— Конечно, я с вами согласен, — снова начал Читатель, обращаясь к Писателю. — Но вот вы как человек, работающий со словом, конечно, согласитесь со мной, что в современном мире очень снижено значение буквы. Ведь с буквы не только начинается, но и продолжается и заканчивается каждое слово. В своей жизни я прочитал огромное количество слов, состоявших из букв. Мне кажется, буква очень недооценена людьми.

— Я не думал об этом, — отвечал Писатель. — Буква, конечно, важна. Куда же без нее — слова состоят из букв. Но из слов состоит смысл. И, как известно, в начале было Слово, а не буква. Слово, разделенное на буквы, теряет смысл и значение.

— Вы недооцениваете значение и смысл буквы. Я думаю, в будущем человечество сможет оценить их важность...

Мавродий ничего не понимал из того, что говорили Писатель с Читателем, а только искал лазейку в их разговоре.

— Егор, мне бы поговорить с тобой наедине, — наконец, уловив промежуток в их мудрствованиях, сказал Мавродий, поднимаясь.

— Вы человек новый, — Писатель отвлекся от ученой беседы, обращаясь к Мавродию, — но вы должны твердо усвоить, что путь к счастью лежит через смех.

— А кратчайший путь к смеху — щекотка, — добавил Егор заученно и поднялся со скамейки.

— Следовательно, самый близкий путь к счастью — щекотка, — заключил Читатель. И все трое засмеялись натушно, потому что уже устали смеяться.

— Слушай, Егор, что вообще здесь происходит?! Ты объяснить можешь? — напрямую спросил Мавродий, когда они отошли от скамейки на достаточное расстояние.

Егор пожал плечами. Мавродий видел изменения, произошедшие в его друге, с которым они были знакомы с детства, но все же ждал от него объяснений.

— Ты, типа, с Генрихом Карловичем разговаривал?

— Разговаривал, разговаривал... Он мне нес какую-то чушь про счастье, про щекотку...

Увидев вблизи свободную скамейку, друзья уселись на нее.

— Ну, правильно все говорил. Видишь ли, у него разработана гениальная методика, типа, чтобы все люди стали счастливыми, и все это через наслаждение весельем. Типа, через человеческий смех наступает просветление, когда человека щекочут, он приближается к состоянию счастья. Ты это тоже поймешь, когда тебя примут в наше общество...

— Подожди, — перебил Мавродий монотонную, словно заученную, речь Егора. — Ты что, серьезно? Я видел, как вы бились в истерических судорогах, ржали, как лошади, визжали, как свиньи... Какое же тут счастье?

— Да ты, типа, не понимаешь. Ты еще не испытывал этого удивительного состояния.

Егор закинул ногу на ногу и мечтательно посмотрел в небо, как будто его охватило «удивительное состояние».

— Из твоих слов я догадываюсь, что бежать отсюда ты не собираешься.

— Зачем бежать, все мы принимаем участие в опытах добровольно. Мы хотим достичь состояния счастья. Уже совсем близко тот момент, когда я, типа, сам смогу себя щекотать и получать от этого наслаждение.

— И что, все тут добровольцы?

— Конечно. Сначала многие сомневались, но потом поняли...

— Я думаю, в полицию нужно позвонить, — в задумчивости проговорил Мавродий. — Пусть разберутся.

Егор вздрогнул, резко повернулся к Мавродию, глядя на него выпученными глазами, и толкнул его кулаком в грудь.

— Даже не вздумай! — прошипел он сквозь зубы с проснувшейся вдруг ненавистью. — Не вздумай... тебя задушат или зарежут ночью... Пойми — никто не хочет ставить под угрозу свое личное счастье. И никому не говори об этом...

Мавродий был растерян: он не ожидал такой реакции друга... Да и друга ли? Теперь, глядя на Егора, он сомневался в этом.

— Но ведь здесь звонить не дают, не выпускают, живешь как в концлагере, — не унимался Мавродий.

— Почему не дают, можно пойти позвонить кому угодно. Я на работу звонил, за свой счет отпуск взял. Но для чистоты эксперимента близким лучше не говорить, это осложнит пробуждение состояния счастья. Вот когда тебя пощекочут по-настоящему, поймешь, как это здорово.

Егор протянул руку к Мавродию, должно быть желая пощекотать у него под мышкой, но тот его руку оттолкнул. Из-за дерева вдруг высунулась голова Диогена и пропала.

«Да что он, везде одновременно находится, что ли?» — подумал Мавродий.

— Пойми, — между тем продолжал Егор. — Здесь никто никого не держит. Можно уйти в любой момент, но никто не уходит.

— Я тоже, что ли, могу уйти? — не отрывая взгляд от дерева, за которым прятался Диоген, спросил Мавродий.

— Конечно! Поговори с Генрихом Карловичем, он, типа, тебя отпустит, если ты щекотаться не собираешься... У него из таких, как ты, очередь.

Мавродий хотел верить Егору: все-таки старый друг, но слишком много странных вещей он говорил. С чего похищать из квартиры, если в любую минуту его могут отпустить. Но в сознание его все же закралось сомнение. Раз все так убеждены в пользе щекотки, то, может быть, в этом есть какой-то смысл. Мавродий совсем в этом не разбирался. Черт его знает, может быть, прав Егор. Может быть, даже стоит попробовать. Но в памяти всплывали визжащие в агонии люди, трясущиеся лежанки... Нет! Пожалуй, не стоит. Не сейчас, не готов!

— Ты должен понять, это единственный путь к высшему состоянию человеческого существования — счастью! — продолжал Егор. — Нужно пройти через мучения и обрести то, к чему стремится человечество и каждый человек в отдельности. Но для этого нужно пройти через смех... Это и есть дверь в счастье...

Он продолжал говорить. Мавродий, слушая его убедительную речь, думал, что, возможно, в этом действительно есть смысл, ученым виднее, или все, что здесь происходит, массовое сумасшествие... Но не могут же сразу столько людей сойти с ума.

— Слушай, а Диоген, — Мавродий не отрывал взгляда от дерева, за которым прятался Диоген, хотя и понимал, что его там уже нет... или и не было, — он ведь следит за всеми? — проговорил Мавродий с сомнением.

— Он начальник охраны, все обо всех знает. Он и сейчас, типа, в бочке живет. Говорят, когда его в бочке бандиты держали, у него в голове что-то перещелкнуло, и теперь он вне бочки жить не может.

— Да, я видел бочку в одной из комнат, — сказал Мавродий.

— Это его спальня, и жену, наверное, тоже в бочку затащит...

С задумчивым видом прогуливавшийся по дорожке Писатель остановился возле их лавочки.

— Знаешь, Егор, я пришел к выводу, что книга с содранной обложкой правильнее книг с обложкой, — начал Писатель, мечтательно закинув лицо вверх. — Я думаю, что книга вовсе не страдает, когда ты с нее сдираешь обложку. Потому что обложка — это не кожа, это одежда. Книга как бы переходит в свое естественное состояние. По сути, с нее слетают наносной лоск и ненужная красота первого впечатления. Ведь обложка — это первое впечатление о книге. Как известно, книгу встречают по обложке, а провожают по уму автора. Многие выставляют книги корешками для красоты. А без обложки она остается как бы без одежды, в своей естественной красоте... как нудист освобождается от лишней одежды: его философия жизни — гармония с природой. Так и книга, лишенная одежды, готова к восприятию ее мыслей и образов. Мне кажется, это и есть самая правильная книга, один только голый смысл. И я решил, — продолжал Писатель, — когда окажусь дома, сдери обложки со своих любимых книг Гоголя, Кафки, Стругацких... ну и конечно, со своих книг как с самых любимых.

Проговорив все это, Писатель все с тем же задумчивым видом пошел по дорожке дальше.

Слушая Писателя, Мавродий думал о том, что щекотание разворачивает мозг в какую-то другую, от нормальной, сторону. Хотя где эта нормальная сторона, он и сам не знал. О чем думал в это время Егор, было ему неизвестно.

Минуту сидели молча.

— Ты знаешь, мне нужно на обследование, — сказал Егор. — Нас каждый день врачи осматривают, берут анализы.

Егор ушел, а Мавродий еще некоторое время сидел на лавочке, размышляя об услышанном от Егора и Генриха Карловича, — оба они говорили одно и то же, только разными словами. Может быть, зря он волнуется. Кому он нужен? И здесь действительно указывают путь к счастью. Хотя что это такое, Мавродий не очень-то понимал... Да, честно говоря, вообще не понимал.

Между деревьями по дорожкам парами бродили обитатели дома и беседовали о чем-то. Глядя на них, Мавродий все больше убеждался в том, что это заведение похоже на санаторий. Спокойные люди неторопливо гуляют по дорожкам, да и лица их совсем уже не казались ему мрачными, а наоборот — были в них какая-то внутренняя собранность и задумчивость. И с чего он решил, что они несчастны? То, что они не улыбались совсем? Так они высмеивались во время сеансов, а на жизнь уже ничего не оставалось.

«Может, прав Егор, — думал Мавродий. — Если бы в этом была какая-нибудь опасность, он бы по дружбе предупредил. Да и все остальные, наверное, вели бы себя иначе, а не разгуливали туда-сюда с такими скучными лицами».

Мавродий поднялся со скамейки и пошел по дорожке, обозревая окрестности.

В укромном уголке за кустом сирени на качелях качался даун Андрюша и ковырял в носу, разглядывая то, что оттуда доставал. Мавродий остановился возле него.

Андрюша заулыбался. Ну вот, хоть кто-то улыбается.

— Садись.

Он подвинулся, уступая место. Мавродий сел рядом.

— Ты здесь давно живешь? — спросил Мавродий.

— Давно, — ответил Андрюша.

— А тебя щекочут?

— Нет, мне папа сказал, что мне не нужно, я и так хороший.

— Ну, понятно, хороший. А кто у тебя папа, Генрих Карлович?

— Нет. Мой папа Рудольф Иванович.

— А где он? Здесь живет?

Андрюша задумался, помотал головой.

— Нет, не здесь.

— Андрюша, а за забор ты выходишь?

Хотя он почти уже убедил себя в том, что ничего особенного в этом щекотании нет, но все же неплохо было бы расспросить дауна, как отсюда выбраться.

— Выхожу, — кивнул Андрюша.

— Как? — Мавродий насторожился.

— По подземному ходу. Каждую ночь на море хожу. Там красиво.

— Понятно, — сказал Мавродий, потеряв к разговору всякий интерес. Зря он стал расспрашивать Андрюшу. Ну что он может сказать вразумительного, кроме пересказа своих больших фантазий и снов.

В кустах сирени раздался хруст ветвей. На дорожку вышел высокий человек, не смотря на летнюю жару, в черном пальто и вязаной шапочке, натянутой до самых глаз. Выбравшись из кустов, он отряхнул полу пальто и, бросив на Мавродия с Андрюшей сердитый взгляд, вдруг, задрал голову, захохотал гортанно, как будто забулькал, и, делая широкие шаги, пошел по дорожке парка.

«Знакомый человек, — подумал Мавродий, глядя ему вслед. — Где-то я его видел».

Когда он скрылся из виду, Андрюша достал из внутреннего кармана пиджака фотографию, сложенную пополам, и, раскрыв, показал Мавродию.

На черно-белой фотографии Мавродий увидел двух даунов с характерным разрезом глаз и одинаковыми выражениями лиц.

— Андрюша, — указал Андрюша пальцем на одного. — Маша, — указал на другого. — Андрюша, Маша. Андрюша, Маша...

Он не переставал тыкать пальцем в фотографию.

— Андрюша, Маша...

— Да понял, понял я.

Мавродий взял у него из рук фотографию. Они действительно были похожи, и отличить их было бы трудно, только у Маши были длинные волосы.

— Маша? — машинально сказал Мавродий, глядя на фотографию.

— Андрюша, — Андрюша указал на себя, — Маша, — указал на Машу. — Андрюша, Маша...

Мавродий смотрел на лицо Маши с синдромом Дауна, и удивительное волнение охватывало его. В ее глазах он видел свет, ее улыбка была доброй, в ней сквозили внутренняя чистота и наивность. Ему казалось, он смотрит в ее душу, и там нет ничего, кроме света. Если бы Мавродия кто-нибудь попросил сформулировать то, что он испытал сейчас, он бы не смог. Он и сам не понимал, что за странное чувство охватило его.

Заунывный звук сирены донесся от дома, отсюда из кустов был хорошо виден двор перед входом. При этом звуке народ, только что спокойно гулявший по двору, засуетился и быстрыми шагами устремился к входу.

— Папа, иди нужно, — сказал Андрюша, пряча фотографию в карман. — Андрюша послушный.

Он поднялся и, неуклюже переваливаясь, пошел к дому.

Мавродий видел, как из дверей дома выбежал бугай-охранник и заметался по двору. Мавродий понял, что он ищет его. Мавродий поднялся, зашел в кусты. Всегда можно сказать, что он ничего не слышал, ничего не видел и не знал про их правила.

Звук сирены не умолкал.

Пробравшись через куст, он вышел к другому углу дома. Здесь никого не было, стоял мусорный бак, рядом с ним приоткрытая маленькая дверца. Нужно было об-

следовать весь дом, и если тут хорошо, как все говорят, то ему хотелось знать больше, чем знали другие. Сегодня он почти пересмотрел свои взгляды. Генрих Карлович, возможно, действительно большой ученый, желающий облагодетельствовать человечество. И пожалуй, стоит попробовать влиться в их веселый коллектив, если, конечно, анализы окажутся хорошими.

Он оглянулся, открыл дверь и вошел.

Глава 8. Все гениальное просто, а простое гениально...

На него пахло влажным теплом, тут было душно и темно. Он оглянулся и увидел в приоткрытую дверь, как металлическая створка ворот отодвигается и во двор въезжает кавалькада из пяти автомобилей с мигалками. Из машин повыскакивали мужчины в костюмах... Что было дальше, Мавродий не видел. Он шел на ощупь в глубь помещения. Вероятно, это был черный ход из столовой, пахло рыбой и плесенью. Он постоянно наткался на какие-то баки, стукнулся головой о край полки с коробками, кошка прыгнула из-под ног... Глаза понемногу привыкли к темноте. Он разглядел железную лестницу, она вела вверх и вниз, должно быть, в подвал. Он поднялся по лестнице вверх, толкнул дверцу, вход был настолько низким и узким, что ему пришлось протискиваться боком и наклонить голову, чтобы не удариться о косяк.

Мавродий оказался в просторном помещении с книжными шкафами по стенам, посредине стоял большой стол красного дерева.

— Ух ты! Как это я сюда попал?! — растерянно проговорил Мавродий, озирая кабинет Генриха Карловича, ему казалось, что кабинет находится в другом крыле здания.

В коридоре послышались голоса. Мавродий оглянулся на дверцу, через которую проник в кабинет.

Нет! Не успеть!

Шагнув за старинную ширму с павлинами, отделявшую часть комнаты, за которой оказалась небольшая кровать, присел на краешек. И сделал это вовремя, потому что дверь в кабинет отворилась, и вошел Генрих Карлович, а с ним высокий мужчина с внешностью и манерами большого начальника.

Сквозь щель в ширме Мавродию хорошо был виден весь кабинет.

Генрих Карлович и его гость уселись за небольшой столик друг напротив друга.

У Мавродия пронеслась мысль: «А что если выйти, извиниться, объяснить, что случайно здесь оказался?» Но было неудобно: подумают черт-те что! И он решил остаться за ширмой, а потом потихонечку, когда никто не увидит, оттуда выбраться.

— Я ждал вас только завтра, Рудольф Иванович, — говорил Генрих Карлович доброжелательно, заискивающе улыбаясь своему гостю.

— Так сложились обстоятельства.

В дверь постучали.

— Ну кто там, я же просил не беспокоить! — крикнул Генрих Карлович.

Мавродию не видно было, кто стоит в дверях, но он узнал голос охранявшего его бугая.

— Извините, Генрих Карлович, но я не могу его найти, весь дом обыскал.

— Ищи, куда же он мог подеваться.

«Неужели это обо мне?» — подумал Мавродий.

— Есть у нас один незарегистрированный и неучтенный, но он уже слишком много знает. Мы сейчас с ним работаем, — когда дверь закрылась, пояснил Генрих Карлович своему гостю.

— Нужно быть осторожными, если эта информация выйдет за пределы дома, вы понимаете, что может произойти.

— Конечно, конечно, понимаю. У меня все под контролем.

— Я из Москвы на один день. Как проходят опыты?

— Все по плану. Вот у меня тут результаты опытов, — с этими словами Генрих Карлович поднялся и пошел прямо к ширме, за которой прятался Мавродий. Он напрягся, готовый вскочить в любую минуту, понимая, что услышал уже слишком много и за это его по головке не погладят. Но Генрих Карлович, дойдя до ширмы, свернул влево, туда, где стоял сейф. Мавродия бросило в пот, он видел руки Генриха Карловича, как он набирает шифр; ему стоило только чуть податься вперед, и он бы увидел сидящего на кровати Мавродия. Но он не сделал этого, а, взяв папку, вернулся на место и положил ее перед своим гостем.

— Вот тут все результаты. Только в бумажном виде и в единственном экземпляре.

Все это время Мавродия не покидало чувство, что он где-то уже видел Рудольфа Ивановича. Наверное, по телевизору, вроде даже какой-то депутат или министр... Да, наверняка министр — вид, как у министра.

Что-то вдруг грохнуло, Мавродий вздрогнул.

— Папа!

В комнату вбежал даун Андрюша и бросился к министру. Он обнял его за шею, целуя в щеки, в лоб — везде, куда попадал.

— Здравствуй, Андрюшенька, — смущенно говорил Рудольф Иванович, поправляя съехавшие очки.

Что-то человеческое вдруг мелькнуло в его глазах, мелькнуло и тут же погасло. Андрюша бухнулся ему на колени. Рудольф Иванович обнял его за талию.

Генрих Карлович терпеливо ожидал, когда пройдет бурная реакция встречи отца с сыном.

— Есть одна проблема, — Генрих Карлович потупил взор.

— Что за проблема? — взгляд министра стал холодным и настороженным.

— Консультант по щекотке, которого мы освободили из психиатрической больницы, Эстерлис. Мне докладывали, что его ищут, и только дело времени, чтобы полиция вышла на его след, а он приведет их сюда.

Министр поерзал на стуле, должно быть, ему тяжело было держать на коленях массивного Андрюшу, затекли ноги.

— Так не выпускайте его из дома.

— Невозможно, никак не возможно. Он почти каждый день ездит на Неву к русалкам, он ведь убежден, что в Неве живут русалки, от этого и лечили. И никак его не переубедить. Если психиатры на Пряжке за пятнадцать лет лекарствами не смогли переубедить, то куда уж мне...

Он ухмыльнулся своей шутке, но Рудольф Иванович шутку не воспринял.

— А так уж он необходим? Может быть, избавиться от него — исчез и исчез.

— Нет, это только затянет нашу работу: у него большой опыт, его русалки щекотать учили, — снова пошутил Генрих Карлович, но с тем же результатом. — Хотя бы еще месяц.

— Я попробую что-то сделать, но это другое ведомство... — выглядывая из-за Андрюши, который вертелся на его коленях, сказал Рудольф Иванович. — Продолжайте опыты. Министерство счастья и развлечений очень рассчитывает на ваши исследования. Люди разучились смеяться, наша задача — дать им много радости. Книжки, как известно, не читают, мы ищем книгам другое применение и обязательно найдем, — говоря это, он выглядывал из-за Андрюши, беспрестанно вертящегося у него на коленях —

то с одной стороны выгянет, то с другой. — Но людям мы обязаны дать счастье. Мы должны подготовить эти исследования, чтобы они были внедрены в государственную систему. Не буду повторять, что это секретная программа, пока ее не приняли на высшем уровне. Но для этого мне нужны железобетонные доказательства. Пока программа носит частный характер, но должна стать государственной. Как и говорили раньше, внедрение начнем с Петербурга. Этот город нужно осчастливить первым. Слишком напыщенны, слишком интеллигентны и кичливы его жители. Они ведь считают свой город самым лучшим в мире. А Москва как бы и не в счет. Вы мне, главное, результат дайте.

Даун Андрюша в это время ерзал на папиных коленях, ворошил ему волосы, дергал за нос и уши, но министр не обращал на это внимания.

— Счастьем-то мы их обеспечим, — пообещал Генрих Карлович, — а вот материальное благополучие...

— Если будет счастье, благополучие уже лишнее. Ты мне их счастливыми сделай. Найди этот алгоритм, где человек становится счастливым при минимуме затрат. Вот Андрюша счастлив! — Андрюша заулыбался, снял с папы очки, надел себе на нос, взъерошил ему волосы. — Так чтобы и эти твои подопечные счастливы были. Вот к чему мы должны стремиться, — продолжал Рудольф Иванович. — Ведь Андрюша почти совершенный человек. Он всех любит, никогда не врет, не фантазирует — он просто не умеет это делать, — он погладил сыночка по голове и снова заерзал. Ноги, видно, совсем затекли, но сгонять назойливого дауна не хотел, все ж таки сын. — Мы должны вывести породу таких людей, чтобы они были не штучные, а чтобы их было много. Но Андрюша не умеет думать и не может трудиться. А эти должны оставаться думающими, способными работать, но в то же время не врать, не фантазировать, не сомневаться.

Слушая этот разговор, Мавродий боялся дышать. Он наконец понял, в какое дело вляпался и в какой он находится опасности. Он уже тысячу раз проклял себя за то, что спрятался за ширмой. Лучше было этого не знать, тогда у него оставался бы шанс на выживание, но не сейчас, уже не сейчас.

— Мы стремимся к этому. Человек, измученный щекоткой, значительно более внушаем, — сказал Генрих Карлович.

— Значит, первую партию уже готовых носителей счастья на следующей неделе будем отправлять. Пусть начинают разносить счастье, — сказал Рудольф Иванович, выглядывая из-за Андрюши.

— Хорошо, завтра же займусь их подготовкой.

— Встаем, Андрюшенька, — сказал Рудольф Иванович, поднимаясь вместе с ним. — Мне пора.

— Мы ускорим работу, — Генрих Карлович тоже поднялся.

— Учтите, когда-нибудь это будет государственная программа, — протягивая руку, сказал Рудольф Иванович. — Дешево и сердито, — и глубокомысленно добавил: — Все гениальное просто, и все простое гениально...

В дверь снова постучали.

— Ну, кто там еще?

— Его нигде нет, я все обыскал, — услышал Мавродий голос бугая.

— Начальника охраны ко мне.

Прошло буквально несколько секунд, как перед Генрихом Карловичем предстал одноголазый бандюган Диоген.

— И где этот Мавродий может прятаться? — с металлическими нотками в голосе спросил Генрих Карлович.

— Он либо убежал за пределы территории, что невозможно, — сказал Диоген металлическим голосом, — либо здесь, в вашем кабинете...

* * *

А в это время неподалеку писатели и поэты праздновали поэтический фестиваль Анны Ахматовой. В основном здесь собрались литераторы, проживающие на писательских дачах и в доме отдыха.

Когда-то дом отдыха в Комарове считался роскошным местом, где восстанавливали силы и работали представители писательской элиты. Здесь жили Анна Ахматова, Михаил Зощенко, братья Стругацкие, Даниил Гранин.

Теперь стены дома отдыха выгорели, краска облупилась, трубы проржавели, в каких-то корпусах и вовсе не было воды. В номерах было холодно, пахло кислой капустой и плесенью. Тут требовался капитальный ремонт, но его не делали ввиду отсутствия средств. Хотя самые устойчивые к тяжелым условиям писатели все же проводили здесь лето, а иногда и зиму.

То же можно было сказать и о писательских дачах: они представляли собой нежилые домики, в которых писатели и поэты все-таки жили и раз в год устраивали фестиваль Анны Ахматовой. Домик ее, кстати, сохранился и за счет спонсоров был отремонтирован, но это было единственное строение, в котором можно было жить. Возле него и устраивался фестиваль.

Поэты читали стихи, потом начиналось главное веселье, на котором пили, не закусывая; разгорячившись напитками, снова читали стихи... и потом читали стихи, так что не каждый поэт выдерживал.

Глава 9. Первая партия

— И где этот Мавродий может прятаться? — со злобными нотками в голосе спросил Генрих Карлович.

— Он либо убежал за пределы территории, что невозможно, — сказал Диоген металлическим голосом, — либо где-то в вашем кабинете...

Мавродия бросило в пот, его вдруг охватил ужас, лютый непреодолимый ужас. Даже не успев осознать, что он делает, Мавродий вскочил, наткнувшись руками на ширму. Ширма с грохотом упала. Он видел, с каким изумлением смотрели на него собравшиеся в комнате. Только даун Андрюша не растерялся и, раскинув руки в стороны, улыбнувшись, сказал:

— Вот и мы!

Пока никто не успел опомниться, Мавродий в несколько прыжков достиг маленькой дверцы. Рванул за ручку, ударился головой о косяк, но не почувствовал боли, а бросился вниз по лестнице. Лютый страх гнал его... Сзади слышались возгласы Андрюши, крики Генриха Карловича... Но Мавродий, не обращая на них внимания, в темноте перескакивая через ступени, мчался вниз... Не понимая, куда и зачем бежит, только бы поскорее прочь отсюда, прочь!..

Пробежав два, три или четыре лестничных пролета в потемках, толкнул какую-то дверь, сделал шаг и остановился...

Кругом была глухая, беспросветная тьма. Прислушался. Позади — тихо, везде — тихо... Тишина давила на уши до звона. Сердце колотилось, как бешеное, по вискам струился пот, рубашка прилипла к телу.

Так он стоял в полном мраке неизвестно сколько, время перестало существовать. Время и темнота связаны между собой: в полном мраке нет времени, или оно течет по другим законам.

Но не об этом думал Мавродий, боясь пошевелиться, протянуть руку... Ему казалось, протяни руку, и она наткнется... он не знал на что, но на что-то жуткое, живущее в этой темноте безвременья.

Стекавший со лба пот резал глаза. Он вглядывался в темноту, но просмотреть ее не мог, настолько она была плотной и вязкой. Наконец Мавродий, сделав над собой усилие, протянул руку в пустоту... протянул в другую сторону, но и там было то же самое — темнота. Тогда он развернулся, сделал осторожный шаг назад и попробовал нащупать дверь: у двери наверняка должен быть выключатель. Нашел, под потолком загорелась тусклая лампочка. И вместе со вспыхнувшим светом раздался смех... Мавродий вскрикнул, резко обернулся. Он был настолько поражен увиденным, что некоторое время стоял не в силах пошевелиться...

Мавродий не представлял себе, что в его жизни может случиться что-то сверхреалистичное — то, что заставит биться сердце, что в жизни может быть столько ужаса, собранного в одном месте.

В комнате на грязных матрасах, одетые в лохмотья, сидели и лежали люди.

Они молча смотрели на Мавродия, должно быть, их тоже сковал ужас от его испуганного вида. Мавродий стоял вполборота, глядя на них, а они смотрели на него. Хотя и не проявляли агрессии, но Мавродий для себя решил, что это конец, что никогда он не выберется из этого помещения. Он еще не полностью осознал то, что услышал в кабинете Генриха Карловича, но понимал, что это был его приговор и никто не отпустит его отсюда живым.

И тут снова раздался смех, громкий, но недолгий.

Мавродий вздрогнул, он теперь вздрагивал от каждого резкого звука.

— Ты кто, из пациентов? — спросил грубый, будто простуженный мужской голос.

Кто спросил, Мавродий не разглядел, поэтому сказал всем сразу:

— Каких пациентов?

— Ну, которых щекочут.

— Нет.

Присутствующие загомонили то ли удивленно, то ли возмущенно. Те, кто оставался лежать, сели.

— А кто, охранник?

— Да нет, я здесь вообще случайно.

— Убежал, значит? — спросил бородатый мужчина из угла, правда, они все были бородатые, как успел разглядеть Мавродий, и одежда у них была сильно поношенная и потертая, почти лохмотья.

Мавродий кивнул.

— Отсюда не убежишь, — сказал кто-то другой.

— А что же делать?

— Так тебя, значит, ни разу не щекотали? — поинтересовался первый.

— Нет.

— Оставайся жить с нами, — проговорил мужик, только что выбравшийся из-под одеяла. — Да ты садись. Тебя здесь никто не обидит.

Мавродий опустил на край грязного матраса.

— А вы кто? — спросил он.

— Мы из первой партии.

Кто-то вдруг захохотал громко, истерически, но на это никто не обратил внимания, словно он просто зевнул или чихнул.

— Нас так залечили, что мы можем сами себя щекотать. Считается, что мы достигли счастья. Мы здесь, наверное, уже месяц или два сидим.

— Никому мы не нужны, — сказал кто-то и хохотнул недолго.

— Только еду приносят и никуда не выпускают.

— Вы, значит, из первой партии, — сказал Мавродий. — Я слышал, вас на следующей неделе будут куда-то перевозить.

Снова кто-то захохотал невесело. Видно, их организмы уже регулярно требовали щекотки.

— Куда? — спросил неизвестно кто.

— Не знаю. Сегодня Генрих Карлович с каким-то человеком разговаривал, я случайно подслушал.

Время от времени то из одного, то из другого угла комнаты слышался смех. Они сами пощекотывали себя под мышками для удовольствия.

— Ну, наконец-то. Надоело бездельничать.

— А ты, парень, не дрейфь, с нами поедешь. Мы тебя за неделю так нащекотим — счастливее нас будешь.

Мавродий обвел взглядом счастливых людей. Куда я попал?!

— Да шутит он, — сказал кто-то из угла. — Не будет тебя никто щекотать, если сам не захочешь.

Кто-то засмеялся — то ли от шутки, то ли сам себя щекотнул.

Но это как-то не успокоило Мавродия, — действительно, как навалются всей гурьбой, как начнут щекотать! От этой мысли ему стало дурно, закружилась голова, он чувствовал слабость во всем теле. Да и черт с ним, будь что будет!

— Вас увезут, а мне что делать? — растерянно спросил Мавродий.

Он понимал, что в этом доме невозможно прятаться бесконечно, что здесь, да и везде он лишний человек.

Все промолчали, только в углу кто-то захихикал и заикал. Мавродию стало отчего-то обидно, как будто захихикали над ним. Надежда выбраться отсюда живым угасла. Он сидел, обхватив колени и привалившись плечом к стене. Все молчали. То и дело в разных концах комнаты хихиканье или истерический хохот вдруг разрывал тишину, но Мавродий уже не обращал на него внимания: он привык.

Глава 10. Щекотка и счастье

Истинная природа щекотки до сих пор не изучена. Все теории и эксперименты на эту тему оказались несостоятельными и раскрывали мало тайн, можно сказать — вообще никаких тайн не раскрывали. Самая распространенная и общепринятая теория о том, что щекотка — это рефлекс организма, выработанный далекими предками попадания на тело опасных насекомых. Но почему в одних местах тела щекотка ощущается более остро, в других — менее; почему жители северных районов, где нет насекомых, так же, как и южане, реагируют на щекотку? И самое главное — при чем здесь смех, как он может напугать опасных насекомых? А также почему человек не может щекотать сам себя?

Вопросов у ученых физиологов было множество, но никакие эксперименты не давали ощутимых результатов.

Щекотка оставалась делом неясным, темным, мистическим.

Со щекоткой связано множество суеверий. Самое распространенное: если человек боится щекотки, то он ревнив. Если жена боится щекотки, то она от мужа гуляет. По реакции на щекотку на Руси выбирали себе жен. Если невзначай во время гулянья пощекотать понравившуюся девушку, то по ее реакции можно определить многое. Если просто взвизгнет, то хорошая жена будет; если у девушки начинается неумный хохот, значит, гулящая будет; если вовсе на щекотку не реагирует, значит, бездетная — такую в жены вообще не брали. Таким образом, не пощекотав друг друга, не женились. Родственникам тоже положено было щекотать девушку, чтобы по определенным признакам понять, выйдет она замуж или так и останется в девках. И еще, если человека во сне кто-нибудь щекочет, то это к тяжелой болезни, а если сам во сне кого щекочешь, то настроение на целый день будет испорчено.

Ни в коем случае нельзя щекотать мужчин на Троицкой неделе или перед Вальпургиевой ночью, а то русалки и прочая водяная нечисть, привлеченные щекоткой, утащат под воду — и спасения нет. Во все времена считалось, что щекотка привлекает нечистую силу. Щекотать нельзя в лесу, у реки, у моря, в Благовещение, Егорьев и Ильин дни — это верный знак, что человек умрет скоропостижно. В некоторые дни щекотка вызывала эпилепсию, чахотку и энурез. Щекотание летом грозило солнечным ударом и так далее.

Щекотка определяла выбор жены, мужа, предвещала болезнь, предостерегала от опасности... Но и не только. В тех случаях, когда человек заживался на свете — жил слишком долго и хотел умереть, — то просил, чтобы его пощекотали. Издревле известно, что если старика пощекотать, он вскорости умрет непременно. Возможно предположить, что подобным способом нередко избавлялись от лишнего рта, старика зажившегося. Таким образом, щекотка не только проходила через всю человеческую жизнь, но и даже ставила в ней точку.

* * *

Потомок великого ученого Августа Карловича Рейхе, успешно лечившего тяжелые формы заикания, Генрих Карлович завидовал славе своего предка и, будучи физиологом, разработал теорию, основанную на чувстве юмора и щекотке. Он был не согласен с Уильямом Макдугаллом, утверждавшим, что смех от щекотки — самая примитивная форма юмора. Генрих Карлович посмотрел на этот предмет с другой стороны и открыл еще одно удивительное свойство щекотки — то, что она не только способна возбуждать внутренние ресурсы организма, но и с огромной интенсивностью вырабатывать гормон счастья. Основывалась она на том, что человек, получая положительные или отрицательные эмоции от щекотки, становится другим на физическом уровне: у него меняются давление, пульс, состав крови, улучшаются работа сосудов и сердечная деятельность... Возбужденный организм начинает работать более активно. По теории Иммануила Канта, щекотка возбуждает симпатический отдел вегетативной нервной системы, улучшая кровообращение мозга... Но Генрих Карлович пошел дальше. Лабораторным путем он пришел к тому, что от регулярной ежедневной получасовой щекотки человек не только меняется физически, но и получает долгоиграющий гормон счастья. Перешедшего определенный барьер человека достаточно слегка пощекотать, и он впадает в состояние, близкое к состоянию счастья. Но на этом пути его ожидал ряд сложностей. Для того чтобы человеческий организм пересек эту грань, его нужно было готовить в течение месяца, доводя ежедневной щекоткой до иступления и истерики. Но если человек перешагивал этот рубеж, он мог щекотать себя

сам, добиваясь самоощекоткой не меньшего, а даже большего эффекта, и уже самостоятельно достигая состояния счастья.

Генрих Карлович доказал то, что раньше считалось невозможным или маловероятным, а именно: преодолев определенный барьер, человек в здравом уме может сам себя щекотать.

Кроме всего, требовалось сохранить подопытному жизнь и рассудок, и вот тогда человек будет абсолютно счастлив. Получив утреннюю дозу щекотки, он будет счастлив целый день, что повысит его работоспособность. Периодически щекоча себя в течение дня и получая от этого новый заряд энергии, человек сможет работать, не уставая, десять-пятнадцать часов в сутки и при этом быть счастливым каждую минуту. Счастье таится в нем самом, а щекотка только пробуждает его! И больше ему будет ничего не нужно! Видя счастливого человека, и другие тоже захотят стать счастливыми и свободными.

«Они лишатся того, что делает их несчастными, кредитов — они будут не нужны. Счастье внутри тебя, а не в банке!» — но мысль эта была уже самого Генриха Карловича, набравшего кредитов и не знавшего, как их отдавать.

Генрих Карлович со своей идеей побывал во многих кабинетах власти. Но везде получал отказ в связи с необыкновенностью идеи. И только в одном министерстве была рассмотрена его идея. Оно и понятно — без особых трудов и затрат сделать всех жителей страны счастливыми — мечта каждого государства. Программа изначально носила секретный характер и финансировалась из негосударственных источников. Больше всего опасались иностранных шпионов, особенно из Америки. Нельзя было допустить, чтобы эти перспективные разработки оказались в руках иностранных спецслужб и враждебные государства применили их в своих целях.

Глава 11. Чистота и пустота

Нева беспокоилась, ветер вздувал барашки волн, вода поднималась почти до подножия древних сфинксов, затопив ступени и бронзовых грифонов. В такие ветреные дни лучше не выходить на набережную Невы.

Она стояла под сфинксом в розовом платье с растерянной улыбкой, как будто ждала его. А он как будто пришел сюда ради нее. Именно такой Мавродий и представлял ее: со светлым взглядом, беззащитной перед бушующей стихией.

— Маша.

Он протянул к ней руку.

— Я не Маша, — сказала она, отстраняясь.

И тут же земля вздрогнула, затряслась, от сфинкса отвалился кусок гранита. На глазах рушились тысячелетние сфинксы, глыбы камня с грохотом падали на набережную. Шло трещинами здание Академии художеств, вдалеке рушился Исаакиевский собор... Гигантские трещины пошли по Вознесенскому мосту. Нева вставала на дыбы, словно испуганный, взбесившийся конь, гигантские волны обрушивались на все, до чего могли дотянуться... Здания, улицы, мосты...

Мавродий встrepенулcя, открыл глаза. Кто-то тряс его за плечо. Под потолком горела тусклая лампочка. Перед ним стоял бородатый мужчина, держа указательный палец у сомкнутых губ, жестами показывая, чтобы Мавродий вел себя тихо. В комнате все спали, из угла слышался храп, иногда — смех; некоторые даже во сне продолжали пощекотывать себя. Жестами человек показал, чтобы Мавродий следовал за ним.

Они вышли из помещения, тихонько притворив за собой дверь. Мавродий еще не пришел в себя после сна и двигался за провожатым, машинально переставляя ноги.

Почему он пошел за этим человеком, он не мог объяснить... наверное, потому, что больше доверять было некому.

Когда дверь закрылась, стало совсем темно.

— Слушай меня, парень. Здесь тебя все равно найдут: ты единственный, кого не щекотали, значит, обречен. Тебе больше никто не поможет, — зашептал в ухо Мавродию провожатый. — Я покажу тебе дорогу на волю, только ты пообещай мне... — он не договорил, а вместо этого залился веселым смехом, но ненадолго. Вероятно, самощекотка сбила его с мысли, и он только сказал: — Понял?

— Понял, — ответил Мавродий тоже шепотом, хотя ничего не понял.

Но спрашивать не стал, да у него и не было другого варианта: во всех случаях он был обречен, поэтому оставалось только доверять этому человеку.

— Тогда держись за меня. Я дорогу знаю и в темноте найду. А я тебя помню. Тебя Мавродий зовут, ты к Генриху Карловичу на Черную речку приходил.

Они шли медленно в полной темноте, Мавродий держал руку на плече провожатого, делая маленькие шажки, чтобы не наступить ему на пятки. В это время в голове крутилась одна мысль: «Куда мы идем?» Но своему проводнику он не задавал вопросов, хватаясь за любой шанс спастись. Пусть это был даже такой бессмысленный и безнадежный шанс, как условие этого человека. В продолжение всего пути провожатый, вероятно, периодически пощекотывал себя под мышками и хохотал во всю глотку. Мавродий вздрагивал от неожиданности. Не услышал бы кто! Откуда-то тянуло костром. Наверное, охранники во дворе жарили шашлыки. Он вспомнил, что ничего не ел уже целый день... А что сейчас, день или ночь? Сколько он спал, куда идет?.. У него было много вопросов, но он молча шел нетвердым шагом, куда ведут, спотыкаясь обо что-то во мраке, ударяясь об углы...

Остановились...

Заскрипели несмазанные петли, пахнуло свежим воздухом, выветривая запах шашлыков. Ему даже показалось, что где-то вдалеке замаячил свет.

— Пойдешь прямо, — все так же шепотом заговорил провожатый, должно быть боясь себя обнаружить, хотя в продолжение всего пути хохотал так громко. — Подземный тоннель выведет тебя на волю. Удачи!

— Спасибо, — сказал Мавродий, он был в некотором изумлении. Никак он не ожидал, что так просто можно выйти из этого проклятого дома.

— А другие как? Может быть, им тоже показать выход? — сказал Мавродий.

— Да они все знают, — донеслось из тьмы.

Мавродий был изумлен.

— А что же они не убегут отсюда?!

— Не хотят.

Ощупывая кирпичные стены, Мавродий медленно продвигался по тоннелю, с застенчивым восторгом ощущая движение свежего воздуха. Под ногами скрипел песок, попадались обломки кирпичей, ноги подворачивались, но он шел, стараясь поскорее достигнуть выхода. Он уходил от остающейся за спиной опасности, это вызывало радость. И в то же время в душе поднималась печаль, казалось, он уходил от чего-то настоящего, возвращаясь к своей обывательской жизни. Уходил, возможно, от своего самого главного чувства, которое он, может быть, никогда уже не испытает в этой жизни. А те люди и Егор остаются и ждут достижения своего личного, высшего мерил человеческого существования.

Впереди показался тусклый свет, и он шел на него, невольно ускоряя шаг. Свет был какой-то неясный и как будто исходил сверху.

Мавродий остановился возле большого камня, закрывающего выход из туннеля. С правой стороны была щель, Мавродий боком протиснулся в нее и, отпихнув заслонившую вход пустую бочку, вылез наружу.

— Ух ты! — вырвалось непроизвольно.

Он оказался на берегу Финского залива. Стояла белая ночь. На море был полный штиль, когда вода гладкая, без единой морщинки, когда природа застыла, словно неживая. Ни единый порыв ветра не тревожил древние сосны. И если бросить в воду камешек, круги по воде, кажется, будут расходиться до горизонта. Огромные валуны, как будто специально наваленные на песке пляжа каким-то великаном, и светлое небо белой ночи, луна, водная гладь, в которой отражается небо с луной и редкими звездами, и если долго смотреть, уже непонятно, какое небо настоящее. Как будто нет на земле больше ничего, как будто вот только это и есть — и ничего больше! Там за камнем, где располагался подземный ход, остались ужас и безумие, здесь — покой и наслаждение.

«Вот оно — счастье», — подумал Мавродий и тут же внутренне напрягся: это слово ассоциировалось у него уже совсем с другим, с тем, что осталось в темноте за камнем.

Мавродий вдыхал полной грудью чистый морской воздух, улыбка бродила по его лицу.

Невдалеке на камне неподвижно сидел человек, тоже любясь удивительным видом. Таким море бывает редко. Подальше на камне — рыбак с удочкой, откуда-то доносился запах костра. Все это умиротворение вселяло в душу покой. И не нужно другого счастья. Человек на камне повернулся, посмотрел в сторону Мавродия и помахал ему рукой...

— Андрюша... — вырвалось у Мавродия. — Он здесь откуда?

Мавродий подошел.

— Ты здесь что делаешь?

— Красиво, — сказал Андрюша вместо ответа.

Мавродий опустился на соседний валун. Некоторое время сидели, молча наслаждаясь тишиной и изумительной красотой природы. Мавродий с блаженством вдыхал запах моря, смешанный с запахом костра. Сейчас он почему-то вспомнил Машу, сестру Андрюши.

— А покажи фотографию, — попросил он.

Андрюша достал сложенную карточку и показал Мавродию.

— Красивая.

— Да, красивая, — почему-то повторил за ним Мавродий, хотя и не собирался этого говорить.

Как будто чувство красоты у них совпадало... Хотя, может быть, и совпадало...

В лице девушки было нечто привлекавшее, притягивающее взгляд Мавродия — внутренняя чистота и пустота... Да, наверное, пустота, там не было ничего наносного, того, что накапливается в человеке за время его жизни: обиды, разочарования, раздражение, ненависть, зависть — то, что остается в человеке и что он несет в себе всю свою жизнь и проявляется в его внешности, в глазах... В Машином лице не было ничего наносного. Как пустой сосуд, который можно наполнить прекрасным содержанием, который не принимает ничего плохого.

Но не об этом думал Мавродий, глядя на лицо Маши... Да он вообще ни о чем не думал, как загипнотизированный, он смотрел на нее и, когда Андрюша, сложив фотографию, хотел спрятать в карман, очень заволновался.

— А где она живет? — спросил он.

— С мамой.

— Адрес, адрес какой?

Андрюша пожал плечами.

— Улица какая? — не отставал Мавродий.

Ему почему-то бешено захотелось найти ее, поговорить с ней, неважно о чем. Он расспрашивал Андрюшу, теряя терпение, пока не осознал, что даун Андрюша не знает адреса.

Мавродий замолчал: он понял, что надежда узнать ее адрес рухнула и от него ничего не добиться. Некоторое время сидели молча, глядя на воду, небо... Но Мавродий уже не испытывал того наслаждения.

— У сфинкса гуляет, — вдруг сказал Андрюша как бы невпопад.

Но Мавродий догадался, что он имеет в виду Машу.

— У какого сфинкса?!

Где-то совсем близко, разрывая умиротворяющую тишину, раздался вой сирены. Мавродий оглянулся на звук.

Из-за деревьев в небо поднимался столб дыма, он поднимался перпендикулярно вверх высоко-высоко...

— Что это, пожар? — как бы про себя проговорил Мавродий.

— Дом счастья горит, — сказал Андрюша, глядя на поднимающийся в небо дым.

— Как, почему горит?

— Андрюша его поджег.

Он вынул из кармана коробок спичек и потряс перед лицом Мавродия.

Рыбак, обернувшись, тоже смотрел на столб дыма. Мавродий посмотрел на него, и тут ему стало не по себе, бросило в жар. Это был одноглазый бандюган Диоген... или человек, очень похожий на него.

«Да нет, наверное, показалось, — подумал Мавродий. — Теперь везде будет мерещиться».

Снова взвыла сирена.

— Дом счастья горит, — снова сказал Андрюша и снова потряс коробком спичек перед лицом Мавродия.

— Зачем? — спросил он.

Андрюша молчал.

— Зачем? — повторил Мавродий.

— Там нет счастья, — ответил Андрюша и, отвернувшись, стал смотреть на гладь моря.

Мавродий тоже повернулся к морю, пытаясь осознать сказанное Андрюшей.

Сзади раздался смех. Мавродий вздрогнул, обернулся. Из-за камня, закрывающего подземный тоннель, вышел человек, озираясь то ли от удивления, то ли от восторга — кажется, он не понимал, куда попал. Не обращая внимания на Мавродия с Андрюшей, он пошел по песку вдоль берега, огибая огромные валуны.

Мавродий с Андрюшей, повернувшись в сторону берега, смотрели не отрываясь. Из-за камня появился еще один человек со столь же растерянным видом, не обращая внимания на Мавродия с Андрюшей, он тоже пошел вдоль берега. Потом появился еще один, потом еще...

Они выходили из-за камня, удивленно озираясь — «куда это я попал?» — и уходили вдоль берега куда-то вдаль. Это была иллюзия белой ночи или что-то другое, но Мавродий, не отводя взгляда, следил за этой вереницей молчаливых, изредка похотывающих людей. Были среди них охранники в форме и подопытные, одетые в одинаковые,

поношенные, серые костюмы, из первой партии, которые, не удержавшись, пощекотывали себя под мышками, и пациенты из второй партии... Заметил Мавродий среди них и Егора, но не стал окликать, боясь нарушить его сосредоточенное состояние, как будто он знал, куда и зачем идет. Был среди них и Генрих Карлович, и он вместе со всеми ушел вдоль берега, растворившись в белой ночи... Вышел и высокий мужчина в черном пальто и вязаной шапочке. Выйдя из-за камня, он, закинув голову, захохотал горланно-булькающе и пошел по берегу вдаль...

А столб дыма все рос в высоту и ширину, а люди из Дома счастья все шли и шли. Счастье расплзлось по берегу Финского залива. Его носители разбредались по песку между валунами под сенью вековых сосен, и казалось, не будет им конца.

На Мавродия и Андриюшу никто не обращал внимания, как будто их не было или они были невидимыми. Рыбак, похожий на одноглазого Диогена — а может быть, это и был он, — некоторое время смотрел на эту процессию, потом свернул снасти и, вскинув удочку на плечо, соскочил с камня, где удил рыбу, подошел к выходу из подземного хода, поставил удочку и, перевернув стоявшую здесь пустую бочку, покатил ее вдоль берега.

Мавродий проводил его взглядом и пожал плечами. «Черт его знает...»

Белая ночь — ночь иллюзий.

Последним из подземного тоннеля вышел бугай-охранник. Наверное, до конца искал по дому Мавродия, вот и задержался.

— Ну, и я пойду, — сказал Андриюша, проводив глазами удаляющегося бугая.

Он вложил в руку растерянного Мавродия коробок спичек и поднялся.

— Подожди! Где мне Машу найти?

Андриюша пожал плечами.

— Она там, где сфинксы.

И пошел, неуклюже переваливаясь, обходя большие валуны и постепенно растворяясь в таинственном свете белой ночи.

* * *

Дом счастья горел мощно, большие клубы дыма поднимались высоко в комаровское небо, языки пламени вырывались из всех окон разом. Приехавшие пожарные свалили забор, так что стала видна значительность строения. И все сразу предположили, что это дом олигарха, и обрадовались! К олигархам одинаково относятся в любой стране мира.

На пожар сбежались все отдыхающие в Комарове писатели и поэты, воспринимая это как прекрасное продолжение фестиваля Анны Ахматовой. Они делали сэлфи на фоне горящего дома, делились впечатлениями, давали советы пожарным... Какой-то поэт, забравшись на пенек, широко размахивая руками, зычно декламировал стихи. Его снимали на смартфоны под разными углами. Это было главным событием Комарова за летний сезон. Еще долго писатели вспоминали этот пожар. Больше бы таких!

Кто-то из них потом, вдохновленный пожаром, написал на эту тему стихотворение, кто-то — рассказ, а кто-то — даже пьесу... Но все зря! Не напечатали, не поставили, потому что литература давно уже никого не интересовала.

Танцуя и веселясь на пожарище, писатели и поэты еще не знали, что совсем скоро литература получит второе дыхание. Тиражи книг взлетят и будут продаваться в промышленных масштабах. Что совсем скоро они станут нужны стране и народу.

ЧАСТЬ 3

Глава 1. Человек из пустоты

Первые дни Мавродий сидел дома, закрывшись на все замки; никому не звонил, никуда не выходил. Ему казалось, что за ним придут и заберут в этот страшный Дом смеха, Дом счастья или как для него, так Дом ужаса. Да и сгорел ли он на самом деле.

Дни стояли жаркие. Квартира, окна которой выходили на южную сторону, раскалялась, но Мавродий умышленно не открывал окна. Когда он только вернулся и, открыв форточку в кухне, чтобы проветрить, услышал чей-то смех во дворе, тут же захлопнул ее. Слышать смех для него было мучительно.

Прошла неделя. Все это время он старался не вспоминать то, что произошло с ним. Когда продукты закончились, набравшись храбрости, спустился в магазин.

Светило солнце, по мостовой шли люди, в мире ничего не изменилось. Он брел по солнечной стороне улицы, внимательно вглядываясь в лица людей, и не видел в них опасности или агрессии. Только когда слышал где-нибудь смех, вздрагивал, сердце в груди съеживалось... В мире ничего не переменялось, переменялся только сам Мавродий.

Он позвонил на работу, соврав, что болел, чтобы эти дни ему засчитали как отпуск за свой счет, и с понедельника вышел на работу.

И все пошло своим чередом. Он грузил книги, отправлял их в Книжную палату, или авторам, или в переработку. Жизнь налаживалась, но внутри образовалась какая-то пустота. Иногда он вспоминал Дом смеха, но теперь без прежнего ужаса, скорее, с тоской в сердце, как будто потерял нечто особенное, настоящее — шанс, который давала ему жизнь, а он не воспользовался. И вот снова таскает пачки с книгами и в будущем не видит никакого будущего. А мог! Мог обрести счастье. И хохотал бы в свое удовольствие. Все-таки счастье — это то, чего хочет каждый человек, пусть счастья даже такого призрачного, как отзвучавшая музыка.

Почему-то после всего, что произошло, Мавродий не хотел звонить Егору и видеть его, да и сам Егор никак не проявлялся.

Иногда Мавродий вспоминал Машу, которую видел только на фотографии. Ее образ не выходил из памяти. Он сравнивал ее с другими женщинами, которых знал, с теми, кто работал у них в типографии. Но между ними и Машей была пропасть, все они со своими мелкими делами, заботами, ненужной болтовней не могли заинтересовать Мавродия. Особенно он не любил пустых женских разговоров, ему казалось, что с Машей ему можно было бы молчать столько, сколько захочется. А еще ему представлялось, что Маша прилетела с другой планеты... Наверное, с Венеры или откуда-нибудь из далекой космической пустоты... Но не с Земли! А все те женщины — с Земли, на земле живут и в землю уйдут. Но не Маша! Она не уйдет, ее заберут обратно на планету, с которой она прилетела, — в пустоту.

Вот какие-то такие мысли иногда вечерами после работы бродили у Мавродия в голове. Причем образ Маши в его памяти не размывался со временем, что было бы естественно, а, наоборот, проявлялся еще яснее и ярче. Возможно, он придавал ей в своем воображении новые черты, которых у нее не было.

Мавродий ездил на работу, вечерами сидел за компьютером и думал о Маше.

Глава 2. Новая жизнь книги

В книжном мире между тем начались изменения, которые в дальнейшем привели к резкому увеличению тиражей. Теперь большинство книг из типографии поступало напрямую в утилизацию, минуя магазины, в которых книги не покупали.

По весне в типографию стали навещать старушки за книгами. Возьмут две-три книжки и уходят довольные. Потом с пенсии приходят за добавкой, так что, бывает, даже очередь из старушек за книгами выстраивается. Берут понемногу, зато часто. Большим спросом пользуются книги в мягких переплетах, они и полегче, и, считается, пользы от них больше.

Дома старушки рвут страницы с буквами на мелкие кусочки и удобряют ими землю на дачном участке. От этого, как они утверждают, повышается урожайность. Причем, как было замечено, для повышения урожайности требовались именно листы с буквами: в них, видно, смысла больше. Потому как мелко надранную чистую бумагу сколько в огороде ни закапывай — толку не будет. Главным удобрением оказывались буквы, землю удобрявшие не хуже навоза и перегноя. Так что книги садоводам-огородникам решили продавать по весу. И писателям хорошо: расходятся их книги — не зря пишут...

Так книги обрели новую жизнь.

Со временем огородники начали замечать, что от букв одних авторов урожайность повышается значительно, а от других нет. Появились и авторы токсичные: от их произведений урожая вовсе не было, одни сорняки. От этого тиражи на книги и гонорары писателям издатели стали выплачивать сообразно спросу огородников на их буквы.

Технология издания не изменилась. Так же с рукописью работали редакторы, корректоры, верстальщики, книгу печатали в типографии; и только после этого тираж поступал на завод по переработке, где с книг сдирали обложки, страницы с буквами мельчили, упаковывали в красивые мешочки и пускали в продажу весом: отдельно женские романы, отдельно детективы, отдельно фантастику... По обыкновению, вперед вырвались дамские романы. Другие, совсем неходовые жанры — такие, как пьесы или поэзия — подходили разве что для домашних цветов в горшочках.

В последующие годы крупные аграрные предприятия заинтересовались новыми технологиями удобрения полей, это им подсказал искусственный интеллект. Технология удобрения полей буквами из книг в промышленных масштабах получала все большее развитие.

Писатели были довольны. Их книги наконец стали востребованы обществом и даже приносят пользу стране и людям. Независимо от того, что написано в книгах, все писатели уравнились — между ними исчезли соперничество, зависть, стремление выделиться.

Правда, среди писателей ходили разговоры о том, что искусственный интеллект нарочно придумал такую схему, чтобы избавиться от конкурентов, потому что в последнее время интеллект сам выпускал много книг. А писательские труды, чтобы устранить конкурентов, направил вместо навоза на поля. Так или иначе, но урожайность заметно повысилась, и аграрный сектор страны вырвался далеко вперед.

Так что из «инженеров человеческих душ» писатели превратились в производителей удобрений.

Глава 3. Сфинксы умеют хранить тайны

Прошел год. Работы в издательстве стало много, и Мавродий уматывался. Приходя домой, почти сразу ложился спать, а наутро снова на работу. Полегче стало только к лету, когда прошел сезон огородных посадок.

Во дворе расцвела сирень, ее запах напомнил Мавродию о Маше. Мысль о ней не уходила, она только затаилась на время и вот сейчас выскочила с запахом сирени, заставив биться сердце быстрее.

Белые ночи еще не наступили, в природе чувствовалось только предвкушение их прихода, они всегда приходили с запахом сирени.

У Мавродия возникло сильное желание найти Машу, но он совершенно не представлял, как это сделать. Десятки раз он вспоминал разговор с Андрюшей, но то, что он говорил, никак не приближало к цели и не давало никаких ориентиров. Он не знал ни ее фамилии, ни адреса, ни даже района, в котором она живет. Единственная фраза Андрюши, что она «там, где сфинксы», вселяла какую-то надежду.

Мавродию часто снился один и тот же сон, как он встречается с Машей на Университетской набережной возле сфинксов, но после этого вода в Неве вздыбливается, а Петербург начинает разрушаться — рушились мосты и дома, памятники и дворцы... рушились сфинксы... Мавродий просыпался и после этого долго не мог уснуть.

Однажды он решил съездить на Васильевский остров погулять возле сфинксов, полюбоваться на Неву. По каким-то суеверным представлениям он запрещал себе даже думать о том, что может встретить Машу. Как будто ехал туда просто развеяться, подышать воздухом Петербурга.

Был пасмурный субботний день. Позавтракав, Мавродий поехал в метро на Васильевский, где на Университетской набережной стояли гранитные фигуры сфинксов с лицом Аменхотепа III, привезенные в Петербург в 1832 году из Фив. О них ходили мрачные легенды. Будто сфинксы эти приносят несчастье, и человек, заглянувший им в глаза, в особенности ночью, умирает в страшных мучениях. Что они чужды духу самого по себе мрачного Петербурга, а тут еще мрак египетский. И действительно, сфинксы как бы всегда спорили с городом, выглядевшие не естественно, а будто оказавшиеся здесь случайно и ненадолго, и казалось, вот-вот соберутся и уйдут.

Конечно, никакой Маши возле сфинксов он не встретил, вокруг них вились туристы, гомонили на разных языках, фотографировались. Мавродий со своим романтическим настроением здесь был явно лишним. Он погулял по набережной туда-сюда, полюбовался Невой, дворцами на другом берегу и поехал домой.

Он злился на себя: совсем не так он представлял эту поездку к сфинксам. Но эта неудача не заставила его смириться и отказаться от желания встречи с Машей, совсем наоборот — Мавродий был из тех людей, которым трудно сделать только первый шаг, а дальше их не остановить.

С тех пор каждый день после работы и в выходные Мавродий ехал к сфинксам. Со временем поток туристов уменьшился, или он перестал их замечать, а сфинксы стали для него живыми или как живые. По выражению лиц он определял их настроение: довольны они сегодня или нет. Возможно, так падал свет или сумрак на их лица, от этого и менялось выражение. Но чаще они явно казались недовольными: дождь, сырость, холодный ветер были им не по душе, ведь они из тех мест, где солнце, песок, а дождь бывает раз в три года.

Мавродий так привык к этим гранитным чудовищам, что как-то белой субботней ночью, приехав уже поздним вечером, решил остаться здесь на ночь. Тем более что выражение лиц сфинксов в этот раз выглядело благосклонно.

Когда Мавродий оказывался один возле сфинксов, то шепотом задавал один и тот же вопрос: «Вы не видели здесь Машу? Она не такая, как все, — она такая, как вы, в ней тайна». Но сфинксы молчали — сфинксы умели хранить тайны.

* * *

Ночь еще не наступила. Полночь в Петербурге в конце июня еще не ночь, но туристы схлынули, по набережной прогуливались только влюбленные парочки. Мавро-

дий побродил возле сфинксов, спустился по гранитным ступеням к бронзовым грифонам, располагавшимся ближе к воде, и снизу заглянул в лица сфинксов. Сегодня они выражали чинное спокойствие, не наблюдалось и тени раздражения. И неудивительно: вечер казался прекрасным, чуть морщилась вода Невы, было на редкость хорошо, даже ветер казался не просто теплым, а каким-то ласковым, будто вчера нашкодил и теперь подлизывался.

Мавродий решил прогуляться по набережной и зайти в Румянцевский сад, поблизости, стоило только перейти дорогу. Это был старинный сад с огромными деревьями, огражденный красивой чугунной решеткой. Мавродия всегда смешило, что парки и сады Петербурга ограждают решетками, как будто боятся, что деревья разбегутся по городу и обратно их будет не согнать.

В саду этом он бывал много лет назад с Егором, уж и не помнил, почему их туда занесло. Мавродий неторопливо шел по дорожке сада. У фонтана на лавочке сидела влюбленная пара, да еще в самом конце за деревьями, возле второго фонтана — две женщины. В своих мыслях Мавродий бесцельно бродил по дорожкам сада, подошел к обелиску, возвышавшемуся в центре. Прочитал надпись на памятнике: «Румянцева победам», не задумываясь о смысле, пошел не назад к главному входу, а свернул направо к другому фонтану, где сидели женщины, хотя идти туда не собирался, чтобы не нарушать их покой. Он подошел ближе и остановился. Сердце забило быстрее. На скамейке сидела Маша в розовом платье. Она оказалась роста совсем невысокого: сидя на скамейке и не доставая до земли, болтала ногами в воздухе, как делают дети, чтобы чем-нибудь себя занять. Рядом с ней сидела женщина интеллигентной наружности, в очках, с короткой стрижкой светлых волос, слегка ссутулившись и с каким-то усталым выражением лица.

Мавродий сделал несколько произвольных шагов к скамейке. Женщины повернулись к нему.

— Маша, — сказал он с улыбкой, чуть наклонившись и глядя в ее глаза. — Маша.

Маша смотрела на него молча, у нее были чуть навязат светло-голубые, как небо, глаза; она удивительно была похожа на своего брата, только черты мягче и нежнее. Именно такой рисовало ее воображение Мавродия, именно такой представлял он себе Машу.

Наконец он нашел ее!

— Молодой человек, — сказала женщина, сидевшая рядом с Машей. Она поправила очки, словно собиралась лучше рассмотреть Мавродия, — это не Маша.

— Как не Маша!.. — вырвалось у Мавродия.

— Это, конечно, очень странно, что вы так ее назвали, но ее зовут Анжела.

— Как Анжела... это же Маша, — растерянно и глупо возразил Мавродий.

Женщина, казалось, смотрела на него не менее изумленно, чем он на нее.

— Вы ошиблись, — улыбнулась она.

Мавродий был в отчаянии. Перед ним сидела Маша, которую он разыскивал уже давно и которую не мог забыть целый год. Это она — он был уверен!

— Люди, страдающие этим синдромом, похожи между собой, — продолжала женщина, грустно вздохнув. — И нужно привыкнуть, чтобы различать их.

— Извините, — сказал Мавродий потерянно, еще раз посмотрел на девушку, во время разговора не сводившую с него глаз, и пошел по дорожке сада.

«Как же так?! — билось у него в голове. — Не может быть, чтобы я ошибся. Ведь на фотографии, которую показывал Андрюша, была именно она».

Мавродий медленно шел по дорожке, обогнул памятник и остановился.

Ну и пусть! Пусть ее зовут Анжела. Но ведь именно ее он искал и ждал возле сфинксов. Это ее глаза, ее свет, исходящий изнутри. Он не мог ошибиться! Пусть не она, но это все равно она!

Он повернул обратно, обошел памятник...

Скамейка возле фонтана была пуста.

Мавродий огляделся кругом, но нигде их не увидел. Как они могли уйти так незаметно и быстро?!. Он метался по дорожкам сада. С выпученными глазами подбежал к влюбленной паре, сидевшей на скамейке в другом конце сада: он хватался за любую возможность.

— Вы не видели, куда две женщины вон с той скамейки ушли?.. — махнул куда-то рукой.

Влюбленные оторвали взгляды от смартфонов и бессмысленно посмотрели на Мавродия.

— Не видели, куда две женщины пошли с той скамейки? — повторил он, прерывисто дыша.

Влюбленные только плечами пожали, не столько испугавшись безумного вида Мавродия, сколько не выпутав сознание из сетей... соцсетей.

Пара, не возвращаясь к смартфонам, еще долго наблюдала за молодым человеком, казалось, в каком-то ражу мечущимся по саду.

— Наверное, смартфон украли, — сказал молодой человек, посмотрев на свой гаджет. — Я представляю! В нем же вся жизнь, все счастье.

— Наверное, — согласилась девушка. — Но ты все-таки сволочь, что заставил меня аборт сделать. Вот мне и все подруги пишут, и горестные эмодзи ставят... — она посмотрела на экран смартфона. — Уже сто восемьдесят штук! Ого!

И они снова устали в смартфоны.

Мавродий выскочил на набережную Невы, огляделся, потом снова — в сад... пробежав его насквозь, оказался на какой-то незнакомой улице... Он в отчаянии метался, ища Машу... Пусть не Машу — Анжелу. Но ее, единственную!

Мокрый от пота Мавродий вернулся в сад и опустился на скамейку. Только сейчас пришло осознание, что он потерял эту девушку, нашел и потерял! Какая, на фиг, разница, как ее зовут, главное, что это она!

«Может быть, у сфинксов?!» — пришла в голову спасительная мысль.

Он вскочил и побежал к Неве.

Но и у сфинксов их не было.

Глава 4. Все кончается пустотой

Дома, успокоившись, Мавродий мог размыслить уже с холодной головой. Если они поздно вечером сидят в саду, значит, живут где-то поблизости, и есть надежда еще раз повстречать Машу, хотя он уже начал привыкать к тому, что ее зовут Анжела.

На следующий вечер он поехал в Румянцевский сад. Сначала подошел к сфинксам поздороваться, как будто это уже старые его приятели, а может, так оно и было. Мавродий относился к ним дружелюбно, но неизвестно, как сфинксы относились к Мавродию. Сфинксы умеют хранить тайны.

Весь вечер Мавродий бродил по дорожкам сада, ожидая Анжелу. И все равно пропустил!

Они сидели на той самой скамейке, что и вчера. Мавродий шел к ним, совершенно не представляя, с чего начинать разговор. Поэтому, подойдя, он сказал первое, что пришло на ум:

— Здравствуйте, мы с вами вчера встречались.

Ангела улыбнулась и тоже поздоровалась. Женщина рядом с ней кивнула доброжелательно.

— А мы вас вчера с Анжелочкой вспоминали.

— Правда? — Мавродий растерялся и неожиданно для себя добавил: — Я тоже.

Она поправила очки, в ее лице просматривалось что-то типично учительское.

«Наверное, учительницей работает, — подумал Мавродий. Он был второгодником и в школе учился плохо, поэтому училки не любил за двойки. — Ну и пусть».

— А вы здесь гуляете? — спросила женщина, судя по всему, ей хотелось с кем-нибудь поговорить. — Да вы присаживайтесь.

Она чуть подвинулась на скамейке.

— Да вот, воздухом дышу, — сказал Мавродий, но садиться отказался: тогда бы ему не было видно Анжелу.

— А мы с Анжелочкой выходим всегда вечерами, когда народу поменьше. Она особенная и понимает это.

— Да, — Мавродий смотрел на Анжелу. — Она особенная...

Только он вложил в эти слова иной смысл.

— Она иногда стесняется, — продолжала женщина, — поэтому выходим только перед сном. А вообще, она любит сфинксов, ну тех, которые на набережной, — женщина кивнула в сторону Невы. — Вы знаете, только не смейтесь, мне иногда кажется, что у Анжелочки со сфинксами какая-то связь. Ментальная связь... Ну вот, вы меня считаете совсем полоумной.

— Вообще нет, — Мавродий покачал головой. — Мне кажется, что и у меня тоже с ними какая-то связь, я проводил с ними слишком много времени.

— Правда?! — обрадовалась женщина. — А мне вот все говорят, что я совсем из ума выжила... особенно ее отец. Меня зовут Наталья Николаевна.

Мавродий тоже представился. Он стоял напротив женщин, заложив руки за спину.

— Я работаю в толстом литературном журнале редактором, может быть, вы слышали, есть такой журнал «Нева». Но сейчас журналы не выписывают и не покупают, живем на субсидии. Такие времена, что литература никому не интересна.

— А вы здесь каждый вечер гуляете? — уловив промежуток в ее речи, спросил Мавродий.

— Почти каждый, но нам уже пора.

Наталья Николаевна поднялась.

— Тогда мы с вами завтра увидимся, — сказал Мавродий, все время разговора поглядывая на Анжелу, которая все больше нравилась ему. Да, пожалуй, «нравилась» — не совсем верно: он все больше проникался ею, словно она была уже в нем — где-то в его душе, в сознании, — словно они уже что-то единое целое.

— Увидимся, — сказала Наталья Николаевна. — Пойдем, Анжелочка.

— До завтра, — крикнул Мавродий вслед удаляющейся паре.

Ангела обернулась и с улыбкой помахала Мавродию рукой.

Мавродий был счастлив, он не спал всю ночь, на работе улыбка не сходила у него с лица, так что печатник Николай Николаевич после обеда, озадаченно ковыряя ногтем в дупле зуба — в это время он всегда был внимателен, — спросил:

— Ты что, влюбился?

Мавродий ничего не ответил, он и сам не знал: Анжела не привлекала его как женщина, и это была даже не любовь, а что-то другое, большее.

В сад он приехал заранее и еще два часа ждал появления Натальи Николаевны и Анжелы. И когда увидел их, идущих по дорожке, заволновался, поднявшись, пошел им навстречу. На Анжеле было все то же розовое платье, сверху надета джинсовая куртка. Увидев Мавродия, Анжела бросилась к нему и обняла. У Мавродия сердце чуть не выскочило от счастья.

— Вы ей понравились, значит, вы хороший человек. Анжелочка не ошибается в людях.

Они сели на скамейку, Анжела примостилась в середине.

— Знаете, у Анжелочки совсем нет друзей, и, я думаю, вы не случайно оказались в этом саду. Может быть, вы сочтете меня странной, но я верю в гороскопы, экстрасенсов и вообще в мистику. В мире все взаимосвязано, в нем не происходит ничего случайного, и если мы встретились, это тоже не случайно. Вы очень понравились Анжелочке... Ах, ну я уже говорила.

Сидя рядом с Анжелой, Мавродий испытывал волнение и невнимательно слушал Наталью Николаевну, встрепенулся только, когда она сказала:

— Вы знаете, Мавродий, у Анжелы есть братик.

— Правда?!

Мавродий напрягся.

Наталья Николаевна порылась в бордовой кожаной сумочке, стоявшей у нее на коленях, вынула фотокарточку и протянула Мавродию. Она была точно такая, как показывал Андрюша — точно так же потерта, точно так же сложена пополам. Разглядывая ее, Мавродий не мог избавиться от чувства, что он держал ее в руках, что это та самая фотокарточка, которую видел в Доме смеха.

Анжела оживилась.

— Андрюша, — сказала она и указала на него пальцем. — Анжела, — совсем как ее брат, указала на себя.

— Знаете, Мавродий, Андрюша называл Анжелу Машей. Это имя он больше любил. Теперь представляете, как я была изумлена тому, что вы назвали Анжелочку Машей? Я не нахожу этому объяснений, это какое-то мистическое совпадение.

Мавродий кивнул. Он не хотел рассказывать этой милой женщине, что произошло с ним год назад. Ему вообще не хотелось говорить: рядом с Анжелой ему было хорошо без слов. А со словами было бы хуже, было бы мелко и бессмысленно — слова не могли передать то, что он чувствовал. И хорошо, что Наталья Николаевна говорила сама, не втягивая Мавродия в разговор.

— Это, конечно, мистика... Мы развелись с мужем десять лет назад. Я верила в гороскопы и экстрасенсов, а он верил в жизнь на других планетах и инопланетян, наверное, поэтому мы и разошлись. Он уехал в Москву, забрав Андрюшу, я осталась с Анжелочкой. Он дослужился там до министра, но я читала в Интернете, что год назад его сняли.

— Сняли? — переспросил Мавродий.

— Да, теперь он на пенсии, — сказала Наталья Николаевна, пряча фотокарточку в сумку. — Хорошо, что у меня работа, не требующая присутствия в редакции журнала, так я могу больше времени уделять Анжелочке. Вот сейчас редактирую роман, странный роман про щекотку.

— Про щекотку?! — воскликнул Мавродий, привставая со скамейки, он даже приоткрыл рот от удивления.

— Да... — опешив от его реакции, сказала Наталья Николаевна.

— А что там написано?

— Сюжет необычный. Как будто в Комарове, пригороде Петербурга, стоял дом, где людей щекотали, чтобы они достигли состояния счастья...

Кровь ударила Мавродию в лицо. Он отчего-то очень испугался.

— Не нужно, не рассказывайте!

— Почему? — удивилась Наталья Николаевна.

— Я лучше сам потом прочитаю, чтобы не портить впечатление.

— А, ну да, конечно, — согласилась она.

С тех пор они виделись почти каждый вечер. Мавродий встречал их в Румянцевском саду, и Наталья Николаевна рассказывала о своей жизни, о своей работе и еще о многом, а Мавродий, сидя рядом с Анжелой, получал несказанное удовольствие. Анжела, по словам ее матери, тоже расцвела и бежала на встречу радостно. Кажется, и она тоже была счастлива.

Иногда Наталья Николаевна вечерами отпускала их погулять вдвоем по набережной Невы. Это были лучшие моменты в жизни Мавродия.

В Анжеле была какая-то особенная пустота со светом внутри, которым хотелось любоваться. А они вместе любовались этим удивительным городом и были счастливы. И казалось Мавродию — весь город изменился вместе с ним. Отовсюду слышался радостный смех, хохот, повизгивания, внешний мир проявлял себя в звуках; хотя Мавродий, не замечая никого вокруг себя, слышал, что всем, как и ему, хорошо.

Они гуляли молча, держась за руки. С Анжелой можно было молчать о чем угодно. Они молчали и не могли намолчаться друг с другом, как будто были знакомы вечность. Они молчали о книгах, которые грузил Мавродий на работе: о легких книгах с пустотой внутри, о тяжелых с авторскими мыслями, героями, мыслями героев — со всей этой ненужной крошкой, которая делает книги тяжелыми, как кирпичи.

Они молчали обо всем.

Однажды, уже после двенадцати, когда белая ночь была на излете, они дошли до Троицкого моста и стали спускаться к воде.

Почти у самой воды на гранитных ступенях сидел человек в черном длинном пальто и шапочке на глаза. На коленях у него примостилась обнаженная девушка с распущенными зелеными волосами. Никого не замечая вокруг, они целовались.

Почти у самого спуска качались на волнах несколько экскурсионных катеров. Сгрудившись на палубах, прильнув к окнам, туристы во все глаза глядели на странную парочку. Уловив движение за спиной, сидевшая на коленях девушка встрепенулась, повернула лицо в сторону Мавродия и Анжелы. У нее были огромные, на пол-лица глаза. Она взвизгнула каким-то нечеловеческим голосом и вдруг, изогнувшись, подпрыгнула высоко и между прогулочными катерами бросилась в невскую воду. В воздухе мелькнул огромный плавник хвоста с рыбьей чешуей, раздался плеск, вода взвилась вверх, обдав брызгами Мавродия и Анжелу.

Человек в черном пальто посмотрел в их сторону, закинув голову, захохотал гортанно, как будто забулькал.

Начинались белые ночи.

Белые ночи — время иллюзий.

Мавродий с Анжелой, рассмеявшись, вытерли воду с лиц друг друга и, держась за руки, стали подниматься по гранитным ступеням на набережную.

И никакая щекотка, о которой иногда вспоминал Мавродий, не могла заменить ему этого счастья.

Глава 5. Планету трясет от счастья

То, что Петербург изменился, стало заметно только запоздалой весной, когда жители города перебрались из толстых пуховиков в более легкую одежду. Перемена не была внезапной и явной, но петербуржцы стали другими как-то легко и органично, как-то незаметно для окружающих и, наверное, для самих себя. В жизни горожан стало больше радости: то тут, то там на улицах, в метро, автобусах, офисах слышался веселый смех. Хотя в городе все осталось по-прежнему. Все то же пасмурное низкое небо, все так же шел дождь, ветер рвал зонтики из рук... Все так же тягостно, мрачно и сыро. Только весной, когда выглядывало редкое солнце, город вдруг проявлялся из сырости и тумана, представляя во всем своем великолепии. Но смеха в нем было мало — в нем всегда было мало солнца и смеха — задумчивая печаль, унылое и тоскливое, грустное и безнадежное, но только не веселое, смеющееся без смысла, беспричинно, просто потому что хорошо, потому что хочется смеяться! Так, только вежливая полуулыбка, но не смех, не смех во все горло! Город не привык к такому, для него это было неорганично и чуждо.

И вдруг, откуда что берется, то тут, то там искренний смех, хохот, улюлюканье... Совсем не свойственное петербургскому характеру. Может быть, это гости, приехавшие издалека? А там, вдалеке, у них так принято хохотать во все горло. Или гастарбайтеры из тех мест, где много солнца и энергии, где искренне смеются так заливисто, рыдают так надрывно? Оно бы понятно! Но нет, это жители города радуются чему-то. Хотя чему в Петербурге можно искренне радоваться? Кто живет в этом городе — знает.

Откуда-то, но точно не с запада, пришла мода пощекотывать друг друга. Встречаясь, друзья вместо устаревшего рукопожатия щекотали друг у друга под мышками. Этот дружеский жест с обоюдным смехом сразу располагал. И даже если встречались люди, относящиеся друг к другу с неприязнью, смех обоюдной щекотки часто примирял их.

Но конечно, прежде всего щекотку в общении взял на себя российский бомонд: актеры, писатели, художники. На презентациях и фестивалях это создавало особый доброжелательный фон. Отовсюду слышались смех, хохот, повизгивания и грубое ржание. Люди искусства, часто относящиеся друг к другу с нескрываемой неприязнью, бывало, умышленно или неумышленно впадали в крайность, причиняя друг другу физическую боль. Но это никак не сказывалось на общей атмосфере праздника радости и веселья.

В некоторых организациях руководители стали вводить практику щекотания сотрудников. При приеме на работу на собеседовании начальник, улучив момент, внезапно щекотал кандидата под мышками, и если один взвизгивал от неожиданности, а другой заливался пронзительным смехом, руководитель брал на работу последнего: такие хохотуны считались лучшими работниками и могли создать в коллективе более независимую и доброжелательную обстановку. Было замечено, что организации, в которых работники тестируются щекоткой, финансовые дела шли лучше, чем у их конкурентов. Поэтому щекотка стала широко применяться во многих трудовых коллективах.

Петербург был в авангарде нового веяния. Влюбленные вечерами щекотались на мостах города, в Эрмитаже, в Русском музее, на набережных Невы... Хохот слышался в Мариинском театре и в Публичной библиотеке. Хохотали друзья, влюбленные, просто малознакомые люди. Они смеялись, потому что их щекотали или они

щекотали кого-то и поэтому смеялись... Город расцвел каким-то новым цветом, это уже были не серо-дождливые тона, это были цвета радости! Туристы увозили в душе не только часть прошлой культуры Петербурга, но и новую петербургскую культуру.

В скором времени щекотка охватила Москву, приобретя столичный лоск, масштабность, безудержность и беспощадность.

Московские бизнесмены быстро сообразили, что при сложных деловых переговорах для налаживания доброжелательных и доверительных отношений с партнерами щекотка оказывает колоссальное влияние. С тех пор крупный бизнес при переговорах широко пользовался этим способом налаживания отношений. Как известно, самое трудное договориться, но при такой поддержке это стало реально. Экономика страны стала развиваться гигантскими темпами.

Как-то незаметно щекотка проникла в Государственную Думу и Кабинет министров. Депутаты стали активнее принимать законы, потому что стало легче договориться об улучшении жизни своим гражданам. Страна превратилась в самую процветающую державу мира.

Глядя на это удивительное преобразование и экономический прыжок, другие страны тоже ввели у себя обязательное щекотание. Министры и президенты разных стран вместо рукопожатия щекотали друг друга при встрече на саммитах и съездах, на форумах и симпозиумах. Смех от щекотки заменил не только рукопожатие, но и дежурную улыбку при встрече, которой уже давно никто не верил. После того как при встрече посмеялись искренне и от души, бывшим врагам уже трудно ссориться и ругаться. Мир утонул в смехе, хохоте, повизгивании и грубом ржании. Планету затрясло от смеха!

Все человечество пришло к миру, сложные вопросы и недопонимания решались на переговорах. Именно этого не хватало, мир наконец обрел искренность.

Елена ЕЛАГИНА

* * *

Вот и лето прошло, словно и не бывало...
А. Тарковский

Вот и лето прошло. Долгожданная осень, привет!
Что ж так грустно? И дождь так привычно течет по щеке.
В вазе пыжится ежиком астр прощальный букет,
И кусты без плодов, и деревья стоят налегке.

Что ж так грустно? Я рада, что шум меня ждет городской,
И привычные лица, и дней-близнецов круговерть,
Ну а здесь потихоньку подступит желанный покой,
Угасанье природы и тихая зимняя смерть.

Нет, не смерть, только сон до грядущей веселой весны.
О, как бережно множит сентябрь осенних дерев наготу!
И привычной надеждой полны их древесные сны,
А ноябрьский снежок им добавит свою красоту.

ЦИТАТА

Январская весна, как в пятьдесят ветрянка —
Случайно. Тяжело. Нелепо, наконец.
Подслеповатый день отброшен спозаранку —
Ни радости в нем нет, ни свежести. Конец
Воде незнамо где. Крещенские морозы
Парижским плюс четыре пыжатыся. И мы
Готовы ко всему, как гений русской прозы,
Которому смущать некрепкие умы
Не привыкать: «Ура! Мы ломим. Гнутся шведы».
Теплей день ото дня и вроде бы светлей.
Неловко небесам от собственного бреда,
И мокрой курой скачет в луже воробей.

Елена Елагина окончила Ленинградский институт точной механики и оптики, двадцать лет работала программистом, затем на Санкт-Петербургском радио и телевидении. Первые стихи опубликовала в 1990 году. Автор книг «Между Питером и Ленинградом» (1995), «Нарушение симметрии» (1999), «Гелиофобия» (2004), публикаций в журналах «Нева», «Звезда», «Новый мир» и др., а также критических статей и рецензий.

* * *

Жизнь так устроена, что мне не до нее —
Сама собой заброшенным подростком
Растет. И на губах ее короста,
И ложь в глазах, и вечное вранье
Иллюзиона за любым углом —
Как будто там все будет по-другому!
И эта тяга к обжитому дому,
Бог весть когда пойдущему на слом.

Когда бы знать... Когда бы знать, когда
Все кончится. К какой готовить дате
Уставший мозг. Еще звучит в токкате
Та бодрость, что растает без следа
В грядущей фуге... Намертво стежком
Суровой ниткой сшиты эти темы.
Утешит ли логичность теоремы,
Уменьшит ли обиды рыхлый ком?

Извечное — полцарства за коня!
И весь тот хлам — пятерки были в школе —
Когда пронзит иглой помимо воли:
Жизнь так устроена, что ей не до меня?

* * *

И легкий ямб, и грузный амфибрахий,
И Шуберт свищущий, и многотрубный Бах
Бредут впотьмах от колыбели к плахе,
Не смея свой поведать людям страх.

Не признаваясь, что прикосновенья
К заветным рычагам утяжеляют груз,
Что откровенья им как преступленья,
Как с дьяволом заведомый союз...

СТАРАЯ ПЕСЕНКА

На улице Коломенской
Мой миленький живет.
И сам верстой коломенской
По улице идет.

Его башмак немереный —
Размера сорок шесть!
Мне не хватает времени
Ни спать, ни пить, ни есть!

Я только им люблююся, От нервности бела, Во сне лишь с ним целуюся — Ох, горькие дела!	Я этой думой маюся, И слезы горько лью, И ядом запасаюся, И петлю мастерю.
Любовь-то, знать, бедовая — Иссушит да убьет, На подлости готовая, С другой его сведет...	Но с улицы Коломенской Пока что не схожу И за верстой коломенской Во все глаза слежу.

* * *

Не был мне дорогим, и никем ты мне не был вообще,
Что ж так тянет рыдать на коричневом этом плече?
К куртке, густо намокшей — и что не достали зонтов? —
Прижиматься щекой, будто взять меня в жены готов.
Всю-то жизнь рассказать, все обиды свои перечесать.
И зачем, и кому, незнакомцу ли, другу? — Бог весть!
Будто станешь мне нянькой, защитником, будто опять
Можно с новой страницы и с буквы заглавной начать.

* * *

Опять зима. Снега, морозы, льды...
Я зиму не люблю, да что в том проку,
Коль вновь плачу по зимнему оброку,
Считая дни минутами, увы...

Рифмовник пуст, и голова пуста,
Равнины невской так безбрежна пустота,
И долго превращений ждать иных,
Мороз вдыхая, выдыхая стих.

* * *

Отпусти меня, жизнь, не держи за потертый рукав,
Это все ни к чему, мы с тобой не братались, ей-богу!
И в любви не клялась тебе я, видно, мой неуступчивый нрав
Перепутан тобой с тем, кто склонен вышагивать в ногу.

Ты давно не моя! Что же липнешь, как жвачка к зубам,
Обезвкусевшая, потерявшая цвет, но утрату
Возместившая липкостью, цепкостью... Чей-то «сезам»
Отворяет тебя и легко превращает в караты

Эти капли дождя, блики в лужах и шепот листвы —
Как шумят тополя, и слова зарастают травой
На исходе заката, и крик одинокой совы
Не услышан мышами — поплатятся! Что ж головою

Ты киваешь и тянешь меня, вновь по-прежнему тянешь с собой?
Снова высветлен город до тона дурной акварели.
Снова купишь меня этим цветом — асфальт голубой
С серым небом сличен и прекрасен, как воздух в апреле.

* * *

А счастья не было и нет.
Да и не будет. И — не надо.
Отменно выправлен сонет,
И безупречно колоннада
Уходит влево по дуге.
И мира замысел невнятен
По-прежнему — что там слуге! —
Хозяину... И белых пятен
На нем не счесть, коль поскрести
Ногтем по краске, столь умело
Наложенной... И что в горсти
Сожмешь, свое оставив тело?

* * *

Цыц, глупая, опять тебя знобит?
Все знаю, все — не сахар, а сорбит
В пакетике господней расфасовки,
Что так прельстителен и так оправлен ловко
В чужую молодость, и силу, и красу...
И эти пряди светлые — куда мне
За ними с сединой своей! И камнем
Застыну вновь — не птицей — на весу.

* * *

Вдруг нагрянет, накатит, нахлынет — Не из наших насиженных мест — Из балтийской свистящей пустыни Морячок, мой дружок — вест-зюйд-вест.	Вновь наполнишь трахею и бронхи Не простудой, а свежей душой, В барабанных свистит перепонках Эта радость! Эх, ветер большой,
Закачает и небо, и землю. Скорлупой поплывет стадион. Покоряясь ему, но не внемля, Стая уток сгрудится в затон.	В горбунов превращай же прохожих, Надувая с загровка пальто, Облепляя колени... И все же Пусть мятежный Ван Гог — не Ватто!

Я в обнимку с ним, с ветром коварным,
Помня ту роковую черту
На граните. Вот счастье — задаром!
Не обрамить его в паспарту.

* * *

Еще трепещут клены, Пылает в разноцветье
Но желудь — под пятой, Разряженных деревьев,
Сентябрь еще зеленый, В грядущем лихолетье
Октябрь — золотой. Все тяготы презрев.

И осень-чародейка
Так дивно хороша,
Вези, узкоколейка,
И радуйся, душа!

* * *

Ленивый ангел, мой хранитель,
Не педагог, не утешитель,
Ошибок безучастный зритель
И прочих бедствий счетовод,
Что скажешь на суде последнем?
Ценитель сладкого безделья,
Найдешь ли оправданье лени
Или возьмешь самоотвод?
С тобою мы похожи слишком:
И я лентяйка — вот те на!
Чтоб жить обломовским умишком,
Активность вовсе не нужна.
А нужен хлыст! Да посильнее,
Чтобы ударить побольнее
С волшебным пенделем в пандан!
Уж что случится, то случится —
Неужто жизнь преобразится?
А так — на что нам ангел дан?

НА ОСТАНОВКЕ В 90-е

Плащик застиран в линалюю тряпку,
Утлые боты и грязный платок.
Смотрит так пристально. — Что тебе, бабка? —
— Эх, покурить бы оставил, сынок!

— Целую дал бы. Так нет. — И не надо.
Вот уж спасибо! — И курит взахлеб,
Не отводя напряженного взгляда
От горизонта. — Вот сдох бы он чтоб,

Этот трамвай! Не идет, окаянный,
Двадцать минут! — И пускает дымок
Так деловито. Сосед деревянный
Фыркает громко, но этот смешок

Ей безразличен. Должно быть, привычна
И не к такому. Но жизнь ей ценна
Чем-то — не нашим успехом наличным —
Солнцем, окурком, стаканом вина.

Вот уж слияние без разуменья
С вечной природой. И друг мой даос,
Тонкий, ученый, глядит в восхищенье:
— Мне до нее далеко! Бабка — босс!

Вот он в теорию пустится круто,
Но подошел долгожданный трамвай.
Все. Мы садимся. А бабке как будто
Он и не нужен. Прощай, мать, прощай!

Павел КРЕНЁВ

ОТ ЛОПШЕНЬГИ ДО САДОВОЙ, 26 И ДО СИНЯВИНСКИХ БОЛОТ

Рассказы

Под этим общим названием хочу представить читателям замечательного журнала «Нева» два своих рассказа: «Мина» и «Звездочка моя ясная». Несомненно возникает вопрос: почему я выбрал именно эти рассказы, а не другие? Я отвечаю на него так: события в том и другом повествовании происходят примерно в одном и том же жизненном периоде — в моей юности, когда я жил и учился в Суворовском военном училище в Ленинграде, которое располагалось тогда в бывшем дворце графа Воронцова на Садовой улице, в двадцать шестом доме, а затем служил сапером в Ленинградском военном округе и участвовал в разминировании синявинских болот и Синявинских высот, где во время войны были страшные бои. Это был период свежести, романтики и любви, которые испытал я в полной мере в те дорогие для меня времена. И, как мне кажется, до сих пор несу их в своем сердце в том же нетронутом состоянии.

Эти чувства испытал я, пребывая тогда в бесконечно дорогом мне городе на Неве, в котором прожил двадцать один год и который навсегда остался в душе как самый любимый город на планете.

ЗВЕЗДОЧКА МОЯ ЯСНАЯ

Как хороши, как свежи были розы...

Игорь Северянин

Яркие события, надолго или навсегда проникнувшие в нашу жизнь, как правило, состоялись где-то в начале юности, когда маленькие сердца только-только начинают впитывать и воспринимать неведомые ранее ощущения: всегда сладко-печальные, самые первые, трепетные чувства к какой-то давно знакомой девочке, вдруг ставшей таинственной, а во многих случаях и любимой, неожиданно открывшиеся новые

Павел Кренёв — прозаик, заместитель председателя правления Союза писателей России, лауреат вероссийских и международных литературных премий «Русские мифы», «Золотой витязь», «Русский Гофман», имени Николая Лескова, Александра Невского и других. Автор более двадцати сборников повестей и рассказов, переведившихся на болгарский, польский, турецкий, эстонский и сербский языки, член жюри международных и межрегиональных литературных фестивалей в Черногории, Калининграде, Крыму, Рязани. В своей родной деревне Лопшеньга на берегу Белого моря он построил церковь во имя Петра и Павла, организовал литературный фестиваль памяти Юрия Казакова.

краски облаков и неба, терпкие запахи весны или осени, радость встреч с хорошими людьми, горечь прощания с близкими, нагрянувшее вдруг восторженное осознание распахнутости и бесконечности мира...

Это все — самые первые признаки взросления, перехода из одного возраста в другой. Со мной было так же.

Например, я никогда толком не разглядывал полевые цветы. Просто шел по ним на лугах, ненароком мял, топтал, как это делали все наши деревенские ребята. В мальчишеском возрасте я все время торопился куда-то: на рыбалку, на охоту, на сенокос... Сердце мое барабанило бравые марши, под них я ритмично вышлепывал навстречу озерной глади, неся в руках удочки, торопясь к окуням и плотве. А ромашки, одуванчики и васильки жили в это время от меня независимой жизнью, и вся их неземная краса, все их желтые, синие и белые полевые разливы простирались передо мной, мягко окутывали меня, но я их не замечал. Все это было просто яркими цветовыми пятнами на фоне луговой зелени. Не более того.

Так ведь и в жизни. Мы зачастую проходим мимо славных и добрых событий и людей, не замечая их ценности, и переоцениваем душевность и благородство людей недостойных. Мы большие путаники в этой жизни.

Наверное, это прежде всего касается мужского пола. Все потому, что мужчины и есть самые большие обалдуи в таких делах. Сердца их более черствые, чем у пола противоположного. Часто не замечают они, например, красоты женской, не выказывают внимания к ней, заинтересованности... Не видят, не могут различить даже то, что женское создание с детства сохнет по ним. Проходит мимо тебя такая с загадочным видом, глаза у нее в разные стороны, туманные... Ну, проходит она и проходит... И девушка так и уплывает от тебя, может быть, от судьбы своей. И ты, и она теряете друг друга. Я только в зрелые годы обнаружил: несколько девчонок, которых знал в детстве, стремились ко мне... Но я прошел мимо них по неведению моему глупому... Я был слишком юн и неопытен тогда.

А бывают случаи просто казусные. Судьба подсказывает тебе: привязанность твоя сердечная была неуместной, и надо просто отвернуться и позабыть! Вот, к примеру, в школе нравилась мне одна девочка, Люда Павлинова. Были у нее совершенно черные волосы с синим отливом, и этот небесный цвет, разлитый внутри цвета черного, волновал меня, западал мне в душу... Она же проходила мимо, не замечая меня. А может, делала вид, что не замечала.

Однажды в сентябре весь класс копал картошку. Привычное это было дело для всех — копанье картошки для народного хозяйства. Задание простое: идти за тракторной картофелекопалкой и собирать клубни. Кто наберет три ящика — тот свободен! Поэтому все поторапливались.

Как известно, размеры у всех ящиков разные, и однажды быстро поднаторевший на этом деле глаз лентяистого школьника (меня!) в куче привезенных ящиков мгновенно выделил тару совсем небольших размеров. Маленький ящик — залог быстрого выполнения задания! Я трудолюбием не отличался и скорехонько схватил самый маленький ящичек, потянул его в свою сторону. И почувствовал с другой стороны жесткое сопротивление. Кто бы это? С другой стороны уцепилась за деревянную посудину — она! Та самая симпатичная, черноволосяя, с синим отливом — Люда. Мне надо было отпустить руку, отдать ящик тайной моей симпатии, но не смог я это сделать — желание поскорее уйти домой победило. Тем более что в детские годы сильные чувства не до конца овладевают юными сердцами. И я сказал ей уверенно и жестко:

— Людка, отдай ящик!

Вместо того чтобы повиноваться воле сильного пола, она просто провела по моему лицу сверху вниз кончиками пальцев правой ладони. Просто провела и все, даже без особого нажима... Тут надо, правда, уточнить: пальцы у Людки были оснащены острыми ногтями, которые лучше правильнее называть коготками.

На моей изумленной физиономии образовались ровненькие и глубоконыкие, идущие сверху вниз полосы красно-коричневого цвета... И я, ошеломленный, опустил руки. Зазноба же моя, победив меня, с гордым видом унесла красивый трофей в виде ящика для картошки маленьких размеров. И она, а не я ушла домой раньше всех.

А я с расцарапанной физиономией убрел после картошки домой, уплелся на поветь и там, сидя на заветном отгрызке бревна — чурбачке, впервые задумался о коварстве женщин и о том, как это плохо носить в сердце безответное чувство.

Но сердечные страдания недолго меня терзали, потому как были они, скорее всего, легковесными. Наверное, Провидение отвело меня от каких-то более серьезных последствий в будущем: в конфликтных столкновениях Люда Павлинова могла бы вообще оставить меня без глаз, с ее-то ноготками и безбашенностью... Она всю последующую жизнь была весьма энергичной дамой и, говорят, с мужьями обходилась довольно круто: все они как один хаживали после скандалов с Людкой с расцарапанными рожами.

Тогда же, в детстве, судьба подарила мне чувство очень сильное, бесконечно трогательное, в то же время и печальное, и суровое. По правде говоря, как всем известно, редко, когда первое чувство это обходится без таких испытаний.

Вот она, моя повесть...

Это было привычное для деревни, но не вполне обычное для меня утро. Я шел в недавно построенную школу, что теперь возвысилась на краю нашей деревни. Справа лежало и степенно колыхалось мелкой волной бесконечное, радовавшее глаз море. Солнце уже изрядно приподнялось над ним, раскидало по всей морской шири утренние розово-желтые лучи, и, отраженные от легких, ершистых волн, расширшавленных шустрим бризом начинающего дня, они разбрызгались по всему сине-белому морскому и всему цветному пространству моей деревни. Бегали по проснувшимся домам, по бережному песку, по одежде и лицам людей, по мне, шагающему с кисловатой физиономией в новое здание школы, в новый класс.

Радоваться, в общем-то, было нечему: я всегда любил и не любил школу. С одной стороны, она нравилась, потому как учеба давалась мне легко. А с другой...

Я терпеть ее не мог. Школа отнимала у меня рыбалку. Налеты на реки и озера с удочками наперевес. А там подъязки и лещи один другого крупнее, там форель и кумжа... Там лесные затемненные закоулки, полные шустрого зверья, дичи, приключений и всяких тайн, лесные избы, где все время в темных углах прячутся всевозможные таинственные звуки, где по ночам по потолку ползают какие-то кривляки тени, всегда пугающие, но где всегда так страшно, но и интересно!

Я шел и с грустью осознал, что все это у меня отнимается на целый учебный год. Опять тетрадки, учителя, дурацкие, неразрешимые контрольные по алгебре, унылость домашних заданий — весь тот ужас, который именуется учебным процессом.

Я шел в свой первый старший, пятый класс и еще не знал, чем он меня встретит.

...Перед крыльцом стояла какая-то девчонка. Явно чужая, не наша, не деревенская. Высокая, повыше меня-пятиклассника ростом, довольно-таки угловатая и голенастая. Коричневое платье, сверху — белый чистенький фартук. Она кого-то ждала. Не подойдя еще на близкое расстояние, я заметил: была она в той поре, когда школьные девчонки, сверстницы по годам, на глазах начинают преобразаться, созреть, что ли...

Только что носились по коридорам, задирались, дрыгали косичками, за которые так и хотелось подергать, что я и делал регулярно, получая в ответ звонкие шлепки по различным частям тела. И вдруг в своих, незамысловатых девчонках образуется некая статья, какая-то загадка... И отстраненность. Они почему-то начинают свысока глядеть на сверстников, уединяться по углам, о чем-то азартно шептаться, тараща сияющие глазки и зыркая ими по сторонам. Меняются их осанки, фигуры, пропадает угловатость, они даже меняют свои девичьи формочки: что-то в них округляется, что-то увеличивается... Вот уже и реснички вдруг становятся выразительнее, длиннее, что ли, а глаза превращаются в маленькие, глубокие колодцы, в которых совсем не разглядеть дна... Происходит вечный, довольно скорый процесс взросления девчонок и превращения их в прелестных созданий.

А в пацанах, моих одноклассниках, ничего такого не происходит, они еще долго остаются такими же шалопаями, какими и были. Это я знаю по себе.

Девочку как раз такой поры я и встретил на крыльце нашей школы.

Я толком не разглядел ее, прошел мимо и уже из дверей вернулся. Две вещи заставили меня это сделать. Во-первых, невежливо проходить мимо человека, явно нездешнего и, судя по всему, не знающего, куда идти, чего делать.

Во-вторых, проходя мимо нее, заметил я ненароком: незнакомка была необычайно симпатичной, и авантюрный дух, присущий мне с малолетства, не мог не заявить о себе.

Я вернулся. И обомлел в самом деле: на меня уставились, как мне тогда показалось, громадные глазищи, цвет которых совпадал с раскинувшимся позади нее морским простором — ярко-синим и необъятным. У ее глаз был точно такой же — ярко-синий — цвет. Светло-пепельные волосы, зачесанные назад, плотно облегающие маленькую прелестную головку, плюс бледное, слегка продолговатое лицо с легким румянцем, тонкая фигурка — все это создавало восторженно-очаровательный образ девочки моей мечты. Именно с такой хотелось бы мне прогуливаться вдоль нашего моря, взявшись за руки, разговаривать на какие-нибудь приятные темы и вместе с ней мечтать — мечтать... Я был совсем еще придурком в том моем возрасте.

«У нас в деревне таких девчонок сроду не бывало!» — подумалось мне.

— Здравствуй, — сказал я вполне несмело.

— Привет, — неохотно произнесла она с кисловатой миной, и ее большие глаза стали еще огромнее. В них образовалось что-то вроде легкого, совсем легкого интереса ко мне. Почти равнодушного. Словно какое-то существо вдруг прибежало к ней из деревни, встало перед ней и вот стоит, разговаривает.

Какое-то время я, как дурак, молчал, не зная, какой бы вопрос задать поумнее, но умных вопросов в голове не было.

— Кого-то ждешь?

А она отвечала с четко различимой подковыркой — ехидна та еще, наверное:

— Да, жду. А тебе какое дело?

Мне надо было бы взять да и уйти: не люблю я всяких подковырщиц. Но чего-то меня тормознуло. Необычная она, красивая...

— Я вижу, ты не деревенская. Заблудилась, может...

— Жду я девочку одну, подругу.

Ну, ждет и ждет, а я тут ни к селу ни к городу. И я убежал в свой первый старший класс.

Вот такой была моя встреча с Катей Кряжевой, моей первой любовью.

А вечером, за ужином, старшая сестра Лида вдруг повела разговор о какой-то девчонке из их класса:

— Она из Ленинграда приехала... Умница такая, разумница. Мама у нее в больнице с туберкулезом, из нашей деревни родом, отец — радист, на контейнеровозе в загранку ходил, умер неожиданно два года назад... Пришлось девочке к нам в деревню ехать, к бабуле своей, Феклисте Селиверстовне. Сейчас у Катки ни отца, ни матери...

Пошли тяготящие школьные дни, недели, месяцы, четверти... Уроки, тройки, четверки да и пятерки тоже — я сносно учился. Но жил тогда вольготно, безвекторно, так сказать, серьезных стимулов для отличной учебы не имелось никаких. Жизненная установка, конечно, была, но она тускло просвечивала где-то в туманной дали: по совету первой учительницы вознамерился я поступать в Суворовское училище, а это лишь после восьмого класса. До его окончания еще бежать и бежать — дистанция в четыре года! Я стопроцентно знал: за такой срок смогу выстроить любые оценки. И самым наглым образом лентяйничал на уроках, получая нарекания от учителей и выслушивая грозные родительские наставления.

Тем более в моем боевом арсенале имелось множество других увлекательных занятий: ловля куроптей в силах, походы с отцом на дальние озера, где в глубинных коряжниках почивал жирнющий налим, а ближе к весне — косачи, глухари, рябы...

А в школе... В школе появилась забота-заботушка — и сладко-радостная, и счастливая, и томительная до невозможности

В школе я был влюблен! Конечно же, в нее — в Катю Кряжеву.

Увлечение это началось с рассказа сестры, из которого получалось: Катя — безотцовщина, родитель ее умер в морских походах. Кому не жалко сиротинку! Я по ночам просыпался и подолгу ворочался, с ужасом представлял себе: вдруг лишился бы отца или матери, что бы я делал? Это же тоска смертная, я вряд ли бы ее пережил. Куда без родителей? Все равно что потеряться в лесу и обитать в нем без самой близкой поддержки. А кругом зверье да лешии, а они еще хуже всякого зверья... В лесу без родителей нельзя, все равно кто-нибудь да сожрет.

Среди людей тоже без родителей трудно, сироту и обидеть могут.. Надо бы ее защитить как-то..

И я придумал быть к ней поближе. В классах мы с ней разных, но вот на переменах старался держать Катю в пределах видимости. Поглядывал, как бы не обидел кто ненароком. Деревенская ребятня — хульганье страшное. Хотя и побаивался я, конечно: вдруг с громилой каким-нибудь придется сцепиться, накостыляет он мне самому, защитнику. У нас такие крепкие ребята водились.

Но однажды подглядел я такую картинку: ее, может, и нечаянно, но сильно толкнул Колька Веснин, отчего Катя отлетела к стенке. Не извинился. А она держала портфель в правой руке... Колька превратился вдруг в боксерскую грушу, в мешок с опилками, ее же рука стала чем-то вроде лопасти ветряной мельницы, закружилась в воздухе колесом, а портфель ритмично и сильно стал падать то на голову Кольки, то на другие болезненные его места — Катя так настучала его портфелем, что Веснин сам стал стучаться об эту стенку и заорал что-то громкое и невнятное, из чего можно было понять только то, что он сдается и просит прощения, причем немедленно.

И я подумал тогда: зачем этой боевой ленинградке моя помощь, если она сама полкласса отметелит, если потребуется. И я перестал ее охранять.

Но вы только представьте такую вот метаморфозу: мое чувство жалости к Кате переросло... в любовь к ней.

Я ведь ни разу не испытывал ее, эту самую любовь, она появлялась только в кино и в книжках о ней, но там говорилось все о ком-то другом, а тут она приперлась, эта штукавина, ко мне и поселилась во мне самом.

С чего все это началось, я не помню точно из-за давности лет. Скорее всего, с запаха, вдруг проникшего в меня однажды в школьном коридоре и явившегося для меня сильным потрясением. Дело было так: перед уроком истории я держал перед собой учебник и пытался вникнуть в ход исторических процессов, в результате которых произошла великая пролетарская революция — так частенько бывало, когда дома предмет не готовил и ничего не читал, а тут надо держать ответ. Скоро-наскоро, наспех схватываешь обрывки каких-то событий, с трудом отправляешь в память фамилии неких героических людей, их имена... И идешь на урок, на очередное позорище, ничего не успев запомнить, потому что наспех история не запоминается.

Так вот я стоял перед классной дверью и лихорадочно листал учебник истории. Передо мной вдруг кто-то остановился, я поднял глаза и увидел ее, Катюшу Кряжеву. Она стояла и хлопала синими глазами. Я чуть сознание не потерял от неожиданности...

— Павлик, а где Лида, сестренка твоя? Ее почему-то нет на уроках, а она мне нужна.

И она сама, и слова ее плыли в каком-то тумане. Наверное, я в самом деле на какое-то время тогда потерял сознание. Увидеть Катю так близко... Разговаривать с ней...

— Дома она, заболела,... — пролепетал я.

— А-а, ну ладно, увидимся завтра.

И Катя ушла. Казалось бы, никчемный разговор. Но он меня потряс и на всю жизнь остался в памяти. Почему? Потому что я впервые в жизни вдохнул в себя удивительно чарующий запах женщины. Она, конечно, не была еще никакой женщиной, шестиклассница Катя Кряжева, но запах от нее исходил абсолютно женский! Никогда раньше я не мог себе представить, насколько он восхитителен и волнующ, этот запах! Очаровательная смесь ромашек, мать-и-мачехи, еще каких-то полевых цветов и аромат чистого женского тела...

Наверное, этот сладкий женский дурман впервые пробудил во мне — мальчишке — что-то мужское, он меня потряс! Отчетливо помню, как у меня в тот момент вспыхнуло нестерпимое желание уткнуться лицом в этот аромат, раствориться в нем.

Уже будучи взрослым, я понял, что так может пахнуть только любимая женщина!

Я не сразу осознал свою влюбленность. Но почему-то вдруг на переменах начал, держа в руках открытый учебник, намеренно слоняться по коридору около ее класса и в тех местах, где она прогуливалась с подружками. При этом делал вид, что старательно читаю свой учебник. На самом деле я ждал ее.

Обычно она долго не появлялась. Какая-то глупая причина держала ее в классе. А может, мне просто так казалось, ведь я изнывал оттого, что она не выходит. И вдруг!словно вспышка света, словно взрыв воздуха! Распахивалась дверь класса, и на свет Божий выскакивала она! Обязательно с какой-нибудь подружкой или с моей сестрой Лидой. Они мчались куда-то... Я за ними никогда никуда не мчался — это было бы уж совсем... Ниже моего достоинства: не мужик, а хвостик какой-то...

Но умчаться куда-нибудь вместе с Катей страшно хотелось. Но почему-то я боялся ее, по-дурацки страшился подойти к ней и заговорить. Я не знал, о чем можно говорить с девчонкой, сильно тебе понравившейся. Делал несусветные глупости: выскакивал вдруг, будто нечаянно, из-за угла навстречу ей и проходил мимо с каменной физиономией. Для меня было неописуемым счастьем просто прошмыгнуть мимо нее, поглядеть как бы ненароком, лишь бы хоть глазком увидеть ее вблизи.

Я любил ее! По-глупому, по-мальчишески, но честно.

Я похудел, стал гораздо хуже учиться. Учителя не понимали, что со мной происходит. Родители тоже.

Я уходил из дома к морю, устраивался на бревнышке около самой воды и под плеск набегавших волн пел грустные песни, посвященные моей любви. Особенно трогала меня

песня про то, как молодой боец упал возле ног боевого коня и закрыл свои карие очи... Иногда я плакал под свои песни, и слезы мои были горестными от жалости к погибшему бойцу и светлыми от светлой моей любви.

А сестра Лида, прекрасно все давно распознавшая, все давно вызнавшая, выговаривала мне:

— Чего ты, Пашка, как дурачок какой-то, ходишь вокруг да около, подойди к Катке да и признайся, мол, дружить с ней хочешь. Она с тобой охотно подружится, я ведь знаю.

Хорошо бы, но это было совершенно невозможно: я страшно трусил. Одно только нахождение поблизости с ней вызывало бешеное сердцебиение, а тут — подойти, заговорить... Все это не соответствовало слабым моим душевным силенкам!

Я извелся весь.

Как-то раз увидел на ее лице слезы. Катя вдруг ушмыгнула из коридора, неожиданно так, быстро, и я потерял ее. Пошнырял по коридорам, заглянул в какие-то двери. Потом догадался выйти на крыльцо.

Она стояла, прислонившись к перилам, в уголке крыльца. Отвернувшись от возможных глаз. Холодил ноябрь, сквозил с северо-востока борей и продувал мой пиджачок. А она в платьице стоит, и плечи ее трясутся. Утирает глаза ладонью...

Как же мне тогда захотелось подойти к ней и обнять за трясущиеся плечи!

Мне надо было бы сделать это, надо! Но я опять струсил. Подошел, встал сбоку и глядел, как она плачет. Как вздрагивает ее носик. Наверное, у нее куда-то запропастился носовой платок, и она промокала глаза кончиком фартука. Как же я жалел ее, мне тоже хотелось разреветься. Я не мог спокойно и отчужденно смотреть, как сильно печалится такой родной для меня человек.

— Тебе помочь? — только и спросил я, наверное, искренне спросил.

Она глянула на меня мокрыми и красными от слез глазами, и тут я увидел! Я разглядел совершенно отчетливо: ей тоже хочется прильнуть ко мне... Может быть, от холода или от желания разделить с кем-то навалившуюся на нее печаль? Или мне это просто показалось тогда?

Ничего Катя мне не ответила, лишь как-то горестно, с надрывом попросила:

— Принеси мне портфель, Павлик. Я пойду. Нельзя мне в класс сейчас.

Конечно, просьбу эту я мигом исполнил. Ворвался в ее класс, не обращая внимания на то, что хозяйничаю на чужой территории — в классе у старшеклассников, запихал в Катин портфель лежащие на столе учебник, какую-то тетрадку, ручку... В раздевалке захватил пальтишко ее, холодное, совсем не для такой уже поздней поры, платок цветастый и шарфик из тонкой шерсти...

Сидел я на уроке потом и все размышлял, все думал: отчего плакала она, кто посмел ее обидеть? Пусть он в сто раз сильнее меня, этот придурок, но я бы не побоялся и надавал обидчику по роже, все равно бы надавал...

И еще голову дурманил взгляд ее, беспомощный и чего-то просящий. Может быть, защиты? Поддержки?

Я бы все отдал, чтобы обеспечить ее тем и другим.

В моих душевных терзаниях проходила та суматошная зима. Я кое-как учился, сердечные страдания выбили меня из обыкновенного ритма. Во все школьные годы обычная, размеренная учеба всегда приносила удовлетворение, а теперь все поменялось, ничего у меня не ладилось, все шло шиворот-навыворот, голова моя заботилась только об одном: увидеть вновь девочку из шестого класса — Катю Кряжеву! По ночам

я плохо спал, и целыми днями, сидел ли я за партой, брел ли по школьному коридору, в голове царил полумрак и ворочалась лишь одна только мысль — только о ней!

Катя стала моим наваждением.

Я сочинял о ней какие-то придурковатые стихи, и когда шел в школу, точно так же и когда брел из школы, я громко их декламировал. Мои односельчане наверняка считали: «Паренек этот кокнулся умишком» — и, впрочем, оставались недалеко от истины. Стихи мои были немного печальны, глубоко искренни и проникновенны:

Катюша, драгоценный мой цветок,
Теперь тебя я точно не забуду!
Ты счастья подарила мне глоток,
Любить тебя я вечно теперь буду!

Сейчас, глядя на эти строки, я бы не решился обозначить их какими-то приличными словами, тогда же мне они казались поэзией, довольно точно отражающей мои светлые чувства.

По воскресеньям, когда в школе не было занятий, я тем не менее стремился быть к ней поближе, чтобы просто знать, что она где-то рядом. Дом, где она жила с бабушкой Феклистой, стоял окнами на море, точно так же, как и мой дом, и я взял в привычку ходить на лыжах по берегу вдоль замерзшего моря с одной стороны и деревенских домов с другой и вглядываться в ее окна, чтобы хоть краешком глаза, хоть на мгновение, разглядеть ее в каком-нибудь из них. Я останавливался напротив Катиного дома, снимал лыжи, втыкал задки в снег и ковырялся в креплениях, старательно делал вид: сломались они, порвались, нарушились, в общем... Но Катя ни разу не появилась ни в одном окошке, и я бесцельно всматривался в пустые оконные глазницы. Всякий раз сильно переживал сердечные неудачи. Отворачивался к морю и долго бестолково рассматривал бесконечную ледяную пустыню, и щеки мои всегда холодили слезной сыростью... Лишь потом понял я причину постоянного отсутствия Кати в окошках: они с бабушкой не жили зимой в холодной «морской половине»: в их доме, как и у всех деревенских бабушек-вдовушек, потерявших кормильцев своих — мужиков-старичков на загогулистых жизненных тропках, живших поэтому без мужского хозяйского пригляда, водилось маловато дров, и они берегли их, маленько скупердяйничали и не спешили тратить драгоценные дровишки на необязательное тепло в обитаемых «передах». Им вдосталь хватало просторной и всегда теплой кухни.

Но холода, как и все сущее на этой земле, не вечны, когда-нибудь они так же кончаются, как осень, как лето, как цветы. Пришло и в нашу деревню тепло, разогрело шиферные крыши, стало проникать и в жилища, согревать бока и спины людей. И Катя начала выводить старенькую бабушку Феклисту на «улку», на нагретое первыми лучами крылечко. Посиживали они, две «деушки», как любящие друг дружку подружки — старая да малая, переговаривались вполголоса, ворковали тихо о чем-то своем, девичьем...

Я поглядывал на эти их посиделки в отцовский бинокль. Лежал на макушке высокого штабеля из строевых бревен, что громоздился посередке песчаного морского берега напротив моего дома, разглядывал двух этих кумушек и страшно завидовал бабушке Феклисте: она болтает сейчас с моей любимой девочкой о чем ни попадя, а вот я не могу этого делать.

Надо сказать, весной я отвлекся маленько от моей неотвязной страсти. Мы с отцом, когда по лесам и болотам расшумелся, разгомонился гвалт прилетевших птиц,

стали убредать на глухаринные и тетеревиные тока, проводили ночи в лесных делянках. Папа мой до беспамятства обожал эту завораживающую охоту на лесную дичь и передал любимую страсть мне, своему отпрыску.

Взять хотя бы косачиный ток, всегда шумно звенящий на мхах да болотах. Мы с отцом приходили к нему далеко затемно и начинали строить «караулку» — охотничью шалашку. Рубили поодаль молодые сосенки, волокли их к месту будущей нашей засидки и одну за другой, втыкая густо обросшие хвоей стволы в подтаявший мох, связывая верхушки сосенок капроновой бечевой, выстраивали вполне сносное разлапистое сооружение. Потом, еще в глухую темень, задолго заходя до начала рассвета, мы усаживались в шалашке спиной друг другу, слушали таинственное окончание ночи и разглядывали чарующий восход. Где-то далеко, по краю огромного болота, вдоль черных в эту ночную пору сосновых борков, вышагивал лось. Все широкое темное пространство, вся живущая в тот момент на болоте живность слышала его грузные шаги. Сохатый гулко гремел ломающимся под его копытами свежим тонким ледком — «утренником», покрывшим в конце ночи всю болотную поверхность, хрустел сухими сучьями... Протяжно кричала какая-то ночная птица. И звал в темноте подругу вечный недосыпа — куропись.

— Как-ка-ка-как! — кричал он на всю болотную ширь. И еще кричал, и еще. Пока не разбудил-таки милую подружку — куропатку. Она ответила кавалеру страстно и призывно:

— Ня-а, ня-а!

Вот слышался шум крыльев птиц, летящих друг к другу... И все ненадолго стихло. До прилета взбалмошных, шумных тетеревов.

В святые эти минуты трепетного ожидания я закрывал глаза и видел в сумрачном мареве идущую по мху Катю. Она проходила мимо восторженных, ошалевших от любви куропаток и плыла куда-то по мягкому мху далеко, к темному горизонту...

Потом вдруг, одновременно, с разных сторон — шлепки крыльев, громкие, резкие. Словно по чьей-то команде, посланной неведомым руководителем, с разных сторон к месту токовища слетаются косачи. Они с налета плюхаются на мох. Один, другой, третий... Вот уже в разных концах от шалашки, еле видные в утренних сумерках, по темному пространству болота медленно движутся белые пятна тетеревиных хвостов. Отовсюду, словно музыка бегущей воды, бесконечно волнительная для меня, звучит громкая симфония тетеревиного тока! Как бы я мог бросить такие вот волнующие моменты! Не смог бы никогда! Весной я почти не спал, мне некогда было спать. Сидел на уроках, ничего не соображая. Худющий и сонный.

В эти волнительные минуты я, прижавшись к теплому отцовскому боку, отчетливо представлял себе: рядом с нами сидит белокурая девочка с миловидным лицом, рассматривает дерущихся петухов, волнуется и слабо улыбается мне: ей нравится этот птичий концерт! Я очень бы хотел, чтобы Катя Кряжева сидела сейчас рядом с нами и вместе с нами восторгалась красками и звуками пробуждающейся природы.

Потом сама собой закончилась последняя четверть. Пришло лето. Однажды сестра Лида отозвала меня в стороночку и сообщила с таинственной улыбкой:

— Катя уезжает домой, в Ленинград, хочет с тобой поговорить.

Вот это да! Сердце мое заколотилось. Не было еще такого!

— Вместе со мной, конечно, — добавила сестра.

Потом Лида договорилась с Катей, чтобы мы устроили ей проводы.

Это мероприятие состоялось на следующий день на Желтой Гриве — горе, нависающей над морским берегом, в дальнем конце деревни. Отсюда распахивался бес-

крайний простор с силуэтом подводной лодки на горизонте. Лодка отрабатывала ходовые испытания, и ходила, и ходила на траверзе нашей деревни. А мы втроем сидели у костра, кипятили чай и пили обжигающие напитки на брусничных и черничных листьях.

Девочки обсуждали какие-то новости, судили-рядили о чем-то своем, девичьем, мало мне понятном, а я сидел рядом и не знал, чего сказать, о чем мне можно говорить, а о чем не стоит: девчачий разговор всегда мне совершенно непонятен, как и любому деревенскому парнишке.

Я никогда так близко не находился с Катей, так долго не разглядывал ее, не боясь столкнуться взглядом, не сконфузиться. В этот раз все было гораздо проще и свободнее, и все же я почему-то побаивался ее. Открытой беседы с ней никогда раньше не случилось, ведь я разговаривал с Катей лишь в моих тайных грезах. А тут к ней можно, хоть как-то случайно, будто бы ненароком, прикоснуться, может быть, даже погладить руку...

Да куда там погладить! Я даже поглядывал на нее искоса, с опаской, я боялся: она заметит, как у меня дрожат глаза... Я слишком ее любил.

— Павлик, ты сказал бы чего-нибудь, а то все время молчишь.

Я вздрогнул, встрепенулся и уставился на Катю. Но тут же глаза опустил и ничего не сказал. В тот момент я забыл все слова.

Она говорила в тот вечер, а потом и в наступившей белой ночи, окутавшей нас прозрачной светлой вуалью, что очень любит маму, только что наконец выписавшуюся из туберкулезного диспансера, расположенного где-то около Выборга. Сейчас она дома и ждет дочку в Ленинграде.

Еще она бесконечно обожает бабушку Феклисту, у которой жила всю зиму.

— Как же я брошу ее? Она ведь одна останется! Старая, больная... — Катя говорила о них, родных для нее людях, и плакала. О матери — плакала от радости: излечилась она и вернулась домой, а о бабушке — от печали по ней.

Вот так мы поговорили.

Когда настала полночь — светлая, белая поморская полночь, — пришло время прощаться. И Катя опять загрустила: ей не хотелось расставаться с нами. Вытерла платочком краешки глаз и вдруг подошла ко мне. Она присела рядышком, обняла меня за плечи и прижала к себе, поцеловала в щеку. И сказала:

— Спасибо тебе, Паша, за все, за все, за все!

Я так тогда и не понял, за что она меня благодарила. Но поцелуй тот, случайный, быстрый, странный, остался и сохранился в памяти яркой, ослепительной вспышкой, осветившей радужным светом мою юность.

Она и теперь в памяти, та вспышка. Хотя не столь яркая, как в те давние годы.

Когда Катя уехала, я все стремился написать ей письмо. Только ничего не получилось у меня. Несколько раз брался, но слова не получались такие, какие нужно, и не склеивались между собой. Они словно прятались от меня, разбегались в разные стороны, расплзались по щелям, по всем домашним дыркам, и я ничего не мог с ними поделать. Сердце мое настолько любило ее, так стремилось к ней, что слова, известные мне, не могли выразить моих чувств к ней, все казались никудышными, пустыми, глупыми. Нужные слова не приходили ко мне, деревенскому мальчишке, потому что мне хотелось бы выразить что-нибудь возвышенное, соотносимое с моей высокой любовью. Но таких слов я еще не знал тогда.

В общем, так я ничего и не написал.

Только лунными вечерами я снова и снова выходил на морской берег и прямо туда, в морской простор, в голомень, выпевал, выкрикивал слова стихов и песен, обращенных к ней...

И каждый раз светила мне повисшая над восточным горизонтом крупная и яркая звезда, названия которой я не знаю. Она будто прислушивалась ко мне, эта ясная звездочка, и, как мне казалось, меняла свои цвета в зависимости от уровня моего исполнения, от моего настроения и от искренности пения, обращенного к ней.

И представлялось мне, да нет, я твердо знал: звездочка, к которой я обращался со своими песнями, — это и есть Катя, моя любимая девочка, уехавшая от меня в Ленинград. Это она передо мной висит в небе, слушает меня и светит мне.

Потом я поступил в Суворовское военное училище. Конечно же, Ленинградское, в какое еще я хотел бы поступить?

Весь первый курс, то есть девятый класс, я почему-то ждал ее. Мне казалось: вот сейчас, вот-вот сейчас раздастся звонок дежурному по моей первой роте, и его попросят пригласить на контрольно-пропускной пункт суворовца такого-то, чтобы он в срочном порядке мчался туда, так как его посетила юная особа необыкновенной красоты... Мне не надо будет долго объяснять, кто она такая, как ее зовут. Я сразу пойму: это пришла ко мне она! Я сильно хотел, чтобы эта девочка, живущая в красивом городе, привыкшая к красоте, увидела меня в новом качестве — в красивой форме суворовца, в алых погонах, в лампасах! Чтобы она, знавшая меня раньше лишь как деревенского парнишку, теперь изменила бы ко мне отношение и поглядела бы на меня другими глазами. Как на вполне уважаемого в обществе молодого человека.

Но Катя долго не приходила, и душа моя изнывала от ожидания. Я просто-напросто не понимал и отчего-то не в силах был сообразить: она обо мне совсем ничего не знает. Даже и знать не ведает, что я живу с ней в одном городе.

И я жду ее!

И, вы только представьте, однажды она пришла ко мне сама! Вызвала меня через дежурного по училищу. Сказали мне — на КПП ждет сестра, и я опешил: не договаривались мы с сестрой Лидой о встрече посреди учебной недели. Сестренка моя к тому времени училась на втором курсе Педагогического института имени Герцена, и мы с ней договорились встречаться по воскресеньям. Она заходила за мной в десять утра, и мы с ней двигали к земляку-родственнику Филиппу Павловичу Федотову, жившему около Нарвских ворот, или в парк Тридцатилетия комсомола кататься на лодках, или, ежели стояла плохая погода, к ней в студенческое общежитие на Новоизмайловский проспект.

Надо себе представить, что я испытал, когда увидел на КПП Катю. Она улыбалась и шла мне навстречу.

Я чуть не потерял сознание, а может быть, и потерял его, сейчас уже точно не помню. Впервые в жизни четко прочувствовал я, что такое «ватные ноги». Они действительно превратились во что-то мягкое и неустойчивое. Меня започакивало. Я стоял, как истукан, и не знал, что сказать, что же теперь делать. Катя, как тогда, на холме, сама подошла и чмокнула меня в щеку. От нее пахло весенними духами. Я ни тогда, ни сейчас не представляю, что такое «весенние» или же «летние» духи, но от нее исходил запах именно весенних духов. Может быть, сама Катя пахла весной?

— Здравствуй, Павлик! — сказала она с веселой интонацией и засмеялась также искренне и звонко.

Я любил ее, я не переставал ее любить. Опять все вспыхнуло во мне, закружило голову...

Она снова влетела в мой мальчишеский мир, будто цветная бабочка из пестрого городского мира, и принесла на губах воздушный поцелуй от этого пока не вполне понятного мною, но уже любимого пространства. Теперь понимаю: я полюбил этот город за то, что в нем жила она.

Она глядела на меня восторженно распахнутыми синими глазами.

— Как я рада видеть тебя! — громко радовалась она и шмыгала простуженным носом.

А я почему-то мямлил. Когда она находилась рядом, я всегда мямлил, не знал, чего и как сказать. Я был полный дурачок с ней. Странно, я так ждал ее, но в тот момент нашей встречи я хотел, чтобы она быстрее ушла: рядом с ней я задышался от неловкости и растерянности.

— Проходила мимо вашего училища и заскочила вот ненароком. Прости, что наспех все...

— Приходи ко мне в воскресенье, Катя, буду тебя ждать, — наконец разразился я такой вот длинной фразой. Сказал я это искренне, и она мою искренность почувствовала, часто-часто закивала головой:

— Обязательно приду, Павлик, обязательно.

Потом она облегченно вздохнула, будто сбросила с плеч нелегкий груз, и тихо произнесла:

— Ну, все теперь... Все.

Улыбнулась какой-то чересчур строгой улыбкой и потрепала мою не отросшую пока прическу:

— Учись, солдатик, учись хорошо. Буду следить за тобой. Скоро к тебе приду.

И она ушла.

Она не пришла ни разу в том учебном году. Хотя я ее очень ждал. Очень.

Вот и закончился первый курс Ленинградского Суворовского военного училища. Я окончил год с одной тройкой по алгебре. Проклятая алгебра никак мне не поддавалась. Я потратил уйму времени на нее, ночами над ней сидел, а тройка эта словно прилипла ко мне. До последнего курса ничего не мог с ней поделаться.

Наступило долгожданное лето, и кадеты поменяли зимнюю форму на летнюю. С конца весны мы носили льняные серо-белые гимнастерки. Алые погоны с надписью «Лн. СВУ» посерединке каждого, черные штаны с красными лампасами всех нас делали красавчиками. Наверное, даже меня, деревенского увальня. К концу года стал я замечать: на ленинградских улицах девчонки стали стрелять по мне очаровательными глазками. В самом деле, сочетание белого, черного и красного цветов, наверное, весьма привлекало девичье внимание.

В таком вот виде я уехал из Ленинграда в родную мою деревню Лопшеньгу. Счастливый ветер свободы от казарменного кадетского быта дул во все мои паруса! Я ехал домой!

Из Архангельска, куда я, согласно воинскому требованию, добрался бесплатно в плацкартном вагоне, в родную деревню можно попасть на самолете Ан-2, именуемом в просторечии «кукурузником», или на пассажирском теплоходе «Мудьюг». Лететь на самолете оказалось несподручно: надо доплачивать какую-то серьезную разницу между существующими тарифами, а я, юный суворовец, был, так сказать, некредитоспособен, потому как ехал без копейки денег. Родители послать деньги не успели, в силу моей нерасторопности: я ничего им не сообщил о финансовых проблемах, в городе у тети просить показалось неудобным. Поэтому я решил ехать по воинским документам на теплоходе, в самом дешевом третьем классе.

Теплоход долго — сорок километров — идет от Архангельска до моря по Северной Двине. Этот отрезок с самого глубокого детства, пока теплоходы возили меня и всю нашу семью из деревни в город и обратно, я любил за плавное течение большого судна по красивейшим местам медленной реки. Всякий раз долго стоял я, опершись о борт, и смотрел, смотрел на берег. Мне нравилось разглядывать чужую жизнь, до той поры совсем не изведанную мной. Я глазел на цветные деревни, дома, огороды, лодки, сгрудившиеся вдоль берегов, на неизвестных мне людей... Интересно было узнавать, как люди живут в этих местах, какую одежду носят, что у них растет в их огородах? Вон хозяйка идет с лопатой, там коровы пасутся, там мальчик бегаёт с рогаткой, а в той стороне по холмам бродят трактора и что-то там боронят...

Всегда любопытно познать другую жизнь и определить, есть ли разница в этой, другой жизни и моей, деревенской?

Гораздо позже, вдосталь помотавшись по белу свету, наглядевшись на те и другие места, я понял важную для себя истину: народ-батюшка на Руси-матушке живет везде одинаково — ни шатко, ни валко, ни хорошо, ни плохо, а так: живет-поживает да добра наживает. По усам у него течет, а в рот все не попадает и не попадает.

Все же разница во впечатлениях, конечно, имела место, и немаленькая. Здесь, на реке, не хватало моря! Его простора и величия, штормов и штилей, морских видов и красот. Того, с чем я родился и вырос.

Это я хорошо тогда понимал, и мне было немного жалко этих людей, обитающих на речном берегу. Природа серьезно обделила их, лишив радости жить рядом с большим водным пространством.

Сев на теплоход в этот раз, я заскочил в каюту и, как всегда, разочаровался в ней. Там, внизу, было довольно темно и сыровато и пахло чем-то удущающе-спертым и тяжелым — типичным запахом кают выдавших виды кораблей, всегда переполненных людьми. Мне не хотелось проводить здесь ночь на койке, расположенной в самом углу каюты, и слышать, как на стоянках в поморских деревнях гремит и лязгает о металлический корпус тяжелая якорная цепь. И не дает спать.

И я убежал из неуютной каюты в свежий день, на солнышко, на палубу.

То, что я увидел, вызвало оторопь, столбняк, шок. Передо мной стояла Катя! Но была она не одна, а с каким-то высоким и симпатичным молодым парнем. Тот выглядел заливчатски: модно, щегольски одет, замшевая светло-коричневая куртка, белые штаны и замшевые туфли с отвисающей над каблуками бахромой. Пара выглядела потрясающе: красавица Катя и этот, словно явившийся с журнальной обложки, молодой человек! Среди сероватой, откровенно деревенской публики они смотрелись просто эффектно.

Удрать обратно в каюту я не успел. Катя меня тоже увидела. Она открыла рот и, пока я к ним подходил, так его и не закрыла.

— Павлик! — прошептала она.

В этот раз я оказался посмелее. Не знаю почему. Может, оттого, что я был в погонах, ведь люди в погонах должны отличаться от других решительностью. А может, просто от безысходности?

— Здравствуй, Катя, — сказал я твердо и сам протянул руку красивому парню. Я знал уже тогда: так следует знакомиться и нельзя первому протягивать даме руку.

— Павел, — проговорил я бодро, стараясь привнести басовые нотки в мою разговорную интонацию. Мне казалось, мужчины с крепким голосом выглядят солиднее.

А парень широко, как-то так по-доброму, по-простецки улыбнулся мне и тоже протянул ладонь.

— Саша, — представился он, — можно просто Сашка.

Мне это понравилось.

В ту белую беломорскую ночь под плеск разбиваемых теплоходом «Мудьюг» волн мы крепко напились в зыбких морских просторах с хорошим парнем Сашкой. Какого-то дурного вермута, который с тех самых пор откровенно ненавижу. Его где-то достал Саша, две бутылки.

Я первый раз напился до отключки. От безысходной своей любви, на глазах улетаящей от меня, уходящей...

Саша тоже напился, но не в такой степени, как это получилось у меня. Он ведь был старше меня и крепче. Они с Катей донесли меня до моей койки.

Зачем я напился тогда, я не знаю. Наверное, мне очень не хотелось, чтобы от меня уходила моя любовь. А она уходила. На моих глазах. Совсем уже безвозвратно.

И я ничего не мог с этим поделать.

Мы уже полмесяца жили в одной деревне. И я за все это время ни разу не видел ни Катю, ни Сашу. Гостили они у бабушки Феклисты и почему-то нигде не объявлялись. Будто спрятались у себя в избушке, словно в норке, сидели и на белый свет носа не показывали.

И вот тебе пожалуйста! Ко мне домой заявился студент Александр.

— Павел, по морю прокатиться хочется на лодочке. За веслами посидеть.

Пока я готовил к морскому походу отцовскую дорку, Саша ходил за Катей.

И пошли мы на моторе навстречу несильному ветру и полуденному солнцу прямо в морской простор. Нос карбаса шлепал по волнам, дробил их, и брызги веером разлетались в разные стороны. В россыпях миллиардов капель умывалось солнышко, украшало их широкой разноцветной радугой. Другая такая же радуга бежала по другую сторону карбаса. Мы плыли в переливах света, и это выглядело, наверное, красиво.

Саша и Катя, сидящие на передней банке, отвернулись от меня и глядели на бегущий к ним навстречу морской простор. А я притулился рядом с мотором и, держа в руках шест-рулевку, вел дорку в море, в самую его даль. Мне сильно хотелось уплыть куда-нибудь подальше, в морскую голомень.

На моих глазах студент обнял Катю за плечи, и она прижалась к нему доверчиво и, как мне показалось, очень нежно, положила голову ему на плечо. Они стали одним целым. Потом они стали целоваться.

Наверное, у меня должно было бы остановиться сердце в эти минуты. До этого я всего лишь полагал: ну, дружат люди, отдыхают вместе, чего тут такого? Приехали и отдыхают...

А тут до меня дошло: они живут как муж и жена, как мужчина и женщина...

Довелось мне тогда пережить тяжелые моменты в моей жизни, ведь я до тех пор все так же любил Катю.

И подумал я: что же мне делать теперь со своей глупой любовью? Что мне теперь делать?

Они целовались, а я все правил карбас в море. И он летел, унося нас в даль. Летел он уже бесцельно, в его движении вперед отсутствовал какой-либо смысл.

Это было крушением всего, чем я жил в последние годы. В тот момент я напоминал человека, на которого сверху ни с того ни с сего обрушилась громадная куча дерьма и завалила с головы до пят, и я пропал под этой кучей, просто исчез, и все.

Еще какое-то время я, сгорбленный и придавленный, сидел на корме, держа в руках руль. Скорее всего, на какие-то мгновения сознание покинуло меня. Я не мог смо-

треть, как они целуются... А их совсем не интересовали мои эмоции, до меня им не было никакого дела. Для парочки существовала только их любовь! Мир это знает: любовь всегда эгоистична...

Пусть и медленно, но сознание вернулось ко мне. Я налег на руль и стал разворачивать лодку. Катя и студент встрепенулись, подняли головы, и Александр крикнул мне:

— Что-то случилось?

— Бензин кончается, — прокричал я в ответ.

Они опять от меня отвернулись, студент обнял ее, и они снова занялись привычным делом.

В совершенном тумане я подвел лодку к берегу и высадил их. Они что-то говорили мне, я ничего не слышал...

Я не различал предметов, карбасом управлял «на автомате», словно робот. Море, дома, берег — все плыло в виде размытых, бесконтурных форм. Брошенная на берегу лодка, выползающие из уключин весла... Песок под ногами, похожий не на песок, а на разбросанную по земле вату... Сквозь шум в ушах оглашенный лай собаки, детский дискант...

И плач, долгий, протяжный плач чайки в невысоком небе, смахивающий на горькие стенания обиженной каким-то злым человеком и поэтому рыдающей девочки.

И мама у крыльца с обеспокоенными глазами, трогающая мой горячий лоб, вопрошающая:

— Пашенька, сыночек, что с тобой, мальчик мой?

И прибранная мамой кровать, подушка... Я уткнулся в нее лицом...

Помню, в ту ночь я совсем не спал. И никак не мог подняться следующим утром. Меня сковала боль во всем теле.

Потом боль моя прошла.

Первая близость с женщиной случается у каждого по-разному. Но все мужчины помнят ее до самой смерти. У меня это состоялось до примитивности просто, даже буднично как-то. Не было гуляний с любимой девушкой под луной, соловьев, запахов скошенной травы...

Получилось все так. На осенних каникулах в десятом классе Суворовского училища я поехал, как всегда, домой, в Лопшеньгу, и по дороге маленько застрял в Архангельске у тети моей любимой, Павлы Андреевны. Жила она, поживала в знаменитом городском районе — Соломбале.

Вот сидим мы с ней, мирные беседы ведем, чаевничаем, она меня обо всем расспрашивает, потом я — ее... И тут в гости к нам заглянула соседка. Не припомню точно, как ее звали, по-моему, Валентина Николаевна, лет ей было около тридцати-тридцати пяти. Села с нами чай пить. Деловито так, по-свойски, на правах доброй соседки. Вызнала обо мне все. О себе рассказала: работает в детской комнате милиции, устает сильно. Я ей сочувствовал.

И как-то она чересчур уж внимательно на меня поглядывала, на мои погоны, на форму. И, уходя, сказала тетушке моей:

— Постоялец твой пусть-ка ко мне заглянет, на минутку-другую. Есть чего ему сказать.

Обыденно так сказала, буднично.

Мне не особо-то и хотелось идти к взрослой тетеньке по непонятному поводу: могла бы и при всех обсудить... Но тетушка Павла почему-то меня все-таки спроводила к ней:

— Иди, Паша, коли зовет. Валя — женщина справная, дурного не посоветует. Опять же, может, по международному вопросу, она такая, интересуется. И соседка она мне, негоже отказывать.

И я пошел.

Она открыла и сразу затворила за мной дверь на защелку. Я сделал несколько шагов в комнату и стоял, не понимая, чего делать дальше. Валентина разбирала постель. В изголовье положила две подушки...

— Чего стоишь, Павлик? В ногах правды нет, раздевайся, ложись.

Вот это да! Вот как это бывает... Мне старшие ребята рассказывали, как у них это случилось в первый раз. Без подробностей, конечно, рассказывали, у мужчин не принято обсуждать, что да как все состоялось. Это неприлично, так как тут затрагиваются вопросы дамской чести. Я ведь будущий офицер, а офицеры свято берегут и свою честь, и женскую — это кадетам внушают с первых дней учебы в Суворовском училище.

Как-то это все так необычно было, так неожиданно и довольно жутковато... А она, лежа в постели, мне командовала:

— Брюки повесь сюда, гимнастерку туда, ботинки оставь у входа, надень тапки и умойся!

Я все это сделал. Когда вытирал тело, поглядел на себя в зеркало и услышал, как где-то рядом слышится барабанная дробь. Потом понял: это постукивают мои зубы...

В постели меня встретили ее объятия и длинный, обжигающий поцелуй... Мягкие, жадные губы...

Когда все случилось, она мне сказала:

— Ну, ты просто герой! Настоящий самец, где ты этому научился?

Я сторал от стыда и помалкивал: я ведь понимал, что проявил себя как дите малое, в постели с этой женщиной ничего не умел, она мне помогала... Просто она поддерживала меня морально, чтобы я совсем не скис. И еще, наверное, она была добрым человеком.

Так должна себя вести всякая тактичная и умная женщина.

Начался последний, третий курс в моем Суворовском училище. Стоял теплый сентябрь. Я недавно вернулся из летнего отпуска, и в первые две недели крутились, как в кино, перекатывались передо мной картины промелькнувших на родине радостных денечков.

Сенокос для маминой коровы, походы на дальние озера, ночи у костра в лесах и на морском берегу, виды военных кораблей на горизонте, жизнь в прибрежных избах, танцы и гулянки с девчонками, белые северные ночи и морская даль в сиреневой лазури...

О Кате Кряжевой я теперь редко вспоминал. «Ну, было и прошло» — так говорил я сам себе.

Когда шел мимо дома, где она жила с бабушкой Феклистой, я старался не глядеть в его сторону, не вглядываться в окна его, обращенные к морю. Я боялся вновь увидеть в них тонкий силуэт девочки, так любимой мною совсем недавно. И сердце мое то начинало бешено биться в эти мгновения, словно зайчонок в клетке, то возбужденно и радостно звенело во все звонкие колокольцы.

Наверное, тогда еще не до конца умерла моя любовь.

Она умерла чуть позже.

В конце сентября меня навестила Катя. Пришла она в удачный утренний час, когда я собирался в Летний сад на тренировку. Дело в том, что в училище я был активным

спортсменом — перворазрядником, членом сборной по легкой атлетике и занимался бегом на средние дистанции, даже являлся чемпионом училища по этому виду спорта. А после тренировки хотел сходить в увольнение, пройтись по любимому городу.

Я любил пробежки и разминки в Летнем саду. Там широкие аллеи с нетвердым грунтом и запах вековых лип, от них хорошо мне дышалось. Наш контрольно-пропускной пункт выполнял команду руководства: не чинить препятствий ведущим спортсменам по выпуску на тренировки в город, поэтому я имел право на свободный выход из стен училища как чемпион по бегу на средние дистанции.

В этот самый момент дежурный по роте сообщил: меня кто-то ждет на КПП. Мне как раз туда и нужно было, и я в спортивной одежде появился там через пару минут.

Вот тебе раз: стоит она! Катя.

— Как я рада тебя видеть, Павлик!

Неожиданно и волнительно как-то это все!

— Я тоже рад видеть тебя, — ответил я искренне.

Помню, стоял теплый и солнечный воскресный день На Кате — летняя одежда: платье в синюю крупную клетку и легкая синяя куртка с капюшоном на случай дождя.

Я в самом деле обрадовался встрече. Наверное, того сильного ощущения счастья от ее визита, как бывало раньше, я уже не почувствовал, но радость, искренняя и праздничная, посетила меня в момент нашей встречи.

— Ты на тренировку, да? Лида говорила мне: ты увлекся спортом.

— Ага, — ответил я, — на тренировку.

— Хорошо получилось, что застала тебя...

Мы сидели на шатких, потрепанных стульчиках комнаты посетителей военного училища. Их каждый день расшатывают десятки пришедших сюда людей... Мне показалось: Катя отчего-то грустила. В глазах проглядывала печаль, на них лежала взявшаяся откуда-то поволока то ли усталости, то ли разочарования. Она повзрослела за минувший год, немного осунулась, еще более постройнела, на лбу проявились две еле заметные, совсем не портящие ее морщинки. Сидела, слегка ссутулившись, подогнув под стулом ноги.

Катя была невозможно красива...

— Ты знаешь, — произнесла она негромко и как-то слишком уж серьезно, — а Сашу забрали в армию.

— Когда же это?

— Еще весной, в мае.

— А как же учеба? Он ведь студент.

— Взял академический отпуск. Так получилось...

Она повернула ко мне лицо, и я опять увидел ее огромные глаза, в них плескалось синее Белое море. Положила мне на колено руку. Это прикосновение оказалось таким неожиданным... Отозвалось иголками во всем теле...

— А ты изменился, Паша. В лучшую сторону, надо сказать... Взрослым стал совсем, красавчик...

Глянула на меня и улыбнулась доброй и почему-то немного таинственной улыбкой.

Мне такое многие говорили в последнее время, особенно студентки Лидиново педвуза, жившие с ней в общежитии. Но я к этому относился равнодушно, полагая, что это все девчоночьи подковырки.

— Я вот думаю, Павлик, не махнуть ли нам с тобой куда-нибудь за город. Вспомним, как вместе учились в школе. Отрешимся от города, подышим...

И она посмотрела мне прямо в лицо, испытующе и просяще.

Я немного растерялся: рушились все мои воскресные планы, но ситуация изменилась серьезно, надо поддержать Катю. Она небось скучает без своего Александра. Конечно, скучает...

— Хорошо, Катя, я сейчас.

Увольнительная была у меня уже на руках. Мне ее выдали, как и всем уходящим в город еще в десять утра. Пока переодевался, достал из тумбочки яблоко — заначку со вчерашнего ланча, второго завтрака — и сгрыз его на ходу, сполоснул лицо, повертелся маленько перед зеркалом:

«Суворовец должен быть в городе образцом и молодцом!» — так учат нас отцы-командиры. Причесался... Ну, вроде все.

И появился перед Катей.

Вот ведь женская порода! Оценила взглядом, будто товар какой в галантерейном магазине, прошла по мне пальчиками: тут убрала волосинку, здесь поправила фуражку, придирчиво оглядела ботинки.

— Красавец! — подытожила она и прищелкнула язычком.

На Садовой улице взяла меня под локоток и поинтересовалась:

— Куда же мы пойдём, Павлик?

Мне трудно было на чем-то остановить выбор. В кафе сходить предложить ей не мог: суворовцам в те времена совсем не выдавали денег, родительские давно истрачены... На лодке кататься ей, наверное, неинтересно. Тем более мне вспомнилась наша прогулка по Белому морю на карбасе с ней и Сашей...

— Ты ведь ленинградка, Катя, тебе и выбирать.

— Нет, я хочу, чтобы ты решил, ты ведь мужчина. Куда-нибудь, где народу поменьше.

Тут мне пришла в голову полусумасбродная идея — отвезти ее в Павловск.

— Хорошо-хорошо, но почему именно туда?

Я сказал: там часто бываю, так как в городке этом живет мой тренер по легкой атлетике, чемпион города по барьерному бегу, мастер спорта. Наша команда ездит к нему, там мы тренируемся в парке.

— Я согласна, — Катя кивнула светленькой головкой и улыбнулась.

И от Витебского вокзала мы махнули в славный пригородный Павловск, родовое гнездо русских царей.

Мы сначала гуляли по дорожкам и аллеям красивого парка, любовались старыми дворцами, не вполне еще отреставрированными после войны, стояли у прудов, смотрели, как в них плавают утки...

Катя отчего-то нервничала. Голос ее, как всегда прелестный, дрожал. Она перепрыгивала с темы на тему.

— Пойдем-ка вон туда... — наконец приказала она властным тоном и повела меня туда, где деревья росли гуще, где лежала широкая тень и где совсем не было людей. Совсем.

Мы подошли к местечку, где под высоченной, разлапистой липой обильно рос можжевельный кустарник вперемежку с россыпями низкорослых ив и терновника. Здесь жила тишина и укромность. Человеческие голоса звучали где-то далеко, трещали лишь сороки и вперемежку тренькали какие-то птицы, празднующие вполне летнее тепло.

— Присядем-ка мы вот здесь, — предложила Катя и расстелила курточку у самого комля могучей липы. Она легла ярким, синим пятном посреди зеленых тонов окружающего пространства.

Катя уселась на ее краешек и положила ладони на слегка согнутые коленки. Спокойно и как бы отрешенно смотрела в одну сторону, разглядывая что-то в глубине

парковых ветвей. А я стоял рядом и не знал, что же мне делать. Все это выглядело странным для меня, волнующим и непонятым.

— Ну, что же ты стоишь, Павлик, садись уже, — пригласила меня Катя.

Я, конечно, сел рядом. Что в этом такого? Но Катя придвинулась ко мне близко, совсем близко... Я почувствовал прикосновение ее груди... Упругий бугорок этот ожег меня, заставил учащенно колотиться сердце, пропалил тело насквозь. Жар ударил мне в голову...

А Катя вдруг легла на спину и повлекла меня за собой...

Я лежал грудью на ее груди, и сердце мое выпрыгивало из моего тела. Невольно вспомнилась та давняя ситуация с Валентиной Николаевной в Соломбале. Но там было все совсем по-другому: какая-то случайная женщина, все просто, почти естественно.

А тут девочка, которую я раньше бесконечно любил, несколько лет терзавшая мою слабенькую еще душу. Моя неготовность к новым отношениям была очевидна...

Прежнее чувство вдруг вспыхнуло во мне ослепительным, испепеляющим огнем. И он снова, на одно только мгновение, ожег грудь.

И сразу же погас он, этот огонь. И я поднялся.

— Куда ты, Павлик? Зачем? Я ведь так к тебе стремилась... Мечтала...

— Не могу я, Катя. Прости...

Она сразу же поднялась, помолчала с опустошенным взором.

— Я понимаю, Павлик, все понимаю... Но я не хочу, чтобы ты на меня обижался. Я ведь знаю за что.

И мы ушли из того уютного местечка.

Такой была последняя вспышка тлеющих в сердце угольков ушедшей моей любви. Быть в той же простой, обыкновенной близости, в которую ежедневно вступают миллионы мужчин и женщин, я не захотел. Вернее сказать, просто не смог.

Слишком светлой оказалась моя первая любовь. И память о ней, добрую и такую же светлую, как и она сама, я собрался нести в душе всю жизнь ничем не запятнанной. Такую и несу до сих пор.

И теплый свет ее, похожий на свет давней, детской ясной звездочки над морским горизонтом, все мерцает и мерцает во мне. И не гаснет.

МИНА

Бабка Евдокия прямо в шлепанцах побежала к остановившемуся у калитки газику.

— Ой, робятки, — запричитала она вылезавшему из машины молодому офицеру, — может, не надоть, а? Подись, дом сломает. Куды же мне тады, робятки!

Лейтенант поправил фуражку и солидно сказал:

— Почему сломает? Мы не в первый раз.

Пройти к дому он, однако, не решался. Полная и, видно, крепкая еще баба загораживала вход во двор. Не зная, как быть в таких случаях, лейтенант спросил:

— А зачем тогда вызывали?

— Никто вас, робятки, и не звал, — ласково, но решительно ответила бабка Евдокия, стараясь говорить тише, чтобы не разбудить зятя. В ней затеплилась надежда: может, не услышит, окаянный. Сзади все же хлестко стукнула дощатая дверь веранды, и сапоги зятя загрохотали по настилу.

— Здравствуйте, — сказал он, отстраняя Евдокию и протягивая руку лейтенанту, — Петр Иванович, будем знакомы. Жду вас с утра, да в последний момент вздремнул малость. Сами понимаете, отпуск.

Лейтенант сообразил, что в лице Петра Ивановича приобрел решающую опору. Обернувшись к машине, он негромко, командирским тоном бросил:

— Петров, Ибрагимов, приготовиться к разведке.

Из газика бойко выскочили двое солдат, держа в руках продолговатые ящики зеленого цвета. Разложив эти ящики на земле, они достали из них какие-то трубки и стали всовывать их одну в другую. Получилось два стержня с широкими цилиндрами на концах. На голову солдаты надели наушники. Бабка Евдокия смотрела на эти зловещие, с ее точки зрения, приготовления, а в душе шевелилась тревога: сломают! Ох, сломают домишко! Она подошла к зятю и вполголоса попросила:

— Ты уж посмотри за ними, Петенька. Как бы не натворили чего. Им-то не жалко. А куды мне тады?

Зять, подмигивая солдатам и офицеру, нарочито громко возразил:

— Ну, Евдокия Терентьевна, ну почему вы так не доверяете советским воинам?

— Мы готовы, — сказал офицер. — Ведите, Петр Иванович, показывайте.

Когда солдаты и зять направились к дому, бабка Евдокия тронулась было за ними, но лейтенант остановил ее:

— Извините, вам нельзя, не положено.

— Как нельзя? — возмутилась Евдокия. — Мой дом, и нельзя?

Она хотела сказать еще что-то резкое и решительное, но, увидев, как у лейтенанта нахмурились брови, благоразумно замолчала. «Лучше не перечить, — подумалось ей, — а то специально испортят чего-нибудь. Понаехали тут с трубками».

Она еще потопталась в раздумье у калитки: куда же ей-то податься? Может, пойти пожалиться к соседке Нестеровне? Потом вспомнила, что та угреблась спозаранок в лес за клюквой. Евдокия пошла на речку. Было здесь у нее укромное место, на склоне крутого травянистого берега, между двух старых разлапистых лип. Место это показал ей Федор. Здесь они целовались с ним в теплые летние ночи того далекого предвоенного года. С тех пор в радость и в печаль приходит сюда Евдокия, чтобы поговорить с Феденькой, посоветоваться, излить душу Сев под липами на дощечку и глядя на воду, она вернулась мыслями к дому.

Построил его Федя перед самой войной. Построил за малый срок. Он словно торопился, боялся, что не успеет. Времени у него было мало и без того. Работал Федор бригадиром в колхозе, днями пропадал на поле, домом занимался до глубокой ночи. Молодая жена его Евдокия вначале помогала, как могла, а потом, когда дите ждали, Федор всю тяжелую работу по строительству взял на себя — один управлюсь...

Евдокия сокрушалась:

— Отдохнул бы, высох весь. Куда торопишься-то?

Федя только улыбался:

— Вот нарожаем с тобой ребятешек с дюжину, куда девать будем?

Крышу он крыл уже в начале июня 1941 года. Тогда и перебрались в новый дом. Внутренние работы Федя так и не закончил, ушел на фронт. Осталась его задумка прорубить окошко из светлицы на речку, на заречные дали... Он потому и приберег напоследок эту работу: хотел смастерить оконце красивее других, с фигурными, резными наличниками.

Осенью родилась Люська, и для Евдокии настали самые тяжелые дни: впереди зима — а у нее и в подполе пусто, и денег ни гроша. Все силушки на дом этот проклятуший ушли. Если бы не добрые люди, не выдюжить бы ей с грудной на руках.

В первые месяцы от Федора приходили письма. В них он утешал жену, обещал: скоро одолеют немца, и он вернется. Еще мечтал он, что новое окно в светлице прорубит. Потом началась оккупация, и письма перестали приходить.

Село, в котором жила Евдокия, стояло вдали от больших дорог, наверно, поэтому немцы бывали здесь редко. Делами заправляли полицаи и старосты. Иногда приходили партизаны и вышибали полицаев из деревни. Однажды партизаны остались заночевать, тут-то и налетели каратели. Они били по домам из минометов и пушек прямой наводкой. Евдокия помнит, как лежала на полу, закрыв телом плачущую дочь, и причитала: «Пронеси, Господи, пронеси, Господи...» Кругом гремели взрывы. От сильного удара в стену содрогнулся весь дом. «Вот и все», — подумала Евдокия и крепко прижала к себе Люську. Однако ничего не случилось. Потом и минометы стихли.

Мину первыми увидели немцы, обшаривающие после обстрела деревню в поисках не успевших уйти в лес партизан. Евдокия услышала за стеной гогот, затем в дом ворвался здоровенный фриц и, что-то гортанно выкрикивая, потащил ее на улицу. Там ее подтолкнули к стене и показали на торчащий из паза хвостовик мины. Один из фрицев многозначительно задрал подбородок, пощелкал ко стене ногтем и предупредил: «Бах-бах». Остальные хохотали, выходя за калитку и оживленно обсуждая что-то. «Повезло тебе, дура», — сказал на прощание полицай.

Вбежав в комнату, Евдокия первым делом осторожно отодвинула от стены, в которую попала мина, кровать, стол, лавку. Потом подвела к ней двухлетнюю дочь и несколько раз повторила:

— Не трогай эту стеночку, Люся. Будет бабах!

В ту ночь она так и не заснула. Все ей казалось, взорвется эта чертова железяка и убьет их с Люсенькой. А еще ей было жаль нового дома, построенного руками дорогого сердцу Феденьки, в котором они не успели нажить-нарадоваться. Спозаранок, пока совсем не рассвело, Евдокия выскочила на улицу и, полузажмурившись от страха, каждую секунду ожидая взрыва, затыкала тряпьем торчащие из стены железки: вдруг ребятишки увидят и начнут выковыривать. Получилось неплохо. Пройдешь рядом и не заметишь — болтаются тряпки, да и все.

С тех пор для Евдокии началась вдвойне тяжелая жизнь. Где бы она ни находилась: полоскала ли белье на речке, работала ли в поле, косила ли сено, все ей думалось, не случилось бы какой беды дома. И еще ей казалось, что если кто-нибудь ударит по стене, то мина обязательно взорвется. В этом она почему-то не сомневалась. И однажды едва не лишилась рассудка, когда, зайдя в избу с полными ведрами воды, увидела, как Люська разбегалась на слабых своих, босых ножонках и била ручками в стену, победно восклицая при этом «бы-бых!». Больше она дочку дома одну не оставляла.

Еще был случай уже в самом конце войны. Евдокия стряпала на кухне, когда услышала резкие удары в «ту» стену. Не помня себя, она выбежала на улицу и увидела двух мальчишек, деловито кидающих снежки в фанерный щит, повешенный на гвоздь. Вспоминая сейчас этот случай, Евдокия улыбнулась: кто же тогда больше испугался — она или мальчишки, на которых неизвестно почему вдруг набросилась баба с искаженным от ужаса лицом?

Федя с войны не вернулся. О том, что он «геройски погиб в тяжелых боях под Сталинградом», Евдокия узнала из письма, полученного из райвоенкомата. Так, вдвоем с маленькой Люськой да еще, пожалуй, с миной, с которой волей-неволей тоже пришлось уживаться в одном доме, и мыкала свое послевоенное горе Евдокия. К злополучной стене она не прикасалась все эти годы. Запрещала и Люське это делать, не объясняя, впрочем, почему: разболтает по деревне, а это все равно добром не кончится — хоть мужики, хоть солдаты начнут ковырять, сами погибнут да и дом порушат. А так сидит эта проклятая мина в стене и сидит, есть не просит.

Люська росла проворной, сообразительной, но долго не могла взять в толк: отчего мать так бережет стену? Потом успокоилась, отстала, наверно, решила: прихоть это материнская.

С годами Евдокия привыкла к mine, хотя, конечно, как и прежде, боялась. А однажды поймала себя на мысли, что все думы о ней сами по себе облекаются в некую теплоту и задушевность, потому что связывают они ее с ушедшей в безвозвратность молодостью, с той далекой порой, в которой жили она и Федя, были вместе... Постепенно она привыкла к постоянному нахождению с ней рядом куска немецкого металла, привыкла настолько, что принимала ее за свою давнюю знакомку, с которой вполне дружно можно жить. Разговаривала с ней... Проходила мимо стены, в которой та жила-поживала, потихоньку здоровалась:

— Здрава будь, суседка! Каково поживашь сегодня?

Ответа не ждала, но всегда поправляла тряпочку, которой мина была занавешена.

В деревне дочь жить не захотела, окончила семь классов — и в город. Поступила в торговый техникум. Евдокия загоревала, когда Люська уехала из деревни, чего уж хорошего, когда человек уходит из родных своих мест. Но училась дочь с охоткой, приезжала на каждые каникулы, письма писала. В общем, не забывала мать. Однажды она тронула сердце Евдокии тем, что написала: «Как вы там живете, мои мама и минуша?» Евдокия долго не могла понять, кто же такая «минуша», вроде и имен-то таких в деревне не водится, потом сообразила: да ведь мина же это! Вот Люська! Вот хитрунья! Значит, знала, а молчала. Не захотела, значит, матери волнение доставлять. И еще больше зауважала она дочь.

Жить понемногу становилось легче. Люся окончила техникум, устроилась работать товароведом в универмаг. Помогать ей отпала необходимость. Да чего там помогать, Люся сама теперь стала регулярно слать из города хоть небольшие, но все же денешки, а на праздники уж всегда — нате вам! — платочки да сарафанчики разные, баловала маму. Появился какой-никакой достаток. Все, казалось, входило в свою колею.

И тут дочка вышла замуж.

Вскоре Петр, муж ее, нагрянул к теще в гости — на природу, видишь ты, ему захотелось. Дочь-то не смогла приехать: отпуск в другом месяце, — а он тут как тут. Ну, первый день туда-сюда, удочки, речка, знакомство с соседом, а на другой день пришел от соседа выпивший, и занесло его, окаянного, прямо на эту стену. Уцепился он руками за бревна и лбом в них тычется. Сразу, бедолага, протрезвел, когда Евдокия его с бранью от этой стены к противоположной отбросила. Ни слова, правда, не сказал, но наутро стал допытываться:

— Почему это вы, мама, не дали мне вчера к стеночке прислониться? У вас ведь, мама, не музей тут.

Евдокия промолчала, но интерес его взял... Зять нашел мину за считанные минуты. Зато как нашел, вбежал в дом весь бледный, глаза выпучены.

— Я, — говорит, — не собираюсь жить в заминированном помещении! Тем более в мирное время. И вам, мама, не советую.

Как ни просила его Евдокия никуда не сообщать, не помогло. Вызвал вот саперов.

Сидела теперь Терентьевна на берегу реки, и сердце ее ныло: «Сломают дом, окаянные, ломают». Раздавшийся взрыв на какое-то время будто парализовал ее. Евдокия несколько секунд остолбенело смотрела на воду, потом вскочила и что было мочи зашпешила к дому. Ноги совсем ее не слушались, они путались в траве, скользили, спо-

тыкались. Евдокия не почувствовала, как потеряла шлепанцы, как слетел с головы платок. Запыхавшаяся, вконец растерянная, она вбежала на обрыв...

...Дом стоял на месте. Машины не было. Там, где она останавливалась, мирно копались в земле куры, мимо них лениво брела собака. Терентьевна только теперь поняла, что взрыв был совсем в другой стороне — за полями, у леса. Усталая, она переступила порог и услышала в светлице стук молотка. Сидя на корточках, Петр старательно обрабатывал стамеской края широкого четырехугольного отверстия, выпиленного в стене в том месте, где раньше сидела мина.

— Посмотрите, мама, какой красивый вид из окна будет, — сказал он подошедшей Евдокии. — Из светлицы будем любоваться с тобой. Ты сама-то глянь, мама, на красоту — луга, цветы, лес! А речка-то, речка-то!

Он еще что-то возбужденно и весело говорил, работая стамеской.

Евдокия сидела позади него на стуле, положив руки на колени. По щекам ее текли слезы. Губы тряслись и шептали: «Феденька, Феденька...»

Потом она поднесла к лицу край передника и зарыдала.

Анна ГЕДЫМИН

НЕБО ПО ЩИКОЛОТКУ

* * *

Здравствуй, жизнь особого свойства —
Мой последний физкультурпарад,
Возраст будничного героизма
Без пошады и без наград!

«Наслаждайся тем, что снаружи:
Море, август, закат, вокзал...
Дальше может быть только хуже», —
Мне заезжий умник сказал.

Эта истина мне знакома.
Но теряя то, что люблю,
Я обычно спасаюсь дома —
Здесь, пожалуй, что хочешь стерплю:

И что снова сквозит с востока,
И надежде цена — пятак...
Впрочем, помнишь, как так у Блока?
Принимаю тебя и так.

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАЖ

Здесь небо по щиколотку,
Здесь Бог
Виден при ясной погоде.
И даже хрущевки внизу
Напоминают лубок,
Не напрягающий вроде.

Анна Гедымин — поэт, прозаик. Окончила МГУ, факультет журналистики. Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Арион», «Континент», «Юность» и др. Автор восьми поэтических и двух прозаических книг. Лауреат ряда литературных премий, в том числе Международной Волошинской премии в номинации «За сохранение традиций русской поэзии», премии имени Анны Ахматовой журнала «Юность», премий «Литературной газеты», журналов «Литературная учеба», «Дети Ра», «Зинзивер».

Отсюда чаще уходят в вечность —
Реже к венцу.
Так поздним летом
Мама, легко вздохнув,
Переместилась к отцу
В воздухе перегретом.

Здесь недосуг поминать обиды,
Сюда не долетают зависть и лесть,
Разве что голуби да болиды.
И если страх и отчаянье
Где-нибудь есть,
То сегодня не здесь.

ПРОЩАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Говори — словно боль заговаривай...

Бахыт Кенжеев

1

В сумерках,
В соловьиной тоске,
От смерти на волоске,
В предошущенье Бога,
В городе, затихающем до зари, —
Не молчи!
Поговори со мной,
Поговори
Еще немного.

В жутком костенеющем декабре,
В неуместно красочном мае,
Каково мне будет,
Безмолвствуя и скорбя,
Жить и умирать
Без тебя, —
Мы оба знаем...

2

Вовне,
В солнечной своей тишине —
Вспоминай обо мне.

Знаю, не до меня,
Не трать, конечно, вечности и огня,
Не претендую на особый успех,

И все же
Даже ангелы в ответе за тех,
Кто взлететь не может.

* * *

Тень становится неповоротливой —
Еле тянется вдоль пути,
И, возможно, за поворот его
Ей и вовсе не переползти.

Мы сильнее, злее похожи,
Чем по матери и отцу,
Тем, что в смертный миг, даже позже,
Упадем с ней лицом к лицу,

Вспоминая безвольно
О судьбе рукопашной:
Как жить больно,
Как любить страшно...

* * *

Я буду лежать на Донском,
На тихом, на городском.

И пусть я нескладно живу,
Порой мятежно живу,
Кочевно, как некогда предок, —

В конце я вернусь в Москву,
Вот в эту родную Москву,
Которой уж нет, Москву.

Хоть напоследок.

* * *

Осень моя,
Золотая трава...
В эти края
Не долетают слова.

Берег седой
Прянет из темноты,
Дым плывет над водой —
Осень моя, это ты.

К чему горевать?
Будем жить-поживать,
Чтобы в чем-нибудь сне
Промелькнуть по весне.

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

Город, переживший
Цветенье и увяданье,
Готовится к зимним праздникам.
Сегодня похолоданье.
Декабрь бесконечные сумерки
И морок погоды дрянной
Компенсирует белизной.

Снег за окном приглушает звуки
И замедляет свет,
Вопреки науке.
Так мысль становится менее резвой
В голове нетрезвой;

Так чувства кристаллизуются,
Замирая на высшей точке,
И не зависят уже
От ветшающей оболочки,
А по мнению идеалистов,
По крайней мере,
Будут жить вечно
(Кто бы это проверил!).

Что ж, зажжем новогодние свечи
Или хотя бы лампу,
Воздадим должное
Красоте и таланту!
Ибо, как бы ни были
Предсказания лживы,
Мы пока еще живы...

Андрей АСТВАЦАТУРОВ

В ЛАБИРИНТЕ МИНОТАВРА

Рассказ

Оля позвонила в двенадцатом часу. Раздевшись на ночь, я лежал под одеялом и, чтобы поскорее заснуть, читал балладу о старом мореходе. Выбор чтения оказался удачным: «Мореход» понемногу начал меня усыплять. Монотонно выпевались английские слова, сливаясь в мутный трудноразличимый шум; являлись одна за другой неясные аллегории смерти и личного ада, навевая дремоту; прилетали и улетали дикие, странные призраки. Они, видимо, пугали трепетную душу морехода, забравшего невинную пернатую жизнь, но меня оставляли совершенно безучастным, глухим к добру и недобру. Я зевал, клевал носом, иногда пытался филологически сосредоточиться, но чувствовал, что меня все больше забирает сон. И вдруг — телефонный звонок.словно птица вскрикнула над ухом. Я вздрогнул и очнулся.

— Слушай, помоги, пожалуйста! — Олин голос в трубке звучал взволнованно. — Я прямо не знаю, что делать...

Сон как рукой сняло. Выходило, что я еще не отыгранная карта, что стрелок его величества по-прежнему нужен своей даме. Отбросил книгу, сел на кровати.

— Понимаешь... надо что-то делать... он уже третий час торчит в «Квентин Дорварде» и пьянствует. Да еще ко всем задирается... Мне этот, наш официант Валентин уже два раза...

Речь ее была совершенно бессвязной. Я сказал Оле: успокойся, спросил, кто сидит и что вообще случилось.

— Да Мишка мой, кто же еще? Ну, короче, ты понял... Капитонов. Я его... ну... короче, — она путалась в словах. — Короче, я... ну, в общем, мы расстались, понимаешь? И он сейчас там, в «Квентин Дорварде», слышишь меня? Напился мне назло и буянит. А Валентин, этот болван, сказал: не заберете отсюда своего профессора — мен-тов вызову.

— А я чем...

— Съезди туда, умоляю тебя, прямо сейчас, забери его. Адрес я...

Почему бы и не съездить? Они расстались, и, стало быть, у меня появился шанс вернуть свою королеву героическим поступком. В голове образовалась приятная теплота. Она хлынула в горло, в желудок и медленно растеклась по всему телу.

Андрей Алексеевич Аствацатуров родился в 1969 году. Российский писатель, филолог, профессор СПбГУ. Автор романов «Люди в голом» (2009), «Скунскамера» (2010), «Осень в карманах» (2015), «Не кормите и не трогайте пеликанов» (2019), двух книг литературной эссеистики, а также четырех научных монографий. Лауреат премии «Нос», «ТОП-50. Знаменитые люди Санкт-Петербурга», финалист литературных премий «Национальный бестселлер» (дважды), «Ясная Поляна», премии им. Сергея Довлатова, «Созидающий мир». Художественные произведения переведены на восемь иностранных языков.

— А чего это вы вдруг...

— Так ты поедешь или нет?! — раздраженно спросила Оля.

«Расстались», — мысленно договорил я свой вопрос. Спустил ноги на пол и нашарил под кроватью тапки.

— Только... это... Потом к тебе его везти?

— Ты идиот, что ли?! — она почти вскрикнула. — Ни в коем случае! Домой его отвезешь, я тебе сейчас адрес скину. Такси вызвать?

Я поблагодарил ее с преувеличенной вежливостью, сказал, что справлюсь сам, и дал отбой. Потом набрал службу такси, вызвал машину и начал быстро одеваться.

Через пятнадцать минут мы уже неслись по пустому району. Я смотрел в окно и видел, что город захватила буря. В ноябре у нас такое случается внезапно. Будто кто-то невидимый резко включает рубильник. Даже в закрытой машине было слышно, как бесчинствует погода. Я из любопытства приоткрыл окно и сразу же чуть не оглох от шума шквального ветра. Все вокруг скрипело, трещало, хлопало, ходило ходуном. Ураган изо всех сил гнул голые деревья, рвал тряпичные баннеры, звенел электрическими проводами. Город, обычно мертвенно-застывший и по-европейски рассудительный, теперь содрогался всем телом и поминутно вскидывался на дыбы. Огни светофоров и встречных автомобилей подмигивали, как глаза буйно помешанных. Редкие прохожие в тусклом свете фонарей казались зловещими призраками. Луны не было. В мутном небе клубились низкие тучи.

Когда мы миновали спальные кварталы и оказались на Петроградской, телефон у меня в руке булькнул и засветился предостерегающим сообщением: «МЧС информирует о штормовом предупреждении». Телефон погас, но тут же опять вспыхнул и громко зазвенел. Это снова была Оля.

— Ты едешь?

— Еду, еду...

— Слушай, огромное тебе спасибо. Позвонишь мне потом, ладно? Расскажешь, как там все...

Связь прервалась, и я не успел ответить. Взглянул на еще не потухший экран и внезапно ощутил прилив сильных чувств, большей частью неопределенных. В голове заволновались возвышенные мысли с оттенком высшего благородства, которые вполне можно было поместить в какой-нибудь роман. Мне подумалось, что вот сейчас эта минута чрезвычайно необыкновенна и торжественна. Ради любимой женщины, себе в убыток, я еду спасать от позора своего счастливого соперника, оказавшегося в несчастье.

Такси выскочило на мост, и сквозь капли дождя на стекле я увидел, что неподалеку над водой кружится большая белая чайка. И мост, и чайка почему-то меня напугали, впрочем, на какую-то секунду, которой оказалось достаточно, чтобы мысли мои сразу приняли совершенно иной оборот. Хорошо бы, подумал я, издать приказ таких вот птиц отстреливать к чертовой матери. Летают без толку, гадят, разносят по городу всякую заразу.

Мы преодолели мост и остановились возле ресторана «Квентин Дорвард», прямо у входа. Я сказал водителю, что скоро вернусь, и вылез наружу. Нева отчаянно ревела у меня за спиной, как раненое животное. У дверей ресторана под козырьком торчала нищая старуха. Ее мертвенно-бледное, костлявое лицо напоминало череп на черном пиратском флаге. Когда я открывал дверь, она пошевелила губами и что-то произнесла, но я не стал слушать и шагнул внутрь.

Как только я оказался в тепле, у меня сразу же запотели очки. Лабиринт «Квентин Дорварда» с широкой барной стойкой, со столами, табуретами, физиономиями посетителей, мелькнувшими было на мгновение перед глазами, покрылся плотной дым-

кой. Мне подумалось, что здесь, в этом полумраке, под готическими сводами, напминавшими перевернутые вверх дном лодки, среди жестяных рыцарей, тихо стоящих в нишах, возможно, прячутся какие-нибудь призраки или доисторические чудовища. В нос ударил резкий запах жареного мяса. Я снял очки, чтобы их протереть, и в глазах все сразу же ослабло, сомлело, поплыло огромными световыми пятнами. «Квентин Дорвард» лишился вмятых очертаний. А когда я вернул очки на переносицу, аккуратно протерев их уголком рубашки, мир заново собрался, прояснился, затвердел. Барная стойка, столы, тарелки на столах, грубые табуретки под старину, физиономии посетителей вернули себе прежнюю форму.

Из динамиков неслась лихая ритмичная музыка. Я огляделся. Капитонова нигде не было видно. Прямо у входа двое бородатых кавказцев, оба в одинаковых спортивных костюмах, играли в нарды. Я увидел, как один из них, тот, что сидел справа, встряхнул в воздухе кулаком и ловким движением высыпал на размалеванную доску кости. Потом осклабился, погладил бороду и объявил по-персидски: «Ду шеш», твердо и торжественно, словно предсказал чью-то судьбу. В центре за столами, расставленными буквой «п», праздновали свадьбу. Невеста в белокором платье сидела, потупив глаза, а над ней с фужером в руке возвышался жених глуповатого вида. Его слегка пошатывало, по всей видимости, от выпитого алкоголя. Жених пытался произнести тост, но гости за столом все время перебивали его опьяневшими голосами.

Кто-то осторожно потянул меня за рукав. Я обернулся и увидел официанта Валентина. Карточный валет был тут как тут.

— Слава богу, вы пришли, — обеспокоенно зашептал он. — Тут у нас такое было! Охранник хотел вывести его, но не справился. Мы думали уже милицию вызывать... Сначала ваш приятель...

— Где он? — перебил я Валентина.

— Молодой человек! Можно счет?! — донеслось откуда-то сзади.

— Сию минуту... Арина! — громко позвал он. — Проводи, пожалуйста, мужчину. Мне надо стол рассчитать.

Валентин исчез, а передо мной возникла высокая молодая официантка. И тут я невольно застыл — на какое-то мгновение она показалась мне прекраснее всего, что я видел на свете. У нее было античное лицо, из тех, которые мы так часто видим на картинах и совсем редко в жизни. Большие бархатные глаза, тонкий с легкой горбинкой римский нос, резко очерченный подбородок. И вдобавок фигура прекрасной царевны или даже лесной нимфы. Все мои возвышенные, благородные мысли про прекрасную даму, про счастливого соперника как ветром сдуло.

— Разденетесь? — у царевны оказался приятный низкий голос.

— Только если вместе с вами, — галантно произнес я и, присовокупив к словам глубокий многозначительный вздох, тут же испугался. Подумал, сейчас она разозлится, нажалуется охране, и сюда действительно вызовут милицию. В том числе и по мою душу.

Но Арина всего лишь внимательно на меня посмотрела, причем с примесью некоего сочувствия:

— Очень оригинально. Но я, к сожалению, уже назначена другому. Ясно? Вот, кстати, мой жених.

Она показала глазами в сторону двери. Там, прислонившись к стене, стоял высокий охранник с выражением полнейшего равнодушия на круглой физиономии.

— Зовут Денис, — пояснила она. — Хотите, я вас познакомлю?

Знакомиться с Денисом совершенно не входило в мои планы, и я сказал, что пришел сюда совершенно по другому делу. Женщина, сидевшая за столиком неподалеку,

сделала неловкое движение рукой и столкнула со стола белую пузатую чашку. Ойкнула, дернулась всем телом. Чашка глухо стукнулась об пол, но почему-то не разбилась, а только криво закатилась под стол, как шерстяной клубок. Арина нагнулась, аккуратно подняла чашку, выпрямилась и посмотрела на меня в упор. Лицо ее слегка порозовело:

— Я так рада, что вы вспомнили наконец, зачем пришли.

— Ваш жених, — сказал я учтиво, — похож на греческого бога.

Она хмыкнула, повернулась ко мне спиной и направилась сквозь лабиринт столов в глубь зала. Я двинулся за ней, аккуратно лавируя среди тесноты и стараясь никого не задевать.

Капитонов обнаружился в самом конце лабиринта. Перед ним на столе возвышалась пол-литровая бутылка водки, почти опорожненная; рядом стояли две стопки и грязная тарелка с куриными костями, перемазанными красным соусом. Тарелка выглядела до того безобразной, что казалось, в ней устроили кровавые человеческие жертвоприношения лилипуты из «Гуллливера».

— Вот он, во всей своей красе, — сказала Арина. — Любуйтесь.

Капитонов был занят. Он пытался кормить жестяного рыцаря-крестоносца, мирно стоящего в своей нише. Тыкал в ротовое отверстие шлема вилкой с наколотым кусочком мяса и приговаривал:

— Жри, придурок... Жри, кому говорят. Закусывай...

На его красной, бычьей шее вздувались темные вены.

— Помощь нужна? — спросила Арина. В руках у нее белела пузатая чашка, та самая, которую уронила женщина.

— О! — нетрезво обрадовался Капитонов, узнав меня. — Какие, блин, люди! Тебя, дурака, Оля прислала, да?

— Миша, поехали домой, — сказал я как можно спокойнее и тут же почувствовал, что ко мне снова вернулись прежние благородные мысли.

— Может, все-таки нужна помощь? — снова спросила Арина.

— Нет, мы, наверное, сами.

— Мы, наверное, сами! — громко подхватил Капитонов поплывшим от опьянения голосом. Он швырнул вилку на стол. Та в ответ обиженно звякнула.

Арина не уходила и внимательно за нами наблюдала.

— Миша, тебе уже хватит, — я сел рядом с ним. Благородную миссию нужно было исполнить во что бы то ни стало.

— Короче! — громко произнес кто-то за соседним столом. Там сидели трое мужчин и, как мне показалось, обсуждали события на Ближнем Востоке.

— Чего тебе «короче»?! — вскинулся Капитанов и сделал попытку приподняться с табурета.

— Не понял? — повернул к нам лысую голову самый старший.

Но Капитонов уже забыл про него и стал похлопывать себя по толстому, выпирающему животу. На его белой футболке краснели пятна от соуса. Из динамиков ударила музыка.

— Надо выпить! — крикнул Капитонов мне в ухо.

— Миша, тебе уже хватит, — я накрыл ладонью обе стопки.

— Погоди... — он убрал мою ладонь, взял бутылку и разлил остатки водки по стопкам. Затем поднялся — это получилось у него только с третьего раза — и, держа перед собой стопку, провозгласил, перекрикивая музыку: — Тост! За самых любимых и преданных женщин! И за рыцарей-рогоносцев! — он стукнул жестяного рыцаря стопкой по пустому шлему и прокомментировал: — Звук какой-то гондонный.

Потом неуклюже опрокинул стопку в рот и плюхнулся обратно на табуретку. Вернул стопку назад, поставил локти на стол и закрыл ладонями лицо. Арина смотрела на него с брезгливой жалостью. Я подождал немного, потом легонько подергал его за рукав футболки:

— Миша, я тебя понимаю. Я очень хорошо тебя понимаю, — мне показалось, что мой голос звучит очень проникновенно и убедительно.

— Понимаю... Гляди-ка... Он понимает... — Капитонов убрал ладони от лица. — Что ты можешь понимать, дурень? Она ушла. Навсегда ушла.

Теперь в его глазах стояли слезы. Как назло, в этот момент в динамиках включилась какая-то тоскливая песня, навевающая животную грусть. Я почувствовал легкое раздражение. Почему-то захотелось его добить, сказать: Оля никогда тебя не любила, но я сдержался. В конце концов, я выходил из этой мелодрамы решительным победителем, и передо мной на ресторанном табурете сидел поверженный соперник. Уже не могучий минотавр, не археолог, покоривший Тавриду, не директор лаборатории, привыкший отдавать приказы, не любимый ученик великого Обухова, а слабый человек с выпирающим животом и со слившимися на лбу сальными волосами.

— Миша! — твердо сказал я. — Оля очень беспокоится. Давай не дури, поехали домой, такси уже ждет.

— Оля... очень... беспокоится... — повторил Капитонов, делая паузы между словами. Он повернулся к Арине, которая по-прежнему стояла рядом. — Ты слышала? Оля, оказывается, очень беспокоится. Ну, раз беспокоится...

Он тяжело поднялся, но тут же сильно качнулся и схватился за стол.

— Так, берем его под руки! Раз-два! — скомандовала Арина и поставила на стол чашку, которую все это время держала в руке. Мы подхватили Капитонова под руки с двух сторон и двинулись к выходу.

Оказалось, что втроем пробираться сквозь лабиринт не так-то просто. Двигались мы медленно. То и дело задевали табуреты, чьи-то локти, посуду на столах. Арина всякий раз вежливо извинялась, но при этом уверенно тянула Капитонова вперед. Он не сопротивлялся, шел, покорно опустив голову, будто на убой.

Наконец лабиринт закончился. Выход был уже в нескольких шагах. Охранник Денис, которого я назвал греческим богом, заметив нас, отделился от стены и сделал шаг навстречу. Прежнее равнодушие на его лице совершенно не переменялось. Боги, подумал я, глядя на него, видимо, малочувствительны к человеческим делам и горестям. Сражаешься с чудищем, тащишь на себе какого-нибудь быка, надрываешься, а им все равно. Хоть ногами топай, хоть кричи во всю глотку — они даже не откликнутся.

— Номерок не потеряли? — обратился греческий бог к Капитонову.

Тот поднял голову и уставился на охранника с таким изумлением, будто и впрямь узрел перед собой бога.

— Номерок, говорю, не потеряли? — повторил охранник, повысив голос.

Мне все это стало надоедать. Уже начало первого, завтра с утра две пары, а я тут вожусь с этим рыцарем печального образа, соплю ему вытираю.

— Миша, — позвал я Капитонова, — не сходи с ума. Смотри, сколько вокруг прекрасных девушек.

Я отпустил его и театрально обвел рукой зал.

— Чего?! — Капитонов повернулся ко мне, и глаза его налились бешенством. — Ты мне еще тут будешь... Сводник чертов!

В голове у меня словно взорвалась мина. Я размахнулся, чтобы врезать ему как следует, но покоритель Тавриды ловко уклонился в сторону, а потом резко стукнул меня

кулаком в подбородок. В глазах сразу потемнело, ноги дернулись куда-то вбок. Я качнулся, успел услышать, как взвизгнула по-птичьи Арина, рухнул на пол и отключился.

Когда мир вокруг стал понемногу проясняться и темные ворота открылись, я почувствовал, что мне на голову льют воду. Перед глазами кружились большие, безобразные пятна. Кто-то поддерживал мой затылок, кто-то надевал на меня очки. Охранник Денис тер мне уши. На его правом запястье темнела татуировка.

— Классический кросс, классический кросс, — повторял он восхищенно.

Я вспомнил, что у Капитонова какой-то там разряд по боксу. Он сам однажды нам рассказывал, что когда-то давно выигрывал городские соревнования.

— Сейчас милицию вызовем, — пообещала Арина. Она стояла рядом и наблюдала, как Денис приводит меня в чувство.

— Не надо никого вызывать, — попросил я и приподнялся на локте. — Слышите?

Обратно мы с Капитоновым ехали молча. Сидели позади шофера, и каждый смотрел в свое окно. Капитонов время от времени принимался всхлипывать. Меня слегка мучило. Руки дрожали. В ногах была слабость. Ураган на улице утих, но зато в стекла машины хлестал сильный дождь. Небо над городом насквозь промокло и обвисло. Слева от моста стоял прилипший к набережной старинный деревянный фрегат. Его паруса в темноте казались черными.

Возле старой мечети мне в голову явились путаные, злые мысли насчет Капитонова, и я, чтобы отвлечься, стал разглядывать город за окном. Город выглядел туманным, пустым, почти призрачным. Транспорта на дорогах не было. Пешеходы тоже отсутствовали. Уличные фонари поливали пустые лоснящиеся тротуары жирным яичным светом.

Такси мигом одолело острова и выехало к Черной речке. Навстречу одна за другой потекли знакомые улицы спальника, потянулись дома, похожие на тяжелые тени, — в некоторых еще светились окна. Я смотрел на мелькавшие посреди дороги обрывки белой линии и чувствовал страшную тоску. Об Оле я почти не думал. Наконец на Большом Сампсониевском, возле светящихся слов «Охота и рыбалка» такси остановилось.

— Приехали по первому адресу, — доложил шофер.

Я повернулся к Капитонову:

— Сам дойдешь или тебя довести?

Капитонов, не говоря ни слова, вылез из машины, хлопнул дверью и, слегка раскочиваясь, поплелся в темноту.

— Дойдет, — добродушно сказал шофер. — Здесь недалеко.

Утром позвонила Оля и сказала, что после второй пары будет меня ждать в «Квентин Дорварде». Я пребывал в унылом расположении духа, но после ее звонка развеселился. Ну еще бы! После подвигов в лабиринте мне полагалась заслуженная награда. Так, по крайней мере, я думал, когда заходил в «Квентин Дорвард».

Олю я увидел сразу. Она сидела недалеко от входа, и перед ней стояла белая пузатая чашка, ровно такая же, какую я видел вчера в руках Арины. Оля курила и задумчиво изучала что-то в телефоне.

— Привет! — сказал я бодрым голосом, пожалуй, даже слишком бодрым. — Разрешите составить вам компанию?

Оля подняла на меня взгляд и улынулась.

— Привет...

Я поцеловал ее, точнее, небрежно клюнул в розовую щеку, бросил на пол рюкзак и уселся напротив. Огляделся. Народу в ресторане почти не было, и я почему-то об этом пожалел. Кругом стояла тишина, какая обычно случается в церкви после служ-

бы. Лабиринт будто забыл о вчерашнем представлении, угомонился, сник, перестал быть опасным. Жестяные рыцари мирно дремали в полумраке ниш.

Оля отложила телефон и потушила сигарету. Осторожно поправила прическу.

— Ну, как ты, милый?

«Милый!» — победно загудели у меня в голове охотничьи трубы. Где-то за кулисами, на кухне загремела посуда.

— Спасибо тебе большое... — она осторожно взяла за ручку пузатую чашку и пригубила кофе.

Я взлетел на олимп блаженства и снова почувствовал себя героем, Тесеем или даже Ланселотом. Тут же театральным статистом явился официант Валентин, наш карточный валет. Я попросил кофе.

— Ну что, говорят, вчера совсем был ужас?

Я стал рассказывать с самого начала, стараясь не упустить ни одной эпической детали. Живописно расписал вечерний ураган, вспомнил ночную ведьму с белым костлявым лицом, официантку Арину, черные паруса деревянного фрегата. Когда я заговорил о Капитонове, она меня перебила:

— Он правда тебя ударил?

Я мужественно кивнул, но все-таки решил наядбедничать:

— И еще сводником обозвал.

— Господи, — она со стуком поставила чашку на блюдце. — Прости, я не знала, что так выйдет.

Мы помолчали. Официант Валентин вынырнул из полумрака, теперь уже напечес с подносом. Поставил передо мной кофе и, слегка поклонившись, ретировался. Нужно было как-то вернуться к разговору, и я спросил, понизив голос:

— А чего вы расстались?

Оля осторожно вытянула из пачки сигарету, зажгла ее и внимательно на меня посмотрела.

— Даже не знаю, как тебе сказать... — она затынулась, выдохнула дым и отвела взгляд. — В общем... у меня роман с Петей Зуевым.

Театральные подмости, соорудившиеся у меня в голове, обрушились с оглушительным треском. Будто кто-то врезал молотком по черепу. Боль сжала горло, потом хлынула в легкие и просверлила желудок. Я взглянул на воспаленный огонек Олиной сигареты, и все мое существо, оглушенное ее словами, жалкое, слабое, расплющенное, громко зануло.

— Как... — я судорожно сглотнул слюну. Зачем-то поднял чашку кофе, поднес ее к губам, но на полпути остановился и вернул обратно на стол.

— Милый, ну, не надо... — она потянулась ко мне, видно, затем, чтобы провести рукой по моим волосам, но я отклонился в сторону и отодвинул ее руку. Она вздохнула, поставила локти на стол, подперла ладонями голову и грустно посмотрела мне в глаза.

Все разлетелось к чертям. Все обратилось в ничто, весь мир вокруг и мое собственное тело. Руки и ноги как будто отнялись; мозг бездействовал. Прошло несколько секунд — они показали мне вечностью, и я очнулся. Нельзя раскисать, сказал я себе, надо заново собраться, навести в голове прежний порядок. В конце концов, тут не фронт, не передовая, а всего лишь какой-то «Квентин Дорвард», ресторан, мафиозно оформленный по документам как студенческая столовая. Я снова взялся за кофе и заставил себя сделать несколько глотков.

— Понимаешь, — начала Оля. — Петя не такой, как другие.

Я в ответ коротко кивнул. Оля спрятала руки под стол.

— Ничего ты не понимаешь...

— Почему? Понимаю, — силы ко мне постепенно возвращались. — Я его хорошо знаю. Очень хорошо.

Она покачала головой и рассмеялась:

— Нет, ты его совсем не знаешь. Вы все его не знаете. В нем есть жизнь, понимаешь?

В ответ мне захотелось съязвить, но в голову, как назло, ничего остроумного не лезло. И я решил спастись позорным бегством, дезертировать. Поднялся, бросил на стол полтинник, произнес: «Мне пора», подхватил с пола рюкзак и поспешил к выходу.

Весь день прошел в мутной тоске. Я механически отчитал две лекции, одну про Кольриджа, другую, кажется, про Элиота, а потом ехал домой и повторял: «Сводник... чертов сводник».

Дома я уселся смотреть телевизор. Показывали неуловимых мстителей. По фильму выходило, что Гражданская война — это не страшно, а очень весело, эдакий детский праздник с шутками, прибаутками, игрой в догонялки и акробатическими трюками. Когда фильм перевалил за середину, раздался громкий звонок в дверь. Я вздрогнул от неожиданности, поднялся с кресла и поплелся в коридор открывать дверь. Повернул замок, даже не спросив, кто там. Мне было все равно.

На пороге стоял Капитонов. Выглядел вчерашний минотавр неважно. Опухшая физиономия, большие черные круги под глазами.

— Можно войти? — он сделал шаг вперед.

— Нет, нельзя, — сказал я.

Капитонов замялся, неловко убрал ногу и зачем-то показал мне свой рюкзак:

— Вот... Пришел извиниться.

— Извиняйся.

— Извини... — произнес он неуверенно.

— У тебя все?

Он молча расстегнул рюкзак и вытащил бутылку коньяка. Я взял у него одной рукой бутылку, а другой с силой оттолкнул его за порог и захлопнул дверь. Вернулся со своей добычей в комнату. Фильм про неуловимых, видимо, прервался, и теперь по телевизору шла реклама. Три голоногих нимфы в коротких снегурочьих шубках голубого цвета рекламировали жвачку. Они посылали воздушные поцелуи, призывали ощутить ледяную свежесть и при этом извивались, как пиявки. Сверху на них падали белые хлопья нафталина, изображавшие снег. Капитонов снова позвонил, сначала в дверь, потом на мобильник, но я не реагировал. Через две минуты снова включились неуловимые. Они куда-то скакали на лошадях под взбесившуюся музыку. Я почувствовал, что больше не могу на них смотреть, и ушел на кухню, захватив с собой коньяк и сигареты. Там я долго курил, плющил в пепельнице окурки один за другим и глядел в окно, в бессмысленный серый день.

В конце концов, чего я хотел? Я сам познакомил Олю с Зуевым, сам отдал ее ему. Он был моим начальником, без пяти минут деканом, и мне тогда очень хотелось перед ним выслужиться.

За окном на улице все шло своим чередом. Жизнь продолжалась. Медленно тащились по своим маршрутам трамваи. Гонялись друг за другом наперегонки легковые машины. У мигающих светофоров томились пешеходы. Прямо под моим окном на тротуаре возле люка грелась стая жирных голубей. Мимо нее в сторону стадиона промчались четыре лохматых псыны. Видимо, где-то назначалась свадьба, и они опаздывали.

Я проводил глазами этот квартет и вдруг увидел себя торчащим в верхнем окне девятиэтажного дома — нелепое, сгорбленное, очковое существо, влекомое тщеславием и навсегда посрамленное.

Григорий МАРК

В ЛАБИРИНТ ПРЕВРАТИЛАСЬ ДУША

ОСЕННИЙ УРОК ЖИВОПИСИ

Накрапывал дождь. Я на кухне сидел целый час, наблюдал, как из листьев и капелек он создает свой *пуантилистичный* пейзаж на оконном стекле сотней кисточек влажных. Осенний ночной мастер-класс. Вот уже в акварель превращается масло, поет хор крапленых огней, блеклых пятен, плывущих во мгле.

Это смутные воспоминания — капли дождя, точки в копии оригинала, которого нет, — возвратились ко мне. Я следил, с головой в них уйдя, как раскраску теряет цветной электрический свет

и абстрактной картиной становится город в окне, обрамленную вещь без сущности, прорубью. В ней, захлебнувшись, мой взгляд утонул. Он лежит там, на дне, а над ним шелестит тишина и мельканье огней.

В опрокинутом мире возникло сквозь толщу воды небо в звездную крапинку, месяц наперекосяк. Звук густой и невнятный доносится издалека. Акварель обретает свой голос. Тот голос беды, что похож на глухое мычанье. Так тихо и так вот огромно могли бы мычать в темноте облака

Григорий Марк родился в Ленинграде в 1940 году. Печатался в журналах «Арион», «Артикль», «Воздух», «Время и мы», «Грани», «Дружба народов», «Звезда», «Знамя», «Интерпоэзия», «Континент», «Новый журнал», «Новый мир», «Октябрь», «Слово», «Юность» и др. Переводы стихов Г. Марка на английский публиковались в «Glas» (Великобритания), «Word» (США), «Modern Poetry In Translations» (Великобритания), «Przekladniec» (Польша).

перед тем, как их всех разорвет на клочки ураган.
Видно, снова от сути уводит упрямая плоть,
и не стоит растрачивать на разноцветный обман
драгоценных оставшихся дней небольшую щепоть.

ЛАБИРИНТ С ЗЕРКАЛАМИ

Очень долго живу. В лабиринт превратилась душа.
Искривленных зеркал повороты, изгибы. В пути
на себя натыкаюсь на каждом шагу. Не дыша,
в отраженья смотрю и, озлясь, продолжаю идти.

Составляю подробную карту уже много лет
коридоров, проходов, площадок, пустых тупиков.
Здесь всегда поднимается из-под земли слабый свет,
и сквозь сумрак в толпе отражений идти нелегко.

Если взглядом скользнуть, остаются на стенах следы,
их концы мне никак не связать в путеводную нить.
Карта плохо работает. Чтобы избежать беды,
надо двигаться медленно, чаще душою кривить,

огибая препятствия и миражи. Вслед за мной
бормотанья и шорохи тихо крадутся впотьмах.
Миллионами маленьких звуков роится живой
лабиринт. Зеркала, отразившиеся в зеркалах.

Мои длинные тени в дурной бесконечности их,
как атлеты на греческих вазах, летят. Боль в висках.
Перспектива сужается. Я повторяюсь в двойных
зеркалах, каждый раз уменьшаясь немного. Пока

не исчезну. Иногда вдруг видна вдалеке
надпись «Выход!». За нею черта сверху вниз, черный диск —
восклицательным знаком. Железная дверь в уголке.
Будто током ударило, дергаюсь к ней. Слышен писк,

и пугливые тени, как крысы, шарахнулись врозь.
Надпись с выходом гаснет. Опять не видать ни черта.
Кулаком отраженью в лицо. Чтобы сдвинулась ось
моего лабиринта. Тут стены меняют места,

словно в калейдоскопе, при встряске. Мне надо искать
в совершенно иных тупиках надпись «Выход!» и дверь,
а на стенах все та же кривая зеркальная гладь.
Предыдущее знание стало ненужным теперь.

* * *

В Глаголандии поют колокола.
Блики плещутся в морщинистом канале.
Куполята, словно дети, к куполам
золотистыми затылками прижались.

Разгораются в Соборе Языка
образа Святой Грамматики и свечи.
Как бельишко на веревке, облака
просыхают после стирки каждый вечер.

На базаре у Собора тишь да гладь.
Прилавками Силлабы монотонно
предлагают по дешевке благодать,
разливают аллилуйю по бидонам.

Над каналами поют колокола,
в небо тянутся молитвою веселой.
В Глаголандии никто не держит зла:
его негде там держать среди глаголов.

* * *

Время — час за часом колокольным звоном
рассылали в город часовые звонниц —
близнецы-монахи в черных балахонах.
И в шарах прозрачных плыло время оно
над горою в небе в мареве бессонниц.

Лопалось, беззвучно заливая город,
дом мой заливая летними ночами,
изнывало зноем каменное море,
море, над которым марево и морок
все плотней сгущались. Возвращалась память

звоном колокольным, головною болью.
В черепной коробке человечек голый
среди горящих бревен и торчащих кольев
красной кочергою ворошил уголья —
ворошил бывшее раскаленный голос.

Уплывали лица в ночь над Храмом Третьим
белой вереницей. Я был очень болен.
И качал все лето утром на рассвете
время жизни прежней надо мною ветер,
там, где в люльках звонниц, звон ококололен.

ТИРАН И МАРИЯ

1. Здесь в цинковых крышах разбросаны неба кусочки.
Ночами в них плещутся отблески звезд. Купола
церквей золотыми медузами поодиночке
всплывают из крыш, и вокруг расступается мгла.

Дом шефа полиции выпучил окна на площадь.
Как можно быстрее прохожих дрожащие тени
скользят, глядя под ноги. Флаг над фасадом полощет
бесшумный пропеллер, искусно запрятанный в стену

из краснокровяного мрамора в белых прожилках.
Герб города — змей, над землей выпускающий жало.
Массивный балкон вместе с флагом стоит на затылках,
поросших из мраморных стен лупоглазых русалок.

Там в окнах видны бородатые тощие люди,
и дым голубой из ноздрей непрерывно струится.
Прохожих снимают на пленку и, выпятив груди,
вращают глазищами. Но неподвижны их лица.

2. У входа в дворец на колонне застывшего света
с вязанкою звездных лучей за крылатой спиной
стоит белый ангел. Посланник, не знавший приметы
Пославшего и позабывший посланье давно.

Чета пожилых тополей в серебристых ливреях
подъезд охраняет, макушки откинувши гордо.
Им трудно, разбухли стволы от водянки. В аллеях
замерзшие статуи с кожей гусиной на бедрах.

Шевелится ветер на тысячах бледных травинок,
с них перед купаньем в росе пыль дневную сдувает.
Кружится шарами воздушными пух тополиный,
и носятся с визгом детишек кудрявые стаи.

Фонтан и огромная клумба за низким забором.
Дрожа головами на тоненьких шеях, тюльпаны
под вечер выводят неслышным, но слаженным хором,
закрыв лепесточки, хвалебные песни Тирану.

3. А в полночь с пустой колокольни собора слетает
на улицы дюжина мощных ударов. Над звоном
тотчас зажигается звездная люстра, и с краю
от люстры луна наливается светом зеленым.

Невидимой женщины поступь скользит по ступеням
дворца в приоткрытую дверь, ее имя Мария.
Ей вслед в темноте шелестят тополя с восхищением.
Качаются в парке на детской площадке качели пустые.

Тиран очень болен. Душевная гемофилия.
От резкого слова душа обливается кровью
и не заживает неделями. Страхи ночные.
Весь город следит за его драгоценным здоровьем.

Помимо того, он за прошлые жизни так много
наделал долгов, что отдать будет явно не в силах.
И будущее у него вызывает тревогу.
Ведь он очень стар и бездетен. Уж так получилось.

Он не был женат никогда и мечтает о сыне.
Родить ему сына Мария должна. Но по слухам,
он женщины не любит, давно перестал быть мужчиной.
Мария зачнет от луча, что войдет в ее ухо.

Ждать он не привык, шел всегда напролом к своей цели.
Законы природы ему не помеха, и чудо
свершится. Младенец появится в девственном теле
ее сам собой. Перед тем, как уйдет он отсюда.

Она в ожиданье луча, одна без охраны
на крыше сидит целый день, чтобы кто-то случайно
не сглазил. А ночью спешит на свиданье к Тирану.
Что там происходит, от публики держится в тайне.

Прошло много лет, а история эта все длится.
Тиран недоволен, терпенье его на исходе.
Наследника нет до сих пор, и, как прежде, девица
стройна и невинна. Зачатия не происходит.

И надо искать для Тирана другую Марию.

Елена БОГДАНОВА

ГОЛОСОМ БЕССМЫСЛЕННОЙ КАПЕЛИ

Гипотетический фильм в стиле нуар, оживляемый этим закадровым голосом, или что-то подобное мне представляется... Театр спонтанных перевоплощений; рампа, лунное освещение... Вдруг будто бы слышится Вертинский. Что-то улавливается от эгофутуристов как будто... Был у них журнал «Очарованный странник», так вот же: этот поэт — «очарованный странник»; странствует себе между прошлым, довольно туманным, и сумрачным будущим (очевидно одно: пчел там не будет), пребывая во всем промежутке этого «между», которое быть не обязано временем настоящим... Как-то так мне хочется воспринимать стихи Елены Богдановой, во всяком случае — в этой подборке.

Сергей НОСОВ,
прозаик, драматург, поэт

* * *

Зовут меня в путь слепой мотылек,
Сигарный дымок и громы над пашней;
Кувшинка плывет ко мне, как челнок,
И машет прощально знамя на башне.

...И ветер в окно ночное стучал,
Меня посылая в глухие дали,
Куда и Макар телят не гонял,
А если гонял — то они пропали.

* * *

Вам наконец-то улыбнулась Италия!
Вам наконец-то по карману Милан.
Ремнем серебряным подчеркнута талия
На легком платьице оттенка «шафран».

Елена Богданова родилась в 1979 году, живет в Новосибирске. Публиковалась в журналах «Москва», «Урал», «Сибирские огни», «Аргатак». В новосибирских театрах поставлены две ее пьесы (обе в жанре трагикомедии). С 2021 года курирует ежегодную литературную премию «Иду на грозу». В 2022 году организовала Азиатский литературный онлайн-форум (с участием издателей Ирана, Индии, Сирии, Ливана, Малайзии, Шри-Ланки).

А пол бутика был зеркальным и сказочным,
И чуть скользили по нему каблуки.
Со взором томным и лукаво-загадочным
Вы оплатили все покупки-кульки.

Июньским солнышком затоплена улица —
Пока вы тонете в бароло густом —
И вы похожи на элитную курицу
Со стройной шейкою и пестрым хвостом.

Такси по городу так весело катится,
И западня сегодня ждет не одна —
Там, куда солнце в эту дивную пятницу
Ведет дорожкой золотого зерна.

ВОИН НА ПОБЫВКЕ

Я вовлечен в ее солнцеворот
Под гром ее помпезного рояля.
Один пассаж, изящный поворот,
Потом небрежный всплеск зеленой шали —

И вот уже я следую за ней,
Дыша ее прохладными духами:
На вечеринку, на концерт, в музей
И в зоопарк с гориллами и львами.

Я с ней готов, уткнувшись в телескоп,
Искать сегодня ночью Прозерпину,
Чтоб созерцать ее лилейный лоб
И ушко со сверкающим рубином.

Любуюсь ее рыжею косой,
Браслетом, недоеденным эклером
И узнаю, представьте, в ней одной
То мышку, то лисицу, то пантеру...

Лишь иногда, мучительно устав
От сладостно-слепых коловращений,
Я вспоминаю кровь и ледостав
Прекрасной пытки боевых крещений.

БУЛЬВАРНЫЙ СТИХ

Нет, не забыть мне это утро —
Тревожное, как скверный сон:

Не мной рассыпанная пудра,
Не мною срезанный пион...

Уж через день в чужих объятьях
Вдыхала ты чужой табак...
Не мною выбранное платье,
Не мной заказанный коньяк.

Прошли пять лет, прошли уныло.
В кармане носишь ты, мой свет,
Не мной заточенное шило,
Не мной подаренный кастет.

ВРАГИ

Зметнулась пыль за бричкою почтовой,
Вошли в наш дом чужие сапоги,
И объявил мой дедушка сурово:
«До третьих петухов войдут враги!»

Я не заснула даже с валерьянкой...
Перебирала платья и духи,
И, как заговоренные цыганкой,
Молчали городские петухи.

Повисло в спальне облачко жасмина,
Шуршал в руках чистопородный шелк;
Я выбрала подвеску из рубина
И стала ждать, когда придёт полк.

Да, я ждала, прямая, как секира,
И бледная от пудры и белил,
Когда в расшитых золотом мундирах
Ворвется полк отчаянных громил.

Что ж? Небосвод был молнией распорот,
По лужам, торопясь, пошли круги,
И вторглись через час в унылый город
Промокшие усталые враги...

НОВЫЙ ГОД

В этом праздничном бестиарии
Среди вин, гирлянд и огней
Был я — пусть и во фраке! — пария.
Ты была беспечно-своей.

В один миг потеряв терпение,
Говорил я сквозь злобный жар,
Что увяли в шале гардении
От твоих дорогих сигар.

Ты смеялась, смеялись зрители,
И сказал я, давясь от слез,
Что удавки плели грабители
Из твоих шелковистых кос.

Но насмешливо щелкнув веером,
Ты ушла смотреть фейерверк.
Лилипуты (кажется, семеро)
Залихватски плясали тверк.

И в углу, за большой бегонией,
Я шептал, побелев от мук,
Что слышал в небесной симфонии
Твоих туфелек дивный стук...

О ВЫМИРАНИИ ПЧЕЛ

В будущем с земли исчезнут пчелы,
Улетят в элизиум левкоя...
В тишине замрут луга и доли,
В безотраднo-солнечном покое.

У пустого, высохшего улья
Заревет медведь голодным летом.
Пасечница, старая горгулья,
Заревет неистово дуэтом.

Пчелка золотою станет брошкой
С глянцевого страниц журнала моды,
И малыш помашет нам ладошкой,
Липкой от искусственного меда.

ВАШ АНГЕЛ

Ангел Ваш сгонял детей с качелей...
Вечности до этого нет дела;
Джотто, Рафаэль и Боттичелли
Не увековечили пострела.

Путчи совершились слишком рано,
Ружья разрядили слишком скоро:

Ангелу осталось неустанно
Ангела играть в любую пору —

С голосом бессмысленной капли
В утро триумфального расстрела.
Ангел Ваш сгонял детей с качелей.
Только В а м до этого есть дело.

* * *

Рыжим фертом, слегка поношенным,
Я стою у ночных витрин —
Полупьяным, друзьями брошенным
И лохматым, как георгин.

Знаешь, Лиза-Виола-Фауста —
Смуглый лоб и локон вьюнком, —
Уведи меня в лес, пожалуйста,
Накорми меня молоком.

Знаешь, Гретхен-Агнес-Амалия,
Синий взор на меня не трать...
Собери мне в букет азалии
И веди меня умирать.

У ГРОБА

...Что встретиться судил нам Бог
В час искупительный — у гроба.

А. Блок

В голубой нетопленной гостиной —
Гроб и много дам.
Сирота с помадою карминной!..
Я кивнула вам.

Среди шляп и дыма тонких трубок
Боль — наш господин —
Как чужой нагольный полушубок,
На двоих один.

Ты его прозрачными глазами
Смотришь на меня.
Я его хрустальными словами
Задохнусь, звеня.

Гроб закрыли шелковые спины —
Траурный конвой!..
Но твой рот, печальный и карминный,
В точности как мой.

Ты не верь речам и влажным взорам
Дамы в парике.
Верь молитве, каллам златоперым
И моей руке.

ЭМИГРАНТКА

...И пила она «адонис верналис» —
Оттого, что смех дребезжал из тьмы,
Оттого, что злобно в окно бросались
Хлопья снега бледной чужой зимы.

Оттого, что след от пролитой жженки
На столе сиял, как кометы хвост,
Оттого, что звон услышала тонкий
К литургии за тысячу триста верст.

Дмитрий ТРАВИН

НАХАЛЬНЫЕ «СИРОТЫ» И ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫЕ «ХОЛОПЫ»

Биологический расизм, выводящий успехи и неудачи социальных групп из каких-то их биологических особенностей, давно развенчан и как научная доктрина, и как социальная практика, отстаивающая мнимое право более успешных на вечное превосходство над менее успешными. Никуда, однако, не исчезло и, видимо, никогда не исчезнет человеческое, слишком человеческое желание преклоняться перед богатыми и могущественными и презирать неудачников, если даже успех и неудача являются результатом чистой случайности. А если есть желание, на службу ему непременно найдется идеология. И этой идеологией сделался культурный расизм, приписывающий народам или группам уже не биологическую, а культурную обреченность на богатство или на бедность, на независимость или покорность. В своей статье Дмитрий Травин продолжает борьбу с этим предрассудком, показывая, что успехи и неудачи являются прежде всего результатом реальных исторических обстоятельств, а не какой-либо «вечной» культуры. Он, правда, выражает сомнение в том, что укрепление российского авторитаризма было реакцией на внешнюю угрозу, тогда как лично мне эта доктрина представляется вполне правдоподобной, если учесть, что воображаемая угроза может быть не менее действенной, чем реальная.

Но это тема для отдельной дискуссии, к которой мы когда-нибудь, надеюсь, еще вернемся.

Александр МЕЛИХОВ

Когда вышли мои книги «Почему Россия отстала?» (2021) и «Русская ловушка» (2023), обсуждение во всех возможных формах (письменных и устных) оказалось столь активным, как никогда раньше, хотя книг я за свою жизнь опубликовал немало. Оппоненты возражали мне как в целом по сути концепции, так и по отдельным ее пунктам. Читатели задавали разнообразные вопросы для того, чтобы разобраться с неясностями. Даже единомышленники бывали порой не во всем со мной едины.

В издательстве «Альпина нон-фикшн» выходит второе издание исследования «Почему Россия отстала?». Специально для него я собрал ряд возражений и прокомментировал их в новом предисловии, стараясь не повторяться, а развивать те идеи, которые высказывал ранее. Журнал «Нева» любезно согласился опубликовать статью, подготовленную на базе предисловия ко второму изданию моей книги. Статья эта перед вами. Обладатели первого издания могут вырезать этот текст и подклеить к прочитанной

Дмитрий Яковлевич Травин родился в 1961 году. Российский экономист, автор книг по экономической истории и исторической социологии.

книге, как делали во времена моей молодости. Или просто скачать электронный текст, как принято поступать сейчас.

Что держит самодержец?

Важнейший вывод, который можно сделать из прочтения моих книг, состоит в том, что в нашем народе нет никакой рабской природы, никакой склонности к автократии, никакой ущербности, определяющейся культурой, ментальностью, религией. Проблемы отставания связаны с конкретикой нашего исторического пути. Серьезное, кропотливое исследование этого пути дает возможность рационального объяснения каждой конкретной проблемы без использования всяких неплодотворных обобщений. Однако мои уважаемые оппоненты часто приводили примеры такой конкретики, которая, как порой представляется, говорит именно о фундаментальной ущербности России и нашего народа. Я возражал им, погружался в чтение новых книг, обнаруживал новые аргументы как в трудах, противостоящих моей концепции развития России, так и в трудах, на которые мои исследования могут опираться.

Чаще всего мне в доказательство рабской культуры народа, якобы утвердившейся у нас много лет назад, приводят такой «факт»: даже высшая русская аристократия XVI—XVII веков в обращениях к царю занималась самоуничижением, подчеркивая свою зависимость от государя. Князья и бояре примерно со времен Василия III обязательно именовали себя холопами, да к тому же подписывались уничижительными именами (Ивашка, Васюк, Федорец вместо Иван, Василий, Федор), чего не было, конечно, в других европейских странах. «Понятное дело, что холопами русские бояре были не юридически, а лишь символически, — отмечает историк Сергей Сергеев, — но такая символика, конечно, показательна. <...> Холопы в условном смысле, люди боярских фамилий, однако, несли на себе некоторые нравственные следствия настоящего холопства» [Сергеев 2023: 54].

Подобное «холопство» и впрямь имело место на Руси, но современные трактовки этой проблемы стремятся, увы, вложить в него совершенно иной смысл, чем тот, который вкладывали люди XVII столетия. Свободолюбивый человек XXI века не может помыслить себя холопом и презирает далеких предков, добровольно «холопствовавших» в челобитных царю. Но как отмечается в современной исторической науке, понятие «холоп» постепенно приобрело у князей и бояр новый смысл: в элите общества «оно выражало особую близость к престолу и потому воспринималось как весьма престижное» [Марасинова 2008: 258]. По оценке Василия Ключевского, «звание государевых холопов, которыми стали величаться в Московском государстве прежние бояре и вольные слуги, значило, что и они из временных вольных наемников превратились в его вечнообязанных подданных, и более ничего не значило это звание» [Ключевский 1989б: 308].

Понять нынче логику тех давних времен довольно сложно, но можно предположить, что холоп, который непосредственно служит своему господину, живет рядом с ним и, возможно, сопровождает его в военных походах (существовало понятие «боевой холоп»), считался существом привилегированным в сравнении с деревенским крепостным, жившим в скотских условиях, часто голодавшим и представлявшим для господина ценность лишь в качестве поставщика оброка. Если в нашем обыденном представлении, сформированном скорее художественными произведениями, чем историческими научными трудами, холоп — это тот, кого порют на конюшне, то в представлении самих холопов, взятых из деревни на службу к барину, холоп-

ство было чем-то вроде социального лифта, чреватого, конечно, и серьезными рисками (барским гневом, гибелью на войне). Подобные социальные лифты существовали во всех европейских странах, хотя терминология, отражающая, скажем, патрон-клиентские отношения в Англии, Франции или Германии, не вызывает у современного читателя такого неприятия, как грубоватая терминология российская.

Представители тяглого населения (от богатых купцов до простых посадских людей и крестьянства) в отличие от служилого должны были в обращениях к царю именовать себя сиротами, а духовные лица — богомольцами. Для человека XXI века в слове «сирота» нет ничего обидного, а в слове «холоп» есть. Но к концу XVII столетия все было иначе. Некоторые нахальные «сироты» осмеливались незаслуженно именовать себя холопами. Возмутившийся этим Петр I даже повелел в 1700 году подобное самозванчество прекратить, «и буде впредь кто станет так писаться, и за то учинено будет наказание» [Марасинова 2008: 257–258]. А два года спустя царь, склонный на европейский манер унифицировать подданных, отменил всех «холопов», «сирот» и «богомольцев», повелев каждому человеку писать в челобитных «Вашего величества нижайший раб», что было вовсе не переходом к рабовладельческому строю, как может подумать наш впечатлительный современник, а движением в сторону столь любезного государю регулярного государства [там же: 259–260].

Сам же государь был у нас самодержцем, и с этим термином тоже бывает часто связано недопонимание. Полагают, что самодержец — это абсолютный монарх... но не абсолютный в цивилизованном европейском духе, а абсолютный-преабсолютный — проще говоря, самодур, не учитывающий ни чаяний народных, ни мнения разных приближенных к престолу групп, ни действующих в стране законов, ни даже здравого смысла. О том, что на самом деле представляли собой учет мнений и соблюдение законов в европейских странах (включая нашу), я писал в книгах «Почему Россия отстала?» и «Русская ловушка», но если вести речь лишь о терминологии, то, по оценке В. Ключевского, московское общество понимало его «в смысле внешней независимости, а не внутреннего полновластия. Слово „самодержец“ в XV и XVI вв. значило, что московский государь не платит никому дани, не зависит от другого государя (в первую очередь, хана), но тогда под этим не разумели полноты политической власти, государственных полномочий, не допускающих разделения власти государем с какими-либо другими внутренними политическими силами. Значит, самодержца противопоставляли государю, зависимому от другого государя, а не государю, ограниченному в своих внутренних политических отношениях, т. е. конституционному» [Ключевский 1989а: 103].

Историческая иерархия лентяев

Следующий аспект исследования, по которому я постоянно получаю упреки от моих оппонентов, — это культура труда в России и других европейских странах. Часто приходится слышать ссылки на стимулирующую упорный труд протестантскую этику, исследованную Максом Вебером (редкий оппонент, правда, заглядывал в его книгу), и на ее отсутствие в нашей стране. На самом деле протестантская, а если точно соответствовать тезису Вебера, то кальвинистская, этика характерна была лишь для небольшого числа западных стран и перерабатывала она тот «человеческий материал», который исходно не отличался высоким качеством. Даже в Англии и Голландии, где кальвинизм хорошо прижился, трудовая этика менялась со временем. Склонность к упорному труду вырабатывалась постепенно в процессе модернизации, причем в эпоху, когда новая этика активно пробивала себе дорогу, в широких массах населения, ско-

рее, доминировала лень. «Воистину обвинения английских наемных рабочих XVII—XVIII веков в „распущенности, наглости, лености“ практически полностью соответствуют тем, которые сегодня обращены против коренных жителей Африки, — писал историк Ричард Тоуни, являющийся, пожалуй, вторым по степени известности исследователем протестантской этики после Вебера. — Высказывались жалобы, что по сравнению с голландскими английские рабочие себялюбивы и праздны, что они хотят лишь прожиточного минимума и прекращают работу сразу, как только получают его» [Тоуни 2023: 416]. О том же говорит, ссылаясь на историка Кристофера Хилла, крупнейший исторический социолог XX века Иммануил Валлерстайн: «В XVII веке „английская лень была для иностранцев притчей во языцех“ — главным предметом для сравнения здесь, предположительно, были голландцы» [Валлерстайн 2016: 112]. Но, может, хотя бы голландцы являются исторически очень трудолюбивым народом? Вряд ли. Наблюдатели отмечали, что и с батавами (так раньше именовали жителей Нидерландов) произошли в определенный исторический момент колоссальные позитивные изменения. «Если в былые времена батавы считались очень глупым народом, подверженным пьянству <...> то ныне они не заслуживают такого отношения. Ибо они весьма искусны во всяческих ремеслах и хитроумны в их применении», — отмечал путешественник в 1608 году [Дэвидс 2019: 82].

В общем, у нас нет научных оснований утверждать, будто бы существуют культурно предрасположенные к труду народы и народы, склонные по своей природе к лени, апатии и бессмысленному прожиганию жизни. Как русские, которые нас интересуют, так и африканцы, отношение к которым возмутило Р. Тоуни, могут меняться под воздействием обстоятельств. Предметом научного исследования является вопрос, почему перемены происходят в тех или иных обстоятельствах. В книге «Почему Россия отстала?» я исследую, помимо прочего, почему итальянцы, проживавшие преимущественно на севере Апеннинского полуострова, фламандцы, проживавшие на юге Нидерландов, а также некоторые немцы стали успешнее других народов, хотя вряд ли можно говорить об их большей трудолюбии, происходящем от природы.

Как поссорились Иван Иванович с Василием Васильевичем

Бывает, что критики заходят к русской ментальности с другой стороны и в качестве отличительного «греха» выделяют не русскую лень, а русскую гордыню. Пример — московитское местничество. Споры нет, местничество сильно тормозило развитие общества, и потому одной из важнейших реформ в истории России может считаться его отмена, осуществленная в 1682 году царем Федором Алексеевичем [Богданов 2020: 275—279, 595 — 612]. Тем не менее местничество долгое время у нас существовало и интерпретируется порой как свидетельство особой амбициозности и иерархичности русского общества в сравнении с европейскими. И впрямь, поведение московитской аристократии в некоторых случаях может вызвать насмешки и сформировать представление о русских как о диковатом народе.

В 1650 году окольным князю Ивану Ивановичу Ромодановскому во время пира в Кремле с царем Алексеем Михайловичем и патриархом Иосифом было приказано сесть ниже окольного Василия Васильевича Бутурлина. Иван Иванович оскорбился и отказался сесть на указанное место, поскольку этот прецедент не просто обижал его лично, а мог снизить честь всего рода Ромодановских, поставив его в будущем ниже рода Бутурлиных. Но с царем не поспоришь. Алексей Михайлович приказал насиль-

но усадить Ромодановского за стол. Тогда строптивый князь стал соскальзывать со скамьи. Мол, если сидел не за столом ниже Бутурлина, а просто на полу, то, значит, не было опасного для рода Ромодановских прецедента. В итоге в течение всего пира князя специально поднимали и усаживали, куда следует. А после — подвергли краткосрочному тюремному заключению. Еще интереснее случай с князем Григорием Афанасьевичем Козловским. Произошел он в 1691 году, когда местничество уже было отменено и позиция за столом никак не могла повлиять на последующую службу рода. Тем не менее князь, опасаясь потери чести, сказался больным, когда был приглашен на царский пир, где мог быть посажен ниже того, кто считался «моложе». Вновь было применено насилие, и Козловского привезли, куда следует. Тогда князь отказался выходить из повозки. Строптивца завернули в ковер и доставили к банкетному столу. Григорий Афанасьевич лег возле него навзничь, но князя все же привели в сидячее положение на том месте, на которое он так не хотел попасть. За свое сопротивление Козловский лишился боярского чина и был переведен на городовую службу [Коллманн 2001: 219–220].

Дико все это выглядит. Но при взгляде на западные общества мы тоже можем обнаружить «понты», свойственные скорее эпохам, чем этносам. Герцог Сен-Симон, исследовавший изнутри высший свет Франции эпохи Людовика XIV, приводит достаточно свидетельств его амбициозности и иерархичности. Скажем, на одном из светских мероприятий герцогиня де Роган, следовавшая за герцогиней д'Аллоэн, сочла, что должна идти впереди. Та не согласилась. Разгорелся спор, и когда слов перестало хватать, в ход пошли руки и ногти. В другой раз досталось самой герцогине де Роган. Принцесса д'Аркур, воспользовавшись физической силой, схватила герцогиню за плечи, сдвинула вбок и сама заняла почетное место, на котором та стояла [Сен-Симон 2007: 405, 464–465]. А вот история, достойная комического рассказа о цветовой дифференциации штанов из популярного советского фильма «Кин-дза-дза». В дни траура королевская карета обивалась лиловой материей, а все остальные — черной. Но однажды кардиналы добились для себя права «лилового траура», что возмутило весь высший свет. Ведь ни принцы крови, ни королева, ни дофин этого права не имели. Младший брат короля «надавил» на Людовика XIV, и в итоге король отменил «лиловый траур», что возмутило уже кардиналов. Но поскольку они не могли настоять на своем, то вообще отказались от траурной обивки кареты [Сен-Симон 2016б: 681–682].

Во французском обществе все должны были знать свое место, хотя это касалось не государственной службы, а церемоний. На самом вершине иерархии находился король. Вслед за ним шли сыновья и дочери Франции (то есть его дети), а дальше — внуки и внучки Франции. Потом следовали принцы крови, а за ними — пэры Франции, каждый из которых занимал в иерархии свое фиксированное место. Сен-Симон подробно описывает историю того, как бравый герцог Люксембург решил вдруг «перескочить» с шестнадцатого пэрского места на второе, полагая, будто имеет на это право, и как «содружество» возмущенных этой наглостью пэров, включая самого Сен-Симона, сопротивлялось действиям «высочки». Борьба за место провоцировалась еще и тем, что в, казалось бы, стройную аристократическую иерархию «вклинивались» королевские бастарды, которых Людовик XIV однажды уравнивал с принцами крови. Помимо потомственных аристократов существовали так называемые герцоги по патенту, обладавшие правом на герцогские почести, но не имевшие ранга при дворе и права передачи титула по наследству. Высокопоставленные персоны различались также по множеству «мелочей», каждую из которых аристократы прекрасно знали: по пра-

ву снимать или не снимать шляпу, по величине отвешиваемого поклона, по числу сопровождавших их привратников и т. д. и т. п. Неформальную иерархию высшего света определяло также «право табурета», предоставлявшее некоторым лицам возможность сидеть в присутствии коронованных персон, тогда как другие обязаны были стоять. И еще существовало совсем странное (даже по мнению Сен-Симона) так называемое право «для». Суть его состояла в том, что квартирмейстеры во время путешествий специально фиксировали мелом на дверях, для кого жилье предназначено, хотя по качеству квартиры, предоставляемые разным по рангу персонам, не отличались друг от друга [там же: 100–109, 129–131, 408–409, 430].

Испанскую иерархию высшего света Сен-Симон изучал с не меньшим интересом, чем французскую. В Испании все было похоже и непохоже в то же время. На различия влияла, например, погода. Аналогом «права табурета» можно считать «право зонтика», чрезвычайно важное для церемоний, проходящих под палящим солнцем. Но любопытно другое. Дворянство, значительно более многочисленное (в расчете на душу населения), чем во Франции, и сопоставимое в этом смысле лишь с польской шляхтой, делилось на три категории: низшая — идальго, средняя — кабалеро и высшая — гранды. Сен-Симон, конечно, интересовался грандами — своеобразным аналогом французского «герцогского корпуса». По сути дела, все гранды были между собой равны, но некоторые, как сказал бы, Джордж Оруэлл, оказывались «равнее других». Персональной иерархии, как у французских пэров, в Испании не было, зато существовало четкое разделение грандов на три класса по принципу... «покрытия головы». В сравнении с ним принцип цветовой дифференциации штанов выглядит умеренным и рациональным. Гранды первого класса имели право разговаривать с королем, не снимая шляпы. Гранды второго класса должны были начинать разговор с непокрытой головой, но могли надеть шляпу перед тем, как король станет отвечать на их почтительную речь. Гранды же третьего класса (пожизненного, а не наследственного) беседовали с королем, сняв шляпу, и надевали ее лишь по завершении разговора, скромно отойдя к стеночке. Рассказав читателям об этих «многозначительных» различиях, Сен-Симон тут же приходит к выводу о том, что на деле дифференциация грандов не столь уж важна, поскольку почти все они произошли от бастардов. По мнению герцога, почерпнутому из замалчиваемой книги «Позор Испании», происхождение темных страниц аристократии таково. Во времена Реконкисты христиане вступали в столь тесное соприкосновение с маврами, что от их отношений на свет появлялись дети. А зарегистрировать церковный брак было нельзя из-за различия вероисповеданий. Тогда испанцы решили, что и так сойдет. Соответственно, сколь бы голубой ни представлялась нынче кровь испанских грандов, где-то у ее истоков стояла прекрасная мавританка [Сен-Симон 2016а: 76–79, 86–95, 121, 131]. А может, даже еврейка?

Как спасается православный

На фоне французских и испанских «понтов» русские местнические обычаи выглядят вовсе не так уж дико. Но двинемся дальше. Кроме проблем трудолюбия и гордыни, в разговорах о России и Европе существует еще проблема спасения души. Порой утверждается, будто православная этика хуже, чем католическая и протестантская. В обыденных спорах мне практически никогда не приходилось слышать от оппонентов, чем же конкретно она хуже. Про лень и холопство у нас «каждый знает», а интерпретация сложных вопросов веры требует знаний, которыми редко обладает даже верующий человек. Поэтому для обоснования отличий русской веры от иных направлений

христианства я возьму оценку профессионала. «Русское спасение от индивидуальной морали (а поэтому и от индивидуальной исповеди и индивидуальной епитимьи) не зависело. Спасение относилось ко всему православному сообществу и приходило само собой. Оно состояло в постепенном преобразении этого мира в Царство Небесное и осуществлялось не через нравственное совершенствование, но как распространение литургического космоса во внешний для него мир. Или — если воспользоваться иной метафорой — внешний мир постепенно поглощался Божией благодатью. Согласно этому взгляду, благодать выражается в обожении; обожение изначально и неизменно присутствует в литургии, в церковном тайнодействии: в литургии Небеса нисходят на землю и преобразуют ее. Распространение этого обоженного состояния мира, то есть его спасение, не требует человеческих усилий, но осуществляется самодеятельно, так что община верующих должна лишь поддерживать богослужбное действие в его преемственности и чистоте. Все прочее, как, в частности, аскетические подвиги, богословское познание, институционализированное покаяние или дела милосердия, было факультативным, необходимым в основном лишь для тех, кто превратил спасение в свое каждодневное дело, то есть для монахов и монахинь» [Живов 2018: 79–80].

Если процитированный автор прав, то налицо, конечно, чрезвычайно важное отличие русского способа верить и спасать свою душу. Но когда мы пытаемся разобраться во влиянии специфики вероисповедания на отставание России в политической и социально-экономической сферах, такого рода этические сопоставления нам ничего не дают. Ошибочно было бы считать, что если, скажем, католичество требует от верующего большего нравственного самосовершенствования, чем православие, то средний католик и впрямь оказывается в нравственном отношении выше среднего православного. Безнравственности хватает в любом обществе вне зависимости от того, как с нею борется церковь. И грехи человеческие повсюду влияют как на поведение бизнеса, так и на государственную политику. В деле преобразования человека массового католическая церковь средних веков добилась столь же малых успехов, как, скажем, коммунистическая пропаганда в XX столетии. Из неудач в борьбе с грехами, собственно, и выросла реформация, ставшая отражением неудовлетворенности европейского бюргерства и дворянства теми возможностями по спасению души, которые им предоставляли грешные пастыри, начиная с самого папы римского. Но и протестантизм, несмотря на энергичное начало, сопровождаемое религиозными войнами и введением новых норм жизни, тоже не сотворил с грешниками чудес. Нет оснований считать, будто на «моральном Западе» в отличие от «аморального Востока» существуют миллионы людей, предпринимающих серьезные индивидуальные усилия для спасения души, а не просто временами захаживающие в храм. Если Церковь как социальный институт стала серьезным тормозом в деле вестернизации России в допетровские времена (о чем написано в книге «Русская ловушка»), то суть православного вероисповедания в отличие от конкретных действий священнослужителей на экономику и политику не влияла.

Слово, дело и донос

Порой в качестве примера российской аморальности приводится страсть к доносам. Проблема, ставшая, к сожалению, вновь актуальной в последние годы, вызывает в памяти массовое доносительство времен сталинских репрессий, а его истоки, в свою очередь, начинают искать в эпохе «Слова и дела». Спору нет, как справедливо заметил историк Евгений Анисимов, глубоко изучивший политический сыск XVIII века,

«читать бесчисленные доносы тех времен — труд для историка тяжкий. От этого чтения можно легко потерять веру в народ и человечество» [Анисимов 1999: 219]. Однако наука старается избегать излишней эмоциональности и подходить к анализу проблемы, руководствуясь фактами и здравым смыслом. А они подсказывают, что доносительство было характерно для разных стран мира и разных репрессивных механизмов. «На массовых доносах строилась работа инквизиции Западной Европы, — отмечает Е. Анисимов. — Средневековая Венеция имела необыкновенно развитую систему политического сыска и была настоящей страной доносчиков. Об этом хорошо сказано в мемуарах Д. Казановы и в других источниках. Во Дворце дождей на лестнице сохранился знаменитый „Зев льва“ — окошечко в стене, сунув голову в которое, любой анонимный венецианец мог безбоязненно „сообщить“ сидевшему в другой комнате инквизитору на своих сограждан. Во Флоренции, в монастыре Савонаролы Сан-Марко, под окном кельи настоятеля мы можем видеть узкое отверстие, в которое изветчик незаметно совал свернутый в трубочку донос на брата во Христе. Зная сотни таких фактов из истории человечества, невольно приходишь к выводу, что донос — не национальная, а общечеловеческая черта, что это естественная черта, особенность социальной природы человека. Более того, эта проблема актуальная до сих пор и в демократических обществах, ибо грань между гнусным по своей моральной сути доносом и исполнением сознательным гражданином своего долга весьма тонка или почти неуловима. Но все-таки доносительство в основном расцветает там, где существует режим всеобщей несвободы, который развивает и поощряет политический донос и укрепляет сам политический сыск, как механизм борьбы с инакомыслием» [там же: 187].

Магдебургское право и руанское «бесправие»

Еще один важный «аргумент» моих оппонентов, приводимый в подтверждение тезиса об убогости России, — утверждение о принципиальном отличии бюргерской культуры стран Запада, отличавшейся свободолобием, проявившимся в коммунальных революциях, и характеризующейся городскими правами, завоеванными в борьбе с королевской властью. В Московии, мол, не было ни коммунальных революций, ни городских хартий. Спору нет, между регионами Европы уже в эпоху позднего средневековья сформировались существенные различия. Одни обладали большими правами, другие — меньшими. Одни успешно действовали по принципу «в борьбе обретешь ты право свое», другие же безуспешно. Но граница здесь, скорее, проходила по линии «центр — периферия», чем по линии «Европа — Россия». Значительные права городов Северной Италии, Нидерландов и некоторых немецких земель отсутствовали, скажем, у английских городов, не говоря уж о городах, расположенных на Балканах или в Скандинавии.

Английские города не устраивали коммунальных революций. Да и не имели бы на них шансов, если бы вдруг решили в борьбе обрести свои права. Крупные города, как правило, выкупали королевские хартии, предоставлявшие им важные привилегии (свободу от поборов, торговые монополии, систему самоуправления), тогда как мелкие городки, находившиеся в зависимости от светских или церковных (епископов и монастырей) сеньоров, довольствовались в экономике лишь отдельными правами. Возможности выкупа прав определялись конкретной ситуацией и тем, насколько взаимовыгодной была сделка для договаривающихся сторон. «Ни один из английских городов так и не смог добиться статуса типа французской коммуны. Максимальный уровень их административной автономии — это присвоение статуса графства, которым облада-

ли к началу XV в. всего пять городов: Лондон (с XII века), Бристоль (1393), Ньюкасл (1400), Норидж (1404), Линкольн (1409). Получив хартию, даже с весьма широкими привилегиями, английские города вовсе не становились „вольными городами“ или „городами-сеньорами“ — слишком сильна была английская централизованная монархия в отличие от раздробленных Германии и Италии». В некоторых местах, например в Винчестере, городские власти контролировали лишь часть территории, тогда как другие части оставались во власти разнообразных сеньоров [Репина 1999: 95–96, 102]. «К началу XIV в. лишь 14 городов имели право выбирать городской совет, 35 % получили право фирмы (освобождение от сеньюральных платежей — ДТ), 31 % — избирать своих мэров и бейлифов, 48% имели свой городской суд, остальные вынуждены были довольствоваться только какими-то отдельными привилегиями» [Мосолкина 2017: 205–206].

У нас порой любят упоминать магдебургское право, существенно отличавшее города Германии (и даже Литвы, Балтии) от городов Московии. Но для Франции, скажем, важнейшую роль играла руанская хартия, согласно которой мэра назначал король, а права горожан состояли лишь в том, чтобы предложить монарху кандидатов, из которых тот станет выбирать. Интересно, что право это было дано Руану английским королем, правившим Нормандией в XII веке, для привлечения руанцев на свою сторону. Английским же городам руанские права (статус коммуны, хоть и ограниченный королевской властью) даже не снились [Хачатурян 1999: 323, 326].

Я специально выбрал для «иллюстрации» своего тезиса именно положение дел в Англии, поскольку эта страна в Новое время стала экономическим и политическим лидером. Мы видим, что английское лидерство стало результатом модернизации, а не исходно существовавших вольностей. В Италии и Германии городских вольностей было в средние века значительно больше, но эти страны в Новое время не захватили лидерство. Бюргерская культура — это, конечно, очень важный феномен, о чем я писал в «Русской ловушке», но он не предопределяет развитие. Соответственно, и проблемы России не предопределялись отсутствием городских свобод в средние века. Культура трансформируется в зависимости от сложной совокупности обстоятельств, и проблемы нашей страны определялись тем, что совокупность эта была далеко не оптимальна. В моих книгах говорится о том, что это были за обстоятельства, как и о том, почему они возникли в определенной стране. Картина развития получается в итоге гораздо более сложной, чем при однозначных заявлениях об ущербности культуры того или иного народа. А главное — при таком подходе мы понимаем, что культура — это не судьба, что она может меняться вместе с изменением конкретных институтов (правил игры) и, значит, окно возможностей для модернизации страны не закрыто ее трагическим прошлым.

Послухи и видоки

Теперь из города перенесемся в деревню. Традиционно уже на протяжении многих лет специфическим для русской истории явлением принято считать общину и ее большую роль в крестьянской жизни. Тот передел земли, с которым боролся Петр Столыпин, интерпретируется порой как культурный феномен, противостоящий частной собственности. Мол, в европейских обществах укоренились рынок, индивидуализм, конкуренция, жажда богатства, тогда как в русском мире доминировали уравнительность, соборность и нищета. С подобным подходом трудно согласиться, поскольку он дает весьма своеобразную интерпретацию фактов. Думается, что община противостоит

не индивидуации, а бюрократизации. Чем слабее в стране бюрократия, чем меньше развито государство, тем большим числом функций наделяет общину правящая верхушка. А если рационально функционирующая бюрократия оказывается способна взять на себя решение столь важных для общества вопросов, как сбор налогов, поддержание правопорядка и поставка солдат в армию, то значение крестьянского самоуправления снижается. Монарху легче спросить с министра, отвечающего за финансы, войну или безопасность, чем с далеких мужиков, даже объединенных коллективной поруккой.

В средние века, пока на Руси не было разветвленной бюрократии, община отвечала даже за то, за что, по справедливости, отвечать была не должна. Скажем, за преступления, совершенные неизвестными лицами на ее «территории». Если произошло убийство, «община (вервь) должна вносить специальный платеж (дикая вира) так долго, пока не выдадут убийцу» [Кайзер 2024: 113]. С высоты наших нынешних знаний это кажется странным, но если принять во внимание тот факт, что в средние века не имелось следователей, оперативников, дактилоскопии, скрытых камер и т. д., коллективная ответственность оказывалась жестоким, но относительно эффективным способом минимизации числа преступлений. Пусть мужички посматривают друг за другом, и если чего увидят, то сразу доносят либо даже сами принимают строгие меры в отношении преступника. Пусть понимают, что, если не ответит виновный, придется невинному раскошелиться. Подобный подход к делу имеет параллель в европейской истории. «Ранняя английская практика обязывала местных жителей нести ответственность за людей, убитых в их районе. Их первой обязанностью было установить (для удовлетворения норманнов), что мертвец не был французом. Иначе тяжелая плата ложилась на сообщество, где бы ни был найден труп. Но хотя английский закон имел целью защиту недавно прибывших норманнов, очень скоро этот *murdrum* стал означать „секретное“ убийство, поскольку в конце концов плату стали брать при каждом убийстве, несмотря на то что могла быть доказана принадлежность убитого человека к англичанам» [там же: 135].

Распространение коллективной ответственности в разных странах показывает, что действия властей, которые нам нынче кажутся нерациональными, на самом деле были вполне рациональны. В локальном сельском сообществе, где все друг друга хорошо знали и где пришельцы из дальних мест бывали редкостью (а коли вдруг появлялись, то привлекали к себе пристальное внимание), выявление преступника зависело частенько не от свидетельских показаний, а от репутации подозреваемого. Точнее, свидетелем (послухом) был не тот, кто видел совершение преступления (если такое лицо имелось, то называлось «видок»), а то уважаемое лицо, которое могло засвидетельствовать репутацию подозреваемого [там же: 209–212, 223–225]. Рецидивист с большой степенью вероятности признавался виновным и в новом преступлении, тогда как крепкий работающий и малопьющий мужик имел больше шансов на оправдание, поскольку с чего бы ему вдруг злодействовать?

В середине XVII века по такому же принципу община стала отвечать за сбор налогов. При отсутствии большого аппарата налоговиков государственные доходы зависели от самоорганизации общины и от присматривавшего за мужичками помещика. Соборное уложение Алексея Михайловича «окончательно утверждало то правило, что сельские общества казенных крестьян отвечают за податную исправность последних, а землевладельцы за исправность своих крепостных крестьян. Неизбежным последствием этого правила была принудительная разверстка тягла: сельские общества и землевладельцы получали право отводить отдельным крестьянам большие или меньшие пахотные участки соразмерно с их рабочими силами и налагать на них подати

соразмерно с отведенными участками» [Ключевский 1989б: 375–376]. Таким образом, в общинном переделе земли нет никакой культурной особенности нашего народа. Он возник с фискальными целями по воле государства. Развитие бюрократии со временем ликвидировало необходимость общинной самоорганизации в данном вопросе, а следовательно, устранило потребность в таком подрывающем частную собственность явлении, как передел.

Почему русские не ацтеки?

Бывает, что автор защищает Россию как друг, отвергая традиционные «наезды» на нашу страну. Но это такой друг, при котором, как говорится, врагов не надо.

Энергичный американский исследователь Маршалл По написал небольшую сто-страничную книжку о России, где на первых же страницах развеял три глупых (это его слово), но весьма распространенных заблуждения о свойствах нашего народа и тут же сконструировал новое с помощью новой методологии. У русских нет, с его точки зрения, особой природной предрасположенности ни к авторитарному способу правления, ни к империализму, оборачивающемуся стремлением воевать и захватывать соседские территории, ни к мессианству, то есть к тому, чтобы «втюхать» свои великие идеи другим народам. Авторитаризм в мире на протяжении столетий был распространен повсеместно, воевали с соседями и прихватывали их территории все сильные государства, а цели у них (и у русских, в частности) были обычно вполне земными, а не духовными [По 2024: 17–20]. Маршалл По как профессиональный историк не признает вечных культурных черт, вечных «sonderwegov» (особых путей), а полагает, что исторические особенности народов являются следствием их исторических путей, определяемых множеством случайностей и совпадений. Если бы обстоятельства сложились иначе, Россия была бы сегодня совершенно иной [там же: 14]. Но не успевает читатель порадоваться этому трезвому подходу, как автор выводит русский авторитаризм и воинственность из того, что считает случайностями и совпадениями на нашем историческом пути. Ход его рассуждений поражает чуть ли не больше, чем ход рассуждений его глупо заблуждающихся оппонентов.

Россия — страна неевропейская, утверждает Маршалл По, и это настолько очевидно, что каждый, кто жил в ней хоть какое-то время, знает: «сходство России и Запада весьма поверхностно, и сами русские ощущают это особенно болезненно» [там же: 21]. А многие ли неевропейские страны и даже империи избежали агрессии со стороны Запада? Ацтеков и инков разгромили испанцы, индийцев покорили англичане, китайцев стали делить несколько европейских стран. «Россия была единственной неевропейской империей, которая осталась могучим независимым мировым государством в течение раннего Нового времени» [там же: 62]. А почему же она не покорилась агрессивным вестернизаторам? Да потому, что создала сильную централизованную власть, закрыла от врагов границы, национализировала ресурсы, организовала громадный воинский аппарат и построила империю [там же: 110]. В общем, выходят «те же уши, только в профиль». Были мы, видимо, раньше умеренно авторитарными и умеренно воинственными, как все европейские страны, но стали неумеренно самодержавными и милитаризованными ради защиты своих рубежей.

Реальная история России со всеми ее случайностями и совпадениями, правда, плохо вписывается в логику Маршалла По. Когда это мы стояли перед угрозой того, что произошло с инками и ацтеками, индийцами и китайцами? Когда это небольшая группа конкистадоров могла нас раздраконить? Был лишь один случай в смутные времена, когда

сравнительно небольшая армия «польско-казацких конкистадоров» дошла до Москвы, но поражение потерпела, как известно, от народного ополчения, тогда как централизованная власть была разрушена, воинский аппарат скукожился, а ресурсы по крохам собирали частные активисты типа Кузьмы Минина. Если кому-то хочется, можно к этой истории добавить «поход крестоносцев на Русь» в средние века, но с ними справились на Чудском озере демократичные новгородцы во главе с Александром Невским, не обладавшим ни империей, ни национализированными ресурсами, ни громадным воинским аппаратом.

В общем, нет ничего общего у нашего положения с положением инков и ацтеков. Нет ничего общего и с индийцами, поскольку английской Московской компании в XVI веке в голову не пришло бы делать то, что делала позднее Ост-Индская компания. Московия задолго до прихода к нам англичан создала сравнительно сильную армию, что определялось вызовом Востока, а не Запада. Москва покорила Казань и Астрахань, начала выстраивать оборонительные рубежи в южных степях, а когда обернулась в сторону немцев, смогла даже легко справиться с Ливонским орденом. Лишь увязнув в Ливонской войне, Московия ощутила силу Запада, стала учиться у западных соседей и реформироваться на западный лад, но точно так же учились и реформировались тогда сами западные страны, перенимая опыт успешных соседей.

Стоит нам отказаться от выдвинутого без всяких доказательств тезиса, будто Россия — неевропейская страна, которая могла разделить участь инков и ацтеков, как рухнет вся конструкция Маршалла По. Все европейские страны, включая Россию, стремились создать максимально большой военный аппарат и достигали успеха в той мере, в какой им удавалось аккумулировать ресурсы и централизовать власть. И все европейские страны, включая Россию, делали это с учетом специфики своего исторического пути, определявшегося особенностями, случайностями и совпадениями, на значение которых верно указал Маршалл По. Поэтому не надо изображать Россию монстром, которому простительны авторитаризм, милитаризм и империализм по причине угроз со стороны Европы. Россия — это тоже Европа со всеми ее чертами: как монструозными, так и конструктивными.

Литература

Анисимов Е. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: Новое литературное обозрение, 1999.

Богданов А. Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М.: Академический проект, 2020.

Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики. 1600—1750. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.

Дэвидс К. 450 лет лидерства. Технологический расцвет Голландии в XIV—XVIII вв. и что за ним последовало. М.: Альпина Паблишер, 2019.

Живов В. Особый путь и пути спасения в России // Сост. Атнашев Т., Велижев М., Зорин А. «Особый путь»: от идеологии к методу. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Кайзер Д. Рост права в средневековой России. М.: Весь мир, 2024.

Ключевский В. Терминология русской истории: Соч. в 9 т. М.: Мысль, 1989а.

Ключевский В. История сословий в России: Соч. в 9 т. М.: Мысль, 1989б.

Коллманн Н. Соединенные честью: Государство и общество в России раннего нового времени. М.: Древлехранилище, 2001.

Марасинова Е. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008.

Мосолкина Т. Социальная история Англии XIV—XVII вв. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.

По М. Русский момент в мировой истории. М.: Весь мир, 2023.

Репина Л. Английский средневековый город // Ред. Сванидзе А. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. Феномен средневекового урбанизма. М.: Наука, 1999.

Сен-Симон. Мемуары. 1691—1701. М.: Ладомир, Наука, 2007.

Сен-Симон. Мемуары. 1701—1707. Книга I. М.: Ладомир, Наука, 2016а.

Сен-Симон. Мемуары. 1701—1707. Книга II. М.: Ладомир, Наука, 2016б.

Сергеев С. Русское самовластие. Власть и ее границы. 1462—1917. М.: Яуза-каталог, 2023.

Тоуни Р. Религия и подъем капитализма: историческое исследование. М.: Дело, 2023.

Хачатурян Н. Политическая организация средневекового города // Ред. Сванидзе А. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. Феномен средневекового урбанизма. М.: Наука, 1999.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ

Начну с максимы (лат. *Maxima regula* — высший принцип), сформулированной в 1903 году одним из основателей РСДРП, историком и философом Г. В. Плехановым (1856—1918):

Каждый демократический принцип должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно к принципу, гласящему, что *Salus populi suprema lex* (лат. благо народа — высший закон). В переводе на язык революционера это значит, что *успех революции — высший закон*. Если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться. Как личное свое мнение я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного основного принципа демократии. Гипотетически мыслим случай, когда мы, социал-демократы, высказывались бы против всеобщего избирательного права¹.

Позже, в Женеве на собрании русских эмигрантов наш гуманный провидец Плеханов заявил, что, придя к власти, социал-демократы поставят в Петербурге посреди Казанской площади гильотину и будут рубить головы всем несогласным с их идеями². Ленин и его сторонники заменили плехановскую максиму на более универсальную, объяснявшую любые их действия — «революционная целесообразность». Они, не стесняясь, прибегали к ней до, во время и после Октябрьского переворота, оправдывая ею творимое. Откуда такое пренебрежение моралью?

Выдающийся французский историк, социолог и государственный деятель Алексис де Токвиль, свидетель событий Февральской революции 1848 года, в 1856 году опубликовал свой главный труд «Старый порядок и революция». В нем он дал анализ всех этапов Великой французской революции, показав изменение характеров и поведения отдельных личностей и групп населения в провинции и столице:

Во Французской революции вследствие того, что законы религии были отменены одновременно с ниспровержением гражданских законов, человеческий ум совершенно потерял под собой почву; он не знал, чего держаться и где остановиться. Появились революционеры невиданного типа, которые довели смелость до без-

Феликс Моисеевич Лурье — публицист, библиограф, историк, автор и составитель 48 книг и альбомов, автор более 200 статей, родился в 1931 году в Ленинграде в семье известного историка М. Л. Лурье (1901—1941).

¹ Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 181. Все даты даны по новому стилю.

² См.: Поссе В. А. Воспоминания. Пг., 1922. С. 91—92.

умия, не знали сомнений и колебаний перед осуществлением какого бы то ни было намерения. И не следует думать, будто эти новые существа были единичными и мимолетными порождениями известного момента, осужденными исчезнуть вместе с ним. С тех пор они образовали целую расу, которая размножилась и распространилась по всем частям цивилизованного мира, везде сохраняя одну и ту же физиономию, один и тот же характер. Мы знали ее при зарождении, и до сих пор она у нас перед глазами³.

Именно эта среда взрастила и воспитала большевиков-ленинцев. Разумеется, здесь речь идет о вождях и их ближайших соратниках. Среди рядовых большевиков было немало чистейших романтиков, свято веривших в реальность провозглашенных их теоретиками лозунгов.

Все конспиративные сообщества, независимо от того, революционная партия или тайная полиция (секретная полиция, политический сыск), обладают, по крайней мере, одним общим свойством — вместо общепринятой, общечеловеческой морали они вырабатывают свою корпоративную мораль⁴. Приведем два ее положения:

1. Чем хуже живет народ, тем лучше. Иначе зачем нужны революционеры? Опасаясь, что Александр II даст России конституцию и внутривнутриполитическая обстановка в стране заметно улучшится, народovolьцы устроили охоту на великого реформатора и гонялись за ним, пока не убили. Благоденствие народа для революционера — смерть.

Зачем нужен политический сыск, если нет революционеров, не нарушаются никакие законы? Когда нарушителей законов становилось мало, полицейские их придумывали и легко, не рискуя жизнями, ловили. Полиция нуждается в загрузке, как доказательстве ее необходимости, тогда внеочередные чины, ордена, премии.

2. Для достижения цели все средства хороши. Но средство должно соответствовать поставленной цели. Иначе достигнутая цель окажется измененной до неузнаваемости. Главное искусство политика (администратора) — правильно выбранная цель и соответствующее ей средство. Невозможно благую цель достигнуть дурными средствами. До сих пор встречаются политики и полицейские, пытающиеся это положение опровергнуть. Неудача неизбежна.

Февральская революция прошла почти мирно. *Профессиональные революционеры среди ее вождей отсутствовали*. Царь отрекся от престола, его формальный арест и этапирование в Тобольск не вызвали сопротивления. Недовольство некоторых партий и группировок при образовании временных органов управления державой и провозглашение выборов в Учредительное собрание к кровопролитию не привели. При беспорядках, сопровождавших революционные действия, серьезных жертв не было. Ход предстоящих событий был известен и получил одобрение абсолютного большинства политических партий. Отечество фактически пришло к согласию, шаткому, но согласию. До созыва Учредительного собрания Временное правительство занималось лишь самым необходимым. Практически все население России ожидало реализации намеченного. Никому в такой ситуации, кроме Ленина, не приходило в голову совершить преступный захват власти. Никто ничего подобного ни от кого не ожидал. До Октябрьского переворота даже фанатичные монархисты никаких серьезных действий не предпринимали.

В России впервые требование созыва Учредительного собрания (Великого собора) выдвинули декабристы. Затем идея Учредительного собрания (Земского собора)

³ Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1898. С. 176—177.

⁴ См.: Звезда. 2008. № 9. С. 96; Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649—1917. М., 1988.

провозглашалась «Землей и волей» 1860-х годов и вошла в программные документы «Народной воли». В начале XX века лозунг Учредительного собрания получил широкое распространение в политической борьбе против самодержавия. Первой включила его в свою программу (1903) РСДРП. В трудах В. И. Ленина идея Учредительного собрания подчинена задачам развития революции. Ленин считал, что «в буржуазной республике Учредительное собрание является высшей формой демократизма» [Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 35, с. 162 (Т. 26, с. 340)]. В 1905 году большевики ставили созыв Учредительного собрания в зависимость от успеха вооруженного восстания и создания Временного революционного правительства. После свержения в феврале 1917 года самодержавия, в условиях перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, Ленин в Апрельских тезисах определил государственную форму диктатуры пролетариата как республику Советов. По сравнению с ней парламентская республика, которую могло бы провозгласить в тех условиях Учредительное собрание стало бы шагом назад в политическом развитии России. Но лозунг Учредительного собрания не был отброшен большевиками, так как он был популярен среди широких, главным образом, мелкобуржуазных масс⁵.

Выборы в Учредительное собрание Временное правительство назначило на 25 ноября 1917 года. Если РСДРП, то есть сторонники В. И. Ленина, не получит в нем существенного большинства мандатов, то власти над Россией ей не видать. Проиграть эти выборы для Ленина означало крушение всей его жизни. Оставалось одно — победить любой ценой. Другого случая может не быть. Вспомним его знаменитую фразу: «Вчера рано, завтра поздно». Четыре царских Думы, Советы, другие выбранные органы показали, что в Учредительном собрании РСДРП большинства мандатов не получит. Быть может, уже тогда, до Октябрьского переворота, вождь мирового пролетариата понял, что придуманная не им конституция, ненужные дебаты и Учредительное собрание — его смертельный враг. Надобно брать власть, а там посмотрим, что с ним делать.

До сих пор встречаются политики, называющие Ленина романтиком, оттого что он грезил реальностью построения коммунизма и неизбежной мировой революцией. Никем и никогда утопии не реализовывались, на то они и утопии. Ленин был циничным прагматиком, фанатично преданным нужным, полезным, понравившимся ему идеям. Эти идеи периодически менялись. Политик не привержен постоянным идеям (убеждениям), они у него меняются по мере прагматической необходимости. Таково его ремесло. Вожди революционных партий стремились делать свои революции. Только они их устраивали, только благодаря победе в *своих* революциях вожди получали всю полноту власти и сразу, возможность попытки реализации своих идей, даже безумных. Поэтому они не желали ни с кем объединяться, поэтому, захватив власть, наиболее жестоко расправлялись с конкурентами, чем с врагами. Конкурент опаснее. Поэтому оппозиционеры в России никогда не объединялись.

Известный американский историк Ричард Пайпс пишет:

26 октября 1917 года большевики не столько захватили власть в России, сколько заявили на нее свои права. В тот день они вырвали от грядущего съезда советов, незаконно ими созданного и заполненного своими сторонниками, — только ограниченную и временную власть: право сформировать еще одно Временное правительство. Подотчетное Центральному Исполнительному Комитету съезда советов, правительство это должно было исчезнуть после созыва Учредительного собрания, намеченного на следующий месяц⁶.

⁵ Советская историческая энциклопедия. М., 1973. Т. 14. Ст. 917.

⁶ Минувшее: Исторический альманах. № 3. СПб., 1991. С. 81.

Власть в России, как утверждал Ленин, валялась, и ее следовало подобрать. Эффектная фраза, но власть не валялась. Она оказалась в руках большевиков благодаря ее бандитскому захвату.

В первых декретах исполнительного и распорядительного органа государственной власти Совета Народных Комиссаров (Совнарком, СНК), избранного и утвержденного 8 ноября 1917 года, он называет себя Временным рабочим и крестьянским правительством. Большевики образовали якобы всего лишь новый состав Временного правительства. От Октябрьского переворота до созыва Учредительного собрания новая власть успела превратить Совнарком, орган исполнительной власти, еще и в законодательную власть. Объединив эти две власти, Совнарком сделался безнадзорным, бесконтрольным органом, обладавшим абсолютной властью.

9 ноября 1917 года, в пять часов утра закрылся II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Совнарком издал первые декреты: «1) о производстве выборов в Учредительное собрание в назначенный срок, то есть 25(12) XI; 2) о расширении прав городских самоуправлений в деле заготовок и распределения продовольственных продуктов; 3) о печати». В последнем декрете дается подробное обоснование мероприятий по борьбе с контрреволюционной печатью. Согласно декрету, «стеснение печати допустимо только в пределах абсолютно необходимых». «Закрытию подлежат органы прессы: 1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению рабоче-крестьянскому правительству, 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов, 3) призывающие к деяниям явно преступным, то есть уголовно наказуемым. Запрещение производится непосредственно СНК». «...Декрет носит временный характер и... будет отменен указом по наступлении нормальных условий общественной жизни»⁷. Введение временных ограничений нередко оборачивается постоянными.

В апреле 1917 года партия большевиков состояла из 40 000 человек⁸. Политический сыск вплоть до Октябрьского переворота имел завербованных секретных агентов не менее 40 000⁹. Кроме них, Департамент полиции располагал армией филеров, осведомителей и штучников, а также штатными чиновниками и жандармскими офицерами. Кроме Департамента полиции, политическим сыском занимался еще и Отдельный корпус жандармов¹⁰. Эта армия, служившая в политическом сыске, разложившаяся из-за отсутствия независимого контроля, преследовавшая главным образом личные интересы сотрудников, не пыталась и не смогла справиться с кучкой авантюристов, совершивших государственный переворот. Не оправдание, но отчасти объяснение этому есть. В начале XX века главное внимание политической полиции и жандармерии было сосредоточено на деятельности социалистов-революционеров, организаторах шумных террористических актов. Социал-демократы занимались не всегда умелой пропагандой. На фоне громких эсеровских выступлений они, не докучая властям, тихо перенимали эсеровские методы. И террором занимались, но менее массовым и шумным, предпочитали нападать на транспортировку государственных денег, отрицая свое участие и называя ограбления экспроприациями. Особенно успешно большевикам удалось разжигание ненависти ко всем не своим и поощрение самых низменных чувств.

8 ноября 1917 года в печати появилось следующее сообщение:

⁷ Любимов И. Н. Революция 1917 года: Хроника событий. Т. VI. Октябрь—декабрь. М.; Л., 1930.

⁸ Большая Советская энциклопедия. Т. 11. М., 1930. Ст. 531.

⁹ См.: Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649—1917. М., 1988. С. 119; Агафонов В. К. Заграничная охранка. Пг., 1918. С. 203; Процесс предателя-провокатора Окладского в Верховном суде. Л., 1925. С. 23.

¹⁰ См.: Лурье Ф. М. Указ. соч.

САБОТАЖ. Товарищи министров Временного правительства, составлявшие «малый совет министров», постановили не исполнять своих обязанностей и не сдавать их представителям Советской власти. Такое же решение принято служащими министерств: финансов, труда, продовольствия, путей сообщения и народного просвещения; служащие министерства финансов приняли предложение консорциума банков об обеспечении всех чиновников трехмесячным содержанием, при условии полного неучастия в какой бы то ни было государственной и административной работе совместно с Советской властью¹¹.

В первые же дни после захвата власти большевики столкнулись с поголовным нежеланием чиновников правительственных и других учреждений сотрудничать со свершившимися государственный переворот и подписавшими декреты о печати и национализации. Где бы ни появлялись представители новой власти, везде обнаруживался решительный саботаж. Ни в одной революции, произошедшей в европейских государствах, ничего подобного не происходило.

Имея небольшую численность состава РСДРП, полнейшее непонимание ее руководителями государственного устройства и неподготовленность к управлению державой, неповиновавшихся заменить было нечем. Тогда-то в голове Ильича и вспыхнула мысль о том, что государством могут управлять кухарки, тогда-то он начал злобно ругать интеллигенцию. Он был уверен, что она его поддержит. Ан нет. С бессовестными захватчиками никто добровольно не желал иметь дело. Власть приступила к запугиванию и преследованию не желавших сотрудничать, поощрению согласившихся. Необходимость кормить семью и инстинктивный страх перед властью делали свое дело.

Ленин и его соратники понимали, что человек — существо эволюционное. Изменения правил, привязанностей, привычек, традиций, пристрастий происходят в нем постепенно. Скачки практически на всех действуют отрицательно. Но большевикам и другим революционерам казалось, что приди они к власти, на другой же день все начнет стремительно меняться и вскоре наступит благоденствие.

Римлянин вставал на рассвете, брал волосяную подушку и устремлялся в Колизей. Там, заняв на холодной каменной скамье ближайшее к арене место, он погружался в сладостные мечты о том, что скоро начнутся бои и он увидит струящуюся из раны гладиатора кровь. Христианской церкви потребовалось два тысячелетия, чтобы вид крови вызывал совсем иные чувства. Но для большевиков даже законы природы, так им казалось, были подвластны.

Вожди РСДРП, живя десятилетиями в эмиграции, многое из того, что произошло на родине, упустили. Начиная с реформ Александра II и до начала Первой мировой войны, в особенности на границе XIX и XX веков, Россия пережила небывалый подъем во всех областях материальной и духовной культуры. Мы называем этот период Серебряным веком. Русское общество отвыкло от цензуры, образовался средний класс, не желавший терпеть противозаконные действия кого бы то ни было, привыкший во всем к верховенству закона. Впервые в России образовалась интеллигенция¹².

Эти неведомые новой власти люди не желали и не могли признать противозаконно захвативших власть. Арест министров Временного правительства и последовавшие за ним декреты они считали чудовищными преступлениями. Особенно их возмущали декреты о преследовании печати и отмене частной собственности. Новая власть

¹¹ Рязинский К. Революция 1917 года (хроника событий). Т. V. М.; Л., 1926. С. 208. Товарищ министра — заместитель министра.

¹² См.: Нева. 2015. № 7. С. 166—182; Лурье Ф. М. Работники Серебряного века. СПб., 2023.

без промедления приступила к разного рода наказаниям за принадлежность к определенным сословиям, вплоть до истребления.

Во многих государствах частная собственность с незапамятных времен считалась священной; бедность стремились искоренять. На Апеннинском полуострове уже в XIII столетии бедной части населения предоставляли беспроцентные ссуды на строительство и приобретение жилищ. Даже самый жестокий и властный суверен не мог себе позволить лишить подданного принадлежавшего ему имущества. Имеющий собственность более надежный гражданин, чем ею не обладающий. При нападении врага на Отечество он охотнее идет на его защиту, соблюдает защищающие его законы¹³.

Вспомним главный лозунг большевиков: «Пролетарии (*лат.* Proletarius — неимущий наемный рабочий) всех стран, соединяйтесь!» Он украшал титульные листы всех книг, ни одна газета не выходила без него, у всех стоял он перед глазами. «Люмпен-пролетарий (*нем.* Lumpen — лохмотья) — деклассированные слои общества (уголовники, нищие, бродяги, бомжи)» опасен государству и его населению¹⁴. Сергей Нечаев и народолюбцы знали, что их надежнее других поддерживают люмпен-пролетарии. Не раз они делали попытки привлечь их в свою борьбу. Придя к власти, большевики устремились превращать всех в пролетариев. Тех, кто не мог или не желал, истребляли.

Население дореволюционной России состояло из восьми сословий: дворянство (потомственное и личное), почетное гражданство, духовенство, купечество, мещанство, цеховые, крестьянство и казачество. Сословие — общественная группа с закрепленными законами наследственными правами и обязанностями; группа лиц, объединенных профессиональными интересами. Не исключая ни одного сословия, этот неоднородный конгломерат составлял российский народ (население государства, страны). Никто не вправе вычленил одно или несколько сословий из этого конгломерата и подвергать изгнанию или истреблению. Большевики решились на это преступление. Они отменили все сословия и вместо них объявили о существовании двух классов — рабочих и крестьян с прослойкой — интеллигенцией. Ненужные, враждебные сословия, как казалось большевикам, канули в небытие. Своего рода люстрация — один из многочисленных катастрофических ударов ленинцев по России. Его последствия сказываются и сегодня. Сложившееся столетиями и достигшее наконец выдающегося подъема во всех сферах культуры, давшее превосходные результаты, заменили на непригодное.

Предпринимательством в России — промышленностью, торговлей и финансами — занималось, главным образом, купечество. Русское купечество было неоднородно, но все же имело свои изменявшиеся во времени характерные черты. Например, жгучее желание разбогатеть любой ценой, господствовавшее до первой половины XIX столетия, постепенно к началу XX века сменилось заботой о чистоте репутации. Если в XVIII—XIX веках обман воспринимался как нечто житейское, обыденное, то в начале XX века обманывать не только опасались, но и стыдились. В XIX веке многие купцы поняли, что благотворительность, пожертвования на просвещение, духовную культу-

¹³ XVI век. Во Флоренции на берегу Арно вплотную к Понте Веккьо (Старый мост) возвышается башня, принадлежавшая семейству Маннелли. При завершении строительства здания Уффици (Канцелярий) великий герцог тосканский Козимо I Медичи решил соединить коридором Палаццо Веккьо, Уффици и Палаццо Питти, где жила семья герцога. Коридор Вазари, его строили великий Джорджо Вазари, проходил через Уффици и Понте Веккьо. Башня Маннелли мешала осуществлению желания властного герцога, и он пожелал ее снести. Владельцы отказались продать герцогу родовое жилище. Грозный суверен, не желая терять доверие флорентинцев нарушением законов и традиций, вынужден был смириться. И сегодня можно видеть, как покорный коридор Вазари огибает гордо стоящую башню Маннелли.

¹⁴ Большой словарь иностранных слов / Сост. А. Ю. Москвин. М., 2002. С. 363.

ру, милосердие могут обернуться прибылью: известность, репутация, награды, дающие право на получение почетного гражданства и даже наследственного дворянства. В середине XIX века и, в особенности, начале XX века появились просвещенные купцы, прославившиеся благодаря их вкладу в русскую культуру. Теперь уже никто не вспоминает, чем владели, откуда черпали богатства купцы, почетные граждане и дворяне из купцов Бахрушины, Третьяковы, Вейнеры, Зимины, Мамонтовы, Морозовы, Щукины, Соловьевы, Сабашниковы, Парамоновы, Мешковы.

Купеческое сословие (предприниматели, финансисты) предназначалось для накопления могущества державы, улучшения экономического положения населения. Значительное число из них, не снимая с себя этой обязанности, сильнее всего содействовало развитию духовной культуры, то есть они занялись еще и тем, что лежало на плечах интеллигентов. Они и были интеллигентами.

После Октябрьского переворота и тотальной национализации, повлекшей за собой разворовывание, разгром, бесхозяйственность, некому было восстанавливать загубленную невежественной властью промышленность. После великих реформ Александра II российская промышленность и сельское хозяйство начали стремительно догонять и обгонять ведущие европейские державы по большинству показателей. России предрекали великое будущее. Новые, слабо квалифицированные деятели, призванные заменить подвергнутых истреблению или изгнанию знающих, опытных талантливых самородков, не могли решать стратегических задач восстановления ими разрушенной промышленности. В 1964 году во время научной конференции, проходившей в Мончегорске, выяснилось, что никелевый комбинат выгоднее было строить в районе Череповца, а не в центре Кольского полуострова. Известна история строительства Атоммаша. Предсовмина Косыгин, далеко не худший хозяйственник, показал на карте понравившееся ему место и сказал: «Здесь!» Никто не осмелился ему сказать, что надобно бы прежде всего изучить геологию. Вдруг она непригодна для строительства. Но кто решится советовать предсовмина Косыгину? Выяснилось, что грунты для ожидаемых на них нагрузок не годятся, когда комбинат приступил к выпуску продукции. Разве прежние промышленники приняли бы подобное решение?

Большевики не желали ни с кем делить влияние на людей и истребили духовенство, материально не зависевшее от государства и занимавшееся удержанием прихожан от дурных поступков, наставлявших на праведный образ жизни, напоминавшее о морали и нравственности.

После крестьянской реформы 1861 года мелкопоместное дворянство, составлявшее более половины сословия, устремилось в статские и военные учебные заведения. К началу XX столетия получаемое ими жалованье было основным источником дохода¹⁵. Преследование большевиками дворян сделалось преследованием профессуры и офицерства, в том числе желавшего служить России независимо от того, какая власть ею управляет. Среди дворян было немало носителей и охранителей морали, чести, нравственности.

Благодаря развернувшемуся и стремительно набирающему силу красному террору и потере надежды на скорое падение новой власти из России началось массовое бегство (эмиграция — добровольное или принудительное переселение из одной страны в другую). Это была не эмиграция, а бегство. По подсчетам специалистов, число беглецов превысило два миллиона. Среди них оказались крупнейшие предприниматели, ученые, художники. Сколько погибло в Гражданскую войну в результате вспыхнувшего уже в ноябре 1917 года красного террора и самосуда, подсчитать невозможно.

20 декабря 1917 года Совнарком образовал Всероссийскую чрезвычайную комиссию (ВЧК). Еще в марте 1917 года разгоряченные успехом Февральской революции голо-

¹⁵ См.: Корелин А. П. Дворянство пореформенной России. 1861—1904. М., 1979.

вы потребовали суда над бывшим монархом и высшими царскими администраторами. Для подготовки обвинительного заключения Временным правительством была образована Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств (ЧСК)¹⁶. От действия этой комиссии, имевшей с ВЧК похожие названия, никто не пострадал. Может, поэтому новая власть так назвала свою комиссию?

Методы работы ВЧК ближе всего напоминают деятельность французского революционного трибунала: обвиняемые не имели защитников, никакого состязательного процесса, никаких присяжных заседателей¹⁷. 17 февраля 1922 года председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский пишет: «В предположении, что вековая старая ненависть революционного пролетариата против поработителей поневоле выльется в целый ряд бессистемных кровавых эпизодов, причем возбужденные элементы народного гнева сметут не только врагов, но и друзей, не только враждебные и вредные элементы, но и сильные и полезные, я стремился провести систематизацию карательного аппарата революционной власти. За все время Чрезвычайная комиссия была не что иное, как разумное направление карающей руки революционного пролетариата»¹⁸.

Член комиссии ВЧК М. И. Лацис, наставляя своих подчиненных, превосходно проиллюстрировал слова Феликса Эдмундовича:

Мы не ведем войны против отдельных людей, мы уничтожаем буржуазию как класс. Во время расследования не ищите свидетельств, указывающих на то, что подсудимый делом или словом выступал против Советской власти. Первый вопрос, который вы должны задать: к какому классу он относится, каково его происхождение, каково его образование или профессия. Ответы на эти вопросы определяют судьбу обвиняемого. В этом и состоит смысл Красного террора¹⁹.

17 августа 1918 года был убит председатель Петроградского ЧК Урицкий, 28 августа Ф. Каплан стреляла в Ленина. Официальные источники сообщили, что по постановлению Петроградского ЧК 20 октября по этим террористическим актам расстреляли 500 заложников. На самом деле было расстреляно несколько тысяч²⁰. Возмущенный применением ВЧК заложничества анархист П. А. Кропоткин (1842—1921), легендарный революционер, князь, сосланный большевиками в Дмитров, писал Ленину: «Неужели не нашлось среди Вас никого, чтобы напомнить, что такие меры, представляющие возврат к худшему времени средневековья и религиозных войн — недостойны людей, взявшихся созидать будущее общество на коммунистических началах... Неужели никто из Вас не вдумался в то, что такое заложник? Это значит, что человек засажен в тюрьму не как в наказание за какое-нибудь преступление, что его держат в тюрьме, чтобы угрожать его смертью своим противникам. „Убьете одного из наших, мы убьем столько-то из Ваших“. Но разве это не все равно, что выводить человека каждое утро на казнь и отводить его назад в тюрьму, говоря: „Погодите“, „Не сегодня“. Неужели Ваши товарищи не понимают, что это равносильно восстановлению пытки для заключен-

¹⁶ См.: Аврех А. Я. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замыслы и исполнение // Исторические записки. Кн. 118. М., 1990. С. 72.

¹⁷ См.: Лурье Ф. М. Очистительная гильотина // Революционный трибунал в эпоху Великой французской революции. Ч. I—III. СПб., 2010. С. 5—30.

¹⁸ Цит. по: Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1917—1923. М., 1990. С. 33.

¹⁹ Красный террор. 1918. № 1. С. 2.

²⁰ См.: Мельгунов С. П. Красный террор. С. 20—31.

ных и их родных...»²¹ Товарищи все понимали, не понимал благородный Кропоткин, что в России власть захватило сообщество, мало чем отличавшееся от бандитов.

Кропоткин не догадывался, что в расстрельные списки заложников попадали случайные люди. Если кого-нибудь чекисты не находили, то забирали жен, отцов, матерей. На допросах пытали, расстреливали, минуя следствие и суд.

Победители обещали: мировую революцию, скорое всеобщее благоденствие, коммунизм, рай на земле. Провозглашение построения коммунизма и вера в его построение свидетельствуют о непонимании природы человека. Революционеры не задумывались о таких пустяках. Обещания предполагают их выполнение, такова нелегкая доля одержавших верх. Этого ни одному победителю в революциях не удавалось. Выход один: отыскать коварного врага, мешающего выполнению обещанного, и уничтожить. Новые обещания — новые враги. Победителям требовались кровь и страх. Страх помогал забыть невыполненные обещания. Ни одна революция не принесла народам облегчения. Истребили офицерство, аристократию, иностранцев, церковников и тех, кто, по мнению большевиков, не верил в реальность провозглашенной ими цели. Обратите внимание: большевики расправлялись с меньшевиками и эсерами с большей жестокостью, чем с монархистами. Меньшевики и эсеры — конкуренты, монархисты — враги. Конкурент опаснее.

Террор был опорой большевиков, фундаментом строившегося здания. Таковую они придумали конструкцию. Без ЧК она не простояла бы и месяца. Террор начался вслед за Октябрьским переворотом и не прекращался вплоть до Великой Отечественной войны. «Академическое дело», «Шахтинское дело», «дело Промпартии», «Весна», масса других дел шли неиссякаемым потоком, готовя, отработывая технологию грядущих процессов 1937—1938 годов, процессов большого террора. Историк А. М. Некрич утверждает, что после 30 июня 1934 года, когда по приказу Гитлера фашисты перебили боевиков во главе с их руководителем Ремом, объявленным Герингом «врагом народа», Сталин решил начать расправу над оппозицией. Его восхищали подвиги Гитлера. Террор не прекращался на протяжении всего времени правления коммунистов. Менялся уровень жестокости. Народ научили говорить: «Невиновных не сажают». Многие говорили это с полным убеждением правоты.

В 1956—1957 годах с Колымы из Норильска, Воркуты начали возвращаться, попавшие туда перед Отечественной войной. Рассказывали о себе, о реабилитации «за отсутствием состава преступления» — здоровье и лучшие годы потеряны по прихоти одного человека и его соратников. Хорошо, если, возвращаясь, было к кому приткнуться и тихо дожить. Не всем такое счастье было дано. Для существования выстроенной большевиками системы лагеря оказались необходимыми. Без ни в чем не повинных заключенных и оставшихся на свободе перепуганных, боявшихся всего на свете эта система существовать не могла. И сегодня продолжают спорить, сколько невинных жизней загублено. Три миллиона или двадцать? Или триста тысяч? Спорьте... Куда девать, как заглушить страдания невинных? До сих пор всплывают документы, перед которыми меркнет все сочиненное величайшими драматургами. Никто так и не ответил за искалеченные, изуродованные жизни, истерзанные семьи, осиротевших детей. Хорошо, если есть Страшный суд и виновных отправят в геенну огненную, а если его нет... Мы твердо знаем, что существует позорный столб. Но для того, чтобы он не утратил первоначального назначения, необходимо, чтобы претенденты на него исчислялись единицами. Сегодня о позорном столбе не следует даже вспоминать. На его появление не обратят внимания. Нередко доносчики, тюремщики, палачи — самые истовые ве-

²¹ Цит. по: Мельгунов С. П. Красный террор. С. 28.

рующие. Верят в Бога, который все видит и каждому воздаст по заслугам. Хотелось бы знать, о чем они думали, когда занимались своим ремеслом. Что можно тихо покаяться, и Бог простит? Прощает батюшка, Бог тут ни при чем. Батюшки бывают всякие.

Известный философ В. В. Налимов пытается объяснить гигантские репрессии:

«Часто задают вопрос: зачем нужно было пролить столько крови, принести столько жертв, включая и тех, которые активно не сопротивлялись совершить столь радикальные и противоестественные преобразования, понадобилось массовое жертвоприношение, открывшее путь ничему не сдерживаемому демонизму»²². Соблазнительно воплощать утопию, не испытывая сопротивления. В конце 1920-х годов и позже к тем жертвам добавились павшие от сталинской паранойи.

Можно не считаться с законами существования общества, можно их не знать или не признавать, но от этого они не перестанут действовать. Они не нуждаются ни в одобрении кого-либо, ни в голосовании, ни в аплодисментах, их невозможно отменить. Поступки политиков пойдут на пользу или во вред — зависит от того, как они учитывают в своих действиях эти законы. В точных науках человечество добилось выдающихся результатов, потому что исследователи сначала изучают природу явления, анализируют результаты, формулируют закономерности, проверяют их справедливость, отыскивают области и границы применения. После этого инженеры приступают к воплощению систем, в основе которых обнаруженные учеными закономерности: «теория паров предшествовала железным дорогам» (А. И. Герцен).

Поклонники утопических теорий, противоречащих природе разумных существ, встречаются и сегодня. Теории эти гуманны, заманчивы и восхитительно красивы. Известны попытки образования различных коммун, кончавшиеся разного рода неудачами. Утопия не может быть реализована, на то она и утопия. Большевики не первые пытались воплотить утопию. Могли поинтересоваться опытом предшествовавших утопистов. Наши вожди, стремившиеся воплотить утопическую идею в реальность, оказались обреченными переделывать живых людей в идеализированных персонажей утопий. Мы видели, к чему это привело. Мы не знаем, верили ли они в пропагандируемые ими же идеи, возможно, на заре своей политической карьеры верили.

Незадолго до выборов в Учредительное собрание новая власть ввела в Петрограде военное положение. Один из пунктов постановления в нем запрещал проведение митингов под открытым небом²³. Мы не знаем, как еще большевики воспользовались своим положением. Не просто же так они арестовали членов Временного правительства, не нарушавших совсем никаких законов. Большевики получили 175 мест из 715, то есть 24 %, социалисты-революционеры — 40,5 %²⁴. Разумеется, Ленина такие результаты выборов не устраивали. 3 декабря 1917 года Совнаркомом было принято постановление о переносе открытия Учредительного собрания, намеченного на 11 декабря, на неопределенный срок, а также об укреплении военного гарнизона Петрограда десятью тысячами матросов и созыва III съезда Советов. Большевики предполагали этим съездом, где они обязательно будут иметь большинство, подменить Учредительное собрание. Встревоженные эсеры, социалисты, меньшевики и кадеты тотчас образовали Союз защиты Учредительного собрания. Отменить навсегда его открытие Ленин не решился: слишком популярно было желание его созыва.

Постановление Совета Народных Комиссаров от 6 декабря 1917 года: «М. С. Урицкий назначен комиссаром над Всероссийской комиссией по делам о выборах в Учреди-

²² Налимов В. В. Власть и противостояние ей // Полис (Политические исследования). 1992. № 30. С. 101.

²³ См.: Минувшее. № 4. С. 98.

²⁴ См.: Там же. С. 210.

тельное собрание. Ему поручено обеспечение правильности подготовительных работ по созыву Учредительного собрания.

Распоряжением СНК арестована Всероссийская комиссия по выборам в Учредительное собрание.

Под председательством Филипповского и Бронзова состоялось заседание бюро ЦИК советов 1-го созыва. Бюро признало желательным организацию Союза защиты Учредительного собрания — объединенный комитет социалистических партий и демократических организаций, в состав которого должны войти и члены ЦИК 1-го созыва. Постановлено принять участие в разработке устава и плана работы Союза. Признана желательной организация реальной силы для защиты Учредительного собрания. Под воззванием „Союза защиты“ к армии — постановлено своей подписи не давать.

На соединенном заседании представителей правосоциалистических партий и демократических организаций образован Союз защиты Учредительного собрания»²⁵.

«Уже тогда среди столичных жителей личность Урицкого вызывала панический страх. Этот страх смешивался с радостью, посетившей людей и связанной с долгожданным ожиданием завершения выборов в Учредительное собрание. Наконец-то свершилось! Считалось, что выборы прошли вполне гладко»²⁶. И тут же отовсюду начали поступать тревожные сообщения, свидетельствовавшие о решительном нежелании властей открыть избранное Учредительное собрание. Судя по действиям большевиков, Ленин еще до окончания выборов понял, что никакое Учредительное собрание ему не только не нужно, но и опасно. Учредительное собрание — это дебаты, отстаивание различных мнений, голосование не за одну его точку зрения. Споры, монологи — зачем? Большевикам нужен диалог, их диалог. Многие, очень многие современники Октябрьского переворота, безусловно, видели преступность действий большевиков, понимали их последствия. Еще до событий 7 ноября 1917 года они в деталях описывали то, во что большевики превратят народ и Россию²⁷. Еще в начале 1870-х годов великий провидец Ф. М. Достоевский в романе «Бесы» поразительно точно описал то, что произойдет с Россией (см. шигалевские тетради).

В 1906 году группа народовольцев, выпущенных из Шлиссельбургской крепости после многолетнего заключения, посетила Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. Прощаясь, великий мудрец сказал им (по памяти):

Вы светлые, чистые души, я склоняю перед вами голову. Но упаси боже, если вам удастся прийти к власти. Россия испытает тогда время, худшее, чем при Николае I.

Когда в России слушали мудрецов?

11 декабря, в день открытия Учредительного собрания, назначенный большевистским правительством, затем им же перенесенный на неопределенный срок, Союз защиты Учредительного собрания решил провести демонстрацию. Днем у Таврического дворца начали собираться петербуржцы, к вечеру их насчитывалось более двухсот тысяч, демонстранты несли лозунги «Вся власть Учредительному собранию!». Столкновений с войсками, присланными правительством «для охраны Учредительного собрания», на сей раз не произошло. В последующие дни большевики к присланным ранее латышским стрелкам добавили солдат других полков и матросов. В Таврический дворец прекратили пускать кого бы то ни было²⁸.

²⁵ Любимов И. Н. Революция 1917 года. Т. VI. С. 199.

²⁶ См.: Минувшее. № 4. С. 98.

²⁷ Читайте журналы «Воля народа» и «Свобода народа» за 1917 и 1918 годы.

²⁸ См.: Минувшее. № 4. С. 104–105.

11 декабря Совнарком принял написанный Лениным «Декрет об аресте вождей Гражданской войны против революции»:

Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов.

На местные советы возлагается обязательство особого надзора за партией кадетов в виду ее связи с корниловско-калединской гражданской войной против революции.

Декрет вступает в силу с момента его подписания.

Председатель Совета народных комиссаров Вл. Ульянов (Ленин).

Народные комиссары: Л. Троцкий, Н. Авилов (Н. Глебов), П. Стучка, В. Менжинский, Джугашвили-Сталин, Г. Петровский, А. Шлихтер, Дыбенко²⁹.

В специальном воззвании «Ко всем трудящимся и эксплуатируемым» СНК разъясняет причины объявления кадетов партией врагов народа. Указывая на то, что корниловско-калединско-дутовское движение, согласно заявлению самих же генералов, начато по требованию кадетской партии, СНК констатирует: «...таким образом, прямая Гражданская война открыта по инициативе и под руководством кадетской партии. ЦК этой партии является сейчас политическим штабом всех контрреволюционных сил страны». Призывая к поддержке в борьбе с контрреволюцией и ее руководительницей кадетской партией, «СНК обязуется не слагать оружия в борьбе против кадетской партии и ее калединских войск»³⁰.

Так, без каких бы то ни было доказательств, ни одного члена партии конституционных демократов среди депутатов Учредительного собрания не стало. Лживые обвинения, выдвигаемые против врагов, никогда ленинцев не смущали. Но не это самое главное. Ликвидация партии кадетов сделалась началом вскоре возникшей в России однопартийной политической системы.

Разного рода демонстрация силы сторонников и противников Учредительного собрания продолжалась вплоть до его открытия 18 января 1918 года. Сторонники выдвинули лозунг «Вся власть Учредительному собранию!». Утрата власти большевиками, по их мнению, должна произойти без применения силы. На Дону уже формировалось Белое движение, но никаких переговоров сторонники Учредительного собрания с его представителями не вели. Еще в начале июля 1917 года Временное правительство могло арестовать большевистских вождей, но не арестовало. Складывается впечатление, будто большевиков решили перевоспитать.

Получив 24 % голосов, сторонники Ленина начали добиваться «отзыва» неугодных ему депутатов, безоговорочного признания всеми партиями их власти, созыва 21 января 1918 года III съезда Советов. За два дня до открытия Учредительного собрания большевики заявили, что лозунг «Вся власть Учредительному собранию!» не что иное, как «Долой Советы!». Они разослали агитаторов по крупным столичным заводам и воинским соединениям. Агитируемые не могли понять, почему большевики, давние сторонники Учредительного собрания, пытаются их настроить против всеми его поддерживаемого. На сторону агитаторов почти никто не перешел. Нейтрализовать удалось многих.

Несколько групп социалистов-революционеров пытались организовать террористические акты против узурпировавших власть, но не получили поддержки. ЦК партии эсеров был категорически против любого насилия. На день открытия Учредительного собрания готовилась грандиозная демонстрация в его поддержку. ЦК партии эсеров

²⁹ Любимов И. Н. Революция 1917 года. Т. VI. С. 227.

³⁰ Там же. С. 226—227.

запретил брать оружие, полагая, что большевики не посмеют стрелять в безоружных. Солдаты столичного гарнизона, давшие согласие на участие в этой демонстрации, отказались выходить из казарм без оружия. 17 января власть вновь ввела в Петрограде военное положение. 18 января газета «Правда» опубликовала запрет на проведение любых митингов вблизи Таврического дворца.

Несмотря на запрет власти, Союз защиты Учредительного собрания организовал марш девяти самостоятельных колонн, вышедших 18 января, в 10 часов утра из разных районов города. Предполагалось, что они соединятся на Марсовом поле и оттуда единым потоком двинутся к Таврическому дворцу. Пулеметный огонь обрушился на демонстрантов с крыш, солдаты, преградившие им путь, стреляли из винтовок. Засады большевики расставили грамотно. К 16 часам с манифестами было покончено.

Погибших похоронили через четыре дня в годовщину Кровавого воскресенья на Преображенском кладбище, рядом с могилами погибших 9 января 1905 года. По данным Департамента полиции, тогда было убито 96 человек и 333 ранены, из них в больницах скончалось 34 человека. Министр внутренних дел князь П. Д. Святополк-Мирский передал Николаю II список со 120 фамилиями погибших. По подсчету членов специально образованной комиссии число убитых и раненых составило 5000. Число погибших 18 января 1918 года колеблется от 8 до 21 человека³¹.

Разгон безоружных манифестантов, шедших под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!», был столь циничен, жесток и противозаконен, что ему подчинились все. Никаких протестов не последовало. Удивительно повели себя эсеры, оказавшиеся самой популярной политической партией. Против произвола власти они могли выступить с оружием в руках, их, безусловно, многие бы поддержали, включая солдат столичного гарнизона. Но их вожди заявили, что вооруженное выступление против большевиков окажет услугу контрреволюции. После разгона манифестантов большевики сделали два простых вывода: без штыков им не обойтись; штыки можно применять безнаказанно.

Делегаты РСДРП во главе с Лениным прибыли в Таврический дворец около часа дня. Опасаясь поражения своих защитников, он не разрешил открывать заседание первого русского парламента, пока не станет достоверно известно, что происходит за стенами Таврического дворца. Узнав, что с манифестантами покончено, Ленин через Урицкого распорядился начинать. В зале присутствовали 463 депутата, среди них 259 социалистов-революционеров, 136 большевиков и 40 левых эсеров³². Рано утром 19 января 1918 года Учредительное собрание навсегда прекратило свое существование. Об этом драматическом событии столь много написано воспоминаний очевидцев и исследований, что мы не станем здесь на нем останавливаться.

В списке преступлений новой власти добавилось еще два пункта: вооруженный разгон безоружной манифестации и ликвидация Учредительного собрания. Доверие к большевикам упало еще ниже. В Петрограде усилились голод, грабежи, повальное дезертирство. К недовольству разгоном Учредительного собрания добавилось заключение унижительного договора с Германией, на выборах в советы побеждали эсеры и меньшевики, слышались требования созыва Учредительного собрания, не прекращались попытки борьбы с узурпаторами власти. 16 июня 1918 года Совнарком опубликовал декрет об исключении из всех списков депутатов меньшевиков и эсеров. 2 июля

³¹ См.: К истории «кровавого воскресенья» в Петербурге: Доклад прокурора Петербургской судебной палаты Э. И. Вучича министру юстиции // Красный архив. 1935. Т. 1 (68). С. 49; Красная летопись. 1922. № 1. С. 55–57; Советский музей, 1900. № 4. С. 41; «Новая жизнь». № 7/23, 11–24 января 1918. С. 2.

³² Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание. Л., 1976. С. 338.

решением Петросовета Совет рабочих депутатов был закрыт. Теперь уже никто не сомневался в том, что в России форма правления — диктатура.

Большевиков упрекали в том, что они не учитывали реакцию народа на их действия, то есть в отсутствии обратной связи. Ничуть! ВЧК и его преемников еще как интересовал отклик народа, особенно отрицательный. Цель их была истребить недовольных, не устраняя причин недовольства. Большевики отделили политику от морали, отняли у народа религию, юстицию, традиционную мораль. Вместо них подсунили утопию с вымышленными правилами и закономерностями. Помещенная в реальное пространство утопическая идея построения земного рая могла некоторое время существовать, поддерживаемая фанатиками, верившими в утопическую идею, беспринципными карьеристами, недостаточно образованными, и, главное, жесточайшим террором.

Власть создавала свою историю, философию, филологию, свое искусствоведение, экономику и даже естественные науки. Их культура, оторванная от корневой, лишенная питания, была противоестественна, исчезло величие человеческого духа. Людям свойственна потребность во что-то и кому-то верить, многие уверовали в навязанные им лозунги. Ниспровержение монарха и Бога свершилось быстро и решительно. Уверовали в коммунизм.

По гуманитарным наукам власть нанесла наиболее ощутимый удар. Больше других пострадали историки. В 1920-е годы дореволюционные книги по истории сдержанно допускали к использованию (других еще не существовало), затем многие из них все дальше отодвигали в тень, из энциклопедий и монографий почти исчезли отсылки на справочную и научную литературу, вышедшую до Октябрьского переворота.

Старые доброкачественные исследования вытеснили хрестоматии, заполненные отрывками из сочинений Ткачева, Бакунина, Нечаева. Сегодня трудно понять, как можно было воспринимать их всерьез.

Плоды этого страшного времени мы ощущаем до сих пор. За редким исключением, книги, изданные после 1917 года, не отравлены вредоносной идеологией и откровенной ложью. Если история изложена правдиво, то она патриотична, она способна воспитывать; лживая история рано или поздно неизбежно разоблачается, ввергая читателя в опасное разочарование. И все же в советской исторической науке трудилось немало честных, талантливых исследователей.

Русская историческая школа требовала от исследователей философского склада ума, яркого художественного таланта, глубоких знаний, тонкого анализа, свежей мысли, стремления к подавлению субъективного изложения. В русской исторической науке не было единомыслия: одновременно существовали сторонники и противники норманнской теории, западники и славянофилы различных направлений, скептики и антискептики. Многие написанные в XIX и начале XX века исторические исследования читаются легко и с интересом не только профессионалами. Патриотизм всегда был, есть и будет. Рожденный в своем Отечестве не может его не любить, но настоящими патриотами становятся знающие подлинную историю, литературу, язык — тогда возникает прочный осознанный патриотизм, а не шаткий карьерно-корпоративно-политический. В трудах предшественников можно отыскать то, чего нет в поздних исследованиях о нашем прошлом.

На смену старому поколению пришла новая, «красная профессура», недостаточно подготовленная. Далеко не всегда карьерное продвижение учитывало знания. Писать хорошим литературным языком опасались. Не из «недобитых» ли он? До начала исследования историку объясняли, о чем и как надо писать, какие делать выводы. Каждый визит в архив требовал обоснования. «Темы нашинковывались» (В. Г. Чернуха).

За их границы переступать опасались. В других областях знаний происходило примерно то же самое.

Произошло массовое раздвоение личностей, люди делали вид, будто строят утопию, и понимали абсурдность происходившего. Но были и искренне верившие в реальность воплощения нереального. Обещанная мировая революция не произошла, Бог с ней, забыли. С утопией большевики расстаться не могли, она сидела в названии их коммунистической партии. Главенствовала одна точка зрения, противостоять ей открыто не осмеливался никто. Власть желала страхом парализовать волю и мысли оставшихся, выжечь из них коренную духовную культуру, отучить людей не только честно говорить, но и честно думать. Так, полагали они, создают нового человека — строителя коммунизма.

Великий знаток марксизма-ленинизма Н. И. Бухарин писал:

С точки зрения большого по своей величине исторического масштаба пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи³³.

Эту фразу, понравившуюся верным ленинцам, одни цитировали, стыдливо сокращая, другие, не стесняясь, полным текстом. Часто пролетарское принуждение заканчивалось расстрелом.

Сколько подверглись «выработке коммунистического человека»? Как объяснить людям, что построение утопии невозможно? Когда мы говорим о традиционных ценностях, не будем забывать о духовности, морали, нравственности, совести, справедливости, чести, достоинстве. Не всегда у нас с ними все благополучно.

В 1929 году в Красной армии началась чистка среднего командного состава, состоявшего из опытных боевых офицеров, прежде служивших в царской армии. В основной массе они были искренне преданы Родине. Никакие уставы, никакие инструкции, пособия, исследования не могут передать молодому бойцу традиции и навыки, накопленные поколениями офицеров во многих баталиях. Они передаются от наставника ученику «прикосновением», то есть живым общением³⁴. В 1931 году состоялся процесс «Весна», из подсудимых отставных офицеров почти никто не выжил. Через десять лет это очередное преступление властей дало о себе знать: в первые дни Великой Отечественной войны плохо обученных красноармейцев, панически бежавших от наступавшего противника, некому было остановить. Кадры, пришедшие на смену жертвам «Весны», слишком многого не умели.

До последнего дня управления СССР большевики не поняли, что многое, очень многое передается «прикосновением», носители этой бесценной информации — дороже всего на свете. Именно их вслед за Октябрьским переворотом начали методично истреблять. «Прикосновением» передается воспитание. Приведем определение этого весьма важного для нас понятия. Воспитание — «1. систематическое воздействие, влияние с целью сформировать навыки, характер; 2. жизненные навыки поведения, привитые семье, окружением и проявляющиеся в общении с людьми»³⁵; «3. планомерное воздей-

³³ Экономика переходного периода. С. 139 // Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.

³⁴ См.: Лотман Ю. М. Воспитание души. СПб., 2005. С. 257–258.

³⁵ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. III. М., 2003. С. 231, 511. Предпочтение отдается справочникам, изданным Академией наук СССР и РФ.

стве в определенном направлении на развитие, образ мыслей, чувства и поведение детей и молодежи»³⁶.

Человек рождается при практически полном отсутствии информации о чем бы то ни было. Почти с зарождения в нем происходит накопление знаний (осведомленность, понимание того, что есть, что происходит, обладание информацией)³⁷. Накопление знаний, то есть воспитание, и есть процесс изготовления из зародыша человека, и начинается он с элементарного детского подражания. Если ребенок видит, что родители вытирают рты салфетками, а не рукавом, то будет поступать так же. В то, что вложат в ребенка родители, книги, наставники, религия, среда, то из него и получится. В идеале воспитание человека продолжается всю его жизнь.

В 1861—1917 годы Россия переживала лучший период своей многотрудной истории. Это время принято называть Серебряным веком. К 1917 году выросло выдающееся поколение русских людей, сумевших поднять материальную и духовную культуру Отечества на небывалый до того уровень. России предрекали величайшее будущее³⁸. Воинственно развивались культ знаний, культ милосердия, преклонения перед произведениями искусства. Молодым поколениям внушали, что им не обойтись без следования общепринятым понятиям морали, нравственности, духовности, что это не пустые звуки, что при их следовании легче, понятнее и правильнее живется. Приведем определения наиболее значимых положительных и отрицательных терминов, взятых из Русского семантического словаря. Т. III. М., 2003. Предполагаем, что более ранние определения мало чем отличаются от современных:

Мораль — система исторически сложившихся правил поведения, определяющих обязанности по отношению к обществу и другим людям.

Нравственность — духовные качества человека, которыми он руководствуется, одна из форм общественного сознания, совокупность норм поведения.

Духовность — свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными.

Справедливость — поступки и действия, не входящие в противоречие с моралью.

Совесть — нравственная ответственность за свое поведение перед самим собой и окружающими людьми.

Честь — достойные гордости и уважения моральные качества человека, соответствующие принципам; хорошая незапятнанная репутация, хорошее имя; совокупность высших морально-этических принципов.

Достоинство — чувство самоуважения, осознание в себе чувств, достойных уважения.

Зависть — чувство злой досады, вызванное благополучием, успехом других, желание иметь то, что имеют другие.

Душа — свойство, характер, внутренний облик, внутренний мир человека, его ум, сознание и сердце; нематериальное начало в человеке, продолжающее существовать и после его смерти. Кто-то сказал: «Наши души — имущество Бога».

Совесть — нравственная ответственность за свое поведение перед самим собой и окружающими.

Репутация — сложившееся нравственное мнение о ком-либо.

Стыд — чувство смущения, неловкости от осознания предосудимости, неблагоприятности своего поступка, поведения.

Страх — чувство незащищенности, близости опасности.

³⁶ Словарь современного русского литературного языка. Т. 2. М.; Л., 1951. С. 708.

³⁷ Русский семантический словарь. Т. III. С. 219.

³⁸ См.: Лурье Ф. М. Работники Серебряного века. СПб., 2023. Автор статьи не является сторонником монархической формы правления.

На чувстве страха держится наша жизнь. Вообразите, что было бы с человечеством при его утрате. Всеми и сразу. Мы перестали бы существовать. То же самое произошло при утрате некоторых других терминов (качеств) из перечисленных выше. Все эти термины до 1917 года впитывались с молоком матери, люди понимали их смысл и значение. Нам известны примеры, когда пренебрегавший моралью подчиненный пытался подсидеть начальника и получил отставку без пенсии, ношения мундира и поступления на государственную службу вновь. Мы знаем случай, когда грубость начальника приводила к утрате им должности. При приеме на государственную службу соответствующие чиновники интересовались моральными качествами поступившего. Все это вскоре не понадобилось. Сегодня такие пустяки на карьеру не влияют.

Октябрьский переворот, Гражданская война, красный террор, эмиграция, раскулачивание привели к самому страшному — катастрофическим людским потерям. Гибель и бегство миллионов наиболее талантливых и энергичных людей, унесших знания достижений многовековой русской культуры, и это сильнейшим образом сказалось на ее дальнейшем развитии. После отправки осужденных декабристов из Петербурга выяснилось, что столицу покинуло около семидесяти служивших и проживавших в ней мятежников. Даже этого небольшого числа высланных оказалось достаточно, чтобы обстановка в городе ощутимо изменилась.

Россию заплотнили «кухарки», термин «интеллигент» превратился в бранное слово. Образованные, воспитанные, опрятные, грамотные сделались подозрительными. Из-за этого можно было лишиться жизни. Россия погрузилась в беззаконие, хаос и страх, не совместимые с моралью, самоуважением и честью. Страх парализует мысль, вторгается во все стороны повседневной жизни, вводит в оцепенение, порождает ложь, лицемерие, холуйство и еще больший страх. Процветания в таком государстве быть не может.

Возвращение на круги своя требует десятилетий взращивания поколений, лишенных страха. Без возвращения к прежним нормам, правилам и традициям, без создания таких условий, при которых карьера и благополучие зависят не только от таланта, знаний и деловой активности, но и высоких моральных качеств, Россия не делается современным процветающим государством.

Нам, уходящему поколению, посчастливилось соприкоснуться с теми, кто окончил учебные заведения до Октябрьского переворота, кому вопреки происходившему удалось сохранить внутри себя свободу, кого большевистская скверна не коснулась, кто внушал абсолютное доверие, кто своим присутствием делал нас лучше. Они резко отличались от окружающего их большинства. Соприкосновение с этим поколением сильнейшим образом повлияло на наши жизни. Будем честными, мы до них не дотянулись.

Если мы хотим России процветания, то прежде всего необходимо избавиться от сильного еще большевистского влияния. Необходимо вспомнить, что происходило с материальной и духовной культурой в период Серебряного века, вспомнить, что мораль, нравственность входят в наши традиционные ценности.

Дмитрий ЛАНКО

ДЕНЬГИ И ФИНСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО

Военные преступники и литературные герои

Сто лет назад, в январе 1925 года, в Финляндии прошли президентские выборы. Победил на них агроном Лаури Реландер, который за шесть лет своего президентства более всего прославился успехами на внешнеполитическом поприще. Финские острословы того времени шутили, что то ли президент живет в Финляндии и часто ездит за границу на переговоры, то ли он живет за границей, но часто посещает Финляндию. В народе он получил прозвище «Ласси-путешественник». Нам же сегодня будет интересен не победитель на выборах столетней давности, но тот, кто пришел вторым. Им оказался Ристо Рюти, бывший министр финансов, назначенный главой Банка Финляндии незадолго до президентских выборов. Первый президент страны Карл Стольберг официально называл Рюти своим преемником и даже отказался баллотироваться на второй срок, чтобы дать дорогу молодым, однако финны предпочли кандидата постарше. Хотя Реландер был старше всего на шесть лет.

Жителям прекрасного города на реке, давшей название этому журналу, Ристо Рюти запомнился прежде всего как военный преступник. В 1940 году он наконец достиг того возраста, когда финны сочли его достаточно взрослым, чтобы стать президентом. И когда в 1941 году Финляндия вступила в войну против Советского Союза на стороне нацистской Германии, именно он стоял во главе страны. И именно на него была возложена ответственность за военные преступления, которые финны совершили в годы войны. В первую очередь за блокаду Ленинграда. После окончания войны именно Андрей Жданов, руководивший Ленинградом в дни блокады, стал председателем совместной с англичанами Союзнической контрольной комиссии, которая заставила финский парламент принять Закон о наказании виновников войны, а финский суд — приговорить по этому закону к тюремному заключению Рюти и еще нескольких политиков военного времени.

На суде Рюти свою вину так и не признал. Заявлял, что весь судебный процесс против него был придуман исключительно для того, чтобы обвинить Финляндию в развязывании войны, а финны, мол, воевать-то и не хотели, просто по-другому не получилось в условиях, когда на войну отправились все мировые державы. И ни к каким военным преступлениям никакие финны, мол, причастны не были. Даже во время блокады Ленинграда финны, мол, не обстреливали город, пока его обстреливали немцы, так что одна сторона улицы в блокадном Ленинграде во время обстрелов всегда была

Дмитрий Александрович Ланко — кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, автор книги «Процессы глобализации, регионализации и локализации вокруг Балтийского моря». Живет в Санкт-Петербурге.

менее опасной, чем другая. А что за время блокады в Ленинграде умерли от голода почти миллион человек — так это, мол, не финны виноваты, а Сталин. Многие финны до сих пор в это верят и считают Рюти «козлом отпущения». Суд определил ему тюремный срок в десять лет, из них он отсидел четыре, после чего был помилован. И Сталин не возражал.

Однако в 1925 году до войны было еще далеко. Проиграв президентские выборы, Рюти вернулся на пост главы Банка Финляндии, на котором он оставался вплоть до 1939 года, когда стал премьер-министром, а год спустя — и президентом. И все эти годы он продолжал заниматься тем, чем он занимался, когда был министром финансов, и чем, видимо, умел заниматься лучше всего — снабжать финнов деньгами. Так он сыграл даже более важную, чем президент Реландер, роль в модернизации Финляндии — процессе превращения страны из отсталой в современную. Ведь страна перестает быть отсталой и становится современной благодаря деньгам, как бы банально это ни звучало. В отсталой стране люди работают за еду. В современной стране люди работают за деньги. Казалось бы, разница невелика, ведь продав еду, можно получить деньги, а за деньги — купить еду. Но в этой разнице и заключается вся суть.

Это не значит, что в средневековой Финляндии денег не было, а в современной — они появились. Деньги существовали и в средневековье, однако их было так мало, что не хватало даже королям. Поэтому богатым человеком считался не тот, у кого было много денег (потому что много денег не было ни у кого), а тот, кому король за службу пожаловал больше земли — основного средства производства еды. Получается, что в средневековой Финляндии за еду работали не только крестьяне, но и аристократы, и духовенство. Просто у последних было больше еды, чем у крестьян. В современной же Финляндии денег много. Много больше, чем нужно, чтобы купить всю еду, которую финны способны съесть. И богатым в современной Финляндии считается тот, у кого денег больше, чем у других. А много земли сегодня в Финляндии, наоборот, ни у кого нет. Собственно, этот переход от страны, в которой люди работают за еду, к стране, в которой люди работают за деньги, и называется модернизацией.

Русские писатели XIX века четко подметили, как в течение жизни всего одного поколения люди начали меньше ценить землю — основное средство производства еды — и начали больше ценить деньги. Пушкинский Евгений Онегин, например, «был глубокий эконом», то есть читал книги по экономике, популярные в самом начале XIX века, когда писался роман в стихах. Опираясь на позаимствованную из этих книг аргументацию, Онегин любил рассуждать в светских салонах «о том, как государство богатеет, и чем живет, и почему не нужно золота ему, когда простой продукт имеет». Впрочем, книжная теория не подкреплялась в семье Онегина практикой. Отец Онегина «земли отдавал в залог», то есть брал кредиты под залог земли — средства производства простого продукта. Да и сам Онегин, в отличие от своего дяди, едва ли стремился заполучить дядино наследство ради того, чтобы осесть в деревне и заниматься производством простого продукта. Ему были нужны деньги.

Менее чем через тридцать лет после смерти Пушкина другой классик русской литературы — Федор Достоевский — написал «Игрока». Здесь мы обнаруживаем ситуацию, схожую с той, в какую попал Онегин. Герои книги ждут наследства от богатого помещика, с которым их связывают узы родства, но не любви — не дяди, но бабушки. Сама же бабушка всего на одно поколение моложе дяди Онегина, она могла быть ровесницей Онегина, самого Пушкина или, например, русского миллионера Николая Рюмина. Последний, хоть и не дворянского рода, был пожалован в дворянство и получил возможность приобретать сельскохозяйственные земли, на эксплуатации которых он сделал немалый капитал. Среди его крепостных был будущий другой русский

миллионер Савва Морозов, который выкупился у Рюмина на волю вместе с сыновьями за семнадцать тысяч рублей, сохранив при этом деловые отношения с бывшим крепостником.

После отмены крепостного права в России, пока герои «Игрока» проигрывали деньги на рулетке, Рюмин вместе с сыновьями Морозова стал пайщиком Московского купеческого банка. Потому что банковские бумаги сулили гораздо больше прибыли, чем земли. К слову, у бабушки героев «Игрока» земли было не меньше, чем у Рюмина. И хотя в обращении со своими домашними она оставалась типичной помещицей онегинских времен, в делах денежных она не была консерватором и не чуралась покупки современных для того времени финансовых инструментов. И вовсе не земли она проигрывала на рулетке, но так называемые «билеты», дотошно перечисляемые Достоевским устами Потапыча: «пятипроцентные, внутренних займов... акции». И в наследство Полине бабушка оставила не землю, но, по уверениям мистера Атлея, семь тысяч фунтов в ценных бумагах, благодаря которым Полина могла вести в Европе жизнь скромную, но независимую.

В Финляндии, перешедшей в начале XIX века под власть России, аналогичные перемены происходили практически в то же самое время. Находясь под властью Швеции, финляндские помещики не имели права продавать и покупать сельскохозяйственные земли, поскольку вся земля считалась собственностью короля, который раздавал ее помещикам за службу. Перейдя под власть Российской империи, финляндские помещики получили право не служить российскому императору, а земли, ранее пожалованные им шведским королем за службу, теперь перешли в их безраздельную собственность. Помещики получили не только право бесплатно пользоваться поместьями, включая право присваивать себе на правах землевладельцев значимую часть урожая, выращиваемого крестьянами. Помещики получили право продавать поместья, как частями, так и целиком, или брать, подобно отцу Онегина, кредиты под залог земли.

Деньги, вырученные от продажи причитающейся помещику части урожая или самого поместья или его части, а также взятые в кредит под залог поместья, можно было проиграть на рулетке, а можно было обратить в те самые «билеты», на которых основывалось благосостояние бабушки героев «Игрока». Некоторые из этих «билетов», подобно паям Московского купеческого банка, приносили прибыль гораздо большую, чем отданные в залог или проданные поместья. Другие же «билеты» со временем обесценивались, приводя к разорению тех, кто их приобретал. Консерваторы тех времен ворчали, что стремление заработать на инвестициях в «билеты» ничем не отличается от попыток разбогатеть, играя на рулетке, что, впрочем, не мешало быстрому росту числа тех, кто был готов эти «билеты» приобретать. А вместе с ростом числа покупателей «билетов» росла и их прибыльность. Модернизация стремительно вступала в свои права.

Для нас сегодняшних, уже переживших модернизацию и мечтающих о большем, сельскохозяйственные земли выглядят эквивалентом тех денег, которые можно выручить, продав эти земли, а произведенные на этих землях продукты питания выглядят эквивалентом тех денег, за которые эти продукты можно купить. Ошибочно, однако, думать, что такие представления были у людей всегда и что обмен товара на деньги, а денег — обратно на товар люди полагали естественным с доисторических времен. Карл Маркс в «Капитале» первым вывел, что товарный обмен должен непременно порождать деньги не потому, что он был умнее всех творивших до него мыслителей, но потому, что лишь в его время, все в том же XIX веке, товарный обмен наконец породил деньги, и Марксу оставалось лишь зафиксировать это важнейшее

с точки зрения модернизации изменение на бумаге. К слову, первый том «Капитала» Маркса и «Игрок» Достоевского увидели свет в один и тот же год.

До XIX века люди вовсе не воспринимали сельскохозяйственные земли и выращенные на них продукты питания эквивалентными тем деньгам, за которые эти земли или продукты можно было продать или купить. Ведь продукты можно съесть и получить от этого удовольствие. А деньги съесть нельзя. Конечно, во все времена существовали люди, получающие удовольствие от самого факта обладания деньгами, например, пушкинский Скупой рыцарь. Однако таких людей было немного, и пушкинский Скупой рыцарь не был понят даже собственным сыном. Обычный же человек, вырастивший продукты и затем решивший обменять их на деньги, добровольно ограничивал свои возможности насладиться плодами своего труда, как минимум, до тех пор, пока ему не встретится возможность обменять деньги обратно на продукты. Чтобы пойти на такое ограничение собственных возможностей получить удовольствие, человек должен был иметь веский повод.

Большинству людей удовольствие приносят не деньги как таковые, но возможность что-то приобрести, которую эти деньги дают. Однако деньги дают человеку не только удовольствие от возможности приобретать желаемое. Деньги дают человеку свободу выбора. Немецкий философ второй половины XIX века Георг Зиммель объяснял это тем, что деньги «увеличивают дистанцию между наслаждающимся и причиной его наслаждения». Типичный финский крестьянин до начала модернизации получал за свой труд рожь, выращенную им самим, пусть и меньшую ее часть, поскольку большая часть уходила помещику и церкви. Из части этой ржи крестьянин в течение всего года пек хлеб. Часть он запасал на случай неурожайного года в будущем. Часть обменивал на ремесленные товары, необходимые ему для того, чтобы и на будущий год вырастить и собрать урожай, например, на новый плуг. Наконец, часть он оставлял в качестве семян для посадки на будущий год.

Теоретически наш крестьянин мог обменять эту последнюю часть ржи на клубни картофеля, чтобы на будущий год посадить на своем поле не рожь, но картофель, которого, как говорят, на том же участке можно вырастить больше, чем ржи. Однако на практике большинство крестьян в таком случае на будущий год вновь посадят рожь. Другое дело, если бы нашему крестьянину за работу выдавали деньги, часть из которых ему нужно было бы отложить, а другую часть потратить на продукты питания для себя и своей семьи, на необходимые промышленные товары, например, на все тот же новый плуг, а также на семена для посева на будущий год. В этом случае лишь половина крестьян предпочла бы и на будущий год посеять привычную рожь, другая же половина крестьян рискнула бы посадить картофель. В этом и заключается свобода выбора, которую человеку дают деньги. Без этой свободы, а значит — и без денег, модернизация бы не состоялась.

Некоторых людей, давших Финляндии деньги, а следовательно — возможность для модернизации, финны сохранили в своей памяти. Одного из них мы здесь уже упоминали — это глава Банка Финляндии в двадцатые и тридцатые годы XX века Ристо Рюти, которого финны в награду за работу в главном банке страны избрали своим президентом и которого многие из них продолжали оправдывать даже и после того, как финский же суд признал его военным преступником. Второй — это Мауно Койвисто, возглавлявший Банк Финляндии уже в семидесятые, и избранный новым президентом после отставки, пожалуй, самого известного финского президента всех времен Урхо Кекконена. Наконец, третий — это идеолог финского национализма Юхан Снельман, которого финны во второй половине XX века, когда идеологи национа-

лизма оказались не в почете, предпочли не забыть окончательно, но сохранить в своей памяти в качестве отца финской марки.

И неважно, что финскую марку на самом деле создал не Снельман, а Фабиан Лангеншельд. Важно, что во времена, когда жил Снельман, у подавляющего большинства населения денег не было вовсе, а питались они тем, что вырастили своими руками. Сто с небольшим лет спустя, когда президентом Финляндии стал Койвисто, подавляющее большинство населения уже покупало еду за деньги, причем продукты питания не были для них основной статьей расходов. За эти сто с небольшим лет деньги потеснили еду с центрального места в финской экономике. Однако это не значит, что еда исчезла, а вместо нее появились деньги. Еды стало много больше, чем раньше. Плюс появились деньги. О том, как в Финляндии стало во много раз больше еды и какую роль это сыграло в модернизации страны, я уже писал. Здесь же я расскажу, откуда у финнов взялись деньги.

Вера и долг

В начале XX века Макс Вебер, пытаясь объяснить, почему в Европе XIX века сельскохозяйственные земли и выращиваемые на них «простые продукты» постепенно утратили свою значимость для людей, уступив роль движущей силы экономики деньгам, связал дух капитализма и протестантизм. Он заметил, что в Германии его времени большая часть денег находилась в руках протестантов, а вовсе не евреев, как спустя всего четверть века после выхода в свет труда Вебера начали убеждать немцев нацисты, в чем они весьма преуспели. Вебер же писал не о еврейском вопросе, а о различиях в мировоззрении между протестантами и католиками, благодаря которым первые смогли сконцентрировать в своих руках к началу XX века гораздо больше денег, чем вторые. Объяснял это Вебер именно разницей в мировоззрении, в котором у протестантов благодаря особенностям их веры доминирует рациональное начало, а у католиков — мистическое.

Финны — протестанты, и их история на первый взгляд подтверждает справедливость выводов Вебера. Например, можно сравнить опыт Финляндии и Польши. В начале XVII века шведский король, под властью которого находилась также Финляндия, и польский король были родственниками: властитель Польши Сигизмунд III приходился родным племянником властителю Швеции Карлу IX. Дядя и племянник ненавидели друг друга, тем более что племянник одно время претендовал на дядин трон, что, впрочем, не мешало им объединять усилия, когда представлялась возможность пограбить Русь в Смутное время. На протяжении XVII и XVIII веков Польша была много богаче Финляндии. В начале XIX века они обе оказались под властью Российской империи. Обе стали независимыми государствами после окончания Первой мировой войны. Однако сто лет спустя Финляндия значительно обогнала Польшу по уровню экономического развития. Возможно, помогла протестантская вера.

Вебер был протестантом, а потому естественно, что основу экономического успеха своих единоверцев он искал в их общей вере. Однако представляется, что католическая церковь сыграла не меньшую роль в экономическом процветании Западной Европы, чем протестантизм. Еще до изобретения протестантизма католическая церковь была источником большей части инноваций в сельском хозяйстве. Ведь монахам в монастырях, за исключением высших церковных иерархов, чтобы прокормиться, приходилось работать на монастырской земле от зари до зари, как и простым крестьянам. При этом, в отличие от крестьян, монахи должны были также существенную часть своего

времени проводить в молитвах. Соответственно, им приходилось придумывать и внедрять в свой труд множество инноваций, позволявших им, тратя меньше времени на полевые работы и больше времени на молитву, собирать больший урожай, чем собирали обычные крестьяне.

Образованных людей в средневековой Европе можно было встретить практически исключительно в церквях и монастырях. Благодаря грамотности монахи могли не только придумывать и внедрять инновации в свой труд, но и фиксировать их в письменном виде. Так они способствовали распространению инноваций среди других владевших грамотой европейцев, в первую очередь в других монастырях, а также сохранению новых технологий для будущих поколений. Ведь монахи, соблюдая обет безбрачия, не могли передавать технологии от отца к сыну. Обет безбрачия у католиков соблюдали не только монахи, но и священники, которые из-за этого не могли передавать свои знания и умения собственным детям. Поэтому католическая церковь начала создавать университеты. Первоначально предназначенные для подготовки священников, впоследствии они стали важнейшими источниками инноваций, лежащих в основе процветания современных европейцев.

Американский ученый Дипак Лал утверждает, что Западная Европа обязана своим процветанием духу индивидуализма, появившемуся здесь благодаря католической церкви. Лал знал, о чем писал: рожденный в Индии, он отправился в Америку в поисках духа индивидуализма, ведь в Индии людей столько, что даже в отхожем месте человеку трудно надолго уединиться, а соответственно, духу индивидуализма нигде зародиться. По мнению Лала, в средневековой Европе католической церкви было выгодно, чтобы аристократы поменьше вступали в брак, потому что те из них, кто не обзавелся наследниками, охотно завещали свои земли церкви. Чтобы осложнить аристократам поиски подходящей пары, церковь запрещала родственные браки, например двоюродных братьев и сестер. В результате в Европе распространились нуклеарные семьи, в которых начали зарождаться инновации, в то время как в больших семьях за пределами Европы доминировали традиции.

Наконец, именно католическая церковь в средневековой Европе первой пришла к осознанию того, что деньги могут значить больше, чем еда, которую за эти деньги можно купить. Как я писал выше, человеку нужен веский повод, чтобы обменять еду на деньги, лишив себя тем самым удовольствия от ее потребления, пусть и временно, пока не представится случай обменять деньги обратно на еду. Одним из таких веских поводов является дальнейшее путешествие. В дальнюю дорогу много еды с собой не возьмешь. Другое дело — золото. Впрочем, золота в средневековой Европе было мало, в основном использовалось серебро, но и его было легче взять с собой в путешествие, чем еду. Однако в средневековой Европе люди путешествовали мало. Им было некогда: крестьянам нужно было выращивать еду, а аристократам — охранять свои земли от посягательств других претендентов. Лишь немногие из них отправлялись в дальние путешествия, например на поиски Святого Грааля.

Массово отправить европейских аристократов в дальние путешествия смогла опять-таки католическая церковь. В историю эти путешествия, вернее, серия путешествий вошли под именем крестовых походов. Отправляясь в Святую землю, которая находилась значительно дальше, чем соседняя деревня, средневековые рыцари и не надеялись взять с собой достаточно еды, чтобы ее хватило до конца путешествия. Они предпочитали серебро, справедливо рассудив, что его они и в Палестине смогут обменять на еду. Как правило, своего серебра у рыцарей, отправлявшихся в крестовый поход, не было, потому что у кого оно было, тот не очень стремился в поход. Однако серебро можно было одолжить. В том числе у самой католической церкви. Предполагалось,

что в Палестине рыцари смогут не только освободить Гроб Господний, но и захватить земли, на которых можно будет вырастить еду, продать ее, а с вырученных денег вернуть долги Святому Престолу.

У католической церкви в те времена действительно было больше серебра, чем у европейских королей. Церковь изобрела десятину много раньше, чем европейские короли изобрели налоги. Ведь первоначально европейские короли брали дань со своих подданных не товарами или деньгами, а услугами: европейские аристократы были обязаны служить своему королю на войне и при дворе. В это время церковь уже всю взимала с верующих десятину преимущественно в товарном виде, однако часть ее обменивалась на серебро, тонкими струйками стекавшее с самых краев Европы в Рим. Тем не менее даже всего серебра Рима было недостаточно, чтобы одолжить его всем желающим отправиться в крестовые походы. Церкви срочно требовалось занять где-то денег в условиях, когда даже у германских императоров, наследников Карла Великого, много денег не было. Но кто ищет, тот найдет. Деньги обнаружились у городов-государств Северной Италии, в первую очередь у Флоренции.

Римские папы воевали с германскими императорами еще до крестовых походов. Иногда побеждали папы, и тогда какому-нибудь чрезмерно возмнившему о себе германскому императору, например Генриху IV, приходилось идти в Каноссу и вымаливать у папы Григория VII прощение. Иногда побеждали германские императоры. На линии фронта их борьбы находились как раз города-государства Северной Италии. Американский социолог Ричард Лахман пишет, что это давало итальянским городам свободу: ни папы, ни императоры не требовали от итальянских городов ни денег, ни товаров, ни услуг, опасаясь, что если их требования будут сочтены чрезмерными, то в будущей войне итальянские города выступят на стороне их противников. Однако взамен жители итальянских городов не могли, подобно прочим европейцам, просто жить с урожаем, выращенного на их землях: весь если на твоей земле постоянно идет война, рассчитывать на урожай не особенно приходится.

Не имея возможности жить натуральным хозяйством, жители итальянских городов были вынуждены снаряжать корабли и отправляться в торговые экспедиции. Естественно, торговля велась за серебро, а потому денег у итальянских городов было много. Деньги были хороши еще и тем, что если бы войска папы или императора захотели взять штурмом Геную или Венецию, то жители могли бы погрузить серебро на корабли и уйти в море, а когда войска захватчиков уйдут на зимние квартиры, вернуться и заново отстроить свои города с помощью денег. В свою очередь, папы и императоры не спешили штурмовать итальянские города, зная, что шансов захватить серебро у них немного, а больше ничего интересного в этих городах не найти. Так они и жили: приморские Генуя и Венеция торговали со всем Средиземноморьем, а расположенная вдали от моря Флоренция взяла под контроль сухопутную торговлю шерстью по всей Европе, устроив во многих европейских странах свои торговые конторы.

Когда же римским папам понадобились деньги на организацию крестовых походов, именно Флоренция согласилась ссудить серебро Святому Престолу. Взамен флорентийские купцы получили право забирать себе долю от церковной десятины. Так флорентийские торговые конторы, уже действовавшие на тот момент во многих европейских странах, занялись взиманием десятины и обращением ее в деньги. Часть этих денег флорентийцы доставляли в Рим, часть вкладывали в организацию новых торговых экспедиций, приносящих им все больше денег, а часть одалживали всем нуждающимся, в том числе европейским королям. Постепенно торговые конторы городов-государств Северной Италии занялись тем, что сегодня называется банковской деятельностью. Неудивительно, что первые в Европе банкирские дома, имеющие

корреспондентов по всей Европе, появились именно в итальянских городах: не только во Флоренции, Генуе и Венеции, но также и в самом Риме.

Великие географические открытия существенно увеличили количество серебра в Европе. Благодаря им в Европе появилось и золото в количествах, достаточных для того, чтобы оно наряду с серебром стало играть значимую роль в торговле. Впрочем, само по себе наличие золота и серебра не способствовало началу модернизации в тех странах, где его прежде было мало, а из-за Великих географических открытий вдруг стало много. Например, в Испании благодаря тому, что конкистадоры ограбили американские цивилизации, появилось много золота, однако модернизация там не началась: испанские крестьяне как работали за еду до Великих географических открытий, так и продолжали работать после того, как Испания покорила половину мира. Испанские конкистадоры даже не создали собственных банков, предпочитая, когда нужно, пользоваться банками городов-государств Северной Италии. Богатели от этого, естественно, не сами конкистадоры, а итальянские банкирские дома.

Борец с мировым финансовым капитализмом Дэвид Гребер утверждает, что модернизацию порождают не сами деньги, но деньги, взятые в долг. Если деньги достаются человеку без обязательств возврата, например от умерших дяди или бабушки или от ограбленных ацтеков, то такие деньги чаще всего обмениваются на еду и другие предметы, приносящие удовольствие, и банально проедаются. Если же человек, пусть даже сам папа римский, берет деньги в долг, то такие деньги чаще всего вкладываются в выгодное дело, пусть даже в организацию крестового похода, благодаря которому можно завоевать новые земли, где население начнет платить десятину. С доходов от этой десятины можно будет выплатить долги флорентийским купцам и еще останется на постройку нового собора в Риме. А можно на взятые в долг деньги построить мануфактуру, которая даст достаточную прибыль, чтобы не только заплатить долги, но и построить вторую мануфактуру, а за ней — и третью.

Обратной стороной модернизации, свершившейся благодаря деньгам, взятым в долг, является появление финансового капитала, об опасности чего предупреждал в «Капитале» еще Карл Маркс. Мол, если капиталист берет в долг деньги, чтобы на эти деньги создать промышленное предприятие и произвести какие-то нужные людям товары, это еще полбеда. Настоящая беда приходит тогда, когда капиталисты начинают брать в долг деньги, чтобы дать их в долг другим капиталистам, которые, в свою очередь, дадут их в долг третьим капиталистам, и так почти до бесконечности. Предполагается, что где-то в конце цепочки стоит капиталист, который вложит взятые в кредит деньги в производство нужных людям товаров, однако можно только гадать, будут ли эти товары доступны людям в условиях, когда с их продажи нужно кормить столько финансовых капиталистов. Людям эти товары будут доступны только в кредит.

Находясь под влиянием творчества Маркса, Дэвид Гребер одновременно спорит с ним. Если Маркс утверждает, что товарные отношения должны были неизбежно породить деньги, по мнению Гребера, практика показывает, что в реальности товарные отношения породили долги. Сегодня жители стран так называемого «золотого миллиарда» достигли высочайшего уровня жизни, однако они его не заработали, а получили в кредит. В долгах как в шелках сегодня сидят и люди, и государства, включая самую богатую страну мира: американцы должны колоссальную сумму денег банкам, а правительство США имеет самый большой в мире внешний долг. Причем долги эти не уменьшаются, но продолжают расти, к радости финансовых капиталистов. Гребер — не единственный, кто призывает к борьбе с финансовым капиталом, однако подняться на борьбу нелегко в условиях, когда бесперспективность такой борьбы заложена в самом культурном коде жителей стран «золотого миллиарда».

В 2016 году на мировые экраны вышел фильм «Фантастические твари и где они обитают» по сценарию Джоан Роулинг — приквел серии фильмов про мальчика-волшебника Гарри Поттера. В начале фильма простой житель Нью-Йорка Якоб Ковальский пытается получить в банке кредит, чтобы открыть собственную пекарню и печь булочки в полном соответствии с теорией о влиянии кредитно-денежных отношений на модернизацию. Однако ему нечего предложить банку в залог, и в кредите ему отказывают. Не успев даже выйти из банка, Якоб случайно меняется чемоданами с волшебником. Это запускает цепочку событий столь необыкновенных, что когда они заканчиваются, волшебники решают стереть Якобу память. Взамен они оставляют ему чемодан, наполненный серебряными скорлупками яиц, из которых вылупились птенцы волшебных птиц. Чемодан серебра Якоб предлагает банку в залог, получает кредит и исполняет свою мечту — создает лучшую на Манхэттене пекарню.

Теоретически Якоб мог бы продать чемодан серебра и построить пекарню на вырученные деньги, не делясь доходами с финансовыми капиталистами. Однако он возвращается в банк. Зачем? С одной стороны, итальянский коммунист Антонио Грамши писал, что культура всегда оправдывает существующую модель эксплуатации. А раз в современной нам модели эксплуатации, согласно Дэвиду Греберу, ключевую роль играет финансовый капитал, значит, современные фильмы должны учить зрителей, что без похода в банк никак не обойтись, даже и в волшебном мире. С другой стороны, в Якобе живет дух рационализма, воспетый в начале XX века Максом Вебером, и дух индивидуализма, воспетый в начале XXI века Дипаком Лалом. Якоб бесконечно верит в себя, он ни на минуту не сомневается, что его дело будет успешным, что он сможет выплатить кредит, оставив себе и пекарню, и чемодан серебра.

Дух модернизации, рационализма и индивидуализма, несомненно, сыграл важную роль в финляндской модернизации. Однако не меньшую роль в финляндской модернизации сыграли и деньги. Причем существенную часть этих денег Финляндия не заработала, а взяла в долг. Частично — у собственных граждан, а частично — за границей. В XIX веке Финляндию охотно снабжали деньгами, под проценты разумеется, европейские банкирские дома, созданные по образу и подобию первых банкирских домов средневековой Италии. В XX же веке Финляндию не менее охотно снабжали деньгами американские банкиры. Другое дело, что Финляндия до сих пор всегда аккуратно выплачивала свои долги, не пытаясь задерживать платежи, оправдываясь мировыми кризисами и даже мировыми войнами. Получится ли у Финляндии и впредь оставаться столь аккуратным плательщиком по счетам, покажет время.

Как выгодно поменять талеры на рубли

В Финляндию первые деньги пришли из Швеции. Еще до крестовых походов. Впрочем, денег этих было мало даже по меркам викингов, которые эти деньги в Финляндию и принесли. Ведь викинги приплывали не для торговли. Предложить на продажу древним племенам, жившим на берегах Финского залива, было нечего. Поэтому викинги, совершая набеги на их деревни, уводили с собой жителей этих деревень, не успевших спрятаться. Уводили в качестве рабов. И уже этих рабов викинги продавали в тех землях, где местные жители были готовы платить за рабов серебром. В первую очередь в империю Аббасидов, владевших богатыми серебряными рудниками. Из добываемого серебра Аббасиды чеканили монеты, за которые покупали товары, включая и рабов, как из Азии, так и из Европы. В том числе у викингов, приплывавших во владения Аббасидов по речным путям, проходившим через европейскую часть современной России.

Племена, жившие по берегам Финского залива, не любили, когда их угощают в рабство, и оказывали викингам достойное сопротивление. Московский историк Татьяна Джаксон обнаружила в исландских сагах упоминание о жившем в VII веке легендарном вожде викингов Иваре Широкие Объятия. Он был убит местными жителями во время набега на место, которое сага называет «Кирияланботнир», то есть Карельский залив. По одной из версий, Карельским заливом сага называет нынешний Выборгский залив, а поселение, в котором так неудачно пытался захватить рабов Ивар, стояло на том месте, где сегодня находится город Выборг. На берегах современной Финляндии и Карельского перешейка викинги теряли не только жизнь, но и монеты, позднее найденные археологами. Монет было найдено мало, и археологи сделали вывод, что викинги на территории современной Финляндии не создавали долговременных поселений, но лишь временные стоянки.

А вот в русских городах, контролировавших пути из варяг в греки и в арабы, включая первую столицу Руси Старую Ладогу, археологи находят много таких монет. Русские продавали меха в империю Аббасидов, где климат был много жарче, чем на Руси, а потому местные богатые люди носили меха исключительно для того, чтобы подчеркнуть свой статус. Когда же в империи Аббасидов иссякли серебряные рудники, вся эта система поломалась. В первую очередь в упадок пришла сама империя Аббасидов, попавшая под власть сначала Буидов, а потом Сельджукидов. В упадок пришла торговля по русским речным путям. Есть даже теория, что из-за этого в упадок пришла вся Киевская Русь, а монгольское нашествие в XIII веке лишь довершило этот процесс. Викингам стало невыгодно захватывать рабов в деревнях по берегам Финского залива, поскольку их было некому продавать. Впрочем, в покое территорию Финляндии потомки викингов не оставили.

Потомки викингов приняли католичество и переименовали набеги на территорию современной Финляндии в крестовые походы. Теперь их интересовали не сами жители этой земли, которых можно было бы продать в рабство, но их души. А также их земли. Предполагалось, что, приняв христианство, племена, живущие на территории современной Финляндии, с радостью воспримут тот факт, что теперь им придется часть выращиваемого на их скудных землях урожая отдавать шведским крестоносцам, которые будут отныне называться помещиками, а еще часть — отдавать церкви в качестве десятины. Так оно и получилось. Следует заметить, что идея отправиться в крестовые походы через территорию современной Финляндии и далее по старым речным путям, ведущим через Русь, выглядела вполне логичной. Ведь хотя русские речные пути больше не пользовались у скандинавов той популярностью, что раньше, они не были забыты.

Например, когда датский король Эрик Великодушный поехал в паломничество в Иерусалим всего через три года после захвата этого города в первом крестовом походе, он отправился туда не через Рим, а через Новгород. Ведь новгородским князем в те годы был Мстислав Владимирович — старший сын Владимира Мономаха и английской принцессы Гиты Уэссекской — дочери последнего англосаксонского короля Гарольда II, павшего в битве при Гастингсе. Мстислав принял в Новгороде Эрика, с которым они были в отдаленном родстве, как дорогого гостя. Тем более что мать Мстислава Гита также совершила паломничество в Святую землю за пару лет до того и умерла в окрестностях Иерусалима. Поэтому когда в XII веке шведские крестоносцы отправились в Святую землю уже не ради паломничества, а с завоевательными целями, они тоже решили идти через Русь. Другое дело, что в тот раз они до Руси не дошли, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением финских племен.

Отступив из Финляндии, шведские крестоносцы оставили там епископа Генриха, чтобы тот обращал финские племена в католичество. Не желая принимать христианство, финны убили Генриха. Однако вода камень точит. На место Генриха пришел Рудольф, которого финны тоже убили, а вслед за первым шведским крестовым походом начался второй. Участники второго шведского крестового похода захватили всю Финляндию, но столкнулись с новгородцами на реке Неве и были вынуждены отступить. Именно за эту битву новгородский князь Александр, праправнук Владимира Мономаха, получил прозвище Невский. Ранее отец князя Александра Ярослав Всеволодович крестил карел в православную веру. А шведские крестоносцы тем временем крестили финнов в католичество. И даже сегодня, когда финны вслед за шведами давно перешли в лютеранство, их самым любимым святым остается святой Генрих — причисленный к лику святых убитый их предками первый епископ Финляндии.

Завоевание Финляндии принесло шведам землю, но не деньги: месторождений золота или серебра на территории современной Финляндии так и не было найдено. Через сто лет после третьего шведского крестового похода датские короли подчинили себе Норвегию и Швецию вместе с Финляндией, единое государство стало называться Кальмарской унией, а столицей его стал Копенгаген. Как и во всех средневековых европейских королевствах, денег в Кальмарской унии не хватало. Денег было мало даже в Копенгагене. В Швеции денег было меньше, чем в Дании, а в Финляндии — еще меньше, чем в Швеции. Если уставшие от безденежья шведские дворяне бунтовали, датские короли нанимали на последние деньги войска, проводившие в Швеции карательные операции наподобие Стокгольмской кровавой бани 1520 года. Опустевшую казну датские короли наполняли, выбивая последние деньги из временно присмиривших шведских подданных.

Все изменилось после того, как правителем независимой от Копенгагена Швеции провозгласил себя король Густав I, сын одного из шведских дворян, погибших в дни Стокгольмской кровавой бани. Отбив первую атаку датчан, Густав объявил о своем и всей Швеции переходе в лютеранство, конфисковал земли монастырей и деньги, собранные для отправки в Рим, пригласив за эти деньги на службу собственных наемников. При помощи наемников воевать с соседями стало сподручнее, однако воевать все равно приходилось. То с датчанами, то с поляками, а то и с русскими. Вплоть до Великой Северной войны в начале XVIII века, которую шведские войска проиграли первому российскому императору Петру I, шведским королям везло на поле битвы, и к концу XVII века под властью Швеции находилось практически все побережье Балтийского моря. Это приносило Швеции земли, которые можно было раздавать за службу дворянам, но не приносило денег.

А деньги шведским королям были очень нужны. Первым шведским королем, серьезно занявшимся финансами государства, стал Карл X Густав, правивший в середине XVII века. Идею он позаимствовал у германских королей эпохи Тридцатилетней войны, закончившейся за восемь лет до его восшествия на престол. Отчаянно нуждаясь в деньгах на ведение войны, германские короли в первой половине XVII века «портили монету», то есть тайком печатали монеты с одним номиналом, в то время как ее вес и содержание в ней драгоценных металлов, будь то медь, серебро или даже золото, соответствовало другому, гораздо меньшему номиналу. Когда же королям было нужно много денег сразу, они передавали в аренду тем, кто был готов за это заплатить, королевские монетные дворы целиком. Например, император Священной Римской империи Фердинанд II сдал свои монетные дворы консорциуму, в котором участвовал, среди прочих, герцог Карл, основатель государства-банка Лихтенштейн.

Впрочем, германские короли XVII века тоже не сами придумали портить монету. Ведь еще за сто лет до начала Тридцатилетней войны Николай Коперник, который был не только астрономом, но и экономистом, включил порчу монеты в число худших бедствий, какие только могут постигнуть страну наряду с внутренними раздорами, мором и неплодородными годами. Так или иначе, Карл X Густав сделал шаг вперед по сравнению со своими портившими монету предшественниками: он задумал выпустить не металлические, но бумажные деньги. Окончательно эта идея оформилась тогда, когда только что коронованный Карл X Густав познакомился с Юханом Пальмструхом, служившим еще у его предшественницы королевы Кристины комиссаром внешнеторговой комиссии — государственного органа, взимавшего таможенные пошлины за ввозимые в Швецию товары. Для укрепления государственных финансов Пальмструх предложил королю основать собственный банк.

И король повелел создать в Швеции банк. Формально банк был частным и назывался просто и незамысловато «Банком Стокгольма», а Пальмструх числился его главой. При этом король активно вмешивался в работу банка. А поскольку серебра в Швеции все еще не хватало, то банк по указу короля начал печатать бумажные «банковские билеты», держатели которых теоретически могли в любой момент обменять их в банке на серебро. Однако «билетов» этих было напечатано так много, что когда их держатели захотели обменять их на серебро, банк разорился. Впрочем, к тому времени король уже умер, ответственным за кризис был назначен Пальмструх, который провел остаток своих дней в тюрьме. Новому шведскому королю Карлу XI в то время было всего тринадцать лет, и власть в стране находилась в руках регентского совета во главе с Магнусом Делагарди, сыном того самого Якоба Делагарди, который разбогател на военных операциях на Руси в Смутное время.

Делагарди создал в Швеции новый банк, на этот раз — государственный. Новый банк назывался Банком сословий королевства, и подчинялся он уже не королевским указам, но решениям риксдага — средневекового шведского парламента. Он собирался раз в несколько лет на заседания четырех параллельных палат, члены которых отбирались по сословному принципу: помимо палаты аристократии, в риксдаге были палаты духовенства, горожан и даже крестьян. Но палата аристократов считалась главной, и именно ей починалось руководство Банка сословий. Помня о провале Банка Стокгольма, аристократы строго-настроено запретили своему банку печатать «банковские билеты», даже и по приказу короля. И более тридцати лет банк держался. Однако в 1700 году началась Великая Северная война с Россией, и шведские аристократы уступили просьбам короля, разрешив Банку сословий напечатать не «банковские», но «кредитные билеты».

В годы войны Банк сословий, временно перешедший под контроль короля, печатал кредитные «билеты» умеренно, благодаря чему он не повторил провал Банка Стокгольма. А после смерти бездетного короля Карла XII риксдаг согласился возвести на престол его сестру Ульрику-Элеонору при условии, что она подпишет форму правления — прообраз конституции, которая бы ограничивала власть шведских королей и передавала большую часть власти в руки риксдага. Контроль над Банком сословий также вернулся к риксдагу. Впрочем, риксдаг не запретил своему банку печатать кредитные «билеты». Напротив, в 1755 году, устав бороться с фальшивомонетчиками, риксдаг основал вблизи Стокгольма фабрику для производства специальной бумаги, на которой печатались «билеты» Банка сословий. В мире, где большинство стран по-прежнему пользовались металлическими деньгами, эта фабрика стала первой в своем роде.

Несмотря на то, что «билеты» Банка сословий продолжали обмениваться на серебро по требованию их держателей, обменивались они на серебряные талеры, что

не делало шведскую валюту привлекательной. Гораздо большей популярностью в Европе XVIII века пользовались английские фунты. Особенно европейцы ценили золотые английские гинеи. Однако ценность серебряных английских денег также выросла благодаря Исааку Ньютону, который, подобно Николаю Копернику, был как физиком, так и администратором, служил хранителем английского Монетного двора и провел успешную денежную реформу. Будущий первый российский император Петр Алексеевич, когда был в Англии в составе Великого посольства, посещал Монетный двор и лично встречался с Ньютоном. Результатом этих встреч стала денежная реформа Петра I, позволившая унифицировать денежное обращение на всей территории Российской империи, собрать деньги, необходимые для ведения Великой Северной войны, и сформировать доверие к российскому рублю в Европе.

Особенно европейцы оценили золотые русские червонцы, которые впервые были выпущены в оборот именно благодаря денежной реформе Петра I. В сравнении не только с английскими серебряными шиллингами, которые теоретически можно было обменять на золотые гинеи, но даже и с серебряными русским полтинами (серебряных рублей тогда еще не было), которые теоретически можно было обменять на золотые червонцы, шведские бумажные «билеты», которые в лучшем случае было можно обменять за серебряные талеры, смотрелись невыгодно. И даже когда при Екатерине II в России начали печатать ассигнации, русские бумажные деньги за пределами России ценились выше, чем шведские. Поэтому когда Финляндия перешла под власть Российской империи, в связи с чем жителям Финляндии пришлось обменять ходившие среди них прежде «билеты» шведского государственного банка на российские ассигнации, они не очень расстроились.

Тем более что практически одновременно с присоединением Финляндии к России император Александр I провел очередную реформу, благодаря которой ассигнации начали обмениваться на серебряные монеты по фиксированному курсу. Правда, через два года из-за начавшейся войны с Наполеоном серебряный стандарт в России отменили, но тогда все думали, что это временно, и не очень беспокоились. Другое дело, что обмен шведских «билетов» на российские оказалось не так легко осуществить на практике. Банков в Финляндии в то время еще не было. Случись подобное на полвека позже, когда был создан Государственный банк Российской империи, можно было бы создать его контору в Великом княжестве Финляндском, которая и занялась бы обменом старых денег на новые. Однако в те времена не было даже Государственного коммерческого банка — предшественника Российского Центробанка.

Шведский банк сословий также не успел создать свою контору в Финляндии до ее перехода под власть России. Первое региональное отделение Шведского банка было создано лишь в 1824 году. В результате было принято решение создать в Финляндии свой банк, не называя его, впрочем, банком. Новое финансовое учреждение стало называться «меновый, заемной и депозитной конторой», оно стало шестым во всей Европе центробанком после шведского, английского, шотландского, испанского и французского. Поначалу его основной задачей стал обмен старых шведских ассигнаций и серебряных монет на российские. Однако по мере того, как эта задача постепенно решалась, на первый план вышли другие задачи. Контора исполняла функции казначейства: финляндский сенат хранил в ней свои средства, поступающие из собираемых на территории Финляндии налогов и из других источников, из этих средств контора оплачивала счета сената.

Финляндия начала XIX века была очень бедной страной, поэтому Александр I, провозглашая образование Великого княжества Финляндского, пообещал, что все налоги, собранные в Финляндии, могут оставаться в распоряжении финляндского

сената. В результате в распоряжении финляндского сената со временем оказалась внушительная сумма денег. Если же этих денег не хватало на те проекты, которые задумывал сенат, то контора содействовала размещению долговых обязательств сената как среди жителей самой Финляндии, так и в зарубежных банках. Контора принимала средства жителей Финляндии на депозит под проценты. Этим активно начали пользоваться финляндские помещики, ранее не имевшие доступа к такому инструменту приращения своих средств. Доверие финляндских помещиков к депозитам подкреплялось тем, что контора контролировалась сенатом, в котором заседали сами помещики.

Формально, во главе сената стоял назначенный из Санкт-Петербурга генерал-губернатор. Однако менее важные вопросы, к каковым относились и вопросы депозитов, решались на заседаниях экономической комиссии сената, в которой доминировали представители аристократии, а делопроизводство велось на понятном им шведском языке. Контора выдавала кредиты как тем же помещикам, так и предпринимателям, выразившим намерение основать в Финляндии свое дело. Наконец, контора и сама могла брать деньги взаймы как в самой Финляндии, так и в других частях Российской империи и даже за рубежом. Единственное, чего контора не могла делать по сравнению с обычным банком тех времен — она не могла печатать собственные банковские или кредитные «билеты», а также чеканить собственную монету. В качестве единственного платежного средства в Великом княжестве Финляндском первой половины XIX века должен был использоваться российский рубль. Впрочем, во второй половине XIX века и это изменилось.

Рождение финской марки

Когда в 1812 году из-за начавшейся войны с Наполеоном в России был отменен серебряный стандарт, то есть право держателей ассигнаций обменивать их на серебряные монеты по фиксированному курсу, жители Финляндии думали, что это ненадолго и после победы серебряный стандарт вернется. Он и вправду вернулся, однако лишь в 1839 году. Только тогда в России появилась возможность установить фиксированный курс обмена ассигнаций на серебряные монеты, включая введенный наконец в оборот серебряный рубль, и даже на золотые монеты: червонец и империал. Был установлен фиксированный курс обмена серебряных монет на золотые и обратно, причем этот курс в тогдашней России примерно соответствовал курсу, принятому в других европейских странах. Разве что при обмене ассигнаций на металлические деньги и серебра на золото взималась плата, именуемая на французский манер «лаж». Ну так и сегодняшние банки берут комиссию при обмене валют.

Незадолго до российской денежной реформы, в первой половине тридцатых годов XIX века, денежная реформа была проведена и в Швеции, в результате чего билеты Банка сословий также начали обмениваться на серебряные монеты по фиксированному курсу. Было объявлено, что старые кредитные билеты Банка сословий продолжают действовать еще десять лет, до 1845 года, и к тому времени их нужно будет обменять на новые банковские билеты. Одновременно и Российская империя начала изымать из обращения старые ассигнации и печатать новые банковские билеты. Это помогло завершить в Финляндии процесс обмена шведских денег на российские, который был далеко не простым даже в условиях фиксированных курсов обмена билетов на серебро в России и в Швеции. В самом деле, чтобы обменять старые шведские билеты на новые российские, нужно было знать курсы, по которым старые и новые шведские билеты обменивались на серебряные риксталеры.

Нужно было знать курс, по которому шведские риксталеры обменивались на российские рубли, в которых было больше серебра, а потому они ценились дороже. Наверное, чтобы еще больше усложнить жизнь простым людям, соотношение содержания чистого серебра в риксталерах и в рублях было таково, что один рубль обменивался на один и четыреста семнадцать тысячных (я специально пишу эту цифру прописью, чтобы подчеркнуть масштаб трагедии) риксталера. Наконец, нужно было знать курсы, по которым старые российские ассигнации и новые российские банковские билеты обменивались на серебряные рубли. И все эти курсы монет и билетов нужно было одновременно держать в голове жителям страны, в которой подавляющее большинство населения в то время не умели ни читать, ни писать, ни умножать дроби. Неудивительно, что для завершения обмена шведских денег на российские в Великом княжестве Финляндском была создана целая комиссия.

Сопредседателем этой комиссии стал Ларс Гартман, которого в Санкт-Петербурге знали как Лаврентия Гавриловича. Именно его в 1841 году император назначил председателем экономической комиссии финляндского сената — то есть на должность, примерно соответствующую сегодняшнему премьер-министру. За те семнадцать лет, что Гартман провел в этой должности, он добился, чтобы российский серебряный рубль не только по закону, но и на практике стал главным платежным средством в Великом княжестве Финляндском. А для этого нужно не только запретить населению пользоваться любой другой валютой, например шведской. С учетом того, что Финляндия все еще была очень бедной страной и много денег у финнов не было в принципе, заставить их обменивать скудные шведские денежные средства на российские было несложно. Гораздо сложнее было сделать покупку и продажу товаров за деньги выгоднее, чем натуральный обмен.

Для этого, во-первых, нужно было сделать торговлю безопасной. Ведь даже если у кого-то и есть излишки продовольствия, которые можно обменять на деньги, а деньги — на какие-то товары, но купить эти товары можно только у контрабандистов в условном месте в лесу под покровом ночи, то этот кто-то трижды подумает, прежде чем пускаться в столь сомнительные торговые операции. Поэтому Гартман все семнадцать лет своего правления боролся с контрабандой и незаконной торговлей, благодаря чему и доходы сената выросли, и торговля стала безопасной, а потому активизировалась. Во-вторых, нужно было улучшить торговые пути, в том числе связывавшие Финляндию с Россией. Ведь на телегах на конной тяге по старой шведской королевской дороге, которая шла от Турку вдоль северного берега Финского залива до Выборга и дальше — в Санкт-Петербург, много товаров не привезешь. Другое дело — на баржах по воде.

За семнадцать лет Гартман успел не только убедить сенат, генерал-губернатора и самого императора в необходимости построить канал, который бы связал крупнейшее в Финляндии озеро Сайма с Выборгским заливом и далее морским путем с Санкт-Петербургом, но и собрать на постройку канала деньги, начать его строить и даже завершить стройку. Сайменский канал был открыт в день коронации Александра II 26 августа (7 сентября) 1856 года. В XX веке он был дважды модернизирован, благодаря чему и сегодня по нему могут проходить крупные современные торговые суда. Правда, последние три года финны каналом не пользуются. И даже план строительства первой в Финляндии железной дороги был разработан при Гартмане, правда, воплотить его в жизнь он уже не успел. Благодаря новым торговым путям торговля в Финляндии, ставшая к тому же безопасной, значительно активизировалась. А значит, у финнов появилась мотивация менять производимые ими товары на рубли.

Однако в пятидесятых годах XIX века российский серебряный рубль, к которому финны начали потихоньку привыкать, вновь утратил стабильность. Крымская война заставила Российскую империю существенно увеличить военные расходы, для этого была проведена дополнительная эмиссия кредитных билетов, обменять которые на серебро уже не было возможности, а потому обмен билетов на серебряные монеты по фиксированному курсу был отменен. Предполагалось, что серебряный стандарт будет восстановлен после окончания войны, и в самом деле, в течение почти полутора лет после завершения войны Россия готовилась к возвращению к серебряному стандарту, а курс российского рубля держался высоко. Однако в конце 1857 года в Европе разразился очередной финансовый кризис, который привел к падению курса российского рубля, и с мечтами о восстановлении серебряного стандарта пришлось распрощаться на долгие годы.

Новый глава экономической комиссии финляндского сената Юхан Норденстам написал императору, может ли он разрешить бывшей «меновой, заемной и депозитной конторе», которая к тому времени уже официально называлась Финляндским банком, менять российские банкноты на российские же серебряные рубли не по номиналу, а по курсу, устанавливаемому на торгах на Санкт-Петербургской бирже; ведь своей биржи в Финляндии тогда не было. Император глубоко задумался и не ответил на это письмо, и тогда Норденстам написал императору новое письмо, в котором спрашивал, может ли Банк Финляндии начать выпускать собственные банковские билеты, которые бы обменивались на российские банкноты по фиксированному курсу. А то финны привыкли торговать, а им для этого денег не хватает. Император счел второе предложение меньшим из двух зол, и в 1860 году был издан императорский указ об изменении денежной единицы в Великом княжестве Финляндском.

Реализацией этого указа занялся Фабиан Лангеншельд, бывший в те годы председателем финансовой комиссии финляндского сената — должность, примерно соответствующая нынешнему министру финансов. В первую очередь следовало выбрать название для финских денег. Финские националисты, включая уже упомянутого здесь главного идеолога финского национализма XIX века Юхана Снельмана, предлагали названия, позаимствованные из устного народного творчества. Например, предлагалось назвать финскую денежную единицу «суомо» (одно «суомо» составляло бы сто «рахту») или «сампо» (одно «сампо» составляло бы сто «муру»). Однако финны, более близкие к миру международных финансов, включая и Лангеншельда, посоветовали назвать финскую денежную единицу маркой, на немецкий манер. Каждая марка должна была составлять сто пенни, на английский манер. Ведь именно Франкфурт и Лондон в середине XIX века были центрами европейских финансов.

Был установлен фиксированный курс обмена финских марок на российские бумажные рубли: четыре марки за один рубль. Финляндский банк и созданный незадолго до этого Государственный банк Российской империи начали одновременно готовиться к восстановлению серебряного стандарта. Предполагалось, что после возвращения к серебряному стандарту Российский государственный банк начнет обменивать бумажные рубли на серебряные по фиксированному курсу, Финляндский банк начнет выпускать серебряные марки, на которые можно будет обменять бумажные марки также по фиксированному курсу, и рубли и марки, серебряные и бумажные, будут обмениваться также по фиксированному курсу. Во всяком случае, таков был план нового российского министра финансов Михаила Рейтерна, одобренный российским и финляндским сенатами, финляндским генерал-губернатором Петром Рокассовским и, наконец, самим императором.

В России в последний момент все пошло не по плану, и введение фиксированного курса обмена бумажных денег на серебро вновь было отложено. В Финляндии же внезапно умер Фабиан Лангеншельд, и на место главы финансовой комиссии сената был утвержден Юхан Снельман. Он решил продолжить действовать по плану, разработанному Лангеншельдом и Рейтерном, тем более что приказа об отмене плана из Санкт-Петербурга не поступало. Так появилась финляндская серебряная марка, курс которой более не зависел от курса российского рубля. В порядке компромисса с властями Российской империи было постановлено, что российские рубли продолжат использоваться в Финляндии в качестве платежного средства наряду с финскими марками. Финские торговцы были обязаны принимать рубли, однако устанавливать цены на свои товары в рублях и в марках они могли самостоятельно, без оглядки на тот курс, по которому марки на рубли менял Финляндский банк.

Далеко не все в Финляндии были довольны появлением серебряной марки. Крестьяне, продававшие производимое ими продовольствие в Санкт-Петербург, жаловались, что торговля практически не приносит им прибыли. Ведь продавать продукты в России приходится за рубли, а платить зарплату батракам, а также аренду помещикам за право выращивать эти самые продукты на их земле нужно в марках. Соответственно, когда крестьянин по весне договаривается с помещиком об арендной плате, а с батраками — о зарплате, за российский рубль можно выручить четыре финских марки. А по осени, когда крестьянин повезет урожай продавать в Санкт-Петербург, за рубль будут давать уже только три с половиной марки. Значит, когда он привезет заработанные рубли обратно в Финляндию, он сможет за них получить лишь семь восьмых от того, что планировал. Вот и получается, что, расплатившись с батраками и помещиком, крестьянин почти ничего не заработает для себя.

На этом месте, в принципе, повествование о модернизации Финляндии можно было бы и закончить. Потому что сам факт таких жалоб показывает, что модернизация уже началась. Оказывается, финские крестьяне уже научились продавать большую часть урожая за деньги. И помещики уже перестали требовать с крестьян натуральный оброк, а перешли на взимание арендной платы в денежном выражении. И батраки, работающие на зажиточных крестьян, уже не хотят по осени получать за свою работу плату зерном, а хотят получать деньги. В общем, люди перестали работать за еду и начали работать за деньги. И произошла эта перемена всего за одно поколение — примерно за то время, какое отделяет написание пушкинского «Евгения Онегина» от «Игрока» Достоевского. При этом уровень жизни у всех участников этого повествования оставался крайне низким. Семьи помещиков жили скромно, крестьянские семьи — бедно, а семьи батраков и вовсе балансировали на грани голода.

Голод пришел в Финляндию сразу вслед за появлением серебряной марки в 1865 году. Разумеется, голод начался из-за неурожая, а неурожай — из-за климатических условий, и серебряная марка не имела к этому никакого отношения. Однако критики Снельмана настаивали, что если бы Финляндия, как Россия, повременила с введением серебряного стандарта и не обременила бы себя дополнительными финансовыми ограничениями, у нее была бы возможность напечатать еще билетов Финляндского банка, чтобы купить зерна с последующей раздачей его нуждающимся. И это даже не привело бы к падению курса финской марки, поскольку она оставалась бы привязанной к рублю, и дополнительная эмиссия, которая могла бы считаться большой в масштабах Финляндии, не стала бы значительной в масштабах Российской империи, и едва ли российский рубль сильно бы упал из-за того, что финляндский сенат принял решение напечатать дополнительные марки, обеспеченные рублями.

Через три года после появления серебряной марки Снельману пришлось уйти с должности председателя финансовой комиссии сената. Впрочем, сменивший его на этом посту Роберт Трапп, руководивший Финляндским банком еще во времена Гартмана, не отменил обмен банкнот на серебряные марки по фиксированному курсу, введенный при Снельмане. Тем более что голодные годы закончились. А преемник Траппа в должности председателя финансовой комиссии Клас Моландер поставил перед собой цель еще более амбициозную: начать обменивать марки не на серебро, а на золото. Чтобы финские крестьяне смогли продавать произведенные ими продукты уже не только в Санкт-Петербург, но и в европейские страны, где принят золотой стандарт: местные банкноты свободно обмениваются на золотые монеты по установленному правительством курсу. А взамен покупать недоступные ранее крестьянам заморские товары, например кофе.

Накопить достаточно золота, чтобы обменивать на него марки всем желающим, Финляндия смогла удивительно быстро — к 1877 году. В отличие от нее Россия смогла ввести золотой стандарт лишь через двадцать лет после Финляндии, в результате денежной реформы Сергея Витте, бывшего министром финансов Российской империи в последнее десятилетие XIX века. Впрочем, тот факт, что на рубеже веков большинство жителей Финляндии начали работать не за еду, а за деньги, имело как положительные, так и отрицательные стороны. Положительной стороной стало то, что финские крестьяне получили возможность за деньги продавать выращиваемые ими продукты в дальние страны. Деньги же эти они тратили на новые инструменты, благодаря которым они смогли выращивать больше продуктов на том же самом участке земли. Казалось бы, финны должны были начать быстрыми темпами богатеть, однако большинство из них остались такими же бедными, как и раньше.

Дело в том — и в этом заключается отрицательная сторона модернизации, — что когда количество выращиваемых продуктов увеличилось, цена за единицу продукта, соответственно, снизилась. В результате к концу XIX века Финляндия производила вдвое больше продуктов, чем накануне начала голода, стоившего отставки Снельману. Однако это вдвое большее количество продуктов стоило в конце XIX века меньше в финских марках, чем вдвое меньшее количество продуктов стоило во времена Снельмана. Таким образом, в Финляндии впервые денег стало больше, чем нужно, чтобы купить все продукты, которые финны могут съесть, чтобы насытиться. Однако производители этих продуктов — финские крестьяне, составлявшие в ту пору подавляющее большинство населения — оставались такими же бедными, какими они были, когда жаловались Снельману на то, что серебряная марка заставляет их продавать продукты в Санкт-Петербург чуть ли не себе в убыток.

Как выгодно поменять фунты стерлингов на доллары

К началу Первой мировой войны большинство стран Европы перешли на золотой стандарт. Однако война заставила их всех отказаться от обещания обменивать банкноты на золото по фиксированному курсу. Вступившие в войну страны начали с удвоенной активностью печатать банкноты и одна за другой отказываться обменивать их на золото. Отказ от золотого стандарта прокатился по Европе подобно снежному кому. Даже если бы одна страна, например та же Финляндия, захотела сохранить золотой стандарт, у нее ничего не получилось бы. В годы войны всем в Европе было нужно золото, и торговцы хоть по какому курсу стали бы обменивать любые банкноты на финские марки, которые они привозили бы в Хельсинки и требовали обменять

на золото. И Финляндский банк бы не устоял. Даже Английский банк — богатейший среди государственных банков Европы начала XX века — не устоял бы. Даже если бы захотел. Но он не захотел.

После войны европейские страны стали одна за другой возвращаться к золотому стандарту. Для европейцев двадцатых годов возвращение золотого стандарта стало неотъемлемой частью плана, разработанного с целью забыть войну как страшный сон. Им хотелось вернуться в те счастливые времена, из которых они так безжалостно были вырваны войной, — в первое десятилетие XX века. В это самое время Владимир Набоков, заброшенный войной в Берлин без малейшей надежды вернуться в Россию, написал «Машеньку» — пожалуй, лучшую книгу всех времен о тоске по прошлому, которое нельзя вернуть. Кто-то скажет, что Россия после 1917 года изменилась сильнее, чем другие европейские страны, и нельзя сравнивать тоску Набокова по утраченной Родине с тоской европейских обывателей по довоенным годам, когда их страны не так-то сильно отличались от того, какими они стали после войны. Этому кому-то я могу лишь посоветовать перестать мериться своей болью с другими людьми.

Подсознательная тоска по довоенным временам, которую европейцы послевоенной эпохи пытались заглушить звуками джаза (в Финляндию джаз также проник в середине двадцатых), обусловила моду на труды экономистов, писавших о том, что вернуться к экономической модели, существовавшей до войны, не только желанно, но и выгодно. Среди них оказались шведские экономисты Эли Хекшер и Бертиль Олин. Разработанная ими теория объясняла, почему страны, испытывающие недостаток факторов производства каких-то одних товаров, начинают их импортировать, и эти же страны, испытывающие переизбыток факторов производства каких-то других товаров, начинают их экспортировать. В переводе на человеческий язык это означает, что Финляндия, например, в которой хорошо растет лес, должна его экспортировать, чтобы процветать, одновременно импортируя пшеницу, которая в Финляндии растет плохо.

Хекшер и Олин активно агитировали за восстановление международной торговли, процветавшей в Европе накануне войны. Война разрушила торговые связи между странами, теперь же их предстояло восстановить. А для этого был нужен механизм, который помогал бы легко обменивать деньги одних европейских стран на деньги других. И европейцы двадцатых не смогли придумать ничего лучше, чем знакомый им по довоенным временам золотой стандарт — систему, при которой правительство каждой европейской страны гарантировало бы обмен своих банкнот на стандартную унцию золота по фиксированному курсу. Дело было за малым: каждой европейской стране следовало изъять из оборота банкноты военной эпохи, обменяв их на новые, а также найти достаточно золота, чтобы его хватило на всех желающих, кто захочет обменять на золото эти новые банкноты. Финляндия благодаря уже упомянутому здесь Ристо Рюти справилась с этой задачей менее чем за десять лет после окончания войны.

Набоковский Ганин сам сообразил, что вернуться в прошлое невозможно. Европейцам двадцатых потребовалась основательная встряска, чтобы они сообразили наконец, что просто вернуть золотой стандарт и продолжить жить так, как будто никакой войны не было, невозможно. Тем более финнам, в жизнь которых Первая мировая война принесла и другие изменения, помимо временной отмены золотого стандарта. Первая мировая война в Финляндии, как и в России, плавно перетекла в Гражданскую войну, короткую, но кровопролитную, за которой последовал голодный 1919 год — последний голодный год в истории Финляндии. До всех этих событий Финляндия была великим княжеством в составе Российской империи. После них она стала независимой республикой. Можно ли было Финляндии просто восстановить золотой стандарт и начать жить так же, как они жили под властью России, только без России?

Пару лет после восстановления золотого стандарта казалось, что можно. Ведь так жило большинство стран Европы. Однако потом началась Великая депрессия. Сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, Финляндия в конце двадцатых производила больше продуктов, чем было нужно, чтобы накормить всех финнов. В стране даже было достаточно обеспеченных золотом денег, чтобы купить все эти продукты. С другой стороны, эти деньги не лежали в Финляндском банке или каком-нибудь другом месте, но находились в обороте. Рабочие и крестьяне производили товары, промышленники и землевладельцы их продавали, а из вырученных денег платили зарплату рабочим и крестьянам, которые покупали эти товары. Часть товаров уходила за рубеж, откуда приходили деньги, на которые покупались импортные товары. Когда же из-за кризиса в одном звене этой цепи товары перестали обмениваться на деньги, весь круговорот товаров и денег в одночасье поломался.

Потребовалось перезапустить круговорот товаров и денег. В некоторых странах государство начало печатать деньги и раздавать их внезапно потерявшим работу рабочим и крестьянам; правда, не просто так, а взамен выполняемых ими так называемых общественных работ. В Америке такая система получила название «нового курса» Франклина Рузвельта. Глава Финляндского банка Ристо Рюти противился организации массовых общественных работ и раздаче денег рабочим и крестьянам; вместо этого было решено напечатать деньги и раздать их в долг промышленникам и землевладельцам, чтобы те вновь запустили производство и начали платить зарплату рабочим и крестьянам. В любом случае нужно было начать активно печатать деньги. Однако если начать активно печатать банкноты, то их уже нельзя будет обменивать на золото всем желающим по установленному правительством курсу. Золотой стандарт вновь оказался под угрозой.

Разные европейские страны в этих условиях начали действовать по-разному. Франция и некоторые другие страны держались за золотой стандарт до конца. Великобритания же, напротив, отказалась от золотого стандарта одной из первых. Вместо этого она предложила другим правительствам установить фиксированный курс обмена их валют на фунты стерлингов вместо золота. Так валюты тех стран, чьи правительства согласились бы на эту сделку, приобрели бы стабильность, утраченную в условиях Великой депрессии. В свою очередь, стабильность английского фунта увеличивалась бы по мере того, как все больше стран присоединялось бы к сделке. В первую очередь к сделке присоединились британские колонии и доминионы, успевшие создать собственные валюты до начала Великой депрессии, например Австралия. Однако сделка была открыта и для других стран, которые захотели бы присоединиться. И Финляндия поспешила воспользоваться приглашением.

Был установлен фиксированный курс — 227 финских марок за один английский фунт стерлингов. Это было выгодно для Финляндии, поскольку финские импортеры получили возможность покупать за рубежом товары за финские марки, и их партнеры не боялись принимать финские марки в качестве оплаты, зная, что в любой момент они могут обменять их на фунты стерлингов. И это было выгодно Великобритании, поскольку все, кто усомнился бы в стабильности финской марки, побежал бы ее обменивать именно на английские фунты, а не на французские франки, например. Круговорот товаров и денег как в самой Финляндии, так и между этой страной и ее зарубежными торговыми партнерами, из которых главным была именно Великобритания, перезапустился. В результате к концу тридцатых в Финляндии не только выросло производство товаров, но страна смогла выплатить все свои долги, накопленные за двадцатые и первую половину тридцатых годов.

Бреттон-вудская система, созданная после окончания Второй мировой войны, к которой присоединилась и Финляндия, основывалась на тех же принципах, что и британская система тридцатых. С тем отличием, что в британской системе участвующие страны привязывали курсы своих валют к английскому фунту, а в бреттон-вудской системе — к американскому доллару. Кроме того, правительство США после окончания Второй мировой войны, в отличие от британского правительства эпохи Великой депрессии, сохраняло приверженность золотому стандарту: американские доллары можно было обменять на золото по фиксированному курсу. Таким образом, правительство Финляндии гарантировало обмен финских марок на доллары, а правительство США — обмен долларов на золото. Эта система позволила в кратчайшие сроки восстановить международную торговлю после окончания Второй мировой войны, Финляндии же присоединение к ней позволило наконец из бедной страны превратиться в богатую.

После Второй мировой войны индустриализация и экономический рост в Финляндии происходили с огромной скоростью. Вместе с тем сегодня, оглядываясь назад, можно выделить в этом процессе несколько этапов. На первом этапе Финляндский банк печатал деньги и выдавал кредиты коммерческим банкам, которые выдавали кредиты промышленникам, покупавшим за эти деньги за рубежом — благо ценность финской марки подкреплялась привязкой к американскому доллару — станки. На этих станках производились нужные людям товары, которые продавались, а из вырученных денег выплачивались кредиты банкам, которые возвращали деньги Финляндскому банку. На втором этапе схема осталась прежней, только промышленники начали уже закупать за рубежом не станки для производства товаров, а станки для производства станков. Издержки промышленников стали меньше, а прибыли — больше. Соответственно, выросли и число рабочих мест, и зарплата рабочих.

На третьем этапе промышленники начали уже закупать за рубежом промышленных роботов, благодаря чему количество рабочих мест в промышленности стало меньше, зато резко возросло количество рабочих мест в сфере услуг — ведь получавшие все большую зарплату рабочие захотели потратить эти деньги с удовольствием. На четвертом этапе промышленники начали закупать уже оборудование, чтобы делать промышленных роботов; так Финляндия стала одним из лидеров в Европе по их производству. Одновременно менялись финские города: поскольку большую часть работ на промышленных предприятиях начали вместо рабочих выполнять роботы, эти предприятия исчезли из центров городов, ведь теперь не нужно было строить заводы поближе к местам массового проживания рабочих. Важно, однако, что заводы в Финляндии не исчезли совсем, но лишь переехали из центров городов на их окраины. Страна стремительно приобретала современный облик.

Такая система едва ли могла бы работать без тесного взаимодействия правительства, банкиров и промышленников. В Финляндии обеспечить это взаимодействие было нетрудно. В стране было мало коммерческих банков, и банковская система практически полностью контролировалась полдюжиной банкиров. Число заводов в стране постоянно росло, но подавляющее большинство из них контролировалось полдюжиной лидеров крупных промышленных групп. Даже если к этим людям присоединятся полдюжины политических лидеров государства, например президент, премьер-министр, министр финансов, председатель парламента, глава Финляндского банка и даже лидер крупнейшей оппозиционной партии, все они без труда поместятся в одну сауну, где они смогут легко обсудить все спорные вопросы, возникающие при работе этой системы. Можно ли масштабировать такую систему — большой вопрос.

Разумеется, на каждом из этих этапов Финляндскому банку приходилось печатать больше финских марок, чем страна зарабатывала долларов, на которые правительство

обещало обменивать марки по фиксированному курсу. Поэтому за послевоенные десятилетия правительство Финляндии время от времени проводило девальвацию национальной валюты. В 1951 году американский доллар стоил 2300 финских марок, а в 1958 году — уже 3200 марок. В 1963 году правительство провело деноминацию, в результате чего доллар стал стоить не 3200 марок, в всего 3 марки и 20 пенни. Однако в 1968 году курс марки был снова понижен, и за доллар начали давать уже 4 марки и 20 пенни. Зарубежные партнеры Финляндии также подкидывали ей неожиданные сюрпризы. В 1971 году американский президент Ричард Никсон отменил золотой стандарт, из-за чего Финляндскому банку пришлось перейти к привязке курса марки к корзине валют. Впрочем, доллар остался важной частью этой корзины.

В семидесятые во главе Финляндского банка стоял будущий президент Мауно Койвисто, который верил, что у успешной страны должна быть крепкая валюта. В результате в семидесятые, когда курс марки перестал быть жестко привязан к доллару, он только укреплялся относительно американской валюты: если в 1971 году, когда Никсон отменил золотой стандарт в США, за один доллар давали 4 марки и 18 пенни, то в 1980 году — уже 3 марки и 71 пенни. Впрочем, в 1982 году, когда Койвисто был избран президентом, за доллар стали давать уже 4 марки и 82 пенни, в 1983 году — более пяти марок, а в 1984 году — даже и более шести. Койвисто очень переживал из-за падения финской марки, и поэтому избранный премьер-министром страны в 1987 году Харри Холкери легко убедил его, что для укрепления курса национальной валюты необходимо провести либерализацию финансовой сферы. Она предусматривала, среди прочего, отказ от фиксированного курса финской марки.

Однако важнейшим элементом либерализации финансовой сферы в Финляндии стала либерализация банковской системы. Прежде финские банки жестко контролировались Финляндским банком и правительством. Вплоть до того, что правительство — во время неформальных встреч в той самой сауне — могло прямо указывать банкам, какая промышленная группа и под какой конкретно проект, нужный, по мнению правительства, Финляндии в данный момент, должна получить кредит. И в случае отказа у Финляндского банка было достаточно рычагов, чтобы заставить частные банки подчиниться. Теперь же частные финские банки получили свободу. Казалось бы, получив свободу, финские банки должны были с головой уйти в рискованные предприятия, начав раздавать тем же промышленникам деньги направо и налево, чтобы те приобрели возможность реализовать свои самые смелые проекты. На деле же получилось наоборот.

Финский менеджер Йорма Оллила вспоминает, что когда в 1986 году он стал старшим вице-президентом компании «Нокиа», ответственным за финансы, ему оказалось очень трудно убедить финских банкиров продолжить финансировать проекты компании. До этого «Нокиа» была одной из финских крупных промышленных групп, и заводы компании выпускали практически все, что только может потребоваться обычным финнам, — от привычных резиновых калош до только что появившихся радиотелефонов, которые тогда еще были слишком большими, чтобы их можно было носить в кармане, но уже достаточно маленькими, чтобы их можно было установить в автомобиль. Казалось бы, независимость от Финляндского банка должна была стимулировать финских банкиров давать компании «Нокиа» еще больше кредитов на строительство новых заводов, чтобы они принесли еще больше прибыли и компании, и кредитующим ее банкам.

Вместо этого банкиры на полном серьезе стали советовать компании «Нокиа» закрыть большую часть заводов. С огромным трудом Оллиле удалось убедить банкиров продолжить финансирование модернизации производства по двум направлениям.

Первым из них стало производство автомобильной резины; шины «Нокиа» и сегодня хорошо известны и финнам, и жителям других стран. Вторым стало производство сотовых телефонов и оборудования для сотовой связи. Причем поначалу банкиры не хотели финансировать производство сотовых телефонов в Финляндии, потому что не верили, что финские телефоны смогут конкурировать с американскими и японскими, немецкими и шведскими. Лишь после того, как Оллила пообещал лично возглавить подразделение «Нокиа», занимающееся телекоммуникациями, банкиры согласились выделить кредит. Это решение принесло Оллиле всемирную славу, когда телефоны «Нокиа» завоевали популярность пользователей по всему миру.

Благодаря этому успеху Финляндия смогла относительно легко пережить финансовый кризис, разразившийся в стране в начале девяностых. Ведь далеко не все финские промышленники, подобно Оллиле, смогли после либерализации банковской сферы убедить финских банкиров увеличить финансирование именно промышленности. Освободившись от контроля со стороны Финляндского банка, слишком многие банкиры предпочли отказаться от инвестиций в промышленность и заняться вложением денег в сулившие большие прибыли, но оттого менее надежные финансовые инструменты. И кризис не заставил себя ждать. Другое дело, что благодаря успеху компании «Нокиа» уже в середине девяностых экономический спад в Финляндии сменился ростом. Однако когда Оллила ушел с поста главы подразделения «Нокиа», занимавшегося телекоммуникациями, банкиры вновь заговорили о необходимости продать производство. Оно было продано компании «Майкрософт», после чего разорилось.

Вместо заключения

Между кризисом начала девяностых годов прошлого века, когда тысячи финнов вдруг потеряли работу из-за либерализации банковской системы в стране, и кризисом конца первого десятилетия века нынешнего, ставшего следствием мирового финансового кризиса, Финляндия успела отказаться от финской марки. Присоединившись в 1995 году к Европейскому союзу, страна пообещала со временем начать использовать вместо национальной денежной единицы общую европейскую валюту — евро. И в отличие от Швеции, которая присоединилась к Евросоюзу одновременно с ней, Финляндия свое обещание сдержала. Уже с 1999 года евро начали использоваться в безналичных расчетах, а в 2002 году появились банкноты и монеты, только теперь уже не золотые и не серебряные. И поначалу это казалось выгодной сделкой.

В самом деле, если компания «Нокиа» делает сотовые телефоны, которые она продает в другие страны Европы за евро, и в евро же она платит своим инженерам зарплату, это позволяет минимизировать риски. Ведь раньше в себестоимость телефона закладывались деньги на покупку страховки на случай, если курс, например, французских франков, за которые телефоны «Нокиа» продаются во Франции, изменится за то время, пока произведенные в Финляндии телефоны добираются до своих конечных покупателей во Франции, по отношению к финским маркам, в которых компании предстоит платить зарплату своим инженерам. Когда же и Франция, и Финляндия перешли на рубеже веков на евро, покупать такую страховку стало не нужно. Можно было предположить, что расходы на страховку, которую стало не нужно покупать, разделят между собой французские покупатели и финские инженеры, из которых первые покупают эти телефоны, а вторые производят их.

На деле же этого не произошло. Телефоны после перехода на евро стали только дороже, а зарплата инженеров хоть и выросла, но не настолько, насколько подорожа-

ли телефоны. Деньги же забрали себе банки, которые выдали французским покупателям кредиты на покупку новых телефонов, а финским инженерам — на покупку всего, на что у них перестало хватать денег после того, как рост зарплаты стал отставать от роста цен. Однако этого банкам оказалось мало. Банки заметили, что цены на квартиры, например, растут так быстро, что когда хоть французы, а хоть и финны берут кредиты на покупку квартиры, они могут, пожив в этой квартире несколько лет, продать ее, да так, что вырученных денег хватит на возврат кредита банку и еще останется. Тогда банки решили не только давать деньги в долг людям, но и сами начать вкладываться в покупку квартир. Естественно, что когда однажды цены на квартиры упали, банки потеряли деньги. Так начался мировой экономический кризис.

Одним из последствий кризиса стало то, что Финляндия перестала производить сотовые телефоны. Казалось бы, сильно расстраиваться не стоит, ведь, кроме сотовых телефонов, Финляндия производила и производит много чего еще, что позволяет большинству финнов найти себе работу с достойной оплатой. А если зарплаты не хватает, всегда есть банки, готовые предложить дополнительные деньги в кредит. Другим последствием кризиса стало то, что курс евро относительно американского доллара начал снижаться. В результате Финляндия, пусть она и не производит больше сотовых телефонов, производит сегодня товаров больше, чем до мирового финансового кризиса. Однако если пересчитать стоимость этих товаров в долларах, то получится, что страна производит товаров на ту же сумму, на какую она производила их семнадцать лет назад. Но и тут расстраиваться, казалось бы, не стоит: ведь чем дешевле твоя валюта, тем больше товаров ты сможешь продать за рубеж.

Третья проблема заключается в том, что чтобы произвести больше товаров, которые можно было бы продать за рубеж благодаря падению курса национальной валюты, нужно построить новые производства, а на это нужны деньги, пусть и в кредит. Раньше в таких случаях Финляндский банк печатал деньги и давал их в кредит частным финским банкам, те давали их в кредит промышленным группам, а уже те строили новые производства, где производились товары, которых можно было больше продать за рубеж благодаря падению курса национальной валюты. Теперь же Финляндский банк не может напечатать дополнительных денег без разрешения Европейского центробанка, а он такого разрешения не дает. То есть получается, что если раньше финские марки становились дешевле (относительно доллара, например), но их при этом становилось больше, то теперь евро становятся дешевле (относительно того же доллара), но больше их при этом не становится.

Пока в Финляндии денег хватает на все. Более того, Европейский центробанк потону и запрещает печатать дополнительные деньги, что, по его мнению, денег сейчас в Европе даже слишком много, и если напечатать еще денег, то это ни к чему не приведет, кроме инфляции. Впрочем, инфляция в Европе тоже постоянно растет. И однажды может наступить тот день, когда в Финляндии появятся те, у кого будут товары, которые они захотят продать, чтобы купить другие товары, однако им неоткуда будет взять деньги, чтобы обменять первые товары на вторые. И тогда товары вновь начнут менять на товары. И люди перестанут работать за деньги, а начнут вновь, как в отсталых государствах до модернизации, работать за товары. Может быть, даже за еду. Впрочем, это — апокалиптический сценарий. Есть надежда, что пусть не Европейский центробанк, но кто-нибудь другой успеет снабдить финнов деньгами раньше, чем они перейдут на бартер. Смогли же это сделать в свое время Снелльман, Рюти и Койвисто.

Евгений ПОПОВ,
Михаил ГУНДАРИН

АЛЕКСАНДР КАБАКОВ: ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

В шестом и одиннадцатом номерах за 2024 год мы публиковали главы из биографической книги об Александре Кабакове, авторе некогда всемирно известной повести «Невозвращенец», литературном феномене перестройки. После выхода этой повести Кабаков еще несколько десятилетий работал в русской литературе и публицистике, был богат, знаменит, увенчан лаврами — при этом не боялся идти наперекор общему мнению, в том числе мнению очень влиятельной либеральной тусовки. Увы, все кончается — и последние годы жизни Кабакова были омрачены тяжелой болезнью, не слишком великим недостатком... Но он держался до конца. Об этом последняя глава его биографии, написанной Евгением Поповым, многолетним другом и соавтором Кабакова, и Михаилом Гундариним. Попов и Гундарин уже выпустили в соавторстве биографии Фазиля Искандера и Василия Шукшина, книга о Кабакове выйдет в 2025 году, к пятилетию со дня его смерти.

ТЬМА НАД ВТОРОЙ НЕВРОЛОГИЕЙ

МИХАИЛ ГУНДАРИН: Последней книжной новинкой Кабакова оказался сборник «Группа крови», вышедший в 2018 году, за два года до его смерти. Главный герой заглавной повести работает в некоей организации «Росстрах». Тут не страхование — тут именно страх, контора добивается манипулирования сознанием масс. Здесь все фирменное кабаковское — «мерцание» героя и автора, пассажи о чувственной некогда любви. Ну и стиль, конечно, остался тем же: упругим и наступательным.

Критик Станислав Секретов писал, что здесь «Кабаков придумал живого героя, больше похожего на искусственный механизм, — робота. И что еще страшнее, герой-механизм очень современен. Сколько людей сегодня изо дня в день добровольно выполняют однотипные механические действия: без конца проверяют, не пришли ли новые сообщения в телефоне, делают бесконечные селфи на фоне всего, ревностно следят за числом „лайков“ и „репостов“ <...> жизнь тем временем проходит мимо».

Евгений Анатольевич Попов родился в 1946 году. Писатель, драматург и эссеист, секретарь Союза писателей Москвы, один из основателей и вице-президент Русского ПЕН-центра. Автор более двадцати книг, переведенных на множество языков. Заслуженный работник культуры РФ, награжден орденом Дружбы.

Михаил Вячеславович Гундарин родился в 1968 году. Окончил факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Преподает в вузах, кандидат философских наук. Автор более 10 книг стихов и прозы, многочисленных литературно-критических статей и эссе. В соавторстве с Евгением Поповым написал биографии Ф. Искандера и В. Шукшина. Живет в Москве.

В книгу входят также рассказы и заметки, причем Кабаков в предисловии специально обосновывает, что не считает принципиальным делить написанное на вымысел и, так сказать, реальность. То, что невымышленно, сегодня кажется даже интереснее, хотя бы потому, что Кабаков очень сжато и афористично повторяет в них тезисы, к которым пришел в свои последние годы. Про Америку, некогда так им любимую, про либералов, церковь, интеллигенцию, западное «доносительство, превосходящее советское», и что в новой реальности пришло время извиниться перед своими за то, что слишком довели чужим. И перед Америкой повиниться.

«Извини, Америка, любовь прошла», — пишет Кабаков.

Или про либералов и Церковь:

В России либералы, вполне принимая деятельность любого папы, в котором они видят исключительно общественно-политическую и прогрессивную, на их взгляд, фигуру, неукоснительно высказывают претензии православной Церкви, многими из них необъяснимо ненавидимой. При этом упреки русскому православию сыплются за те же «провинности», которые вполне прощаются католикам — а протестантские конфессии у либералов вообще в особом почете.

Ну и еще — про современные модные извращения:

Уже сейчас во многих сферах человеческой деятельности те, кого принято называть сексуальным меньшинством, стали если не большинством, то безоговорочно влиятельными самодостаточными группами, а безоговорочно влияющие группы всегда тяготеют к мафиозным порядкам — будь это ЦК КПСС или сообщество эстрадных звезд с одинаковыми интимными вкусами.

В общем, «мракобес» держался своих убеждений до конца.

Жаль, что он так и не завел себе аккаунт в соцсетях. Полагаем, у него было бы много подписчиков.

Все же глубоко пессимистической или даже мизантропической «Группу крови» не назовешь. Отчаяния здесь не наблюдается, автор, как обычно, держится в стороне от берегов уныния и веселья, но... Все же некоторые тексты очень, очень грустны (особенно это касается рассказов).

Дальше была болезнь.

За несколько лет до смерти Кабакову поставили страшный диагноз: болезнь Паркинсона. Это не лечится.

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ: Я приезжал к нему в Павловскую Слободу каждую неделю. Кабаков усаживался в машину, наверное, с полчаса, потом мы ехали с ним в местную чайхану, где Александр Абрамович выпивал свою традиционную сотку или даже сто пятьдесят...

М. Г.: К сожалению, даже такой успешный журналист и писатель, как Кабаков, богатым, а под конец жизни и состоятельным человеком не был. Ну, у нас, слава богу, не Америка, чтобы судить по этому показателю о жизненном успехе человека. Тем более литератора. «Мне и рубля не накопили строчки...» — вот это будем помнить и сочувственно повторять всегда. Тем не менее и это мы все тоже понимаем, в некоторых (увы, во многих) случаях быть небогатым очень, очень плохо. Особенно если у тебя нет опоры и поддержки в семье.

Е. П.: Стоп! Семейную жизнь Кабакова последних лет мы обсуждать не будем. Ведь это, как формулировал когда-то поэт Евтушенко, «прекрасная тайна товарища». Констатируем одно: Кабакову в конце жизни пришлось трудно.

М. Г.: В общем, знаменитый писатель, эстет и остроумец, закончил свои дни в доме престарелых. Сначала он оказался в подмосковном доме престарелых самом обыкновенном, с перенаселенными палатами. Тяжело ему было там, где лежало пятеро стариков в одной комнате... Затем с помощью друзей (тут надо вспомнить прежде всего его ученика и влиятельного журналиста Андрея Колесникова, издателя Владимира Григорьева и Виктора Лошака) Кабаков оказался в престижном заведении около Дома ветеранов кино в Матвеевском. Там условия были получше, там Кабаков, по крайней мере, мог заниматься тем, что всегда его поддерживало: общаться с посетителями, друзьями и даже немного писать.

Е. П.: Я, иной раз навещавший друга два-три раза в неделю, видел, что тот бодрится, даже сочиняет анекдоты. Например. «Едут в поезде два человека. Один страдает Паркинсоном, другой Альцгеймером. Альцгеймер говорит: „Куда это мы, интересно, едем?“, а Паркинсон ему отвечает „Неважно, куда едем. Самое главное, как из вагона выходить будем“». Ясный мозг он сохранял до самого конца. Хотя в своей ортопедической кровати, где он лежал все это время, он уже не мог даже сесть или повернуться.

Справедливости ради заметим, что иногда Кабакова проводывали даже те старые друзья, с которыми он, казалось, навсегда разошелся. Например, Игорь Иртеньев.

Между прочим, Александр Абрамович даже прочитал блестящую лекцию для тех, кто находился с ним в одних стенах! С кинокадрами. О чем? Ну конечно, о джаве! Уникальное было зрелище — и лектор, и слушатели, все на инвалидных колясках.

На вопрос интервьюера (да, у него все еще брали интервью!) Кабаков ответил честно, хотя и сдержанно

- Вы когда-нибудь думали, что вот так жизнь может повернуться?
- Кто о таком будет думать? Предчувствий не было. Я ведь даже на бок перевернуться не могу. Это жизнь, конечно, тоскливая.

И еще из того же интервью, звучащее почему-то особенно трогательно: «Больше всего жалею, что никогда не надену пиджак». Эх!..

М. Г.: Андрей Колесников вспоминает, что Кабаков до конца оставался верен своему стилю: «Я пришел к нему как-то в больницу, и он говорит: „Послушай, есть одна проблема. Я, конечно, умру, так или иначе. Так вот, просьба. Главное, не делать панихиду в ЦДЛ. Понимаешь, там слева от входа они обычно пишут на листе ватмана: «Ушел из жизни такой-то...» Так вот, если все-таки попробуют, ты возьми фломастер и вычеркни там все. Они слово «смерть» не любят и поэтому пишут «ушел из жизни». А как я могу уйти из жизни? Я же неходячий!“»

Е. П.: Еще Колесников позвал его заниматься Литературным клубом «Русского пионера», и он там опять показывал класс. «Несколько выпусков клуба гордятся тем, что знали его лично», — пишет Андрей. Есть чем гордиться, между прочим!

М. Г.: Кабаков боролся до конца. Лежа в постели, абсолютно неподвижный, он одну за другой писал колонки в «Русский пионер». «То есть, — рассказывал Колесников, — он диктовал их своей дочери Рае, которая была с ним все время, она записывала, потом читала ему, а он говорил, как и где поправить. И все было поправимо. Колонки начали выходить. Я сначала один заголовок предложил, второй, третий... Потом он говорит: „Это все будут «Записки лежачего»“. Такими они и были. В одной из них Кабаков писал: «Чуть-чуть не успел вспомнить ответ, который где-то читал, но теперь никак не вспомнить где. Что-то вроде смерть „пошли мне честную, безболезненную и непостыдную...“»

Колесников имеет в виду колонку, опубликованную 18 сентября 2019 года. Думаю, ее пафос, ее детали, обыденные и страшные вместе с тем, будут понятны всем, кто тяжело болел, лежал в наших больницах... Вот она:

Тьма над второй неврологией

Облака истыканы булавочными уколами. Облака перекрывают небо, пролезая в любую щель, как вата из подмышки старого рваного пиджака. Но если ничего не придумывать для красоты — то облака похожи на вату, а не вата на облака. Они проплывают по небу справа налево, и только одна взбеленившаяся звезда прет слева направо. Скорее всего, она разворачивается на Домодедово...

Много занятий можно найти ночью в больнице. Вот туберкулезник ползет в хоздвор к подпольной курилке из автомобильного ската. Вот набирает лишний вес глазированными сырками диабетик. Вот автор придумывает текст, стараясь не задеть знакомых... И изо всех больничных углов звенят без всякого ритма кровати сетки, бессонница стелется под потолком.

В женском отделении спят крепче. Они привыкли спать от физической усталости, к тому же они убедились, что сон — единственный способ решения проблем. В женском отделении давно это знают, а в мужском придумывают ответы один нелепее другого и потому не спят.

Между тем в ватном небе опять пробирается суетливая звездочка, теперь уже в обратную сторону. Впрочем, вряд ли это та же самая — их там полно. Но в каждую отдельную минуту видишь только одну — звездочка вправо, звездочка влево, звездочка вправо, звездочка влево. Получается такой звездный шов. Этим швом можно было бы кое-как починить рукав, лопнувший под мышкой от пота, но в небесах не занимаются практическими делами. Практические дела — это на земле. Вот уже звенят мензурки, которые скоро понесут по палатам сестры, вот уже грохочут как товарняки на стрелках огромные металлические ящики с готовыми системами для капельниц.

Всему бывает конец, и тьма над второй неврологией кончается тоже.

«Вопить шепотом...» Конечно, невозможно без волнения читать эти строки, особенно когда мы знаем, что жить их автору осталось несколько месяцев... Но и независимо от этого перед нами четкая, уверенная проза, полная ярких метафор. Всего вышло шесть колонок (последняя в апреле 2020-го, чуть больше, чем за месяц до его смерти). Далеко не все они так трагичны, Кабаков продолжал шутить, сыпать парадоксами.

Отмечу, например, заметку о внешнем виде лидера КНДР: «Ким Чен Ын выглядит потрясающе. Он учился в швейцарском университете, он европейски образованный человек, и сказать, что он просто случайно выбрал свой стиль, — это явно кривить душой. Он создал стиль, который я бы назвал не просто стилем 40-х годов, а это стилизация 40-х XX века <...> Нельзя же назвать человеком стиля, например, Трампа, у которого из характерных деталей только галстук, прикрывающий причинное место. Так повязывают галстук люди, которые не умеют его носить, но Трамп всю жизнь в галстук. Почему он вдруг у него такой длинный — непонятно. И почему он в теплую погоду носит длинное черное пальто в стиле русских бандитов 90-х годов... Это не стиль, он ни о чем не говорит — ни о том, что человек собой представляет, ни о том, что он считает привлекательным». Не правда ли, любопытно прочитать такое и сегодня? Персонажи все еще актуальны...

Или вот как он азартно опровергает мысль о «дураках и дорогах», которые якобы повинны в том, что в России жить плохо: «Трудно себе представить немца, уве-

ренного в том, что дураков среди родственников ему даменунд херен больше, чем среди любых других. Или тем более китайца, допускающего, что среди подобных ему полутора миллиардов человек глупых большинство. Только мы такие — по собственному выражению, «рашен сам себе страшен!». Кстати, похвалил он и нынешние русские дороги, особенно железные, с которыми был столько лет связан...

Е. П.: Ну и тема писательства не оставляла Кабакова до самого конца. Вот как умирительно писал он в «Русском пионере» про писательские дела (напомню еще раз: лежа в полной неподвижности, зная, что к этим делам он никогда больше не вернется).

Вообще, литературная среда так же строго соблюдает иерархию, как военная. Майор вполне естественным полагает существование полковников, внеочередные звания присваиваются редко. А права литгенералов на все, что чинам пониже не положено, неоспоримы.

Так как я начал заметку с того, что мне ее заказали, следует думать, что я отношусь ко второй, как бы уважаемой категории. Да и к какой же категории мне относиться, если мой литературный стаж (считая от первой публикации) на нынешний пасмурный день составляет 53 (пятьдесят три) года!

А я вам говорю: и столько, и не столько живут. Могу предъявить тот, первый рассказ на пожелтевшей и рассыпающейся газетной странице.

Теперь, конечно, вместо бумаги ноутбук.

Только по сути ничего не меняется.

Вечернее оживление, лживое ощущение полной обдуманности всего сочинения с начала до конца, только начало надо придумать полностью, и заход, ну и еще развязку, перехватывающую дыхание последнюю фразу... Забыто все — что пишешь не стихи, а самую что ни есть прозу, и вообще даже не прозу, а заказанный текст, актуальный такой текстик, старик, но чтобы чувствовалась писательская рука...

Светлый образ советского (да и антисоветского) писателя надолго застрял в воображении мирных соотечественников. Тут и разрешенное ношение бород, и дома творчества, и «Волги» без очереди, и барские, но казенные дачи, и делегации в страны народной демократии, и курение трубок, и гонорары за третье переиздание избранных романов о жизни рабочей семьи...

Между тем нет уж ни советского, ни антисоветского, и писатель не похож на писателя, а похож на неопределенного постмодернистского тусовщика, и джинсы, как на пацане, а не властителе дум, и никаких переизданий... Разве что свозят на заграничную книжную ярмарку вместо декады российской культуры в союзной республике или позовут в какое-нибудь жюри.

Словом, не тот писатель пошел, и не та жизнь пошла у писателя.

Так и хочется воскликнуть: браво, все так и сегодня!

М. Г.: Да, как видим, Кабаков здесь в своем репертуаре — досталось и советским писателям, и нынешним, и классикам, что называется, и современникам. И слог — живой и бодрый — при нем.

Собственно, последней его книгой, которую Кабаков успел подержать в руках, было переиздание «Редакции Елены Шубиной» — «Бульварный роман» и «Московские сказки» под одной обложкой. Она вышла в марте 2020-го.

Александр Кабаков умер 18 мая 2020 года, накануне Пасхи. Ему было 76 лет.

Е. П.: Что стало непосредственной причиной смерти Кабакова? Помимо Паркинсона, он страдал диабетом. Выявили тромбоэмболию. А тут началась эпидемия ковида, все посещения были закрыты... В апреле 2020-го у него резко упало давление, его отвезли на «скорой» в 67-ю больницу, где он и провел последний месяц своей жизни. Заболел воспалением легких, которое тогда (как раз на фоне ковида) косило всех...

За несколько лет до этого он купил себе погребальное место в селе Аносино Истринского района, знаменитом своим монастырем. Там и схоронили.

На похоронах было холодно и ветрено, но ясно. Людей, несмотря на карантин и отдаленность места, собралось несколько десятков человек. Тут же помянули, выпив по глотку хорошего виски, которое принес бывший шеф издательства «Вагриус», где вышли главные книги Кабакова, Владимир Григорьев... Все были в масках. Кроме самого усопшего... И бесстрашного Володи Григорьева.

Зрелище, конечно, было нереальным... Все сошлись на том, что Александру Абрамовичу, любившему всякую экзотику, оно бы пришлось по вкусу.

Даже поминки были отменены, эпидемия бушевала всюю!

«ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕВОЗВРАЩЕНЦА»

М. Г.: Сразу после смерти вышло несколько развернутых некрологов — и множество отзывов различных медиа. Не будем забывать, эпидемия ковида не думала сдавать назад, смерти шли одна за одной и, казалось, уже не могли серьезно задеть литературную общественность, вообще, публику... Кабаковская смерть — задела. При том, что было ему далеко за 70, он болел раньше, а уходили и более молодые, причем внезапно. И все равно — Кабаков продолжал находиться в сфере общественного внимания.

В основном в некрологах повторялись одни и те же, как видно, особо запомнившиеся авторам черты: «был джентльменом», «человек с безупречным вкусом», «любитель джаза во всех смыслах», «человек-стиль»... Или еще: «очень хороший писатель, настоящий мужчина, хороший человек — что не сочетается почти никогда».

Но вот несколько точных замечаний. Ольга Славникова: «Он был — идеальное частное лицо. Не испытывал потребности разделять чьи-то взгляды, потому что имел свои. Именно своими и руководствовался. Если Александр Абрамович дружил, к примеру, с N, ярким представителем литературной либо политической группы, он через эту дружбу к группе не примыкал. Он так умел. Он строил отношения от своего частного, человеческого к другому частному и человеческому».

Ей вторит Эдуард Русаков: «Меня всегда привлекала общественная позиция Александра Кабакова — отрицание любого радикализма и экстремизма. Одна из любимых мною его фраз: „Я не хочу числиться ни за каким отрядом“».

Вспоминали и о политике. Про тех, кто умудрился упрекнуть Кабакова в откликах на его смерть, мы уже писали и больше не хотим, Бог им судья. Но были и любопытные суждения. Например, о том, что «относительно российской оппозиции у него было так же мало надежд и обольщений, как и насчет власти. В начале нулевых на вопросы о конкретных оппозиционных олигархах он отвечал стишком: воюешь с властью — не воруй. Воруешь — с властью не воюй».

Может быть, самый проникновенный некролог принадлежит Захару Прилепину — которого уж никак не назовешь единомышленником и горячим поклонником писательского дара Кабакова. Ну, так и бывает, в общем... Приведем его практически полностью.

Александра Абрамовича Кабакова похоронили вчера. Я знал, что у него болезнь Паркинсона, что он лежит в больнице — той самой, из которой домой уже не возвращаются. Все собирался к нему приехать — месяц или даже два собирался, потом, наконец, позвонил Евгению Анатольевичу Попову — писателю и другу Кабакова, который его навещал в больнице, и знал туда дорогу, — «...поехали, — говорю, — в любой день, соскучился по дяде Саше». Евгений Анатольевич отвечает: «Карантин, Захар, не пускают никого, давай ждать окончания всей этой истории». Вот ждал, ме-

сяц, потом второй. А на Пасху дядя Саша умер. Он был хороший писатель. Он писал тонкой кисточкой. Он умел делать прозу, настроение, лирику. Он слушал джаз и умел делать джаз в прозе. Импровизировать и вести мелодию. Одно время Кабаков был ужасно знаменит — его роман «Невозвращенец» был переведен на какое-то аномальное количество языков — сам Александр Абрамович уверял, что «больше, чем Солженицын». Полагаю, что к Солженицыну он относился с некоторой ревностью. Предполагаю. Как, предполагаю, и друг Кабакова — Аксенов. Еще Кабаков терпеть не мог большевиков и Советскую власть, — по этой причине, мы вроде и не должны были бы дружить — но, едва ли я возьму на себя лишнее, если скажу, что у нас были очень теплые отношения. Я смотрел на него снизу вверх, но с улыбкой. Мы постоянно разыгрывали с ним какой-то наш общий спектакль, типа «старый мудрый учитель и нерадивый ученик». Нам обоим было забавно в это играть. Не помню, когда и где мы впервые разговорились с ним — на какой-то, наверное, литературной тусовке — году в 2009-м, например, — но, в общем, потом, при всякой встрече, мы не расставались целыми днями...

У него, конечно, была сложная система представлений; он никогда не был либералом — хотя в тех кругах его считали своим.

Он был русский монархист и очень верующий человек, по-настоящему религиозный. Как-то, кажется, даже с грустью, он сказал мне: «Захар, я не еврей. У меня мать русская. Я русский. Я считаю себя русским». В годы донецкой войны мы видели только один раз, мельком, минуту говорили. Я, конечно, не сдержался и спросил, что он думает по поводу своих бывших сотоварищей и их отношения у украинскому, крымскому и донецкому вопросу. Кабаков своим фирменным удивленным шепотом сказал заговорщически: «Захар, они все сошли с ума, кажется».

Собственно, я был удовлетворен ответом. В таком контексте отношение к Ленину отходит на задний план. Так, в свое время, товарищ Кабакова — Василий Аксенов — поразил свою среду тем, что не стал выступать в поддержку «освободительной войны» на Кавказе, но, напротив, выступил за федералов, пришедших зачистить ваххабизм и заодно воинствующий бандитизм в Чечне. Кабаков позицию Аксенова разделял.

К Аксенову Кабаков — сам уже старик — так и относился всю жизнь как к учителю, любил его, — и в этой любви была удивительная джентельменская верность. Поискать нынче такую верную дружбу.

Говорят, в молодости Кабаков был донжуанистый и вообще — неотразимый. Наверняка это правда: очарование от него шло плотными волнами, и вся жестикуляция его была выверенной, достойной, мужской... Глядя на него я почему-то понимал, как выглядел Хэм; как вообще выглядели полубоги времен той огромной войны и послевоенных лет. А еще он отлично ругался матом — без малейшей вульгарности, и курил — отлично. И руки у него были — с длинными пальцами — какие надо руки. И одевался — вау. Нам бы так суметь двадцать лет спустя. Если дотянем. Я так любил его. Мне так горько, что я не приехал к нему. Я не знаю, что со всем этим делать теперь.

Е. П.: В 2023 году в Москве прошли Дни памяти Кабакова — организованные к 80-летию Александра Абрамовича. В Доме Ростовых (АСПИР) смотрели знаменитый фильм «Десять лет без права переписки» и обсуждали его — обсуждение вышло неожиданно горячим, а вердикт однозначный: таких фильмов нынче не делают (при всех претензиях к творению Наумова).

А в малом зале ЦДЛ (был аншлаг!) 22 октября собрались друзья и поклонники Кабакова на вечер «Возвращение невозвращенца». На вечере вспоминали Александра Абрамовича хорошо известные в литературных кругах люди: издатель Елена Шубина, руководитель департамента Минцифры Владимир Григорьев, работники «Коммерсан-

та», прошлые и нынешние, Андрей Колесников, Виктор Лошак, Андрей Гришковец... Были показаны фрагменты видеоинтервью Кабакова, подтверждающие, что настоящий писатель всегда немного пророк — то, что говорил он много лет назад, сегодня стало по-настоящему актуальным. Я тоже там выступал.

М. Г.: Да и я выступал. Собственно, именно там мы и сказали, что будем писать эту книгу... Но вот что, наверное, было самым оптимистичным из всех выступлений: Елена Шубина, издававшая Кабакова много лет, рассказала, что будут переиздания. Они и были.

Не забыли Кабакова и в библиотеках страны (а где, как не там, формируется память о писателях!). Состоялись вечера в Подмоскovie, в Саратове... А например, в поселковой Навлинской библиотеке Брянской области прошла выставка под названием «Жизнь свою считаю удавшейся».

Да, его жизнь удалась! Теперь это ясно!

Е. П.: Нам, Михаил, пора заканчивать эту книжку. Лучше, чем сам Кабаков, мы вряд ли про него скажем. А он как-то заявил:

Я сам придумал такую формулу: «Все гораздо хуже, чем хотелось бы, но гораздо лучше, чем могло бы быть». Это касается всего, но в первую очередь — моей собственной жизни. Я в принципе — очень счастливый человек. <...> Все сбылось с трехкратным превышением! Превышено даже то, что «хотелось бы». Чего еще желать?

Это было сказано в 2004 году, когда впереди были еще годы успешной жизни, премии, приключения, новая любовь, новые книги...

До свидания, Саша!

Евгений БЕРКОВИЧ

АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН И РЕЛИГИЯ

«Я бы, наверное, стал раввином где-нибудь в Сибири»

В «Автобиографических заметках», опубликованных впервые в 1949 году¹, Эйнштейн вспоминал:

Еще будучи довольно скороспелым молодым человеком, я живо осознал ничтожество тех надежд и стремлений, которые гонят сквозь жизнь большинство людей, не давая им отдыха. Скоро я увидел и жестокость этой гонки, которая, впрочем, в то время прикрывалась тщательнее, чем теперь, лицемерием и красивыми словами. Каждый был вынужден участвовать в этой гонке ради своего желудка. Участие это могло удовлетворить желудок, но никак не всего человека как мыслящего и чувствующего существа. Выход отсюда указывался прежде всего религией, которая насаждается всем детям традиционной машиной воспитания. Таким путем я, хотя и был сыном совсем нерелигиозных (еврейских) родителей, пришел к глубокой религиозности, которая, однако, уже в возрасте 12 лет резко оборвалась [Эйнштейн, 1967а, с. 259].

Рудольф Кайзер добавляет к этому важные подробности об отношении Альберта к чуду природы:

С религиозным трепетом чувствовал он его присутствие и воспринимал это как проявление величия Бога... Таким образом мальчик раскрыл суть религиозности сознания, что однако, как часто с ним случалось, не нашло понимания у родителей [Reiser, 1930, с. 28].

Евгений Михайлович Беркович – публицист, историк науки и литературы, издатель. Окончил физический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат физико-математических наук, доктор естественных наук (Германия). Создатель и главный редактор журнала «Семь искусств» и ряда других сетевых и печатных изданий. Автор книг «Заметки по еврейской истории» (М., 2000), «Банальность добра. Герои, праведники и другие люди в истории холокоста» (М., 2003), «Революция в физике и судьбы ее героев. Томас Манн и физики XX века» (М., 2017), «Революция в физике и судьбы ее героев. Альберт Эйнштейн в фокусе истории XX века» (М., 2018), «Альберт Эйнштейн и „революция вундеркиндов“» (М., 2021) и др. Публиковался в журналах «Нева», «Новый мир», «Знамя», «Иностранная литература», «Вопросы литературы», «Человек» и многих других изданиях. Дважды лауреат Беляевской премии за просветительскую деятельность.

¹ В четвертом томе Собрания научных трудов Эйнштейна неверно указана дата первой публикации «Автобиографических заметок»: 1945, хотя появились они в книге, вышедшей в свет в 1949 году, к семидесятилетию автора теории относительности.

Эйнштейн и в детстве, и во взрослом состоянии объединял Бога и природу. Ему всегда был близок пантеизм Спинозы, хотя в детстве он мог и не знать этого имени. Подобно юному Гёте он ощущал природу как все обнимающую и все наполняющую силу: «У нее нет ни речи, но она создает сердца и языки, через которые чувствует и говорит» [Reiser, 1930, с. 29].

Родители Альберта Эйнштейна были далеки от религиозной традиции предков. Отец даже гордился тем, что он такой свободомыслящий человек, идущий в ногу со временем, что «в его доме не практикуются еврейские обряды и ритуалы» [Reiser, 1930, с. 28]. От него Альберт слышал только «иронические и недружественные разговоры о догматических ритуалах» [Reiser, 1930, с. 28].

В то время начальные школы в Баварии были конфессиональными, то есть в каждой обязательно изучалась какая-то религия. Еврейских школ в Баварии в 1850 году насчитывалось полторы сотни. К 1870 году их число уменьшилось до 124. В 1872 году в Мюнхене закрылась последняя еврейская школа [CPAE-1, 1987, с. 77, note 10]. Это связано с тем, что Бавария вошла с 1871 года в состав объединенной Германской империи, где формально было провозглашено равенство всех граждан перед законом, и евреи могли учиться в любой государственной школе или гимназии.

Родители начали готовить Альберта к школе с пяти лет, наняв ему домашнего учителя [Winteler-Einstein, 1987, с. lvii]. В начальные школы Баварии принимали учеников с шести лет². Религиозные занятия были в начальных школах обязательными. В той школе, в которую Альберт поступил в 1885 году, это были уроки католицизма. Те ученики, которым следовало посещать уроки иудаизма, должны были ходить в другую школу, где был соответствующий преподаватель. Родители Эйнштейна выбрали иной путь. Они пригласили в качестве домашнего учителя дальнего родственника [Winteler-Einstein, 1987, с. lix], которому поручили обучить мальчика основам иудаизма. Этому преподавателю удалось пробудить в Альберте религиозное чувство. Ученик выражал это чувство по-своему. Он даже сам сочинял короткие гимны во славу Господа, которые с большим чувством распевал дома и на улице [Reiser, 1930, с. 29]. Страстно повторял слова псалмов, пунктуально соблюдал религиозные предписания и заповеди, в частности, не ел свинину [Winteler-Einstein, 1987, с. lx]. Такой образ жизни он выбрал сам, не по указанию учителя или по примеру родителей, и сохранил его на долгие годы, даже когда религиозное чувство ослабло и было заменено другим — верой в познаваемость окружающего мира³.

О серьезности своего увлечения религией в юном возрасте Эйнштейн рассказал много лет спустя другу и соавтору по одной экспериментальной работе в «Немецком медицинском еженедельнике» доктору Гансу Мюзаму (Hans Mühsam). На вопрос Мюзамы, что бы с ним стало, родился Альберт в семье бедного еврея в России, Эйнштейн ответил: «Я бы, наверное, стал раввином где-нибудь в Сибири»⁴ [Seelig, 1960, с. 16].

Так получилось, что в школе он получал католическое религиозное образование, а дома — еврейское. Но это не вызывало в нем никакой раздвоенности сознания. Напротив, он ощущал сходство обеих религий, «истории Ветхого Завета и Путь скорби Иисуса действовали на него с одинаковой силой» [Reiser, 1930, с. 30].

² Точнее, ребенку должно исполниться шесть лет к концу календарного года, когда он поступил в школу [CPAE-1, 1987, с. lvii, note 38].

³ Вопреки распространенной легенде, Эйнштейн не был принципиальным вегетарианцем, но по своей воле и по рекомендациям врачей ел мало мяса [Calarice и др., 2015, с. 87].

⁴ Это высказывание говорит не только о серьезности увлечения Эйнштейна религией, но и об уровне географических познаний великого физика, считавшего, по-видимому, что в Сибири проживает много евреев.

Католический учитель нравился Альберту, правда, один эпизод школьной жизни, связанный с этим учителем, оставил горький след на всю жизнь. Однажды учитель принес на урок гвозди и рассказал школьникам, что именно такими гвоздями был прибит к кресту Иисус Христос. Этот рассказ вызвал у учеников антисемитские чувства, направленные против единственного еврея в классе — Альберта Эйнштейна⁵: «Альберт первый раз испытал на себе действие ужасного яда антисемитизма» [Reiser, 1930, с. 30].

В гимназии, в которую Эйнштейн перешел 1 октября 1888 года в возрасте девяти с половиной лет, положение резко изменилось, уроков католической веры он больше не посещал⁶. В отличие от начальной школы, где Эйнштейн был единственным еврейским учеником, в гимназии имени Луитпольда еврейские ученики составляли пять процентов всех учащихся, что в два с половиной раза превосходило средний процент еврейского населения Мюнхена. В классе, в котором учился Эйнштейн, кроме него, посещали занятия еще два еврейских гимназиста. Гимназия Луитпольда была на хорошем счету: число учеников постоянно росло. В год поступления Эйнштейна гимназия насчитывала 684 учащихся, а в 1894 году, когда Альберт досрочно покинул ее, число гимназистов выросло до 1330⁷. Классы были переполнены, на фотографии, на которой изображен Альберт в первый год учебы в гимназии, насчитывается пятьдесят его одноклассников [Fölsing, 1993, с. 31].

Либеральное руководство гимназии организовало специальные занятия по иудаизму как для своих учеников-евреев, так и для учащихся других школ Мюнхена. Еврейская община Мюнхена командировала в гимназию Луитпольда своих преподавателей иудаизма. Первые три года занятия вел Генрих Фридман, в старших классах — доктор Йозеф Перлес. Занятия по иудаизму проходили два раза в неделю. Обсуждались религиозные праздники, библейская история, читались избранные главы Торы, изучались основы иврита. Так как преподаватели иудаизма не были штатными сотрудниками гимназии, выполнение их заданий контролировалось не так строго. Об этом можно судить по словам Эйнштейна, сказанным через тридцать с лишним лет, в 1929 году, его бывшему преподавателю Генриху Фридману в ответ на поздравление по случаю пятидесятилетия автора теории относительности. Тогда юбиляр написал Фридману:

⁵ Карл Зелиг пишет: «Первый горький урок антисемитизма был получен Альбертом в гимназии Луитпольда, когда католический законоучитель, который вообще-то относился к нему неплохо, наглядно показал на уроке, как был пригвожден к кресту Христос» [Зелиг, 1964, с. 12]. Это неправильно, так как в гимназии Эйнштейну уже не нужно было посещать уроки католической религии. Это произошло не в гимназии, а в начальной школе.

⁶ Занятно, что разные биографы называют различным возраст Эйнштейна при поступлении в гимназию. Например, сестра Альберта Майя утверждает, что ее брату было тогда восемь с половиной лет [Winteler-Einstein, 1987, с. lx], а Бануш Хофман говорит о «десятилетнем возрасте» [Хофман и др., 1983, с. 22]. Рональд Кларк с ним согласен и называет год поступления 1889-й [Clark, 2005, S. 11], когда Эйнштейну уже исполнилось десять. Самое поразительное, что Джон Стэчел, главный редактор первого тома собрания документов об Эйнштейне, где верно указана в примечании 45 на странице lx дата поступления Альберта в гимназию (1 октября 1888 года), в своей книге «Эйнштейн от „Б“ до „Я“» ошибочно говорит о восьмилетнем возрасте Альберта при поступлении в гимназию [Stachel, 2002, с. 59].

⁷ Попутно следует отметить, что широко укоренившийся стереотип о «казарменной обстановке» в гимназии основан на воспоминаниях Эйнштейна, сделанных уже на склоне лет. Ни один родственник или знакомый юного Эйнштейна не зафиксировал хоть какую-то жалобу мальчика на обстановку в гимназии. Напротив, имеются воспоминания будущего знаменитого математика Абрахама Френкеля, учившегося в той же гимназии имени Луитпольда, что и Эйнштейн, в которых он называет гимназические годы «девятью счастливейшими годами» жизни. При этом надо учесть, что Френкель всегда был ортодоксальным соблюдающим евреем, так что отчуждение от остальных учеников он должен был почувствовать еще раньше Эйнштейна [Fölsing, 1993, с. 32].

Ваше поздравление тронуло меня и обрадовало. Как живые встали передо мной из прошлого мюнхенские дни моей молодости. Как часто я сожалел, что не был достаточно прилежен в изучении языка и литературы наших отцов. Часто читаю я что-то в библии, но первоначальный текст остается мне недоступен. В этом истинно нет Вашей вины; Вы храбро и энергично боролись против лени и глупости [Jammer, 1995, с. 24–25].

Когда Альберту исполнилось двенадцать, он под руководством Германа Фридмана и одного раввина стал готовиться к прохождению процедуры бар-мицва, означающую в иудаизме совершеннолетие мальчика и его полноценное членство в еврейской общине. Процедура должна была состояться в один из дней после тринадцатилетия, но не состоялась. И виной тому оказалось естествознание. Об этом чуть подробнее.

Макс Талмуд в роли наставника Эйнштейна

Пожалуй, единственным еврейским обычаем, которому следовали родители Альберта, был обычай приглашать на обед в шабат какого-нибудь бедного студента, изучавшего Талмуд. Еврейская община порекомендовала Эйнштейнам помогать студенту, который готовился стать не раввином, а медиком, правда, звали его, как по заказу, Макс Талмуд. С днем, когда Эйнштейны приглашали его на обед, у некоторых биографов и переводчиков возникли разночтения. Альбрехт Фельзинг, например, пишет, что у Эйнштейнов «шабат, разумеется, превратился в четверг» [Fölsing, 1993, с. 34]. Борис Григорьевич Кузнецов, в свою очередь, считает, что Макса Талмея⁸ приглашали «каждую пятницу» [Кузнецов, 1963, с. 10]. Карл Зелиг пишет дипломатично, не называя фамилии, что бедный польский студент-медик был приглашен в семью Эйнштейнов каждую неделю «накануне шабата» [Seelig, 1960, с. 15]. В русском переводе 1964 года и слово «шабат» выглядело вызывающе, поэтому переводчики написали просто: «По пятницам к ужину в дом Эйнштейнов неизменно приглашался бедный польский студент, изучавший в Мюнхене медицину» [Зелиг, 1964, с. 12]. Абрахам Пайс в своей знаменитой биографии Эйнштейна склоняется к версии четверга («every Thursday night» [Pais, 1982, с. 37]), который в русском переводе загадочным образом трансформировался во вторник, зато в 1989 году можно было уже назвать студента по имени: «Талмуд, бедный студент-медик, приходил обедать каждый вторник» [Пайс, 1989, с. 46]. Для меня самым весомым представляется мнение в некотором роде члена семьи Эйнштейна Рудольфа Кайзера, наверняка согласовавшего с тестем свой текст, в котором он пишет, что родители Альберта приглашали «бедного русско-еврейского студента на обед каждый четверг» [Reiser, 1930, с. 36].

Было бы логично считать, что эта разногласия относительно дня, когда Макс Талмуд приходил к Эйнштейнам на обед, вызвана простым недоразумением. Карл Зелиг, один из первых биографов Эйнштейна, выразился в своем роде четко: «накануне шабата». В еврейской традиции эти слова означают вечер пятницы, на идиш «эрев шабос», так как любой праздник начинается накануне вечером, в соответствии с заповедью «И был вечер, и было утро: день один» (Быт. 1:5). Поэтому авторы, повторяющие слова Зелига с заменой слов «накануне шабата» одним словом «пятница», казалось бы, правы, а те, кто пишет про четверг, а также заменяющие его на вторник,

⁸ В советское время фамилия Талмуд звучала с точки зрения цензуры непристойно, поэтому автор или редакторы использовали вариант фамилии, который Макс взял позже, уже будучи в Америке. Другой перевод его американской фамилии на русский — Талми (Talmey).

ошибаются. Другими словами, логично было бы считать, что Макса Талмуда приглашали на обед именно вечером в пятницу, когда с появлением первой звезды у евреев наступал шабат.

Однако я все же склоняюсь к допущению, что в семье Эйнштейнов шабат не соблюдался и Макса Талмуда принимали по четвергам. Аргумент в пользу такого мнения простой: об этом написал Рудольф Кайзер, Альберт Эйнштейн против этого не возражал, а он читал текст Кайзера, так что нам остается только в эту версию поверить, хотя и аберрации памяти у великого физика случались.

Принято считать, что именно Макс Талмуд «заразил» молодого Альберта любовью к естествознанию и философии. Это не совсем так. В воспоминаниях Макса Талми можно прочесть, что уже при их первой встрече Эйнштейн «показывал частичную склонность к физике и с удовольствием принимал участие в беседах о физических явлениях» [CPAE-1, 1987, с. lxii, note 54]. Альберту было десять с половиной лет, когда к ним стал регулярно приходить бедный студент из Польши. Видя интерес мальчика к естествознанию, Талмуд приносил ему для чтения книги Людвиг Бюхнера «Сила и материя», Александра фон Гумбольдта «Космос», многотомную серию «народных книг» по естествознанию Аарона Давида Бернштейна... В воспоминаниях Макс Талмуд описывает своего юного собеседника как «симпатичного темноволосого юношу» и называет его «хорошей иллюстрацией против теории Хьюстона Стюарта Чемберлена и других, которые пытаются доказать, что только раса блондинов порождает гениев» [Clark, 2005, с. 13].

Несмотря на разницу в возрасте, Альберт и Макс общались как товарищи, почти на равных, поэтому советы и указания студента-медика Эйнштейн воспринимал совсем не так, как ехидные замечания дяди Якова, вызывающие сомнения в собственных способностях. Беседы с Максом Талмудом не были похожи и на скучные уроки в гимназии, где учителя больше ценили знание пройденного материала, а не способности думать и искать новое.

Неожиданным результатом общения Альберта с Максом Талмудом и чтения предложенных им книг явилось охлаждение Эйнштейна к религии. В «Автобиографических заметках» он пишет:

Чтение научно-популярных книжек привело меня вскоре к убеждению, что в библейских рассказах многое не может быть верным. Следствием этого было прямо-таки фанатическое свободомыслие, соединенное с выводами, что молодежь умышленно обманывается государством; это был потрясающий вывод. Такие переживания породили недоверие ко всякого рода авторитетам и скептическое отношение к верованиям и убеждениям, жившим в окружавшей меня тогда социальной среде. Этот скептицизм никогда меня уже не оставлял, хотя и потерял свою остроту впоследствии, когда я лучше разобрался в причинной связи явлений [Эйнштейн, 1967а, с. 259–260].

Свободомыслие, проявленное Эйнштейном в решении порвать с религией, позволило ему понять главную цель жизни — познание окружающего мира. Научный рай заменил ему рай религиозный:

Для меня ясно, что утраченный таким образом религиозный рай молодости представлял первую попытку освободиться от пут «только личного», от существования, в котором господствовали желания, надежды и примитивные чувства. Там, во вне, существовал большой мир, существующий независимо от нас, людей, и стоящий перед нами как огромная вечная загадка, доступная, однако, по крайней мере отчасти,

нашему восприятию и нашему разуму. Изучение этого мира манило как освобождение, и я скоро убедился, что многие из тех, кого я научился ценить и уважать, нашли свою внутреннюю свободу и уверенность, отдавшись целиком этому занятию. Мысленный охват, в рамках доступных нам возможностей, этого внеличного мира представлялся мне наполовину сознательно, наполовину бессознательно как высшая цель. Те, кто так думал, будь то мои современники или люди прошлого, вместе с выработанными ими взглядами, были моими единственными и неизменными друзьями. Дорога к этому раю была не так удобна и завлекательна, как дорога к религиозному раю, но она оказалась надежной, и я никогда не жалел, что по ней пошел [Эйнштейн, 1967а, с. 260].

Космическая религия Эйнштейна

Отказ пройти процедуру бар-мицвы означал разрыв с еврейской традицией. Но формально о выходе из конфессии иудаизма Эйнштейн объявил в семнадцать неполных лет, когда в документах от 28 января 1896 года о прекращении его немецкого, точнее, вюртембергского гражданства он был записан как «konfessionslos» (не принадлежащий никакой конфессии) [CPAE-1, 1987, с. 20, doc. 16, note 1]. Этот статус он подтвердил, заполняя анкету в октябре 1900 года для получения швейцарского гражданства [CPAE-1, 1987, с. 269, doc. 82].

Один раз пришлось Эйнштейну временно изменить статус непринадлежности к какой-либо конфессии. Для получения первого звания ординарного профессора Немецкого университета в Праге в 1911 году Эйнштейн принял гражданство Австро-Венгрии, к которой тогда относилась Чехия, и стал членом еврейской общины Праги, без чего он не мог принести необходимую клятву для занятия должности государственного служащего. Этот шаг был для Эйнштейна пустой формальностью, что подтверждает Филипп Франк, близко знавший Эйнштейна в его пражский период жизни. Франк сам стал профессором Немецкого университета вместо Эйнштейна после возвращения того в Цюрих. Франк вспоминает:

Когда я познакомился с Эйнштейном, это было, кажется, в 1910 году, у меня сложилось впечатление, что он отрицает любую традиционную религию. Он тогда при назначении его в Прагу снова вступил в религиозную еврейскую общину, но воспринимал это как чистую формальность [Frank, 1979, с. 437].

Отношение взрослого Эйнштейна к религиозному обучению детей радикально изменилось по сравнению с тем, каким оно было, когда он сам был маленьким. Тогда он с восторгом встречал уроки иудаизма, которые он получал дома и в гимназии. Теперь же, когда его собственные дети пошли в начальную школу и должны были изучать религию, он был недоволен. Филипп Франк приводит слова Эйнштейна:

Мне вообще очень несимпатично то, что мои дети должны учиться тому, что противоречит научному мышлению [Frank, 1979, с. 437].

К этому Эйнштейн добавил слова знаменитого естествоиспытателя и философа Эрнста Геккеля о том, что в результате школьного образования «дети верят, что Бог представляет собой некоторый тип газообразного позвоночного животного» [Frank, 1979, с. 437].

Слушая некоторые высказывания Эйнштейна о религиозных обрядах, поверхностный наблюдатель мог бы назвать их циничными. Примеров таких высказыва-

ний можно привести немало. Однажды Эйнштейн участвовал в похоронах своего коллеги. С находившимся рядом участником траурной церемонии он поделился таким наблюдением:

Участие в похоронах напоминает мне чистку обуви. И то, и другое делается, чтобы в глазах окружающих выглядеть достойно [Frank, 1979, с. 438].

Циничным можно было бы назвать и ответ Эйнштейна одному ортодоксальному еврею, с которым они случайно встретились в полицейском участке в Праге, где оба решали какие-то проблемы с визами. Эйнштейна сопровождал Филипп Франк, который и рассказал эту историю. Незнакомец спросил Эйнштейна, не знает ли он кошерный ресторан в Праге. Эйнштейн назвал ему один, расположенный в каком-то отеле. Тогда незнакомец опять спрашивает, уверен ли он в том, что и отель строго кошерен. На что потерявший терпение Эйнштейн заявил: «Строго кошерно питается только бык». Неудивительно, что набожный незнакомец обиделся [Frank, 1979, с. 438], хотя формально поводов для обиды не было, слова Эйнштейна действительно правильные: бык питается травой, а это определено кошерная еда. Слово «циничные» к высказываниям Эйнштейна не подходит. Это его обычная манера прятать серьезность обсуждаемых понятий в игривую оболочку. Филипп Франк находит аналогию такому поведению в любимых Эйнштейном сонатах Моцарта, которые с тем же правом можно было назвать «циничными», ибо они показывают наш полный зла и трагедий мир в светлых и легких музыкальных образах.

Эйнштейн решительно был против того, чтобы религию противопоставляли науке или ею науку подменяли. В то же время Эйнштейн прекрасно понимал, что религия играет определенную роль в жизни многих людей, и относился к этому с пониманием. Светлые воспоминания об уроках католической веры в начальной школе и об уроках иудаизма в гимназии и дома сохранились у него на всю жизнь, как и ощущение того, что в христианстве и иудаизме, несмотря на все очевидные противоречия, есть общее духовное ядро. Когда штутгартский писатель Эдуард Бюшинг (Eduard Büsching) прислал ему свою книгу «Бога нет» («Es Gibt Keinen Gott»), Эйнштейн ответил в письме от 25 октября 1929 года, что в книге обсуждается лишь концепция «личного Бога». Он же представляет себе дело иначе:

Мы, последователи Спинозы, видим нашего Бога в чудесном порядке и закономерности сущего, а также в одухотворенности сущего, как она для нас раскрывается в людях и зверях. По-иному стоит вопрос, надо ли бороться с верой в персонального Бога. Фрейд в своей последней книге выступает сторонником такого подхода. Я же, со своей стороны, в такие предприятия не стал бы вступать, так как подобная вера кажется мне все же лучше, чем полное отсутствие какого-либо трансцендентального восприятия жизни, и мне кажется сомнительным, чтобы можно было бы предложить большинству людей какое-либо другое средство для удовлетворения метафизической потребности [Jammer, 1995, с. 34].

«Религия и наука» — статья 1930 года

В 1930-е и 1940-е годы Альберт Эйнштейн написал несколько серьезных статей, в которых обстоятельно рассказал о своем понимании сути религии. Первая из этой серии важных работ называлась «Религия и наука». Она была сначала опубликована 9 ноября 1930 года на английском языке на первой странице «New York Times Magazine», а через два дня на немецком в газете «Berliner Tagblatt». Статья вошла в сборник

«Mein Weltbild» [Einstein, 1983], первое издание которого вышло в 1934 году в Амстердаме. Русский перевод вошел в Собрание научных трудов Эйнштейна в четырех томах [Эйнштейн, 1967с] и перепечатывался потом в разных изданиях⁹. В этой статье Эйнштейн ищет ответа на вопрос: «Какие же чувства и потребности привели людей к религиозным идеям и вере в самом широком смысле этого слова?» [Эйнштейн, 1967с, с. 126]. Сама постановка такого вопроса показывает, что Эйнштейн резко отделяет себя от классических «религий откровения», в которых вера приходит к человеку свыше, а не рождается из его потребностей и чувств.

Эйнштейн рисует эволюцию религиозных взглядов от глубокой древности до наших дней:

У первобытных людей религиозные представления вызывает прежде всего страх, страх перед голодом, дикими зверями, болезнями, смертью. Так как на этой ступени бытия понимание причинных взаимосвязей обычно стоит на крайне низком уровне, человеческий разум создает для себя более или менее аналогичное существо, от воли и действий которого зависят страшные для него явления. После этого начинают думать о том, чтобы умиловить это существо [Эйнштейн, 1967с, с. 126].

Эту стадию Эйнштейн называет «религией страха». С развитием человечества происходит превращение религии страха в моральную религию:

Стремление обрести руководство, любовь и поддержку служит толчком к созданию социальной и моральной концепции бога. Божье провидение хранит человека, властвует над его судьбой, вознаграждает и карает его. Бог, в соответствии с представлениями людей, является хранителем жизни племени, человечества, да и жизни в самом широком смысле этого слова, утешителем в несчастье и неудовлетворенном желании, хранителем душ умерших. Такова социальная, или моральная, концепция бога [Эйнштейн, 1967с, с. 127].

В истории человечества переход от религии страха к моральной религии означает, по словам Эйнштейна, «важный прогресс». Конечно, и у первобытных людей, и современных культурных народов не существуют религии страха и моральной религии в чистом виде. «И те, и другие представляют собой нечто смешанное, хотя на более высоких ступенях развития общественной жизни моральная религия преобладает» [Эйнштейн, 1967с, с. 127].

Главное, что объединяет религию страха и моральную религию — это, как выразился Эйнштейн, «антропоморфный характер идеи Бога» [Эйнштейн, 1967с, с. 127]. Другими словами, не Бог создал человека по образу и подобию своему, а человек создал Бога по своему образу и подобию. Немногие выдающиеся личности и отдельные высокоразвитые общества смогли преодолеть этот уровень и подняться к третьей ступени религиозности, которую Эйнштейн назвал «космическим религиозным чувством». Это понятие не имеет строгого определения, но Эйнштейн пытается пояснить его такими словами:

Индивидуум ощущает ничтожность человеческих желаний и целей, с одной стороны, и возвышенность и чудесный порядок, проявляющийся в природе и в мире идей, — с другой. Он начинает рассматривать свое существование как своего рода

⁹ В сборнике переводов статей Альберта Эйнштейна «Бог не играет в кости» эта работа названа «Наука и религия» [Эйнштейн, 2020, с. 105–110] вместо «Религия и наука», что выходит за рамки допустимой свободы перевода. Тем более у Эйнштейна есть еще две статьи, названные им «Наука и религия».

тюремное заключение и лишь всю Вселенную в целом воспринимает как нечто единое и осмысленное. Зачатки космического религиозного чувства можно обнаружить на более ранних ступенях развития, например, в некоторых псалмах Давида и книгах пророков Ветхого завета. Гораздо более сильный элемент космического религиозного чувства, как учат нас работы Шопенгауэра, имеется в буддизме [Эйнштейн, 1967с, с. 127].

Именно космическая религия, по мнению Эйнштейна, тесно связана с наукой и искусством. С одной стороны, наука и искусство пробуждают и поддерживают космическое религиозное чувство «у тех, кто способен его переживать». С другой стороны, говорит Эйнштейн, «я утверждаю, что космическое религиозное чувство является сильнейшей и благороднейшей из пружин научного исследования» [Эйнштейн, 1967с, с. 129].

Пропасть между наукой и религией, которая на протяжении веков была всем очевидна, исчезает, если вместо традиционных религий рассматривать космическое религиозное чувство. Эйнштейн убежден, что без этого чувства подлинная наука невозможна:

Только те, кто сможет по достоинству оценить чудовищные усилия и, кроме того, самоотверженность, без которых не могла бы появиться ни одна научная работа, открывающая новые пути, сумеют понять, каким сильным должно быть чувство, способное само по себе вызвать к жизни работу, столь далекую от обычной практической жизни. Какой глубокой уверенностью в рациональном устройстве мира и какой жадной познания даже мельчайших отблесков рациональности, проявляющейся в этом мире, должны были обладать Кеплер и Ньютон, если она позволила им затратить многие годы упорного труда на распутывание основных принципов небесной механики! [Эйнштейн, 1967с, с. 128–129].

Человек, совершающий революцию в науке, часто должен идти один против установившихся мнений и предрассудков. Нужно обладать сильной верой в правильность выбранного пути, чтобы выдержать скептическое отношение своего окружения к тому, чем ты занимаешься. Эйнштейн со знанием дела пишет:

Только тот, кто сам посвятил свою жизнь аналогичным целям, сумеет понять, что вдохновляет таких людей и дает им силы сохранять верность поставленной перед собой цели, несмотря на бесчисленные неудачи. Люди такого склада черпают силу в космическом религиозном чувстве. Один из наших современников сказал, и не без основания, что в наш материалистический век серьезными учеными могут быть только глубоко религиозные люди [Эйнштейн, 1967с, с. 129].

Эйнштейн не случайно упомянул Кеплера и Ньютона, творцов небесной механики, представляющей собой торжество детерминизма в науке. Для Эйнштейна детерминизм, то есть строгая предопределенность будущего прошлым, хоть и не является необходимым свойством объективной реальности, но лежит очень близко к тому, как он ее понимал. Знаменитое «Бог не играет в кости» по-иному выражает ту же мысль. В небольшой заметке «Религиозность исследования» [Einstein, 1983b, с. 18] Эйнштейн выражается предельно ясно:

Исследователь убежден в существовании причины всего сущего. Будущее для него не менее необходимо и определено, чем прошлое. В моральных принципах для него нет ничего божественного, это чисто человеческое дело. Его религиозное чувство имеет форму восторженного изумления гармонией законов природы, которая проявляется в разумности такой мощи, что в сравнении с ней все систематические мысли

и действия человеческих существ кажутся лишь совершенно незначительным отражением [Einstein, 1983b, с. 18].

В этом лежит одна из причин, почему Эйнштейн до конца жизни не мог смириться с вероятностной природой квантовой механики в ее копенгагенской интерпретации.

«Цель» — статья 1939 года

Для конференции Американской ассоциации теологических школ, которая состоялась 19 мая 1939 года в Принстоне, Эйнштейн написал текст выступления под названием «Цель», который потом был опубликован в сборнике «Из моих поздних лет» с другим заголовком: «Естествознание и религия» [Einstein, 1983a]¹⁰.

В начале этой работы Эйнштейн напоминает, что уже не одно столетие принято было считать, что между знанием и верой существует непреодолимое противоречие. Очень многие образованные люди уверены, что вера должна уступить свое место знанию, что «вера, не основанная на знании — это предрассудок, и с этим нужно бороться» [Эйнштейн, 2020, с. 111]. Возражая против этого мнения, автор подчеркивает разницу между знанием реального положения дел и целью, к которой нужно стремиться:

...знание того, что есть, не открывает дверь к открытию того, что должно быть. Можно иметь самое ясное и полное знание о том, что есть, и в то же время быть не в состоянии вывести из этого, что должно быть целью наших человеческих устремлений. Объективное знание предоставляет нам мощные средства для достижения конкретных целей, но конечная цель сама по себе и средства ее достижения должны прийти из другого источника» [Эйнштейн, 2020, с. 112].

Отсюда следует, что «убеждения, необходимые и определяющие для нашего поведения, и умения правильно реагировать на обстановку, нельзя найти исключительно только на этой твердой научной почве» [Эйнштейн, 2020, с. 112].

Эйнштейн находит короткую, но выразительную формулу, связывающую знания и цели: «Знание того, что есть, не открывает дверь к открытию того, что должно быть» [Эйнштейн, 2020, с. 112].

Или более подробно:

Можно иметь самое ясное и полное знание о том, что есть, и в то же время быть не в состоянии вывести из этого, что должно быть целью наших человеческих устремлений. Объективное знание предоставляет нам мощные средства для достижения конкретных целей, но конечная цель сама по себе и средства ее достижения должны прийти из другого источника. И вряд ли нужно доказывать, что наше существование и наша деятельность обретают смысл только после формулировки такой цели и соответствующих ценностей [Эйнштейн, 2020, с. 112].

Именно в формировании «конечной цели» Эйнштейн видит определяющую роль религии:

Интеллект раскрывает для нас взаимоотношение средств и целей. Но разум сам по себе не может разъяснить смысл конечных фундаментальных целей. Выявить эти

¹⁰ В русском переводе этой статьи в сборнике «Бог не играет в кости» [Эйнштейн, 2020, с. 111–114] название переведено как «Наука и религия» и снабжено подзаголовком «продолжение», которого нет в оригинале.

цели и сделать их основой эмоциональной жизни индивидуума, — именно в этом, как мне представляется, состоит наиболее важная функция религии в социальной жизни человека [Эйнштейн, 2020, с. 112–113].

Отсюда, естественно, возникает вопрос: а почему этим фундаментальным целям надо верить? Ведь обосновать их, опираясь только на здравый смысл, невозможно. Эйнштейн утверждает, что их и не нужно обосновывать:

Они существуют в здоровом обществе как прочные традиции, которые действуют на поведение, стремления и оценки людей, они с нами, они просто существуют как нечто живое без того, чтобы нуждаться в нахождении обоснования для их существования. Они пришли в мир не через демонстрацию, но через откровение, через посредство ярких личностей. Не следует пытаться оправдать их, нужно только просто и ясно ощущать их природу [Эйнштейн, 2020, с. 113].

Из всех традиционных религий Эйнштейн выделяет «еврейско-христианскую», а по сути, просто иудейскую:

Высшие принципы наших устремлений и оценки даны нам еврейско-христианской религиозной традицией. Она ставит высокую цель, которую при нашей слабости мы в состоянии достичь только неполностью, но которая дает прочное основание нашим устремлениям и оценкам. Если отвлечься от ее религиозной формы и взглянуть просто на ее человеческую сторону, можно было бы, вероятно, сформулировать ее так: свободное и ответственное развитие индивидуума, такое, чтобы он мог свободно и с радостью поставить свои силы на службу всему человечеству [Эйнштейн, 2020, с. 113].

В выборе этой традиции как основополагающей сыграли роль уроки иудаизма, полученные Эйнштейном в начальной школе и в гимназии. В заповедях иудаизма Эйнштейн увидел основы демократии:

Именно индивидууму дана душа, и высшее назначение индивидуума служить, а не править или посвятить себя чему-либо иному. Если посмотреть на суть, а не на форму, можно принять эти слова как выражение фундаментальных принципов демократии. Подлинный демократ может столь же мало поклоняться своей нации, сколь и человек, религиозный в нашем понимании этого термина [Эйнштейн, 2020, с. 113–114].

Для Эйнштейна религиозные принципы смыкаются с «фундаментальными принципами демократии», с основными принципами жизни цивилизованного человека, который свою цель видит в служении обществу. Обучать детей в школе нужно так, чтобы эти принципы «стали для него воздухом, которым он дышит» [Эйнштейн, 2020, с. 114]. В современной жизни, как считал Эйнштейн, эти принципы далеки от реализации. Отсюда проистекает «смертельная опасность» для цивилизованного человечества:

В тоталитарных странах опасность исходит от правителей, которые стремятся уничтожить дух гуманизма. В более благополучных странах опасность удушения этих бесценных обычаев исходит от национализма и нетерпимости, а также от подавления индивидуумов экономическими средствами [Эйнштейн, 2020, с. 114].

Подчеркивание опасности от национализма и нетерпимости, Эйнштейн показывает, что он прекрасно чувствует время: в мае 1939 года человечество стояло на пороге Второй мировой войны, Германия уже аннексировала Австрию и прошла через Хрустальную ночь.

По сравнению с первой статьей «Религия и наука», опубликованной в журнале «New York Times Magazine» в 1930 году, выступление на конференции Американской ассоциации теологических школ, которая состоялась 19 мая 1939 года в Принстоне, не содержит упоминаний о «религии страха» и «моральной религии», ничего не говорит об эволюции религии, наверное, потому, что слушателями были теологи. Доклад не случайно назывался «Цель», то есть цель человеческих стремлений и действий. А она, по мнению Эйнштейна, состояла в освобождении от эгоистических интересов и в свободном и сознательном служении человечеству. А то, что взгляды Эйнштейна на науку и религию, высказанные почти десять лет назад, не изменились, свидетельствует его вторая статья с таким же названием «Естествознание и религия», датированная 1941 годом [Einstein, 1953b] (русский перевод в книге «Бог не играет в кости» [Эйнштейн, 2020, с. 115–121]¹¹).

Вновь возвращаясь к теме взаимоотношений между наукой и религией, Эйнштейн дает определение религиозного человека:

Религиозно просвещенный человек представляется для меня человеком, который в максимально возможной для него степени освободил себя от пут эгоистических желаний и поглощен мыслями, чувствами и стремлениями, которых он придерживается ввиду их сверхличностного характера. Мне кажется, что важна сила сверхличностного содержания и глубина убеждения в его всемогущей значимости безотносительно от того, делалась ли попытка объединить это с божественным Существом, ибо в противном случае нельзя было бы считать Будду или Спинозу религиозными личностями [Эйнштейн, 2020, с. 115].

Согласно этому определению, и самого Эйнштейна можно было бы назвать «религиозным неверующим человеком». И саму религию Эйнштейн определяет так:

В этом смысле религия является вековой попыткой человечества ясно и полностью осознать эти ценности и цели и усиливать и расширять их влияние [Эйнштейн, 2020, с. 116].

В этом смысле конфликт между религией и наукой невозможен:

В науке можно только удостовериться в том, что есть, но не в том, что должно быть. Религия, с другой стороны, имеет дело только с оценками человеческих мыслей и поступков. Она не может обоснованно говорить о фактах и взаимоотношениях между ними [Эйнштейн, 2020, с. 116].

Все конфликты науки и религии в прошлом происходили из-за того, что или религия пыталась вторгнуться в сферу науки (борьба церкви против Галилея и Дарвина) или представители науки пытались добиться оценки человеческих ценностей научными методами, вторгаясь в сферу религии.

Но несмотря на то, что сферы деятельности науки и религии чутко разделены, между ними возможно тесное сотрудничество. Во-первых, религия не только ставит цели,

¹¹ В конце русского перевода неверно написано: «Впервые опубликовано в 1956 г.». Правильный год первой публикации – 1941-й.

она, по словам Эйнштейна, научилась у науки определять и средства, которые приведут к достижению целей, ею же и намеченных. Во-вторых, Эйнштейн уверен, что подлинная наука тоже немыслима без религии, ибо без веры невозможно познание окружающего мира:

Наука может развиваться только теми, кто полностью впитал в себя стремление к истине и пониманию. Это стремление, однако, проистекает из сферы религии. К ней же принадлежит вера в возможность, что правила, пригодные для мира сущего, рациональны, то есть доступны разуму. Я не могу представить себе подлинного ученого без этой глубокой веры [Эйнштейн, 2020, с. 117].

Фактически это другими словами повторенная фраза, сказанная более десяти лет назад: «Серьезными учеными могут быть только глубоко религиозные люди». Взгляды взрослого Эйнштейна на религию мало менялись с годами. Для связи религии и науки Эйнштейн нашел яркий, легко запоминающийся афоризм: «Наука без религии хрома, религия без науки слепа» [Эйнштейн, 2020, с. 117].

Еще в одном вопросе Эйнштейн возвращается к мыслям, изложенным в его статье 1930 года. Речь идет о личной концепции всемогущего Бога, якобы создавшего человека по своему образу и подобию:

На ранних этапах духовной эволюции человечества человеческая фантазия создала по образу и подобию человека богов, которые, действуя по своей воле, должны были определять мир явлений или, во всяком случае, повлиять на него. Люди считали, что можно изменить предначертания богов в свою пользу посредством магии или молитвы. Идея Бога, как ее подает религия, в настоящее время является сублимацией этой старой концепции богов. Ее антропоморфный характер вытекает, например, из того факта, что человек обращается к божеству в молитве и просит его о выполнении своих желаний [Эйнштейн, 2020, с. 117].

Проблема, на которую обращает внимание Эйнштейн, стара — еще в средние века обсуждался софизм, как может наряду со всемогуществом Бога, создавшего все на свете, существовать свобода воли и, следовательно, ответственность человека за свои поступки. Представление о существовании личного Бога является, по мнению Эйнштейна, «источником современных конфликтов между сферами религии и науки» [Эйнштейн, 2020, с. 118]. Наука категорически отрицает доктрину Бога как личности, которая вмешивается в природные явления. Цель науки, пишет Эйнштейн, «установить общие правила, которые определяют взаимосвязи объектов и событий в пространстве и времени» [Эйнштейн, 2020, с. 118]. Эти правила, или законы природы, должны применяться без каких-либо ограничений. Такое предположение лежит в основе объективной науки, его нельзя строго доказать, но все без исключения достижения современной науки этот постулат подтверждают. Тем не менее некоторые представители религии отстаивают доктрину Бога, вмешивающегося в природные явления и в судьбы людей. Эйнштейн убежден, что такое поведение части религиозных учителей не только недостойно, но и фатально:

Ибо доктрина, которая способна поддерживать себя только в потемках, а не при ясном свете, по необходимости потеряет свое влияние на человечество, что нанесет непредсказуемый вред прогрессу человечества. В своей борьбе за этическое добро учителя от религии должны иметь мужество отказаться от доктрины Бога как личности, то есть отказаться от этого источника страха и надежды, который в прошлом

дал такую всеобъемлющую власть в руки служителей церкви. В своих работах они должны будут посвятить себя тем силам, которые способны культивировать Божественность, Истину и Красоту в самом человечестве. Это, конечно, более трудная, но и несравненно более достойная задача. После того, как религиозные учителя осуществят этот процесс обновления, они, безусловно, признают с радостью, что научное знание возвеличивает истинную религию и делает ее более мудрой [Эйнштейн, 2020, с. 119–120].

Эта цитата еще раз показывает, что Эйнштейн спустя десятилетие после статьи 1930 года по-прежнему верен идее «космической религии», весьма далекой от канонических основных религий его времени. Эйнштейн твердо верит, что в природе царит порядок. В этом и суть его космической религии. Порядок проявляется прежде всего в том, что каждое явление имеет свою причину. Зная причину и законы природы, мы можем достаточно точно предсказать, как будет развиваться явление в будущем. И если мы еще не умеем точно предсказывать погоду на несколько дней вперед, то не из-за отсутствия порядка в природе, а из-за разнообразия влияющих факторов. Эйнштейн подчеркивает:

Чем больше человек проникается упорядоченной регулярностью всех событий, тем тверже его убеждение, что вне упорядоченной регулярности причин различной природы ничего нет. Для него не существует ни господства человека, ни господства божества как независимых причин явлений природы [Эйнштейн, 2020, с. 119].

«Я хочу узнать Его помыслы»

Из-за этой уверенности, что мир создан познаваемым и каждое физическое явление имеет доступную нашему разуму причину, Эйнштейн разошелся во взглядах на квантовую механику с Нильсом Бором и другими сторонниками копенгагенской интерпретации этой науки. Обсуждение различных подходов к проблеме существования объективной реальности заслуживает отдельной работы, здесь же мы подчеркнем только очевидную связь позиции Эйнштейна с религиозными представлениями о сотворении мира в иудаизме, впоследствии принятыми и христианством. С этими представлениями Эйнштейн познакомился еще ребенком, а став взрослым, он превратил их в свою космическую религию, суть которой он выразил в письме другу Соловину от 1 января 1951 года:

Не могу найти выражения лучше, чем «религия», для обозначения веры в рациональную природу реальности, по крайней мере той ее части, которая доступна человеческому сознанию [Эйнштейн, 1967e, с. 564].

В таком же духе высказывался Эйнштейн и позже, практически не изменяя себе до конца дней. Вот пример, взятый из письма писателю Марвину Магаленеру (Marvin Magalener) от 26 апреля 1947 года:

Мне кажется, что идея личностного Бога — это такая антропоморфическая концепция, которую я не могу воспринимать серьезно. Я чувствую также, что не могу вообразить волю или цель вне человеческой сферы. Мои взгляды близки взглядам Спинозы: восхищение красотой и вера в логическую простоту порядка и гармонии, которую мы смиренно осознаем в меру нашего несовершенства. Я верю, что мы должны довольствоваться несовершенным знанием и пониманием и относить-

ся к ценностям и моральным обязательствам как чисто человеческим проблемам — самым важным из всех человеческих проблем [Jammer, 1995, с. 52].

В короткой заметке «Религия и наука: несовместимы?», опубликованной в 1948 году, Эйнштейн отрицательно отвечает на поставленный в заглавии вопрос. Религия не должна вмешиваться в сферу науки, ее задача — воспитание людей в духе человеческого братства и сотрудничества. Судя по состоянию общества и во времена Эйнштейна, и в наше время, эта задача еще очень далека от выполнения, но Эйнштейн верит, что ее решение возможно. А влияние религии на науку он видит вот в чем:

Хотя это правда, что научные результаты совершенно независимы от религиозных или моральных соображений, все те люди, которым мы обязаны великими творческими достижениями науки, были проникнуты истинно религиозным убеждением в том, что наша вселенная является чем-то совершенным и поддающимся нашему стремлению к рациональному познанию. Если бы это убеждение не было столь сильно эмоциональным и если бы те, кто ищет знания, не были вдохновлены «Amor Dei Intellectualis»¹² Спинозы, они вряд ли были бы способны на ту неутомимую преданность, которая одна только и позволяет человеку добиться своих величайших достижений [Einstein, 1948, с. 20].

О своей «религиозности» Альберт Эйнштейн выразительно сказал в короткой речи, названной им «Мое кредо», записанной немецкой «Лигой человеческих прав» на патефонную пластинку весной 1932 года. Эту пластинку разыскал после войны и записал текст выступления Эйнштейна немецкий историк Фридрих Гернек (Friedrich Herneck) [Herneck, 1976, с. 98–102]. Заключительный абзац этой речи Эйнштейна звучит торжественно:

Самое прекрасное и глубокое переживание, выпадающее на долю человека, — это ощущение таинственности. Оно лежит в основе религии и всех наиболее глубоких тенденций в искусстве и науке. Тот, кто не испытал этого ощущения, кажется мне, если не мертвецом, то во всяком случае слепым. Способность воспринимать то непостижимое для нашего разума, что скрыто под непосредственными переживаниями, чья красота и совершенство доходят до нас лишь в виде косвенного слабого отзвука, — это и есть религиозность. В этом смысле я религиозен. Я довольствуюсь тем, что с изумлением строю догадки об этих тайнах и смиренно пытаюсь мысленно создать далеко не полную картину совершенной структуры всего сущего [Эйнштейн, 1967d, с. 176].

Слова об «ощущении таинственности» естественно вызывают вопрос: а не был ли Эйнштейн мистиком? На этот вопрос сам Эйнштейн ответил дважды. Первый раз — в самом зените славы, в феврале 1921 года, в письме одной знакомой из Вены:

Мистический ход нашего времени, который особенно проявляется в росте так называемой теософии и спиритизма, для меня просто симптом слабости и распада [Jammer, 1995, с. 53].

На закате жизни Эйнштейн написал такие строки:

То, что я вижу в природе, — это великолепная структура, которую мы способны постичь лишь весьма несовершенно и которая должна наполнять разумного чело-

¹² Amor Dei Intellectualis (лат.) — интеллектуальная любовь к Богу. Выражение Спинозы.

века чувством «смирения». Это поистине религиозное чувство, не имеющее ничего общего с мистикой [Einstein, 2013, с. 132].

Эйнштейн не был мистиком, но и атеистом его назвать было бы неправильно. По его высказываниям складывалось противоположное мнение. В докладе на торжествах по случаю столетнего юбилея ученого швейцарский писатель Фридрих Дюрренматт заявил: «Эйнштейн так часто говорил о Боге, что я вот-вот начну подозревать, будто он был замаскированный теолог» [Dürrenmatt, 1979, с. 12].

Через несколько месяцев после смерти Эйнштейна издающийся в Лондоне журнал «The Listener» («Слушатель») опубликовал «Разговор с Эйнштейном», в котором приводится мысль ученого о цели его научного поиска:

Я хочу знать, как Бог создал этот мир. Меня не интересует то или иное явление, спектр того или иного элемента. Я хочу узнать Его помыслы, все остальное — детали (цитируется по книге [Jammer, 1995, с. 54]).

Экспериментальная метафизика

В июне 1921 года Эйнштейна пригласили прочитать лекции о теории относительности в Манчестере и Лондоне. Перед возвращением в Берлин в честь Эйнштейна устроили большой прием, на который были приглашены знаменитости, среди них Артур Эддингтон, Бернард Шоу, архиепископ Кентерберийский... На вопрос архиепископа, оказала ли теория относительности какое-нибудь влияние на теологию, Альберт Эйнштейн ответил: «Никакого. Теория относительности — это чисто научная теория и ничего общего с религией не имеет» [Jammer, 1995, с. 58].

Такой категорический ответ в отношении квантовой механики будет вряд ли справедлив, ибо знаменитые споры Альберта Эйнштейна и Нильса Бора о полноте новой науки о микромире явно имеют религиозную основу. Известный специалист по молекулярной биологии Гюнтер Зигмунд Стенш, после эмиграции из Германии в США ставший Гюнтером Стентом, написал к столетию со дня рождения Эйнштейна заметку в журнал «The Science», в которой дает ответ на вопрос, почему дебаты Эйнштейна и Бора, а также знаменитая статья Эйнштейна, Подольского и Розена имеют такое важное значение. Ответ Стента прост: «Потому что, на мой взгляд, действительным предметом этих споров и статьи является не теоретическая физика, а Бог» (цитируется по [Jammer, 1995, с. 69]).

По мнению Стента, в дебатах Эйнштейна и Бора, в том числе в статье Эйнштейна, Подольского и Розена, речь идет о выраженном на языке теоретической физики конфликте между религиозной верой и атеистическим мировоззрением. При этом Эйнштейн представляет точку зрения традиционной монотеистической религии Запада, а Бор — позицию ученых-атеистов, которым близки мистические взгляды Древнего Китая, Индии и Японии.

О связи квантовой механики с религиозными взглядами говорил Нильс Бор в 1937 году на конгрессе в Болонье, посвященном двухсотлетию Луиджи Гальвани. В своем докладе Бор подчеркнул существенное отличие классической физики, в которой наблюдаемый объект строго отделен от наблюдателя, и квантовой механики, в которой подобное отделение невозможно. Ситуацию, подобную квантовой механике, можно видеть и в других областях знания, далеких от физики, например в психологии или в теории познания. Бор продолжает:

...это те проблемы, с которыми уже столкнулись такие мыслители, как Будда и Лао Цзы, когда пытались согласовать наше положение как зрителей и как действующих лиц в великой драме существования [Бор, 1971, с. 256].

Выступая 16 сентября 1927 года на конференции в Комо, посвященной столетию со дня смерти Алессандро Вольты, Нильс Бор сделал следующее заявление, вошедшее в его статью «Квантовый постулат и новейшее развитие атомной теории», опубликованную в журнале «Nature» в следующем году:

Следовательно, в соответствии с самой природой квантовой теории мы должны считать пространственно-временное представление и требование причинности, соединение которых характеризует классические теории, как дополнительные, но исключают одна другую черты описания содержания опыта; эти черты символизируют идеализацию возможностей наблюдения и, соответственно, определения [Бор, 1971а, с. 31].

Чуть более подробно об этих проблемах Нильс Бор рассказал в статье «Причинность и дополнительность», опубликованной в журнале «Erkenntnis» в 1937 году. В ней он утверждает, что в области явлений квантовой физики «вступают в силу закономерности особенного рода, которые не могут быть включены в рамки причинного описания» [Бор, 1971b, с. 205].

Этот казавшийся сначала парадоксальным результат основывается на том, что «в указанной области нельзя более провести четкую грань между самостоятельным поведением физического объекта и его взаимодействием с другими телами, используемыми в качестве измерительных приборов» [Бор, 1971b, с. 205].

И главная мысль Нильса Бора:

Это обстоятельство фактически означает возникновение совершенно новой ситуации в физике в отношении анализа и синтеза опытных данных. Она заставляет нас заменить классический идеал причинности некоторым более общим принципом, называемым обычно «дополнительностью» [Бор, 1971b, с. 205].

Бор отмечает, что «мы и в других областях человеческого познания сталкиваемся с видимыми противоречиями, которые могут быть устранены только с помощью принципа дополнительности» [Бор, 1971b, с. 209].

Эта концепция Нильса Бора породила обширную литературу, в которой принцип дополнительности применяется к исследованию взаимоотношений между наукой и религией, между различными религиями и между различными аспектами религиозных традиций. Достаточно полный обзор такой литературы дан в статье Сола Рестиво (Sal P. Restivo) «Параллели и парадоксы в современной физике и восточном мистицизме» [Restivo, 1978].

Принцип дополнительности, лежащий в основе копенгагенской интерпретации квантовой механики, поддержали практически все физики, работавшие в этой области. Из крупных ученых несогласным с таким подходом к изучению природы был только Альберт Эйнштейн и отчасти Эрвин Шрёдингер.

Другой стороной отсутствия причинности выступал отказ от понятия «физическая реальность». Согласно квантовой механике, нельзя было говорить, например, о физической реальности координат электрона, пока над ним не произведено соот-

ветствующее измерение. С этим Эйнштейн смириться не мог. Он считал такое положение дел не свойством природы, а недостатком квантовой механики, ее неполнотой, хотя в своих расчетах вероятностей различных событий она дает совершенно правильные результаты.

Кульминацией многолетних споров Эйнштейна и Бора об основаниях и полноте квантовой механики явилась упомянутая статья Альберта Эйнштейна (совместно с Б. Подольским и Н. Розеном) «Можно ли считать квантовомеханическое описание физической реальности полным?» [Эйнштейн, 1966а], известная как «трактат ЭПР» или «парадокс ЭПР». В статье был предложен мысленный эксперимент, который должен был доказать, что квантовая механика не полна, так как из эксперимента следовало, что можно получить о микроскопическом объекте больше информации, чем могла предложить теория.

Более подробно свое мнение о проблеме Эйнштейн выразил в статье «Квантовая механика и действительность», опубликованной в 1948 году [Эйнштейн, 1966б]. Он рассматривает свободную частицу, состояние которой описывается в квантовой механике волновой функцией. Согласно основным положениям квантовой механики, такая частица не имеет ни точно определенного количества движения (импульса), ни точно определенного положения в пространстве. В вопросе о том, имеет ли частица определенное положение в пространстве и определенный импульс, физики расходятся. Эйнштейн относится к тому меньшинству, которое считает, что «в действительности (свободная) частица имеет определенное положение в пространстве и определенный импульс, если даже они в том же индивидуальном случае не могут быть одновременно установлены путем измерения» [Эйнштейн, 1966б, с. 612]. Подавляющее большинство его коллег, напротив, убеждены в том, что ситуация прямо противоположная:

Частица не имеет в действительности ни определенного импульса, ни определенного положения в пространстве; описание с помощью волновой функции является в принципе полным описанием. Точное местоположение частицы, которое я получаю в результате его измерения, не может быть интерпретировано как местоположение частицы до измерения. Точная локализация, которая обнаруживается при измерении, будет проявляться только через неизбежное (не несущественное) воздействие измерения. Результат измерения зависит не только от реального положения частицы, но также и от принципиально неполного знания природы механизма измерения. Аналогично обстоит дело и в том случае, когда измеряется импульс или некоторая другая относящаяся к частице наблюдаемая величина. Это, пожалуй, наиболее предпочтительная у физиков современная интерпретация; следует признать, что в рамках квантовой механики только она естественным образом согласуется с эмпирическими фактами, выраженными в принципе неопределенности Гейзенберга [Эйнштейн, 1966б, с. 613].

Рассуждениями, сходными с теми, которые были применены в «парадоксе ЭПР», Эйнштейн пытается доказать, что описанная выше ситуация, одобряемая большинством физиков, противоречит, с его точки зрения, бесспорному принципу сепарабельности: разнесенные достаточно далеко друг от друга две материальные системы не могут мгновенно воздействовать друг на друга, так как подобное противоречило бы принципу близкодействия, лежащему в основе теории поля. Сам он был всю жизнь убежден, что

там, во вне, существовал большой мир, существующий независимо от нас, людей, и стоящий перед нами как огромная вечная загадка, доступная, однако, по крайней мере отчасти, нашему восприятию и нашему разуму [Эйнштейн, 1967а, с. 260].

Но большинство физиков вслед за Нильсом Бором отказывались рассматривать «большой мир, существующий независимо от нас». Мир раскрывается нам в процессе наблюдения или опыта, говорить же о состоянии мира до наблюдения квантовая механика запрещает. Мы не только сторонние наблюдатели, но и участники процесса наблюдения, или, по словам Нильса Бора, «зрители и действующие лица в великой драме существования».

Чтобы опровергнуть мнение Нильса Бора и его последователей, Эйнштейн рассматривает такой мысленный эксперимент, развивающий парадокс ЭПР:

Рассмотрим физическую систему S_{12} , которая состоит из двух подсистем: S_1 и S_2 . Обе эти подсистемы в прошлом могли находиться в физическом взаимодействии. Но мы рассматриваем их в момент времени t , когда это взаимодействие уже отсутствует [Эйнштейн, 1966b, с. 614].

Если квантовая механика была бы полной наукой, то каждая из подсистем должна была бы описываться своей волновой функцией, включающей всю информацию о данной подсистеме. Например, если известна координата одной из частиц, входящих в подсистему S_2 , то волновая функция этой подсистемы будет одна, а если известен импульс этой частицы, то другая. Согласно методике ЭПР, мы можем определить координату частицы в S_2 , проводя измерения в S_1 , вообще никак подсистему S_2 не затрагивая. В зависимости от результата измерения в S_1 подсистема S_2 будет описываться разными волновыми функциями, что должно свидетельствовать о том, что волновая функция не дает полного описания системы, другими словами, квантовая механика не полна.

Такого вывода можно было бы избежать только одним из двух способов. Или надо предположить, что измерение над S_1 изменяет (телепатически) реальное состояние S_2 , или же надо отрицать, что вещи, пространственно отделенные друг от друга, вообще могут иметь независимые реальные состояния. То и другое представляется мне совершенно неприемлемым [Эйнштейн, 1967а, с. 290].

Выражение «телепатическое дальное действие» употреблено Эйнштейном, скорее всего, иронически, но оно подчеркивает связь неприемлемого для него отказа от сепарабельности с паранормальными явлениями типа телепатии, телекинеза, ясновидения и прочей мистикой, характерной для религий Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Не случайно именно такие взгляды были близки Нильсу Бору, который не раз отмечал элементы его принципа дополнителности в восточном мистицизме.

Как мы знаем, Нильс Бор объяснил кажущиеся противоречия парадоксов Эйнштейна, рассмотрев свойства так называемых «запутанных частиц», ставших важным объектом современной квантовой механики. Казавшийся чисто философским спор Эйнштейна и Бора в результате гениального открытия ирландского волшебника Джона Белла был переведен в проверяемое в эксперименте событие, а череда тончайших экспериментов, проведенных в разных странах и лабораториях, однозначно показала справедливость позиции Нильса Бора и его последователей. Казавшееся Эйнштейну «совершенно неприемлемым» нарушение принципа сепарабельности, а вместе с ним отсутствие физической реальности были экспериментально установлены с высочайшей степенью достоверности. За эти эксперименты группа физиков-экспериментаторов была удостоена Нобелевской премии по физике за 2022 год.

По всем признакам гениальная физическая интуиция Эйнштейна на этот раз дала сбой. Сторонники «копенгагенской интерпретации» торжествуют. Тем, кто вместе с Эйнштейном разделял веру в созданный Творцом объективный внешний мир, доступный для познания, остается либо с трудом расставаться с привычными взглядами и стать на сторону Нильса Бора и квантовой механики, либо продолжать верить другому гению интуиции Полю Дираку, который в своих воспоминаниях написал:

Большинство физиков вполне довольны достигнутой точностью теории, но Эйнштейн не сдавался. Он, конечно, знал об этой точности, но все же считал, что теория неверна в самой основе, а потому выбранный путь не приведет к серьезным успехам в физике. В этой полемике я скорее склонен согласиться с Эйнштейном. Думаю, что в конце концов Эйнштейн может оказаться правым, однако утверждать этого нельзя до тех пор, пока в нашем распоряжении не появится новая квантовая механика, более совершенная, чем та, что у нас есть сейчас [Дирак, 1990, с. 131].

Литература

Бор Нильс. Биология и атомная физика. Избранные научные труды. II, статьи 1925–1961, с. 250–258. М.: Наука, 1971.

Бор Нильс. Квантовый постулат и новейшее развитие атомной теории. Избранные научные труды. II, статьи, 1925–1961, с. 30–53. М.: Наука, 1971а.

Бор Нильс. Причинность и дополнительность. Избранные научные труды. II, Статьи 1925–1961, с. 204–212. М.: Наука, 1971b.

Дирак Поль. Воспоминания о необычайной эпохе. Сборник статей / Перевод с англ. Н. Я. Смородиной. Под редакцией и с послесловием Я. А. Смородинского. М.: Наука, 1990.

Зелиг Карл. Альберт Эйнштейн. М.: Атомиздат, 1964.

Кузнецов Б. Г. Эйнштейн. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963.

Пайс Абрахам. Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна. М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1989.

Хофман Банеш и Дюкас Э., при участии. Альберт Эйнштейн, творец и бунтарь. М.: Прогресс, 1983.

Эйнштейн Альберт. Можно ли считать квантовомеханическое описание физической реальности полным? Сборник научных трудов в четырех томах. Т. III, с. 604–611. М.: Наука, 1966а.

Эйнштейн Альберт. Квантовая механика и действительность. Собрание научных трудов в четырех томах. Т. III, с. 612–616. М.: Наука, 1966b.

Эйнштейн Альберт. Автобиографические заметки. Собрание научных трудов в четырех томах. Т. IV, с. 259–294. М.: Наука, 1967а.

Эйнштейн Альберт. Религия и наука. Собрание научных трудов в четырех томах. Т. IV, с. 126–129. М.: Наука, 1967с.

Эйнштейн Альберт. Мое кредо. Собрание научных трудов в четырех томах. Т. IV. С. 175–176. М.: Наука, 1967d.

Эйнштейн Альберт. Переписка с Морисом Соловиным. Собрание научных трудов в четырех томах. Т. IV. С. 547–575. М.: Наука, 1967е.

Эйнштейн Альберт. Бог не играет в кости. Моя теория относительности. М.: Родина, 2020.

Calaprice Alice, Kennefick, Daniel и Schulmann, Robert. An Einstein Encyclopedia. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2015.

Clark Ronald W. Albert Einstein, Leben und Werk. München: Tosa Verlagsgesellschaft mbH, 2005.

CPAE-1. The Collected Papers of Albert Einstein. Vol. 1. The Early Years, 1879–1902. John Stachel (editor). Princeton: Princeton University Press, 1987.

Dürrenmatt Friedrich. Einstein. Zürich: Diogenes Verlag, 1979.

Einstein Albert. Religion and Science: Irreconcilable? Christian Register, V. 127, P. 19–20. 1948.

Einstein Albert. Naturwissenschaft und Religion II (1941). Aus meinen späten Jahren, S. 29–35. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1953b.

Einstein Albert. Religion und Wissenschaft. Mein Weltbild, S. 15–18. Frankfurt/M: Ullstein Materialien, 1983.

Einstein Albert. Naturwissenschaft und Religion, I (1939). Aus meinen späten Jahren, S. 25–29. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1983a.

Einstein Albert. Religiosität der Forschung. Mein Weltbild. Frankfurt/M: Ullstein Materialien, 1983b.

Einstein Albert. The Human Side. Glimpses from his Archives. Princeton: Princeton University Press, 2013.

Fölsing Albrecht. Albert Einstein. Eine Biographie. Berlin: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 1993.

Frank Philipp. Einstein. Sein Leben und seine Zeit. Braunschweig/Wiesbaden: Friedr: Vieweg & Sohn, 1979.

Herneck Friedrich. Einstein und sein Weltbild. Berlin: Buchverlag Der Morgen, 1976.

Jammer Max. Einstein und die Religion. Konstanz: UVK, 1995.

Pais Abraham. «Subtle is the Lord...». The Science and the Life of Albert Einstein. Oxford–New York: Oxford University Press, 1982.

Reiser Anton. Albert Einstein: A Biographical Portrait. New York: Albert & Charles Boni, 1930.

Restivo Sal P. Parallels and Paradoxes in Modern Physics and Eastern Mysticism. Social Studies of Science. Vol. 8. P. 143–181. 1978.

Seelig Carl. Albert Einstein. Leben und Werl eines Genies unserer Zeit. Zürich: Europa Verlag, 1960.

Stachel John. Einstein from «B» to «Z». Boston–Basel–Berlin: Birkhäuser, 2002.

Winteler-Einstein Maja. Albert Einstein – Beitrag für sein Lebensbild. В книге: John Stachel (editor). Collected Papers of Albert Einstein: Vol. 1 The early years, 1879–1902. Princeton: Princeton University Press, 1987.

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

Без малого сорок лет назад на центральном ТВ возникла новая передача: «Прожектор перестройки». В народе сразу начали загадывать друг другу загадку с заранее известным ответом: «Что такое — светит, да не греет?»

Вскоре он и светить перестал.

Сорок лет — немалый срок. Ровно столько, например, прошло от взятия большевиками зависшего в пустоте и хаосе безвластия Зимнего до запуска в СССР первого искусственного спутника. За это время мы вдосталь пролили своей же кровушки в Гражданской войне, попробовали устроить мировую революцию (не дошли до Германии, поляки выгородили немцев), попробовали вратить кулака в социализм (вотще), потом, осатанев от безвыходности, устроили зверскую индустриализацию, потом благодаря ей разгромили фашизм, потом успели еще стать великой державой и, наконец, открыли космическую эру. Что характерно: делая все эти реальные грандиозные дела, мы — ну, или, по крайней мере, те мы, кто все это организовывал, и те, кто трудился в поте лица — были уверены, что они их делают лишь попутно, только для того, чтобы построить коммунизм. До сих пор высоколобые теоретики спорят о том, цель ли была с изъязном, или с изъязном были только средства, но факт остается фактом: если бы не маячивший на горизонте призрак коммунизма, не было бы ни индустриализации, ни спутников, ни даже, пожалуй, победы над фашизмом. «Коммунисты, вперед!» и «Если умру, считайте коммунистом!» — не только выдумка сталинской пропаганды. А полагать фашизм и немецкий нацизм всего лишь реакцией на наш коммунизм можно только по неграмотности — полистайте труды теоретиков пангерманизма, написанные еще тогда, когда большевики пешком под стол ходили.

Потом были почти тридцать лет такой стабильной и благополучной жизни, какой в России прежде много десятилетий не было и дальше тоже не очень-то было. Что-то медленно ухудшалось, подспудно разваливалось и гнило, что-то время от времени поразительно улучшалось, миллионы семей праздновали новоселья и перебирались наконец из бараков в квартиры (очень скромные, но попробуйте их сравнить не с особняками нынешних звезд эстрады, а с дощатыми бараками строителей, скажем, Магнитки); строились новые дороги, плотины и ледоколы, «Салют» закружил над Землей, и «Буран» полетел филигранно, но все равно двадцать последних лет из этих почти тридцати принято высокомерно и неблагодарно называть то безвременьем, то застоєм... Однако доля истины в этих хамских определениях есть. Ведь при всех плотинах, ледоколах и ракетах на горизонте не маячило никакого призрака, ради которого все это делалось. На словах он еще был, но уже не манил. Двигала лишь иссякающая год от году инерция.

Вячеслав Михайлович Рыбаков родился в 1954 году в Ленинграде. Окончил восточный факультет ЛГУ, работает в Институте восточных рукописей, доктор исторических наук. Прозаик, публицист, киносценарист. Лауреат нескольких литературных премий, Государственной премии РСФСР по кинематографии и премии правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся научные достижения. Живет в Санкт-Петербурге.

Ну и, конечно, личные и корпоративные интересы разных людей и разнообразных социальных групп. Чиновники хотели спокойно досидеть в своих кабинетах свой век, комсомольцы хотели занять их места, ученые хотели расширять исследования, воры хотели воровать, военные хотели миллион танков, писатели хотели мазать дегтем все, что им не по нраву, и упиваться своим свободомыслием и так далее. Доминировать начал естественный эффект лебеда, рака и щуки, а у государства не было никаких возможностей сбалансировать некий для всех приемлемый компромисс, который обратил бы эти частные интересы на службу общему, потому что оно само утратило веру в общий интерес.

И вот тогда всем почему-то начало казаться, что если они начнут всюю, не считаясь ни с чем и ни с кем, преследовать исключительно свои частные интересы, то немедленно заживут, как заграничные миллионеры.

С 1985 года, то есть как раз последние сорок лет, у нас на горизонте вспучилось очередное привидение — вращение в мировое сообщество, под которым в перестройку понималось лишь то, что ныне именуется коллективным Западом.

Чего мы только не накуролесили, пытаюсь реализовать эту иллюзию.

Сначала попытались в очередной раз вращать кулака (ну, индивидуального предпринимателя, невелика разница) в социализм. Ничего иного, как снова встать на те же грабли, академики-экономисты не придумали.

Как и следовало ожидать — опять вотще.

Впрочем, теперь понятно, что многие из маститых теоретиков перестройки действовали вполне сознательно.

Скажем, опыт сухого закона в США доказывал неопровержимо, что такие эксперименты приводят лишь к увеличению потребления спиртного, резкому снижению его качества, перенаправлению капиталов из легального оборота в нелегальный и единственным значимым результатом силового навязывания трезвости является возникновение могущественной мафии, с которой потом не удастся справиться десятилетиями, в сущности — никогда. Это были азы.

И тут мы начинаем бороться с пьянством.

Перестройка требовала форсированного создания капиталистов, а значит, срочной перекачки казны от государства к бандитам. Цель была поставлена, средства были найдены.

Дальше — больше.

Ровно так же, как для финансирования индустриализации при большевиках понадобились ограбление и избиение крестьянства, для капитализации России средства были получены избиением и ограблением позднесоветского среднего класса. Революции имеют свою непреложную логику и являются очень дорогим удовольствием.

Ну а уж после этого... ох.

Представьте себе, что на живописном, ухоженном бережку тихой речки жрет шашлык компания приличных людей, раскормленных и избалованных пятивековым грабежом всего остального мира. Пейзаж несколько портит, хотя при том возбуждает опасливое любопытство и даже некую толику уважения растянувшийся поодаль стальной забор, за которым все время куют что-то железное и откуда время от времени взлетают лунники. Но вот за забором все мало-помалу затихает, а через некоторое время ворота распахиваются, на бережок, пошатываясь, выходит в рваном ватнике и заплатанных грязных трениках бомжара с сизым носом и, воняя перегаром, говорит: я ничего не умею, я свой дом развалил и пожег, у меня руки по локоть в невинной крови, я тыщу лет только и знал, что мучил своих и чужих, я ошибка истории, но нынче утром я образумился, возьмите меня в компанию. Давайте теперь дружить.

Реакция поедателей шашлыков понятна и однозначна.

И даже если бомжара попытался бы (собственно, он и пытался) их соблазнить тем, что в карманах своего драного ватника он принес в общий котел кучу золота, его просто-напросто брезгливо обчистят и потом ровно так же, как если бы золота не было, дадут под зад.

Что характерно: пока за забором ковали железное, а ватник и треники были вполне себе, да и вообще, бомжара был не бомжарой, а имел свое веками обустроиваемое жилище — с ним, кто хотел и мог, вполне дружил. Или, по крайней мере, вовсю вел дела. Он был многим интересен, а у многих вызывал желание помочь или даже примкнуть. Но ему взалкалось иного.

Что существенно: на самом деле мы даже тогда такими не были и так и не стали. Но то ли в припадке самобичевания, которое у русских почти всегда считается непременным и главным способом самосовершенствования, то ли с наивной, донельзя провинциальной хитринкой надеясь, что большие дяди нас так лучше пожалеют, мы так себя позиционировали.

Увидев нас в лучах прожектора перестройки, мировое сообщество из отношения к нам «они иные, но тоже неплохие» быстро перешло к отношению «они такие же, как мы, только хуже». А мы старательно им в том помогали. Конечно, мы такие же!

Глупость несусветная. Кому нужны такие же?

Иные, но неплохие — многим могут быть пригожи, у многих могут вызывать любопытство, уважение, стремление понять, а то и попробовать так же. Такие же, только хуже — в принципе не могут быть интересны и не нужны никому. Тем более тем, кто полагает себя привилегированными. С какой стати они пустят кого-то, кто ничего не умеет, к своему шашлыку?!

И даже теперь, когда мы стали ориентироваться на не цивилизованное сообщество, а на мировое большинство, а из формулы «мы такие же, только хуже» после многолетних колебаний вычеркнули вторую часть, положение не слишком-то изменилось. Вы такие же, как мы? Ну и что? У нас таких, как мы, у самих хватает. Девать некуда. Что у вас есть такого, чего нет у нас? Не под снегами прикопано — мы и без вас это можем выкопать, и не от героических дедов досталось — мы и без вас этим сумеем воспользоваться, а вот у вас у самих? В вас самих?

И тогда, сколько бы Сергиев Радонежских и Нилов Сорских мы ни вытаскивали из пропавшего нафталином сундука, интереснее и авторитетнее мы ни для кого не станем. Тем более что сами мы в большинстве своем на святых совсем не похожи. Да кроме того, понятно ведь, что святые мало склонны к безудержному шопингу, и если они вдруг размножатся, капиталистическая экономика рухнет — а никакой иной как раз со времен перестройки не просматривается; так что понятно, почему чем чаще святых поминают, тем менее они в реальной чести. Современный мир так устроен, что те мы, кто на святых все-таки немножко похож, даже своим-то соотечественникам и то совсем не заметны, а уж зарубежным партнерам — и подавно, там мельтешат главным образом как раз полные Нилу Сорскому противоположности.

Прочно и авторитетно влиться в чужую компанию можно только тогда, когда в тебе есть что-то, чего ни в ком нет. Когда ты умеешь и хочешь делать такое дело, какого, кроме тебя, никто не делает и делать не в состоянии.

Если мы найдем себе такое дело, реальные достижения приложатся, а мировое большинство разинет рты от восхищения. Если не найдется — не обессудьте. Чудес не бывает.

Президент говорит, что надо просто любить Россию. Любовь к Родине — вот наше дело.

Если бы все было так просто!

Мало того, что любовью к собственной Родине вне этой Родины никого увлечь нельзя в принципе.

Закавыка в том, что любовь прекрасна, но может подвигнуть совсем, казалось бы, одинаковых людей на совершенно разные действия.

Недавно в одном споре услышал: зачем нам какая-то идеология? Нравящиеся — вот наша идеология, и ее достаточно.

К сожалению, недостаточно. Потому что в зависимости от ценностных установок одно и то же чувство реализуется в совершенно разных поступках. Чувство одно, а система ценностей разная, базовые представления о том, что хорошо и что плохо — разные, и поэтому поступки, диктуемые одним и тем же чувством, — разные. Скажем, сострадание к больному одного подвигает требовать эвтаназии, а другого — пытаться продлить жизнь до последнего. И договориться эти двое не могут, потому что одно и то же чувство диктует им совершенно противоположные выходы из одного и того же положения. И эти противоположные выходы к тому же оба не идеальны и оба имеют свои издержки. Убить — значит юридически разрешить убийство со всеми вытекающими, а к тому же нанести непоправимый вред психике врача, сделать его убийцей («врачи-убийцы!»; помните? тогда от них шарахались, а теперь, стало быть, на прием к убийцам пойдем?), заставить его перейти великую черту и сделаться сродни эсэсовским врачам-экспериментаторам в концлагерях. Тянуть жизнь до последнего — но ведь мучается же человек, и все окружающие вместе с ним и сжигают собственные жизни, чтобы продлить бессмысленные и безнадежные страдания того, кого они любят! Так что спорить можно до посинения, и чем сильнее в спорщиках сострадание, тем непримиримее они будут.

Нельзя любить Родину и так, и этак. Не получается. Я это точно знаю, потому что много лет пытался любить всех и за всех, за тех и за этих, и на собственной шкуре убедился, что идеологическое многоженство не дает ни счастья, ни ответной любви, ни крепкой семьи.

Представим на секундочку, что генерал Власов, как это утверждают некоторые либеральные ученые, перешел на сторону Гитлера лишь потому, что очень любил Родину и полагал своей наивысшей целью ее освобождение от кровавого режима большевиков — любой ценой.

Средством реализации этой цели было бы неизбежное претворение в жизнь плана «Ост», то есть превращение родной страны в немецкую колонию, а ее народа — в вымариваемую немецкую обслугу. Представим, что это действительно казалось ему лучше, чем надсадное, беспощадное строительство какого-то там коммунизма. Представим, что он не преследовал при том никакой корысти. Все равно дело-то в том, что и его цель, и средства ее реализации радикально не совпадали с жизненными ценностями подавляющего большинства населения якобы любимой им России. Какая-то доля единомышленников у него, безусловно, существовала, но по сравнению с теми, кто того своей стране не хотел, их была горстка.

А следовательно, реализация такой цели потребовала бы куда большего насилия, чем реализация цели, например, Сталина, да и всех прочих, кто хотел победить — тоже любой ценой.

В этом все дело. Высокие разговоры об аморальности, об измене, о нарушении присяги теряют, если всмотреться вглубь, практически всякое значение. Аморальность как раз и обусловлена тем, что цель не разделялась большинством и, следовательно, ее реализация потребовала бы уничтожения или хотя бы полного подавления этого

большинства. Вот почему любовь Власова к Родине была для Родины куда более травматичной и разрушительной, чем любовь к ней тех, кто добивался и добился победы в Великой Отечественной войне.

Что ты от своей великой любви собираешься с Родиной делать — вот ключевой вопрос.

Любовь — это прежде всего выбор. А любовь к Родине — прежде всего выбор цели.

К сожалению, выбор — это всегда еще и потеря. Но жизнь вообще грустная штука. Так и вспоминается Томас Вулф: «Утрата, утрата, утрата!»

Однако лучше уж утратить покаянно бьющего себя кулаками в грудь пьяного бом-жару, чем лунники.

ТРЕБУЕТСЯ НЕВИДАННОЕ

Я столько раз об этом писал, что не знаю даже, на что сослаться. Проще всего, наверно, на книгу «Застывшее эхо» (СПб., 2017).

«Мы отказались от всего восхитительного в нашем прошлом, поскольку им оправдывалось ужасное. Вместо того чтобы восхитительным восхищаться, а ужасному ужасаться, мы все перемешали в общую несъедобную бурду. И, с содроганием отвернувшись от этой бурды, провозгласили, что мы „нормальная“, то есть заурядная европейская страна. Конечно, отставшая, то есть похуже прочих, но мы поднапряжемся и сделаемся совершенно заурядными. Наша революция рубежа девяностых и впрямь пошла особым путем — она совершалась не во имя каких-то прекрасных грез, но ради стремления к ординарности.

И много ли уважения, не говоря уже о любви, мы обрели у доминирующей цивилизации? Прежде нас хотя и побаивались, но зато и видели какую-то тайну, какой-то нераскрытый, а во многом и раскрытый потенциал — не зря же кумиры левой интеллигенции стремились отметить в сталинском кабинете, к Гитлеру что-то никто из них не заехал, как их ни любят отождествлять их духовные потомки. Но раз уж вы сами объявили, что вы такие же, как все, только похуже... Зачем нам ухудшенная копия, когда у нас есть оригинал — мы сами?

Сложившаяся цивилизация не будет смотреть на новичка сверху вниз, только если он предъявит ей что-то НЕВИДАННОЕ. Каждому новому претенденту на место в ее рядах она дает понять: принеси то, не знаю что, но только что-то такое, чего нет у нас самих».

Отрадно видеть, что тоска по неординарности преследует не меня одного — нас с Рыбаковым уже двое.

Александр МЕЛИХОВ

Андрей ПОПОВ

САЛЬВАДОР И ГАЛА: Жизнь под «золотым дождем»

Стало расхожим мнение, что никто другой из именитых художников XX века не был так одержим деньгами, как Сальвадор Дали. О деньгах, золоте, богатстве он говорил часто и много, причем с большим воодушевлением и удовольствием, нередко впадая в эмоциональную экзальтацию. Свою безудержную алчность он несколько не скрывал, а, напротив, демонстративно подчеркивал: «Моя скупость огромна. Когда у меня много денег, я хочу, чтобы их было еще больше, потом еще больше — и так до бесконечности».

У Дали даже было прозвище — *Avidas Dollars*, что в переводе с испанского означает «жажду долларов». Оно представляет собой анаграмму от *Salvador Dalí*, которую из букв его имени составил Андре Бретон, один из лидеров сюрреализма. Такое прозвище, конечно, было язвительным и хлестким, но Дали оно ничуть не раздражало. Художник не раз удачно обыгрывал его: широко известна фотография, на которой он, приложив к своим щегольски закрученным усам две кисточки, изображает у себя на лице знак доллара.

Более того — эти слова он сделал чуть ли не главным своим жизненным лозунгом, девизом, магическим заклинанием. «Анаграмма „жажду долларов“ стала мне вроде талисмана, — напишет Дали в своем „Дневнике гения“. — Она словно превращала поток долларов в мерно струящийся, ласковый дождь». Поток, каскад, дождь, ливень — эти образы возникают у Дали всякий раз, когда он рассуждает о деньгах.

Вот еще одно его откровение на ту же тему, которое эпатирует, пожалуй, не меньше, чем его ошеломляющие полотна: «Моя этика исключительна и непогрешима. Я живу там, где водятся деньги. Я выбрал Соединенные Штаты, чтобы находиться в потоке чеков, который подобен извержению поноса». Возможно, кого-то озадачит эта эксцентричная аналогия. Но в таком фривольном уподоблении денег Дали был не одинок. Сразу вспоминается Зигмунд Фрейд, почитателем которого художник являлся и с которым ему однажды удалось лично встретиться.

Непристойные детали своих картин, связанные с фекалиями и экскрементами, Дали всегда объяснял с позиций психоанализа — как «доброе предзнаменование золотого дождя, который — о счастье! — в один прекрасный день обрушится на мою голову». И этот день действительно настал, и под непрерывным денежным ливнем прошли не дни, а годы и десятилетия. «Долларовый дождь падал на меня с дивной монотонностью», — добродушно-игриво вспоминал художник время, когда он жил в Америке.

Андрей Николаевич Попов родился в 1958 году в Караганде (Казахстан). Кандидат филологических наук, доцент. Отличник образования Республики Казахстан. Автор более 40 научных и научно-методических работ, а также многочисленных журнальных и газетных публикаций в российской и казахстанской периодической печати. Живет в Москве.

Но был ли Сальвадор Дали на самом деле так одержим денежным вождением? Или его вызывающая откровенность — всего лишь игра, лицедейство, способ произвести впечатление и заставить говорить о себе?

Дали не только в детстве и отрочестве, но и в годы своего взросления никак не мог освоиться с денежным измерением реальности. Долгое время он пребывал в состоянии полной финансовой невменяемости. Каталонский журналист и писатель Жозеп Пла вспоминал, как отец Сальвадора с неподдельной тревогой говорил о сыне-школьнике: «У меня такой сын, который не имеет ни малейшего контакта с действительностью, он не знает, что такое монета в пять сентимо, или песета, или дуρο, или любая бумажная купюра. Вы понимаете, он не имеет о жизни никакого понятия; он — безнадежный случай. И чем только все это кончится? Вот вопрос, который просто бросает меня в дрожь».

В школе Сальвадор не раз совершал странные меняльные операции, недоступные пониманию учеников, но неизменно их радующие: за монеты в пять сентимо он отдавал монеты в десять сентимо! Дали, по его собственному признанию, даже в юности, уже давно выйдя из подросткового возраста, «ничего не понимал в деньгах и твердо верил, что монета в 500 франков — это больше, чем банкнота в 1000 франков».

Понятно, почему отец Сальвадора, после того как сын поступил в Королевскую академию изящных искусств в Мадриде, попросил присматривать за ним их земляка Жозепа Риголя, который учился в этой академии и жил в так называемой «резиденции студентов» — там же, куда поселился и Дали. Жозеп был на семь лет старше Сальвадора и на роль наставника вполне подходил. Однако житейский опыт Жозепа не сделал опекаемого более практичным и сведущим в финансовых вопросах. Ум и мышление Дали в те годы оставались абсолютно «безденежными».

Несмотря на полный пансион, студентам нередко приходилось делать разные покупки. Прицениться к чему-либо, сравнить товары, сговориться о цене и купить необходимое — все это было невероятно трудно для Дали из-за его финансовой неискушенности и болезненной робости, застенчивости. В таких случаях он обычно просил помочь ему своих знакомых по «студенческой резиденции». Они же, зная, что Сальвадор не имеет представления о цене того или иного товара, зачастую мошенничали: не возвращали сдачу или брали у него денег больше, чем требовалось для покупки.

Дали был совершенно не приспособлен к самостоятельной жизни и всегда — до глубокой старости — нуждался в заботливых и опытных помощниках. Когда Сальвадор, которому было уже 22 года, впервые во время пасхальных каникул выехал в Париж, отец распорядился, чтобы его сопровождали мачеха и сестра, поскольку был уверен, что без них сын либо потеряет деньги, либо потеряется сам. Луис Бунюэль, будущий великий кинорежиссер, с которым Дали много лет дружил, вспоминал, что в этой поездке в Париж Сальвадор был еще беспомощнее, чем в Мадриде. Без помощи мачехи он даже не мог перейти здесь улицу.

«До встречи с Галой, — пояснял Бунюэль, — он ничего не смыслил в деньгах». Да, именно Гала — спутница жизни Сальвадора Дали — ввела его в мир денег. Напомню об известном: Гала́ (настоящее имя — Елена Дьяконова) — жена поэта Поля Элюара. Летом 1929 года они с дочерью Сесиль по приглашению Сальвадора приехали в отпуск в небольшой рыбацкий городок Кадакес на живописном каталонском побережье Коста-Брава, где семья Дали проводила в загородном доме летние месяцы. Из Кадакеса Элюар уедет в Париж один. Гала еще на целый месяц задержится здесь, а вскоре решит уйти от Элюара, хотя он еще несколько лет не просто надеялся, а почти был уверен в том, что жена к нему вернется.

В своей книге «Тайная жизнь Сальвадора Дали» художник многие страницы посвятил Гале, которую обожествлял с первых дней знакомства. Там же он попытался объяснить, почему Галя ответила на его чувство: «Она распознала во мне наполовину сумасшедшего гения, способного на большую отвагу». На это многие скажут, что скорее от Галы требовались тогда неустранимость и отвага. Ведь она оставляла известного поэта, который был богат, унаследовав от отца немалое состояние, а уходила безо всякой уверенности в завтрашнем дне к мало кому известному художнику, к тому же отягощенному множеством комплексов и очевидным для всех психическим расстройством.

Но отцовское наследство Элюар к тому времени почти полностью промотал, в чем ему немало поспособствовала жена. Конечно, Дали в ту пору еще не был знаменит. Однако ему уже многие прочили блестящее будущее. Интерес к его творчеству проявляет Пабло Пикассо, посетивший первую персональную выставку Дали в барселонской галерее. Его картины хвалит Жоан Миро и рекомендует их нескольким галеристам и коллекционерам. О картинах Дали благожелательно отзываются художественные критики, а незадолго до знакомства с Галой с ним заключает контракт одна из парижских галерей.

Так что хваткой и предприимчивой Гале, обладавшей потрясающей интуицией, несложно было рассчитать жизненную рентабельность союза с Дали. По мнению их семейного адвоката Майкла Стаута, выбор Галы можно объяснить только ее меркантильностью. Она безошибочно определила, что талант художника принесет неизмеримо больше денег, чем стихи Элюара.

В год знакомства с Дали ей было 35, а ему — 25 лет. Инфантильному и психически уязвимому Сальвадору был необходим рядом тот, кто избавит его от навязчивых страхов, тревог, защитит от бытовой реальности и будет решать за него повседневные житейские проблемы. Галя поспешила занять это, безусловно, хлопотное, но доходное место. «Малыш, мы больше никогда не расстанемся», — убежденно сказала она ему через два дня после знакомства, сразу заявив на него бессрочные, пожизненные права.

В своих дальновидных расчетах она не ошиблась. Пьер Румгер, первый психоаналитик Дали, оценивая роль Галы в жизни художника, писал: «Она встретила жалкого психа, а создаст из него одного из величайших людей эпохи, поэтому она в буквальном смысле сможет раздуться от гордости за Дали, оставаясь при этом для него всем, ибо — хотя многие и критиковали ее — она была источником его жизни, матерью, сестрой, музой, супругой и любовницей».

Этот ролевой набор при всей его внушительности все же требует дополнения. Жизненный стратег, полновластная хозяйка и распорядительница судьбы — вот кем она была для Дали. А еще — финансовым менеджером, арт-агентом, маркетологом, имиджмейкером, коммуникатором, пресс-секретарем. Она вела все деловые переговоры, искала покупателей, заключала контракты, предельно жестко отстаивая права и интересы Дали, помогала ему готовиться к выставкам, пресс-конференциям, различным публичным акциям, приглашала журналистов, выбирала и покупала для него лучшие кисти и краски, занималась организацией перевозок картин и их страхованием.

Нью-йоркский галерист Джон Ричардсон вспоминал о своем опыте общения с Галой: «В артистическом мире существует непреложная аксиома: творец представляется свободной личностью, человеком не от мира сего, зато жена у него практична донельзя, настоящий черт в юбке. Но Галя в самом деле была чертовкой... Она не столько торговалась, сколько попрекала и запугивала. Она буквально выбивала деньги, стуча по столу старческими локтями и костяшками пальцев. И могла вас поколотить, если не получала того, чего хотела. А хотела она, как мне кажется, власти, денег и роскоши».

«Поколотить» — это не преувеличение. Обычно она производила впечатление сдержанной и хладнокровной женщины. Но в сильном раздражении, в гневе она запросто могла плюнуть в лицо, потушить окурочок о руку обидчика или кинуться на него с кулаками. Современники оставили о ней противоречивые отзывы и характеристики, но с явным преобладанием неодобрительных, презрительных и даже устрашающих оценок: «алчная валькирия», «хищница», «жестокосердная», «безжалостная», «высокомерная», «муза-чудовище», «фурия», «старая ведьма», «Гала-чума», «тиран», «тюремщица», «блудница», «ненасытная нимфоманка», «демоническая доминатрикс», «садистский монстр».

А вот Дали ее превозносил! «Тайная жизнь» начинается с посвящения ей: «ГАЛЕ-ГРАДИВЕ — той, что вела меня вперед». И «Дневник одного гения» открывается восторженно-хвалебным прославлением: «Я посвящаю эту книгу моему ГЕНИЮ, моей победоносной богине ГАЛЕ ГРАДИВЕ, моей ЕЛЕНЕ ТРОЯНСКОЙ, моей СВЯТОЙ ЕЛЕНЕ, моей блистательной, как морская гладь, ГАЛЕ ГАЛАТЕЕ БЕЗМЯТЕЖНОЙ». «Мой талисман», «мой клад», «мое золото», «ангел равновесия», «оливка» — и это все тоже о ней.

Он при каждом удобном случае упоминал, сколь многим обязан жене. «Мы выкручивались благодаря стратегической ловкости Галы», — признался он, рассказывая о трудностях первых нескольких лет совместной жизни. Тогда их материальное благополучие зависело от того, насколько быстро удастся найти меценатов и покупателей картин. Гала была уверена, что для этого нужно завязать дружеские отношения с людьми из высшего общества, бывать на светских приемах, обедах, ужинах. Болезненно робкий Сальвадор поначалу этому противился, но со временем стал частым и узнаваемым гостем парижских аристократических салонов.

Избранная Галой тактика вскоре принесла первые коммерческие победы. Однажды она рассказала о денежных затруднениях принцу Жану Луи де Фосиньи-Люсенжу, одному из аристократических поклонников Дали, и сама же предложила решение возникших проблем: создать своего рода клуб из двенадцати меценатов — по числу знаков зодиака и месяцев в году. Члены клуба должны были вносить ежегодный членский взнос в размере двух с половиной тысяч франков, за что получали возможность раз в год выбрать себе одну большую картину Дали или одну маленькую и два рисунка. Пожелавших вступить в клуб — его так и назвали «Зодиак» — искать долго не пришлось. А годовой суммы взносов оказалось достаточно, чтобы материальное положение четы Дали стало более устойчивым.

Эта успешно воплощенная идея, как и общение с родовитыми семействами, банкирами, политиками, дипломатами, издателями, убедили Галу в том, что на картины Дали появляется неплохой спрос и для многих они становятся статусным и престижным атрибутом. Да и ментальные странности художника, как она уже тогда поняла, тоже можно превратить в ценности и монетизировать.

«Без надлежащего образа ни сумасшедшая популярность, ни сумасшедшие продажи невозможны», — Гала довольно быстро пришла к этому своему выводу, предвосхищая многие приемы современного маркетинга и брендинга. Вместе с Сальвадором они умело конструировали его образ, проявляя потрясающую изобретательность и стараясь всеми средствами показать, что Дали уникален и в творчестве, и в жизненном поведении. Эпатаж и экстравагантность стали наиболее подходящими для него способами публичной самопрезентации. Они же были и самыми выигрышными: эксцентричные выходки и причуды, провокативное общение, парадоксальные реплики — все это неизменно вызывало интерес публики и прессы.

К слову, этими жизненными правилами — ни на кого не быть похожим и не позволять забыть о себе — за полвека до Сальвадора Дали руководствовался и Оскар Уайльд во время своего триумфального лекционного турне по Америке. Дали тоже уверенно освоил эти первостепенные правила. Причем для него совершенно не имело значения, что и как о нем говорят, важным было только одно: чаще становиться героем дня. И у него это превосходно получалось. В «Дневнике одного гения» он горделиво заметит: «Трудно удерживать на себе напряженное внимание мира больше, чем полчаса подряд. Я же ухитрился проделывать это целых двадцать лет, и притом каждодневно. Мой девиз гласил: „Главное, чтобы о Дали непрестанно говорили, пусть даже и хорошо“».

С преувеличенным вниманием он относился к своей внешности и одежде, которые тоже должны были удивлять причудливостью и экстравагантностью: «То, как вы одеваетесь, жизненно важно для успеха. Я редко опускался до уровня стандартной одежды». Вот лишь небольшая часть фирменных нарядов Дали: длинное леопардовое пальто, расшитые золотом мундиры, парчовые жилеты, рубашки с оборками и кружевами.

Он ухитрился и свои знаменитые усы сделать инструментом саморекламы и заработка. Одна из его любимых баек, которые он сам о себе рассказывал, — о том, как однажды, выдав извивавшиеся спиралью сухие травинки за прядь волос из своих усов, он продал их за десять тысяч долларов. Покупательницей была художница Йоко Оно, жена основателя рок-группы «The Beatles» Джона Леннона, собиравшаяся использовать волоски легендарных усов в одном из своих коллажей. По другой его версии, он убедил музыкального менеджера «The Beatles» купить их для Ринго Старпа, барабанщика группы.

Про свои усы художник говорил, что они «радостны и полны оптимизма», в отличие от «унылых и обвисших усов» Фридриха Ницше. А в рекламном ролике шоколада «Lanvin» усы Дали эффектно передают гастрономический восторг: после того, как художник надкусывает шоколадную плитку, они стремительно взвиваются вверх, а сам он, выпучив глаза, иступленно восклицает: «Я без ума от шоколада „Lanvin“!» Ролик имел ошеломляющий успех и вошел в классику телерекламы. Дали за участие в нем получил огромный по тем временам гонорар в десять тысяч долларов.

Мало того, выход на экраны этого ролика Дали посчитал событием, достойным отдельной пиар-акции, где производители рекламируемого шоколада в знак особой признательности подарили ему столько сладкой продукции, сколько весил он сам. Усатый ловкач тогда признался присутствующим: заранее зная о подарке, он несколько недель специально ел значительно больше обычного, чтобы прибавить в весе.

Позднее Дали не раз поучительно рассуждал: «Пять минут, которые я посвятил шоколаду „Lanvin“, позволили мне три года работать над одной картиной, ни о чем не заботясь. Обычно люди трудятся, чтобы заработать деньги. Я же зарабатываю деньги для того, чтобы иметь возможность трудиться».

Конечно, это всего лишь виртуозная словесная эквилибристика, эффектная фраза с изрядной долей преувеличения. В той жизненной стратегии, которую предложила ему Галя, деньги были скорее мощным стресс-фактором, задающим каждому дню неослабное напряжение и стремительный ритм. «Чтобы выстоять, выиграть время, надо было стать сильнее, чем когда бы то ни было, занять золото, делать деньги, побольше и побыстрее» — так в «Дневнике одного гения» Дали писал о 1940-х годах, когда они с женой жили в Америке.

Сальвадор в этом случае старательно подыгрывал Гале, которая еще раньше вполне откровенно говорила о том, для чего они поселились в Штатах на долгие восемь лет: «Не вытащи я тогда Сальвадора в Америку, не заставь его работать ради денег, из него ничего бы не получилось, как не получилось из очень многих».

«Ничего бы не получилось?» Ну такой ее уничижительный вывод — сущий вздор! Общеизвестно, что большинство своих лучших полотен Дали создал еще до того, как супруги уехали в Америку. Другое дело, что это прямолинейное предписание — «делать деньги, побольше и побыстрее» — именно со времени пребывания в Соединенных Штатах стало, по сути, их жизненной привычкой — многолетней и неистребимой.

В эти годы Галя заставила Дали заняться поточной работой, чтобы иметь непрерывный, безостановочный доход. Здесь, в Штатах, она впервые стала запира́ть мужа в мастерской и не выпускать, пока он не закончит работу над горящими заказами. Этим приемом она продолжала еще более активно пользоваться и впоследствии. Художник работал по 14–15 часов в сутки. В его потрясающей работоспособности сомневаться не приходится. Но неутомимость и разносторонность его занятий были предопределены не столько вдохновением, внутренним призванием и многогранностью таланта Дали, сколько стремлением супругов побольше заработать.

Он оформлял магазинные витрины, рисовал журнальные обложки, рекламные плакаты, иллюстрировал книги, режиссировал фотосессии, создавал декорации и костюмы для балетов, готовил эскизы платьев, шляп, галстуков, сумок, разрабатывал логотипы, занимался дизайном интерьеров и мебели, ювелирных украшений и даже пепельниц, пудрениц и флаконов для духов. На студии Уолта Диснея работал над короткометражным мультфильмом, в Голливуде помогал Альфреду Хичкоку как художник по спецэффектам. Он совершил коммерчески очень удачное турне по Штатам с лекциями о «мистицизме атомной энергии».

Конечно, продолжал заниматься и живописью, но писал большей частью на заказ. Немалые доходы приносили ему светские портреты. В числе тех, кто смог за огромные деньги увековечить себя на картинах Дали, — одна из самых богатых женщин Америки, «королева косметической империи» Елена Рубинштейн, известный американский импресарио маркиз де Куэвас и его жена Маргарет — внучка Джона Д. Рокфеллера, киномагнат Джек Уорнер и его жена Энн. Стараясь привлечь состоятельных заказчиков, Галя и Дали лукаво заявляли, что в истории живописи он будет известен прежде всего как портретист.

В общем, как справедливо говорила Галя, в Америке они научились выжимать деньги из всего. Не случайно именно в это время, в 1942 году, и появилась язвительная анаграмма — *Avidas Dollars*. Бретон был не единственным из сюрреалистов, неодобрительно отозвавшимся об американизированном Дали. Жоан Миро, многие картины которого сегодня ценители ставят выше работ Дали, заявил, что в Америке Сальвадор «больше занимался созданием новых галстуков, чем серьезной живописью». Его сотоварищи-художники шутили, что в Америке Дали быстро превратился из «труднопостигаемого в легкопродаваемого».

Мэтр сюрреалистов Джорджо де Кирико высказался еще более резко, с беспощадной прямотой: «Чтобы привлечь внимание к своей работе, которую, по правде говоря, никто не считает сколько-нибудь интересной, Дали вынужден устраивать скандалы самым что ни на есть неловким, гротескным и провинциальным образом и в результате привлекает к себе внимание некоторых заокеанских идиотов, скупаемых скукой и снобизмом, но даже эти идиоты, по всей видимости, начинают уставать от него».

С этим издевательским предположением рассерженный итальянец все же погорячился. Да, в годы пребывания в Штатах репутация Дали в профессиональном сообществе художников была запятнана. «Я соглашаюсь абсолютно на все, с одним только условием: чтобы мне хорошо заплатили» — эту вызывающую формулу Сальвадор вывел из личного опыта жизни в Америке. Формула доходчивая, легкая для усвоения и, возможно, для кого-то приемлемая как жизненное кредо, однако для творческой лично-

сти — опасная, злобредная и, может быть, даже губительная. Дали справедливо начали упрекать в самоповторениях, механистичности, художественных заимствованиях.

Но и тогда, и сейчас для успеха и популярности хайп часто более важен, чем талант и мастерство. А шумиха вокруг имени Дали не прекращалась на протяжении многих десятилетий, и внимание к его персоне не ослабевало, хотя связано оно было не столько с живописью, сколько с личной и светской жизнью четы Дали, его театрализованными акциями, эксцентричным поведением, литературными опытами и скандальными высказываниями.

В 1942 году в Америке впервые вышла «Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим». Гневная рецензия Джорджа Оруэлла на эту книгу и сегодня дает представление о тогдашней публичной реакции на нее. По его словам, автобиография Дали — это «акт стриптиза, исполненный в розовом свете рампы», «документальное описание фантазии, извращения природных инстинктов». «От этой книги дурно пахнет, — писал он, — мы сталкиваемся здесь с прямой, неприкрытой атакой на благоразумие и благопристойность». Неумолимый вывод Оруэлла: во взглядах и натуре Дали «нет даже самых минимальных человеческих приличий».

Так ведь Гала и Дали намеренно нарушали правила приличия! Выпячивание интимных подробностей — в книгах, картинах, интервью — это тоже эпатаж и вызов, провокационный, но всегда успешный способ поддержать к себе интерес публики и прессы. Запретных тем и образов для них не существовало. Их откровения — на грани бесстыдства. До встречи с Галой этические границы в мире Дали были сильно размыты, а после и вовсе исчезли. Несомненно, способствовало тому предельно свободное сексуальное поведение Галы, шокирующее многих и тогда, и сейчас.

К слову, в бюджете развлечений Дали и Галы самой расходной статьей долгие годы были именно плотские утехи. Итальянский врач Мара Альбаретто, хорошо знавшая супругов Дали, однажды призналась: «Мальчики Галы очень дорого им обошлись». О неудержимой страсти Галы к молодым мужчинам было хорошо известно. И многие эту ее страсть считали не просто не подобающей возрасту, но и возмутительной, непристойной.

Возможно, для нее это был способ замедлить старение? Если так, то способ очень затратный. Даже более дорогостоящий, чем ее многочисленные пластические операции и процедуры клеточного омоложения. Как и чем она могла привлечь молодых любовников, когда ей было за 70, за 80 лет? Только деньгами. Деньги могут сделать привлекательным кого угодно и в любом возрасте — история и современность это многократно доказывают.

Ну а Дали? Он с юных лет свои сексуальные желания удовлетворял «собственно-ручно» — доступным и беззатратным способом, в чем сам не раз признавался на страницах своих книг. Навсегда отказавшись от половой близости, он вакханалии плоти, которой предавалась Гала, предпочел вакханалию эротических фантазмов. Поначалу они находили воплощение в его картинах, но с годами его вуайеристские пристрастия потребовали настоящих чувственных зрелищ, оргий — он называл их «эротическими мессами», игриво завуалировав их крайнюю разнузданность. Дали не скрывал, что на создание живых картин своих фантазий он тратил безумные деньги: не только на оплату исполнителям, но и на костюмы, декорации, освещение. Он сам режиссировал эти «мессы», но участия в них, разумеется, не принимал, услаждал себя только как утонченный зритель.

В Америке окончательно сформировался образ Дали не только как эксцентричного гения, склонного к эпатажным выходкам и скандальным публичным откровениям,

но еще и как страстного золотопоклонника. «Под влиянием Галы, буквально заигнотизировавшей его, он перешел от одной крайности к другой и начал делать деньги, вернее, золото, оно было его божеством всю вторую половину жизни», — с нескрываемым сожалением писал Луис Бунюэль.

Мара Альбаретто, на которую я уже ссылался, вспоминала: «Он обожал Галу, самого себя, а еще очень любил золото: оно было для него фетишем, которому он беззаветно поклонялся. Мы подарили ему золотую корону, выложенную изнутри мехом горностая, — она ему очень нравилась. Он постоянно носил на шее на шнурке золотой слиток, часто ложился спать с этим украшением — расставание с золотом приносило ему физические страдания». Вот еще один примечательный эпизод из ее воспоминаний: «Бывшая шахиня Ирана Фара Дибя хотела заплатить за портрет драгоценными камнями. Художник оскорбился, восприняв это как знак неуважения: все знают, что великий Дали принимает только золото и доллары. Сказал, что рубины и изумруды — это цветные стекляшки и он никогда не променяет на них ни одно свое произведение».

«Меня всегда завораживало золото, в каком бы виде оно ни представало», — признавался Дали. Принято считать, что человек искусства творит по вдохновению, что его творчество движимо высокими порывами и впечатлениями души. Но Дали ломал эти традиционные представления: «Позолотить все вокруг — вот единственный способ одухотворить материю». Он открыто и с явным вызовом говорил: «Смысл моей работы — в получении денег. И чем больше их у меня — тем лучше».

Если раньше для Дали важнее всего были известность, слава, признание, то в Америке еще одним, ничуть не менее важным и убедительным знаком жизненного успеха стали для него деньги. Само собой разумеется, что на иерархию его жизненных ценностей повлияла Гала. Для нее в страсти к обогащению не было ничего предосудительного. Эту страсть, по ее непоколебимому убеждению, скрывать не следует и надо бы не к грехам ее причислять, а возвести в ранг добродетели. Она легко внушила это и мужу.

По неписанным правилам общественного этикета публичная финансовая открытость и бахвальство денежными успехами считались тогда вульгарным поведением. Но «гений самопиара» о своих коммерческих достижениях заявлял громогласно: «Все, к чему прикасается Божественный Дали, тут же превращается в золото».

Именно в золоте и денежном изобилии находил он для себя источник радости и жизненных сил: «Храм, имя которому — Дали, построен на золоте, с большой бережливостью и благоразумием. И мысль о том, что мое золото приносит прибыль, хранясь в банках — неподвижно, предусмотрительно спрятанное в сейфы, — наполняет меня радостью, успокаивает и воодушевляет».

Чтобы снизить этот пафос, замечу, что по требованию Галы все расчеты при сделках производили наличными в нарушение законов тех стран, где они жили. Майкл Стаут, которому позже пришлось защищать интересы Дали в налоговых службах США, писал: «Гала вела их семейный бизнес с полным пренебрежением к действующим правилам, перевоза с собой наличные деньги туда и обратно между Испанией, Америкой и Швейцарией без всяких препятствий со стороны таможенных служащих, которые слишком боялись этой женщины, чтобы досматривать ее багаж». Часто это были целые чемоданы, набитые деньгами. Так что в сейфах — в банках, апартаментах, отелях — хранились в основном наличные.

Поначалу она справлялась с этим денежным массивом. Но он возрастал с поражающей быстротой, и она стала допускать досадные оплошности: открывала в банках счета и быстро забывала о них, путалась и не могла вспомнить, где и в каком коли-

честве хранятся накопления, вовремя не оплачивала счета, которые годами лежали у нее в сумочке, или, наоборот, сразу бежала в банк обналичивать чек, мгновенно привлекая тем самым внимание налоговиков.

Однажды администрация отеля, где долгое время проживал Дали, попыталась выяснить: не нужно ли расширить или уменьшить арендуемое им место в помещении для хранения ценностей. Личный секретарь художника, спустившись с ним в хранилище, с изумлением обнаружил, что в набитых деньгами сумках полно купюр, уже давно вышедших из употребления. Не исключено, как предполагают журналисты, что где-то до сих пор могут храниться так и не востребованные супругами деньги.

Америка и Галя научили Дали с успехом торговать своим именем. Он не давал никаких интервью, не получив предварительно за них немалые гонорары, и принимал приглашения на званые вечера, только когда его участие в них оценивали в круглые суммы. Иногда он пытался такому беззастенчивому поведению придать ироническое оправдание: «Я убежденный противник общества потребления. И потому выражаю ему презрение самым действенным способом: вытрясаю как можно больше денег, дабы распорядиться ими по своему усмотрению. Первый из великих художников я стал работать на потребу публике. Но пример мне показал Эйнштейн. Когда его пригласили на какое-то торжество, гений спросил: „А сколько мне заплатят за то, что я пойду?“» Стоит заметить, что ничего подобного Эйнштейн не говорил.

Вот еще одно откровенное признание художника: «Я считаю телевидение, кино, прессу, журналистику великими современными средствами массового огулления и промывания мозгов. Именно поэтому, пользуясь ими, я испытываю неповторимое аристократическое удовольствие. Чем больше глупцов станет бегать за Дали, тем выше поднимется цена на мои картины».

«Ему было весело обдирать людей», — вспоминала близкая подруга Дали, французская поп-певица и модель Аманда Лир. Ну да, он часто зарабатывал, дурачась и играя. Забавных историй о таком его поведении очень много. Трудно сказать, какие из них реальны, а какие выдуманы, тем более что сам художник не раз называл себя мифоманом. Но вот о курьезных эпизодах его ресторанного общения с поклонниками вспоминают многие очевидцы. К Дали в ресторанах нередко подходили почитатели его таланта или же просто любопытные, жаждущие познакомиться с мировой знаменитостью. На адресованный ему вопрос: «Можно присесть за ваш столик?» — Дали с неизменно серьезным видом отвечал: «Конечно. Кладите на стол пять тысяч долларов или проваливайте отсюда». И были те, кто за удовольствие оказаться рядом с ним платил, — пусть не такую баснословную, но все же изрядную сумму, а Дали эту плату принимал как должное.

К слову, в ресторанах он часто пользовался уловкой, которой его научил Пикассо. Расплачиваясь, он или Галя выписывали чек, на обратной стороне Дали что-то наскоро рисовал, подписывал рисунок и отдавал чек метрдотелю или официанту. Как правило, такие чеки потом никто к оплате не предъявлял: автограф с рисунком художника, разумеется, был ценностью, превышающей стоимость обеда.

Портрет «деньголюба» Дали будет неполным и без такого его саморазоблачительного признания: «Я совершенно не способен давать деньги тому, кто у меня их просит, даже если он умирает с голоду. Дать деньги — значит пойти против моих моральных принципов». Опять паясничанье? Нет, в этом случае он не актерствовал. Дали действительно не давал деньги в долг. Известно, что он отказал в просьбе ссудить несколько сот долларов даже Бунюэлю, с которым его в прошлом связывали дружеские отношения.

Чем больше появлялось у Дали денег, тем меньше становился круг его друзей. «Друзья создают лишь неудобства, — насмешливо и цинично заметил он однажды. — Я отказался от этого излишества. Полезны только мертвые друзья, потому что они молятся за нас на небесах». Цинизм этот, похоже, показной и наигранный. Но может, и нет. Друзей у Сальвадора всегда было немного, но даже их он довольно быстро растерял.

Джон Питер Мур, который был личным секретарем художника более десяти лет, дал этому такое объяснение: «Не всегда именно Дали разрывал отношения — часто его друзья, вероятно шокированные тактикой самопродвижения, выбранной художником, его политической неустойчивостью и коммерческой стороной его творчества, закрывали для Дали двери».

Весьма сурово и несколько парадоксально отозвался о Дали художественный критик Себастьян Гаш, несколько лет друживший с ним: «Все, произносимое Дали, выявляло полное отсутствие сердца. Чувствительности в нем просто не было. Изошренный, опустошающе ясный ум руководил его поступками и словами и, естественно, присутствовал в его картинах. В нем преобладал рассудочный человек».

Разве это точно о Дали — «отсутствие сердца», «ясный ум», «рассудочный человек»? Больше похоже на Галу. Вот как ее характеризовал Жан Луи де Фосиньи-Люсенж: «Умная, амбициозная, с избытком наделенная здравым смыслом, который помогал ей удерживать мужа за работой. Это была суровая женщина, без намека на какую-либо чувствительность. Суровая и бессердечная». Кажется, что рассказывают они об одном человеке!

Переключка эта не случайна. Когда Галу упрекали в том, что она распоряжается жизнью Дали как своей собственной, та привычно отвечала: «Да, распоряжаюсь, но не его, а нашей общей жизнью. Много лет мы с Сальвадором неразделимы, как сиамские близнецы». Ну как тут опять не вспомнить Андре Бретона: «Дали и Гала — не муж и жена и уж тем более не художник и его муза; они — два полушария одного мозга». Характеристика, конечно, далеко не комплиментарная: все-таки один мозг на двоих — не самый эргономичный для жизни вариант. Но парная работа этих полушарий довольно долго была слаженной и производительной: подтверждением тому резко возросшее в послевоенное десятилетие финансовое благополучие супругов.

Однако управлять денежным потоком, справляться с непомерно расширившимся объемом заказов из разных стран два полушария уже не могли. Чете Дали, безусловно, требовался квалифицированный бизнес-менеджер. Так в жизни Дали наступило, как говорят его биографы, «время секретарей». Впоследствии сам художник если и говорил о своих жизненных помощниках, то весьма снисходительно, подчеркивая, что все они были на малозначащих, подсобных ролях: «Большинство людей, которые мне встретились, я рассматривал только и исключительно в качестве тех, кого я мог бы использовать в своих честолюбивых странствиях как носильщиков».

На самом деле те, кого он выбирал «носильщиками», нередко верховодили и управляли им. Проблемы, которые перекадывал на них Дали, казались неподъемным грузом только для него самого. А «носильщики» обычно справлялись с ними без чрезмерных усилий, при этом извлекая для себя немалую выгоду.

Первым в большом ряду «носильщиков» был Джон Питер Мур. Он стал личным секретарем Дали в 1962 году и проработал с ним двенадцать лет. Дали называл его «капитаном»: Мур служил в британской армии и уволился в этом звании. Рассказывают, что ему приходилось готовить доклады даже для Черчилля. После военной службы по протекции английского экс-премьера он попал в киноиндустрию и работал

в британской кинокомпании «London Films» под руководством известного продюсера и режиссера Александра Корды.

Дали и Гала решили не назначать Муру твердого месячного оклада. Вместо него он должен был получать десять процентов от каждого контракта, заключенного при его посредничестве. Продажей картин по-прежнему занималась Гала, а «капитану» доверили все остальное, включая графику, иллюстрации, скульптуру, дизайн-объекты, рекламные разработки, эскизы для модельеров, ювелирные украшения.

Уже в первые две недели его «секретарства» Дали получил пятьсот тысяч долларов. Мур сразу же проявил потрясающую энергию и коммерческую дальновидность. Его к тому же отличали гибкость, покладистость, умение расположить к себе заказчиков — все те навыки, которые сегодня называют клиентоориентированностью. «Мы с Дали образовали неплохой тандем, — вспоминал Мур, — он был фантазером, я — педантом, иногда сдерживавшим его порывы, он играл роль приманки, я — охотника, он творил, я заключал соглашения. Вместе мы были командой, привлекавшей инвесторов и опустошавшей их карманы... Со всех концов света к нам съезжались заказчики — с золотыми слитками, швейцарскими франками, долларами».

На фоне таких блистательных успехов «капитана» стали более заметными просчеты и упущения Галы. Мур о ее предпринимательских способностях отзывался весьма не лестно: «Она была никудышным коммерсантом. Картины уходили не лучшим людям и не за лучшую цену. Десятки раз она выставляла себя в глупом свете, но продолжала убеждать мужа, что лучше нее никого не найдется». Полностью доверять такой оценке, скорее всего, нельзя. Мур, безусловно, всячески пытался подчеркнуть именно свои достижения, умаляя при этом работу Галы.

Но успехи «капитана» действительно были очевидными для всех. Нанита Каррето (по мужу — Калашникова), дочь известного испанского писателя Хосе Мариа Каррето, близко знакомая с супругами Дали, так вспоминала об этом: «Те первоначальные годы, когда на него работал Мур, были очень счастливыми для Дали и Галы. Они получали все больше и больше денег, которые Дали, по правде говоря, уже не нужно было отрабатывать столь интенсивно, и ему всегда приходили в голову новые идеи, как делать деньги».

Автором таких новых идей часто был Мур, но и Сальвадор по-прежнему демонстрировал свою изобретательность, хотя некоторые его предложения, если верить «капитану», были не вполне порядочными и позволительными. «У Дали было много талантов, — подытожил свои многолетние наблюдения Мур. — Талант к живописи, что очевидно, но еще и талант к жульничеству. Если бы он не стал художником, то наверняка стал бы первоклассным жуликом».

Наверное, в порядочности и обоснованности этого вывода тоже можно усомниться. В тандеме художника и секретаря Мур не всегда был, как он себя назвал, «педантом», который сдерживал порывы Дали. Нередко именно «капитан» выступал авантюристом и подстрекателем, склонявшим Дали к неблагоприятным действиям.

Легендарный герой Ильфа и Петрова, «идейный борец за денежные знаки» Остап Бендер говорил, что знает четырехста «сравнительно честных способов отъема денег». Дали и Мур при всей их предрасположенности к хвастливой статистике таким внушительным арсеналом хитростей, конечно, щегольнуть не могли. Но они вполне могли бы сказать, что предприимчивость измеряется не количеством ловких приемов и ухищрений, а результатом — извлеченными доходами. И уклончивое словоупотребление — «сравнительно честные способы» — они бы тоже раскритиковали. «Если вы хотите заработать деньги, все средства хороши, все способы законны», — безапелляционно заявлял Дали.

Однажды Мур увлек Дали незатейливым на первый взгляд предложением. Оказывается, чтобы денежный поток стал постоянным, художнику совсем необязательно беспрестанно и напряженно трудиться. Делать большие деньги можно одним лишь росчерком пера — автографом Дали на чистых листах, которые затем будут использоваться для изготовления литографий. Как известно, литографии с подписью автора являются оригиналом. Они выпускаются строго лимитированным тиражом, а печатные формы — литографские камни или пластины — после выпуска тиража уничтожаются. Разумеется, что подписывает автор уже отпечатанные и пронумерованные оттиски.

Но не в случае с Дали. Его, похоже, совсем не беспокоило, сколько литографий готовят и будут ли на подписанных им листах именно его рисунки. Склонить Дали к этой аванюре было действительно несложно — уж очень искусительными были условия сделок: за каждый подписанный лист художнику предлагали 40 долларов. Мур сразу же подготовил для Дали наглядный денежный хронометраж: чтобы подписать один лист, который тут же подхватит помощник, требуется всего две секунды, а это значит, что за минуту можно заработать 1200 долларов, а за час такой незамысловатой работы — целых 72 тысячи долларов. Посвящая такой работе всего час в день, можно за неделю заработать более полумиллиона! Кого не впечатлит такой размах при таких пустячных трудозатратах!

Впечатлил — и Дали, и Галя. «Я люблю начинать день, зарабатывая двадцать тысяч долларов после завтрака» — эти слова Сальвадора до конца понятны только тем, кто был осведомлен о его «автограф-сессиях», действительно приносящих большие доходы. Такие сессии стали регулярными, продолжались они и после того, как он сменил Мура на другого секретаря. Более того, есть свидетельства, что в более поздние годы, когда Дали из-за болезней не мог активно работать, Галя заставляла мужа подписывать и чистые холсты, а картины «в стиле Дали» писали другие художники.

После нескольких лет такого сотрудничества признался в подделках испанский художник Мануэль Пихоль — из-за досады и уязвленного самолюбия: его собственные картины большого интереса не вызывали, тогда как созданные им фальшивые полотна коллекционеры покупали у менеджеров Дали за баснословные деньги. Ничего удивительного — этот обман лишь подтвердил, что на рынке искусства цену картины часто поднимают не какие-то особые ее достоинства, а имя автора.

Напомню в этой связи проницательное замечание Вальтера Беньямина, одного из самых влиятельных философов и теоретиков культуры XX века: «Фетишем художественного рынка является имя художника». А имя Дали к тому времени стало, по сути, торговой маркой, чему опять же способствовала не столько художественная глубина его картин, сколько умение вызвать интерес публики и постоянно его подогревать.

В 1974 году на французской таможне была задержана грузовая машина, в которой обнаружили 40 тысяч чистых литографских листов, подписанных Сальвадором Дали. Адресату груза — одному из парижских издателей — удалось обосновать законность их перевозки. Однако инцидент получил огласку. Последовали многочисленные публикации в прессе, спровоцировавшие скандал мирового уровня. Он еще более усилился, когда в начале 80-х годов Питер Мур назвал имена некоторых издателей, которым поставлялись подписанные Дали листы. Позже стало известно, что и у самого «капитана» их было немало.

Даже приблизительно нельзя сказать, сколько сейчас в мире подделок с оригинальной подписью Дали. Со слов Мура известно: Дали после участвовавших приступов тремора, опасаясь, что не сможет в скором времени держать в руках кисть, пре-

вратил письменный стол чуть ли не в настоящий денежный станок, подписав тогда более 300 тысяч чистых листов.

Мура и его жену прокуратура Испании после смерти Дали обвинила в мошенничестве. Супругов подозревали в том, что они выдавали за подлинники поддельные графические работы, поставив на поток их производство. Однако дело в отношении Мура сразу прекратили из-за явно выраженного у него старческого слабоумия. Почти все обвинения с жены тоже сняли, поскольку защите удалось доказать, что массовая подделка картин Дали была налажена еще при жизни художника и с его согласия. Правда, суд все же обязал супругу Мура выплатить компенсацию фонду «Гала—Сальвадор Дали» за «переработку» картины «Двойной образ Галы», чем был нанесен «моральный ущерб» ее автору.

К месту будет напомнить, как в одном из интервью Дали ответил на вопрос, следует ли бросать в тюрьму фальсификаторов: «Плохих — да, а талантливые должны, наоборот, получать награды. А вот кого нужно бросать в тюрьму без всякого колебания, так это экспертов, которые не умеют отличить подлинник от подделки».

В когорте личных секретарей скандального живописца «капитан» Мур, конечно, был самым искусным менеджером, заметно увеличившим семейный капитал Дали. Понятно, что и свой личный капитал он тоже изрядно приумножил. «За годы работы у Дали я накопил больше денег, чем президент Соединенных Штатов Америки!» — хвастливо подвел он итог своего многолетнего секретарства.

Уже упомянутая Нанита Каррето нелицемерно сокрушалась, вспоминая: «Питер Мур любил Дали. Конечно, у него были недостатки, как у всякого мошенника, но он действительно его любил. К тому же он оставался джентльменом. Если бы он не ушел, Дали был бы под идеальным присмотром. То, что он оставил работу, — несчастье».

На уходе «капитана» настояла Гала, которая давно относилась к нему с недоверием и неприязнью. Дали поначалу этому сопротивлялся, но недолго. Решающим аргументом Галы стало согласие нового секретаря — Энрико Сабатера — работать за пять процентов от сделок. Его профессиональный и интеллектуальный бэкграунд, прямо сказать, был совершенно непрезентабельным: он работал шофером, официантом, коммерческим представителем, агентом по недвижимости, футбольным обозревателем, журналистом-фотографом.

В качестве журналиста он и появился однажды у художника, который, впрочем, отказался от безденежного интервью, но благосклонно разрешил бесплатно себя сфотографировать. Во время съемки на кончик носа «божественного Сальвадора» села муха, что и запечатлел снимок, обошедший затем страницы многих изданий. Супруги Дали были этим весьма довольны, и с тех пор Сабатер стал вхож в их дом. Так, муха на носу предопределила будущее Сабатера, позволив ему более шести лет водить за нос престарелую чету.

Новый секретарь, как оказалось, имел две судимости за кражу. Когда Дали рассказали об этом, он беспечно ответил: «А мне нравятся жулики». Но Сабатера впору называть не жуликом, а грабителем, беззастенчиво обобравшим семью Дали. Сабатер, по приблизительным расчетам, за шесть лет сколотил капитал более чем в 15 миллионов долларов. В отличие от Мура, он имел проценты от всех сделок, включая продажу картин, чем раньше занималась только Гала.

Рейнолдс Морз, один из самых преданных поклонников Дали и обладатель огромной коллекции его работ, объяснил, что самые крупные махинации Сабатера стали следствием финансовых промахов Галы: «Мы все понимаем, что Гала сделала Сабатера богатым с помощью своей политики единовременной оплаты. У них была приня-

та следующая система: она устанавливала цену на акварель, с которой делали литографию для клиента. Затем Сабатер передавал ей наличные, полученные от клиента, после чего продавал тому права на снятие репродукций с литографии в его стране, оставляя оригинал за собой. Когда дело доходило до другой страны, Сабатер снова продавал права на ту же работу. Таким образом, он зарабатывал пятьсот тысяч против ста тысяч Дали; при этом у него еще оставался и оригинал акварели!»

Когда Дали из-за болезни уже не мог подписываться разборчиво, Сабатер предложил использовать вместо подписи отпечаток большого пальца художника! Таким дикарским способом были, к примеру, заверены несколько контрактов с Жильбером Амоном, крупным парижским издателем и торговцем графикой, имевшим репутацию нечистоплотного дельца.

В 1980 году в испанской и международной прессе появились публикации, в которых Сабатера обвиняли не только в махинациях на художественном рынке, но и в том, что он фактически изолировал Дали, не позволяя никому встречаться с ним. Выяснилось также, что Сабатер стал владельцем нескольких компаний, зарегистрированных в офшорах. Его денежное состояние журналисты оценивали как огромное, превышающее семейные накопления Дали.

У Сабатера были большая яхта и несколько машин. Один из двух его фешенебельных домов уже тогда был оборудован системой видеонаблюдения. Во дворе были бассейн с постоянным подогревом воды и пруд с омарами. Сабатера упрекали в беззаботном и расточительном образе жизни: он любил устраивать шумные увеселительные прогулки на яхте и домашние вечеринки с участием звезд шоу-бизнеса. Все это, как считали журналисты, с очевидностью подтверждало, что Сабатер присваивает себе доходы Дали.

А семейство Дали в то же самое время обвинили в уклонении от уплаты налогов в Соединенных Штатах. Еще раньше те же обвинения выдвинули испанские налоговые службы. В этих проблемах отчасти тоже был повинен Сабатер: несколькими годами раньше он неосмотрительно посоветовал супругам стать налоговыми резидентами Княжества Монако, где нет подоходного налога. Однако для такого послабления был необходим реальный переезд в княжество, а они большую часть времени проводили вне его территории. К тому же в 1980 году в Испании вступил в силу новый закон о налогах. Проживающие за границей испанцы стали обязаны ежегодно отчитываться о состоянии своей собственности в Испании, а если они проживали в стране непрерывно в течение шести месяцев, им необходимо было еще и декларировать доходы, чего супруги Дали не делали.

Галя слабо контролировала Сабатера. Ее вполне устраивали суммы наличных, которые она от него получала. Сабатер был прав, когда много позже расскажет: Галя предпочитала получать свою долю богатств наличными, потому что «это предоставляло ей полную свободу действий в личной жизни». И новых доходов, и прошлых денежных запасов хватало, чтобы оплачивать свои женские прихоти и выполнять все желания молодых любовников.

Расскажу только о последнем из них — американском певце Джеффе Фенхольте, который был известен как первый исполнитель главной роли в рок-опере «Иисус Христос — суперзвезда» в бродвейском театре Марка Хеллинджера. Свой сексуальный марафон Галя продолжала, даже когда ей было за 80. Джефф был моложе ее на 57 лет! Галя довольно часто появлялась с ним на людях, и светские хроникеры насмешливо называли эту пару «бабушка и мальчик».

Галя принимала его в замке Пуболь, который ей подарил муж еще в 1970 году. Сам Дали, между прочим, мог посещать этот замок только по ее письменному приглаше-

нию. А Фенхольту замок стал чуть ли не родным домом. Он проводил здесь порой до полугода, потом уезжал к семье в Штаты, а через несколько месяцев опять возвращался. Гала верила в музыкальный талант Фенхольта: купила для него дорогой рояль, оборудовала в замке звукозаписывающую студию, помогла выпустить пластинку. Разумеется, и частые перелеты Джеффа тоже оплачивала она.

Гала делала ему не просто шикарные — безумные! — подарки. Она купила и подарила Фенхольту роскошный дом стоимостью свыше миллиона долларов в дорогом районе Лонг-Айленда. Для сравнения замечу, что покупка замка Пуболь и его ремонт обошлись Дали в 75 тысяч долларов.

Любовные сумасбродства Галы в последние годы ее жизни пополнились еще и разорительной игрой в рулетку. В пути из Гавра в Нью-Йорк она однажды проиграла в казино лайнера все наличные деньги, которые были при ней, — почти 300 тысяч долларов.

Рейнолдс Морз, искренне пытавшийся помочь Дали выпутаться из навалившихся на него проблем, писал в своем дневнике: «Все это напоминает мне сюжет бульварного романа. Каталонский вор становится миллионером, эксплуатируя славу одного из величайших художников мира!.. Почти девяностолетняя русская женщина одним взмахом руки тратит на молодого любовника такую сумму наличных, какую тот не мог даже представить себе десять лет назад!»

Немногочисленные друзья художника и его адвокаты решили создать общественный комитет спасения Дали. Сохранилось письмо Морза, в котором он еще раз дает оценку сложившейся вокруг Дали ситуации и делится некоторыми планами: «Мы убедились в том, что из-за бессердечного обращения Галы и террористических методов Сабатера Дали превратился в тень. Мы считаем, что доход Сабатера в шесть раз превысил доход его хозяина... Мошенничество его как управляющего делами Дали ужасающе... Необходимо нейтрализовать Сабатера и Джеффа Фенхольта. Если мы сможем сделать это, есть надежда сохранить имущество и привести дела в порядок, чтобы дать супругам возможность почувствовать себя комфортно... Ко всему прочему, Гала очень стара, совершенно неискренна и крайне зла... Поскольку личная жизнь Дали уже давно является предметом всеобщего обсуждения, не думаю, что имеет смысл скрывать суть этого трагического партнерства. Главное теперь — выбрать подходящее время для переговоров с супругами, облегчить их переживания по поводу налогов, навести хоть какой-то порядок и убедить испанское правительство в необходимости снисхождения к ним, ссылаясь на их почтенный возраст и нерадивость Сабатера. Надо также остановить бурный отток денег в выгребную яму ненасытного Фенхольта и других».

В 1981 году супруги отказались от услуг Сабатера. Новым их секретарем стал француз Жан Клод дю Барри, которому они полностью доверяли: владея несколькими модельными агентствами, он более десяти лет был незаменимым поставщиком молодых людей обоюбого пола для утех сластолюбивой пары. «Я был у Дали чиновником по особым поручениям», — многозначительно похвалялся дю Барри своей близостью к художнику. Он помог быстро заключить несколько сделок с весьма прибыльными для себя комиссионными, и уже тогда стало очевидно, что в своей работе он будет следовать правилам своего предшественника.

К счастью, вскоре его сменил другой француз — Робер Дешарн. Он и адвокаты Дали многое сделали, чтобы решить самые острые проблемы с налогами. Они получили доверенности на ведение всех дел, связанных с собственностью супругов, им открыли доступ к документам о ценных бумагах, банковских счетах, вкладах, сейфовых хранилищах, где могли храниться золото, наличные деньги, драгоценности, картины

и другое имущество Дали. В запущенных финансовых делах художника был наведен относительный порядок.

Но и про себя, любимого, Дешарн не забыл. Позже было установлено, что из дома Дали в Порт-Льигате, где хозяин уже несколько лет не появлялся, Дешарн вывез десятки ящиков с рисунками, набросками, фотографиями, рукописями и другими документами. На вопросы местных жителей он отвечал, что действует по распоряжению Дали, поручившего ему сделать фотокопии в Париже. До сих пор каких-либо сведений, подтверждающих, что документы вернулись в Испанию, нет. Воспользовавшись беспомощным состоянием Дали, в июне 1986 года Дешарн уговорил его передать свои авторские права компании «Demart Pro Arte», исполнительным директором которой он сам и являлся. Только через десять лет по решению Верховного суда Испании эти авторские права будут переданы фонду «Гала — Сальвадор Дали».

Дешарн уверял, что практически все доходы его компании с первых дней направлялись на борьбу с фальсификаторами Дали. Однажды фонд «Гала — Сальвадор Дали» в счет гонорара согласился принять выпущенную «Demart Pro Arte» партию литографий Дали. Выяснилось, что многие из них поддельные. «Они просто надувают народ, — возмущался испанский писатель и художественный критик Рафаэль Сантос Торроэля, — выдавая за подлинники Дали работы, на которых художник в лучшем случае процарапал ногтем линию».

Как видно, никто из его личных секретарей не устоял перед искушением озолотиться на имени своего покровителя. Всем им повезло попасть под благодатный «золотой дождь», когда-то предугаданный Дали.

* * *

«Деньги дали нам все, что только можно пожелать, чтобы быть красивыми и наслаждаться благополучием», — Дали записал в дневнике эти строки, вспоминая первые 12 лет жизни с Галой. А еще через 30 лет у семейной пары уже давно не было ни красоты, ни благополучия.

Быть красивой? Когда тебе почти девяносто? Когда разум возвращается к тебе на пару часов в сутки? Когда умираешь? За несколько дней до смерти Галы Сальвадор распорядился поставить между их кроватями ширму: он не мог больше смотреть на жену. «Зрелище было кошмарное! — пишет в своей книге о Дали французский писатель и искусствовед Мишель Нюридсани. — Кожа на ее лице начала рваться: слишком много подтяжек сделала за свою жизнь Гала... Она превратилась в почти бездыханную куклу, тело которой разлагалось на глазах у обезумевшего Дали».

Наслаждаться благополучием? Пришедшее вместе с деньгами, оно во многом ими же — деньгами — и было разрушено. «Два полушария одного мозга» стали работать с перебоями и эксцессами взаимоотрицания. Они будто существовали теперь в двух разных, несовместимых измерениях. Гала, всегда отличавшаяся прижимистостью, в последние годы была безумно расточительной в подарках своему любовнику. А Дали, который к большим расходам жены обычно относился спокойно, наоборот, стал воспринимать их крайне болезненно, упрекая ее в непомерных тратах на Фенхольта.

Похоже, что внушенная Галой страсть к обогащению и навязанная ею роль «деньголюба» изменили и бытовое поведение Дали, окончательно вжившегося в свой вымышленный, наигранный образ. Деньги все чаще и чаще становились причиной семейных разборок, а те почти всегда заканчивались драками. Одна из них получила широкую огласку.

В феврале 1981 года Гала попала в больницу с несколькими сломанными ребрами и многочисленными ушибами. Прессе было объявлено, что травмы она получила в отеле при падении с кровати. На самом деле, вспоминал Сабатер, Дали избил ее тростью, когда узнал, что все его картины, которые Гала тайно подарила Фенхольту, тот выставил на аукцион в Нью-Йорке, чтобы на этом заработать большие деньги. В этот же день она заявила, что отправится в Нью-Йорк повидаться с Джеффом, — от этого Дали еще больше распалился.

Какая мстительная ирония: еще несколько лет назад жена в ярости была тростью Дали, не успевавшего в срок выполнить заказы, истерично кричала: «Ты стал ни на что не годен, из-за тебя нам скоро не на что будет жить!» А теперь под удары трости, возможно той же самой, попала Гала. И уже Дали обвинял ее: «Из-за тебя мы потеряли целое состояние».

Раньше он часто повторял: «Я понятия не имею, богат я или беден. Всем распоряжается жена. А для меня деньги — мистика». Но сейчас, когда адвокаты доходчиво объяснили ему, какие суммы уходят на Фенхольта, его, возможно, впервые по-настоящему охватил страх жизненного крушения и обнищания...

* * *

Гала умерла через год с небольшим после этой злосчастной драки. Дали пережил жену на шесть с половиной лет. Впрочем, это тот случай, когда правильнее будет сказать, что он самого себя пережил. Без Галы он стал совершенно беззащитным и беспомощным.

Как точен все-таки был Бретон: «Они — два полушария одного мозга». Два полушария работали с ожесточенным напряжением, с непредсказуемыми мозговыми комбинациями — порой игривыми, затейливыми, хитроумными, порой непостижимыми, пугающими, шокирующими, порочными. Но жизнеспособность их «общего» мозга определялась только одним доминантным полушарием. Без него второе омертвело: последние годы жизни Дали — время медленного погружения в смерть, время пустоты, одиночества, умственного угасания и унижительной физической немощи.

«Несмотря на все их распри, они были жизненно необходимы друг другу, — объясняла Мара Альбаретто. — Гала была опорой, силой воли. И вот ее не стало. Дали почувствовал себя ребенком, которого бросила мать. Он перестал есть. Это был крик о помощи». Да, он отказывался есть: с большим трудом удавалось его кормить при помощи зонда. Сиделки постоянно менялись, не в силах выдержать его капризы и частые приступы агрессии. Но не криком о помощи было такое его поведение, а усталой отрешенностью, способом прервать бессмысленное и мучительное существование. «Оставьте меня в покое!» — единственная просьба, которую он постоянно повторял в годы своего медленного умирания.

Аманда Лир вспоминала, как трудно было добиться ей короткой — всего на пару минут — встречи с ним. Он согласился принять ее в полной темноте: не хотел, чтобы увидела его больным, иссохшим и изможденным. «Я хочу, чтобы меня оставили в покое. Скажите, чтобы меня не трогали», — на прощание попросил он ее.

Даже на пороге смерти Дали не смог быть равнодушным к тому образу, в котором прожил столько лет. До последнего дня он оставался его заложником, боялся его разрушить, потому и рвал все связи с миром, скрывался от всех в темноте, не разрешал смотреть на себя, понимая, что нет в нем даже самых жалких остатков того феерического образа, которому так изумлялся мир. Он ведь распорядился и хоронить себя с закрытым лицом — думаю, что по той же самой причине.

«Все, что связано с моей персоной и с моей жизнью, уникально и изначально отмечено печатью избранности, цельности и вызывающей яркости», — вряд ли он задумывался о старости, когда так возвеличивал себя. Понимал ли он тогда, что старость отнимет у него этот образ, что не будет у него жизненных сил, которыми можно подерживать свою «избранность, цельность и вызывающую яркость»?

Нет, тогда он об этом и не задумывался. Но с годами, особенно после того, как у него появились признаки болезни Паркинсона, осознал, что в старости его яркий имидж неминуемо потускнеет. Пытаясь этого избежать и рассчитывая на имевшиеся у него деньги, он решил еще раз сжульничать — возможно, уже в последний раз! А обжурить он вознамерился — только представьте! — свою смерть. Он и ее надеялся сделать эксцентричной, уникальной, для чего предполагал воспользоваться криогенной заморозкой своего тела или мозга. Идеей криосохранения Дали увлекся еще до смерти Галы. Говорят, поручил даже провести переговоры с одной из криофирм, но договор с ней по каким-то причинам так и не был заключен.

Стать первым в истории «замороженным гением» — действительно, впечатляющий выбор, которым Дали, безусловно, удивил бы мир и придал своему персональному мифу эпатажную завершенность. Не получилось! «Божественный Дали» был наделен многими удивительными талантами и выдающимися способностями. Он умел вызывать «золотой дождь», но обмануть старость и смерть золотonosный дар ему не помог.

ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Евгений ЛУКИН

ФИЛОСОФИЯ ПАЦИФИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ-ФРОНТОВИКОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Поэтико-философская традиция постижения проблемы жестокости и абсурдности войны возникла еще в древности. Критика кровавой вражды как одной из форм социального зла представлена в трудах выдающихся мыслителей от Эразма Роттердамского и Иммануила Канта до Бертрانا Рассела и Карла Ясперса. Но наиболее ярко она проявилась в творчестве поэтов-фронтовиков Первой мировой войны, 110-летие начала которой отмечалось недавно. Здесь поэтическая романтика боевых столкновений, обусловленная вековыми рыцарскими представлениями, столкнулась с иной, куда более суровой действительностью, которая потребовала пересмотра многих ценностей.

В первую очередь переосмыслению подверглась идея торжества разума, торжества прогресса, возникшая еще в эпоху Просвещения. Выдающийся английский поэт Уилфред Оуэн отмечал, что нагрянувшая буря разорвала «паруса прогресса», и иронизировал над теми, кто еще верил в возможность достижения прогресса с помощью военных средств.

Во-вторых, был переосмыслен целый ряд традиционных ценностей, на которых издревле зиждилась патриотическая идея. Прежде всего изменилось отношение к таким личным качествам, как храбрость, мужество, героизм, поскольку боевое оружие перестало быть избирательным. Как констатировал немецкий поэт Петер Баум, теперь

Евгений Валентинович Лукин родился в 1956 году. Поэт, писатель, переводчик, историк. Автор сорока книг поэзии и прозы. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и России. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Лауреат ряда международных и российских литературных премий. Живет в Санкт-Петербурге.

убивают не копья — «теперь убивают машины». Возникший взамен термин «массовый героизм» лишил конкретную личность необходимых достоинств, превращая ее в некую жертву обстоятельств. В то же время бесстрашные проявления индивидуальности порою расценивались как очевидная глупость или безумие. Поэт-фронтовик Зигфрид Сассун, прославившийся на фронте невероятными подвигами, получил кличку Безумный Джек.

В довершение всего был поколеблен и основной постулат патриотизма, высказанный еще римским поэтом Горацием: «*Dulce et decorum est pro patria mori*» («Прекрасна и благородна смерть за отечество»). Теперь этот постулат определялся как ложный, не соответствующий действительности, и в качестве доказательства поэт Уилфред Оуэн живописал страшную мучительную гибель солдата, отравленного газами. Таким образом, смерть за отечество лишалась своей величественной красоты, поскольку не требовала от личности никакого мужества, никакой отваги — погибший мог оказаться в экстремальной ситуации случайно, ненароком. К примеру, поэт Эдвард Томас погиб от пролетевшего мимо шального снаряда: воздушная волна разорвала его внутренности.

В результате этих духовных метаморфоз получила широкое распространение гуманистическая идея пацифизма, которую стали исповедовать многие поэты-фронтовики Первой мировой войны. Среди них самым ярким пацифистом, пожалуй, был английский поэт Исаак Розенберг. Он родился в 1890 году в семье бедных еврейских иммигрантов, бежавших из Российской империи, опасаясь погромов. Розенберги поселились в лондонских трущобах, которые обрели дурную славу благодаря репортажам журналистов о жутких убийствах Джека Потрошителя.

Еще в школе Исаак Розенберг проявил способности к творчеству, однако подростком был вынужден бросить занятия: в семье не оказалось денег на его обучение. Правда, на помощь пришло Еврейское общество поддержки образования, однако завершить учебу в элитном заведении при университете Исаак так и не успел: грянула Великая война. С самого начала поэт отнесся к братоубийственной войне резко отрицательно. В августе 1914 года он написал стихотворение, исполненное грозных пророчеств:

Снег — белое таинственное слово.
 Не просит лед, не требует мороз
 Живой бутон или птенца живого
 По стоимости зимних бурь и гроз.

Но все же лед, мороз и снег весенний
 Устроили такую кутерьму,
 Что все перевернули во вселенной.
 Никто не понимает — почему.

В людских сердцах свершается такое.
 Их древний дух какой-то посетил
 И поцелуем с ядовитым гноем
 Он в плесень бытие преобразил.

Клыками порван лик живого Бога,
 Пролита кровь, которой нет святых.
 Оплакивает Бог среди чертога
 Своих убитых дьяволом детей.

О, древнее слепое наваждение —
 Все сокрушить, развеять, расточить!
 Пора первоначальное цветенье
 Разгромленной вселенной возвратить¹.

С началом войны поэт попытался устроиться на работу, чтобы содержать семью. Увы, настойчивые поиски не принесли результата. И вот в октябре 1915 года Исаак Розенберг внезапно исчез. Лишь через месяц от него пришло письмо: «Я отчаялся найти работу, на которую рассчитывал, поэтому записался в батальон Бантам, что представляется самой преступной затеей в мире». Официально Исаак Розенберг записался добровольцем, однако на самом деле он пошел на призывной пункт из крайней нужды.

В жизни поэта наступил самый тяжкий период. Он оказался на фронте в нечеловеческих условиях, которые были присущи окопному существованию: постоянная грязь, запах отхожего места и гниющих останков, невозможность помыться и поменять одежду и вдобавок — болезни и полчища крыс и вшей. Эти физические мучения усугублялись моральными страданиями. Как еврею ему поручали самую грязную и тяжелую работу: грузить уголь, выносить помой с кухни, рыть братские могилы, собирать и хоронить останки, на передовой таскать по трупам повозки с колючей проволокой. Несмотря на невыносимые страдания, поэт продолжал творить. По вечерам, уловив свободную минутку, он находил обрывок почтовой бумаги, огрызок карандаша и записывал стихотворение. Затем текст запечатывал в письмо и отправлял родным или друзьям.

В своих стихах поэт стремился сопрягать элементы самых разных религиозных, мифологических и культурных традиций: античных, древнееврейских, древнескандинавских, кельтских, христианских. Такой удивительный синтез отнюдь не являлся случайной эклектикой, а был сознательным стремлением поэта к созданию таинственной гармоничной картины бытия, где небесный свет побеждает тьму, где небесная музыка одолевает земную какофонию. В этом смысле духовная всеотзывчивость, расцвеченная чудесным умением живописать словами, становилась оригинальной чертой творчества Исаака Розенберга. В ее основе лежала философия пацифизма, обусловленная принципиальным неприятием войны как состояния хаоса и смерти, враждебного творчеству.

В отличие от Исаака Розенберга, другой английский поэт Уилфред Оуэн пытался разумно сочетать философию войны и философию мира. «Я пацифист с острым чувством воинского долга» — так диалектически определял он свою мировоззренческую позицию.

Уилфред Оуэн родился в 1893 году в семье служащего. Его мать, глубоко религиозная женщина, стремилась воспитать сына образцовым христианином. Не случайно после окончания школы юноша стал помощником vicar (викария) Евангелической церкви, полагая посвятить себя пасторскому служению. Для обучения в университете у семьи не было денег.

Посещая деревенские трущобы, юный Оуэн вплотную столкнулся с нищетой, болезнями, безнадежностью и засомневался в способности англиканской церкви быть искренней и сострадательной. «Единственно, откуда я слышу правду, — замечал юноша, — это из плотно сжатых губ голодных пахарей в их домах». Вот таким разочарованным, ищущим истину молодым человеком Уилфред Оуэн и встретил Первую мировую войну. Он добровольцем поступил в Лондонский учебный полк, получил звание лейтенанта и в самый канун 1917 года отправился на Западный фронт.

¹ Перевод Е. В. Лукина.

Суровый опыт войны не мог не повлиять на его восприятие реальности, изменив также и представление о других — тех, кто его окружал, с кем он шел дорогами войны. Поначалу, еще до отправки на фронт, поэт с оттенком некоторого литературного любопытства относился к новобранцам из своего взвода. Но вот боевое крещение состоялось, неприветливые парни проявили чудеса храбрости и жертвенности. Жертвенная страсть возвысила этих угрюмых солдат в глазах Оуэна, и теперь даже обычная воинская рутина виделась ему через призму Откровения. И как-то в своем отчете о строевых занятиях поэт сравнил новобранцев с Христом: «Вчера в течение 14 часов я работал — учил Христа поднимать крест по счету, подгонять по голове терновый венец и не помышлять о жажде до последней остановки. Я присутствовал на Его Вечери, чтобы знать, что Он ни на что не жалуется. Я проверял Его ступни, чтобы они были достойны гвоздей. Я следил за тем, чтобы Он молчал и стоял навтыжку перед своими обвинителями. За серебряную монету я покупаю Его каждый день и по карте знакомлю с топографией Голгофы».

Он знал, о чем писал, чему учил, что проверял. Потому что сам уже прошел испытание адом. «Я был не на фронте, я был в аду», — сообщал он в одном из писем. Однажды снаряд разорвался в двух ярдах от него, и, контуженный, он пролежал почти трое суток в полузабытьи на железнодорожной насыпи, а рядом раскинулись останки его друга, защитившего поэта от осколков. За время такого соседства со смертью многое переосмыслиется, многое переоценивается. Наверное, именно тогда Оуэн впервые постиг, что существует глубокая нравственная связь между живыми и мертвыми.

Позднее в стихотворении «Большая любовь» он воспел нежные, трогательные чувства к ушедшим, кому «сырой глинозем навсегда залепил жалобный рот», и осудил беспочвенные притязания живых на некую возвышенность дольней любви, а по сути — обыкновенной похоти:

Ты холоден не был, но все же и не был горяч.
Тебя не возвысил смертельным свинцом ни солдат, ни палач.
Ты мертвенной бледностью лика меня не дурачь,
Мне ближе лишь тот, кто навеки безгласен, незряч,
Кто тащит свой крест через пламя невзгод, через град неудач.
Тебе не дано прикоснуться к нему, и поэтому — плачь².

Здесь Оуэн творчески переосмыслил евангельский стих «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих», придав ему обратную перспективу: большей любви достоин и тот, кто уже проявил большую любовь. Более того, Оуэн пошел дальше и провозгласил принцип: «Мертвые нравственнее живых», потому что в бесчеловечных условиях войны остаться в живых, победить смерть — это значит стать более жестоким, чем сама смерть.

Уходя на войну, Оуэн поклялся найти истину. О своем обретении он написал: «Наконец я постиг истину, которая никогда не просочится в догматы какой-либо из национальных церквей, а именно: что одна из самых главных заповедей Христа — покорность любой ценой! Сноси бесчестие и позор, но никогда не прибегай к оружию. Будь оклеветан, поруган, убит, но не убивай».

Понятно, что перед нами — исповедь христианского пацифиста, исповедь обреченного на смерть. О том, что ему суждено погибнуть, Оуэн знал с самого начала пребывания на фронте. И это случилось с ним в последнем бою Первой мировой вой-

² Перевод Е. В. Лукина.

ны. Мать поэта получила похоронку, когда над Лондоном раздались звоны победных колоколов.

Такая же участь постигла и немецкого поэта Геррита Энгельке. Поэт был тяжело ранен в бою под французским городом Камбре, взят в плен и скончался в английском полевом госпитале в самый канун перемирия, о котором он так мечтал. Познакомившись с его творчеством, известный писатель-фронтовик Эрих Мария Ремарк с глубокой болью осознал, что «безумие войны оборвало одну из наших величайших надежд!»

Геррит Энгельке родился в 1890 году в Ганновере. Его отец был мелким торговцем и в погоне за удачей уехал в Америку. Вскоре за ним последовала мать. Оставшись один, четырнадцатилетний юноша после окончания школы был вынужден стать подмастерьем. Одновременно он увлекся поэзией. Вскоре стихи молодого рабочего появились в печатном органе ранних экспрессионистов.

Когда Германия объявила войну России, Геррит Энгельке был готов «с радостью исполнить свой долг на поле брани». Однако убежденного патриота все же терзали пацифистские сомнения: «Мое чувство инстинктивно сопротивляется войне. Убийство остается убийством. Ни один народ не ненавидит другой народ, и только бессовестные спекулянты, стоящие у власти, затевают войны. Так и теперь. Но в конце концов, и они, и все воры не действуют по собственной воле, а делают, что вынуждены делать. Ни один человек не делает войны, ее всегда делает великая невидимая рука судьбы, Бога, власти неба или вселенной, или как хотите ее называть».

Геррит Энгельке ушел добровольцем на фронт. Участвовал в самых кровопролитных битвах, и «невидимая рука судьбы» всегда спасала поэта от смерти. Его фронтовые стихи обрели мужественность и твердость. Впрочем, на четвертый год войны пацифистские настроения стали преобладающими в творчестве бывалого фронтовика. Его последнее стихотворение «К солдатам Великой войны» призывало к миру, свободе и счастью.

Наверх! Из окопов, из нор, из подвалов бетонных!
Из грязи, из дымного чада, убежищ зловонных!
Сюда, товарищи! Ибо от фронта к фронту, от поля к полю
Шествует новый праздник — праздник мира и воли!
Стальные шлемы и прочие шапки снять! Пушки долой!
Хватит захлебываться в кровавой ненависти гнилой!
Я заклинаю всех вас в больших городах и весях глухих
Выполоть страшные семена злобы и выбросить их.
Заклинаю вашу любовь к матери и к дочери вашу любовь —
На песню ваши истерзанные сердца настройте вновь³.

В этом поэтическом завещании Геррит Энгельке называет братьями всех, кто воевал по обе стороны фронта: французов и немцев, англичан и австрийцев, американцев и итальянцев, турок и русских. «Воистину брат называется братом, / И Запад с Востоком становятся рядом!» — восклицал поэт.

Пожалуй, впервые в истории пацифистские настроения выразились в таком всеобщем деянии, как братание солдат вражеских армий. Несмотря на усилия военной пропаганды, которая всячески стремилась расчеловечить противника, сражавшиеся бойцы осознавали, что перед ними такие же люди, как и они: у каждого есть отец и мать, есть жена или невеста, есть дети. Товарищ Геррита Энгельке, немецкий поэт

³ Перевод Е. В. Лукина.

Генрих Лерш в самый разгар войны выпустил в Берлине поэтическую книгу, где опубликовал программное стихотворение «Братья»:

Пред нашим бруствером чужой мертвец лежал:
Его то солнце жгло, то ветер охлаждал.

Я смертный лик его разглядывал стократ,
И мне все чудилось, что там лежит мой брат.

И мне все слышалось, что над передовой
Звучит его веселый голос, как живой.

И ночью плач его тревожил невпопад:
«Неужто ты меня не любишь больше, брат?»

И вот однажды, несмотря на бой ночной,
Я мертвого врага предал земле сырой.

Не обманули очи сердца моего:
Любой мертвец похож на брата твоего⁴.

Чтобы постичь эту простую истину, Генриху Лершу потребовалось несколько месяцев пребывания на передовой. А кто-то из творцов не успевал сделать и этого, поскольку погибал в первых стычках с врагом.

Такое произошло, к примеру, с молодым талантливым поэтом Альфредом Лихтенштейном, подававшим большие надежды. Его раннее стихотворение «Сумерки» было признано манифестом нового литературного направления — немецкого экспрессионизма. Осенью 1913 года Лихтенштейн был призван на военную службу в Баварский пехотный полк. С началом войны полк в числе первых принял участие в боевых действиях. Лейтенант Альфред Лихтенштейн погиб 25 сентября 1914 года. Перед смертью он написал трогательные стихи, исполненные мира и любви:

Хочу не быть убитым.
Хочу лежать с тобой
Умытым и побритым
В рубашке голубой.

Чтоб ногти были чисты
И чтоб носки без дыр...
О, женщины, боритесь,
Пожалуйста, за мир!⁵

⁴ Перевод Е. В. Лукина.

⁵ Перевод Е. В. Лукина.

РЕЦЕНЗИИ

ОТ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО ДО ЛИТЕРАТУРЫ НАШИХ ДНЕЙ

Звонарева Л. У. На берегу словесной реки: Статьи, рецензии, беседы.

М.: Союз писателей Москвы, Библио ТВ, 2023. — 620 с.

В книгу вошли статьи, рецензии и беседы с писателями-шестидесятниками (А. А. Лихановым, В. Д. Берестовым, В. И. Беловым, В. А. Бахревским, В. В. Петроченковым, Ю. П. Кузнецовым, Р. Ф. Казаковой, Ф. А. Камаловым, В. С. Высоцким, В. П. Крапивинным, А. Н. Сенкевичем, Л. Устиновым) и современными писателями (П. Г. Кренёвым, Б. Н. Бартфельдом, Р. Р. Бухараевым, В. П. Бутромеевой, И. А. Есауловым, Б. Т. Евсеевым, И. А. Елисеевым, Б. Канапьяновым, Г. Н. Калашниковым, А. Б. Керданом, Б. Кутенковым, Д. А. Лихановым, П. Г. Рыковым).

Лола Звонарева легко раздвигает границы во времени, анализируя творчество Симеона Полоцкого, Гавриила Державина и поэтов Серебряного века, современных писателей. Она так и озаглавила разделы книги: «Серебряный век в диалоге с миром», «Шестидесятники в диалоге с мировой культурой и историей», «Эхо былых веков в литературе новейшего времени».

Статьи и рецензии различны по своему объему и по форме: прежде всего, это литературные портреты или обстоятельный анализ одного произведения или же проблемная статья, посвященная детской литературе, литературной критике, репортаж о литературном мероприятии. Все статьи объединяет высокий профессионализм и широкая эрудиция автора — историка литературы, доктора исторических наук, академика РАЕН и Петровской академии наук и искусств, лауреата множества международных и российских литературных премий, организатора литературно-художественных фестивалей, профессора нескольких московских вузов, секретаря Союза писателей Москвы.

Лола Уткировна — активный участник и организатор современного литературного процесса не только России, но и зарубежья. Это и отражают ее статьи и воспоминания, посвященные известным и малоизвестным российским писателям. Она свободна от предпочтений литературных групп: пишет о членах Союза писателей России, Союза российских писателей, об участниках литературных фестивалей и конкурсов, делающих первые шаги в литературе.

Лола Звонарева в статьях книги «На берегу словесной реки» и в литературно-просветительской деятельности делает все, чтобы объединить писателей России, ближнего и дальнего зарубежья, ввести их в единый литературный контекст. Благодаря публикациям в руководимом ею журнале под символическим названием «Литературные знакомства» специальных тематических книжек, посвященных творчеству литераторов из разных областей, мы узнаем о творчестве архангельских, рязанских, тюменских, татарских, башкирских писателей, о творчестве писателей из Узбекистана, Чечни, Казахстана, Болгарии, Польши.

После 90-х годов XX века мало кто из литературоведов пишет о литераторах из «братских» республик. Мы катастрофически мало знаем друг о друге, а Лола Уткировна знает, дружит со многими героями своих статей и щедро дарит их нам, создавая запоминаемые яркие творческие портреты писателей из Узбекистана — Федора Камалова, Анвара Абиджана, белорусских писателей Р. И. Бородулина и Натальи Батраковой, венгерского поэта и переводчика Белы Риго, польского поэта Казимежа

Сьвегоцкого, казахского поэта Бахытжана Канапьянова, болгарского писателя Николая Табакова, эстонской писательницы Рээт Куду, азербайджанского поэта Князя Гочага, дагестанской поэтессы Сабигат Магомедовой.

Когда я читаю ее научные монографии и статьи о Симеоне Полоцком и «школьной драме», о писателях XVIII века (Г. Р. Державине и др.), Серебряного века (К. Д. Бальмонте, З. Гиппиус, Д. И. Хармсе, И. В. Одоевцевой), о поэтессах, чьи стихи вошли в трехтомную антологию «1001 поэтесса Серебряного века», о литературном критике и писателе В. В. Вейdle, о французском слависте Ренэ Герра, посвятившем жизнь изучению творчества русских эмигрантов первой волны и собравшем уникальную коллекцию книг рукописей, картин), а также обзорные статьи о детской литературе и творчестве детских писателей, то всегда восхищаюсь, как можно писать о сложных проблемах просто и убедительно. Эти тексты интересны для взыскательного ученого-литературоведа и в то же время доступны для студента и школьника, желающего разобраться в истории и современной русской литературе.

В статье, посвященной монографии «Русская классика: новое понимание» профессора И. А. Есаулова, в которой представлена новая концепция истории отечественной словесности в контексте доминантного для русской литературы христианского типа духовности, Лола Уткировна раскрывает суть концепции литературоведа, а благодаря интервью показывает взгляды автора, представляет его как цельную личность, не отделяющего просветительскую деятельность от научного анализа через «иной тип понимания классики, вскрывающий ее духовную глубину, тесно связанную с укорененностью великих произведений в тысячелетней русской христианской традиции», отмечает введение нового инструментария в литературоведение — категорий соборности, пасхальности и христоцентризма.

О том, что эта тенденция активно развивается в современном литературоведении, мы убеждаемся из статей профессора Л. У. Звонаревой о творчестве известного русского писателя Павла Кренёва: в статье «Павел Кренёв: вдохновенный певец Поморья» автор исследует православный взгляд на все происходящее, присущий писателю, а также соборность и пасхальность не как отвлеченные термины, а как живая повседневность. Лола Уткировна показывает, как художественными средствами Павел Кренёв раскрывает глубинную связь героев с православной культурой: «В прозе Павла Кренёва к праведной старушке ночью приходит Николай Угодник („Поздней осенью, на Покровскую“), а замерзающая на льдине шестнадцатилетняя школьница-пионерка, вспоминая маму, начинает беседовать с неведомым ей Богом (повесть „Беляк и Пятнышко“). Это в литературе, а в реальности уже не писатель Павел Кренёв, а сотрудник правительственных структур Павел Григорьевич Поздеев построил на свои средства в родной деревне большой каменный храм во имя святых Петра и Павла».

Лола Уткировна определяет особенность поэзии известного донского поэта, переводчика и издателя Игоря Елисеева: «И все же главное — это то, что перед нами настоящие русские стихи: богатые точными и свежими рифмами, написанные сердцем, с неповторимой, евсеевской интонацией. Автор любит и умеет работать с глаголом действия, и это наполняет его стихи дополнительной энергией. Окружающий лирического героя мир в стихах и поэмах Игоря Елисеева открывается в движении и цвете, он богат запахами и ритмически точно организован. Редкая для современной литературы естественность поэтических жестов убеждает в задушевности и выстраданности многих стихотворных миниатюр и монументальных поэм донского поэта».

Язык статей Лолы Уткировны образный, ассоциативный, она приводит много интересных примеров из античной и древнерусской литературы и философии, русских и зарубежных писателей, литературоведов и философов, читая ее книги, получаешь

эстетическое наслаждение от русского Слова, точного и ясного, без излишнего «плетения словес».

Применительно к авторской позиции к содержанию и к героям статей, включенных в книгу «На берегу словесной реки», мы можем отнести к Лоле Уткиривне определение, данное И. А. Есауловым о предпочтительной позиции филолога к «предмету своего исследования»: «Я исхожу из необходимости различать понимание, анализ и интерпретации, настаивая — что пытался обосновать на протяжении более чем четверти века — на субъектно-субъектной (интерсубъективной) природе всякого понимания, на „диалоге согласия“ — в большом времени русской культуры — автора и истолкователя».

Профессор Звонарева исследует поэтику и душевные переживания Симеона Полоцкого и Гавриила Державина (в масштабах «большого исторического времени») и творчество, художественные и нравственные искания современных писателей трех поколений XX—XXI веков. Так, в статьях о Геннадии Калашникове мы узнаем и об истории знакомства с поэтом, и о его творческом развитии, а также чувствуем бережное отношение к его личности и лирике: «В стихах этой книги уже не живописные подробности пейзажа, не идиллическая смена времен года, а попытка проникнуть в онтологические силы природы. Героями этих стихов становятся первородные стихии — воздух, вода, огонь, земля. И в то же время в них звучит живой голос человека, вопрошающий, сомневающийся и, наперекор всему, исполненный надежды».

Лола Уткиривна внимательно относится к символике названий. Книга «На берегу словесной реки» создает емкий образ полноводной реки, близкой Волге, Москве-реке, Неве, отражает постоянное движение, обновление литературы, вливание в нее ручейков и других рек, разливы и весенний ледоход, и, конечно же, река — это символический образ, код русской и — шире — многонациональной российской культуры.

Река, начиная с библейских рек, символизирующих очищение, преобразование человека (крещение), это и символ места (гений места). Пересекая реку, человек наполняется новыми силами. Это метафора постоянного движения жизни, вечного течения времени (вспомним трагическое державинское — «Река времен...»). Река может спасти, а может и погубить, во многих произведениях герои проходят испытание рекою. Мне кажется: в книге профессора Звонаревой можно найти многие символические грани образа словесной реки — современного литературного процесса.

Кроме того, река — живая, она оригинальна, изменчива и может соответствовать не только характеру героя, но и его настроению, раскрывать внутреннюю красоту во внешнем ее проявлении, и в этом выражается ее локально-динамический образ.

Наблюдая за многогранной деятельностью Лолы Уткиривны Звонаревой, я поражаюсь ее неутомимой энергии и собранности. Хочу узнать, как она нашла волшебный способ расширения времени и пространства, чтобы проводить мероприятия от Москвы до Крыма (фестиваль «Интеллигентный сезон», Крым), Геленджик, Архангельск, Турция, еще недавно — Болгария, Польша, Черногория. И еще как можно одновременно быть профессором, замечательной мамой и бабушкой, в роли главного редактора издавать ежемесячно «толстый» журнал «Литературные знакомства» (288 страниц!) и журнал творчества юных авторов «Серебряные сверчки», писать статьи, рецензии, воспоминания о писателях, художниках, деятелях культуры, ежегодно издавать книги, тематика которых невозможно широка: от художника Алексеева, французского коллекционера Герра (620 страниц!) до современных писателей — стоит только догадываться!

Лола Звонарева как литературовед, историк и редактор обладает ясным критическим мышлением, она отмечает острые проблемы литературного процесса нашего времени. И одна из них — необходимость обучения и воспитания литературных кри-

тиков. В статьях «Отстаивая достоинство литературной критики» и «В поисках строгих критериев и справедливых оценок» она отмечает: «Ушли знаковые фигуры критики 60-х годов — друг за другом покинули этот мир авторитетнейшие Станислав Лесневский, Андрей Турков, Лев Аннинский, Валентин Курбатов... Эмигрировали в литературоведение и прозу Игорь Золотусский, Алла Марченко, Владимир Новиков, Александр Архангельский, Павел Басинский. Увлёкся преподаванием и безвременно ушел в мир иной неистовый Андрей Немзер». С горечью автор пишет: «Все чаще стали поговаривать: профессия литературного критика изжила себя и исчезла <...> Стало хорошим тоном пнуть критиков в мемуарной книге...»

В высказываниях известных писателей Лола Звонарева находит требования, предъявляемые к настоящей критике. Так, Игорь Золотусский считает: «Прежде всего, независимость от мнения различных групп или так называемого общественного мнения, которое я считаю попросту несуществующим», а мнение Евгения Водолазкина у автора книги вызывает уважение: «Критик совсем не тот, кто ругает. В идеале это добрый человек, который помогает писателю. И если он делает свою работу с любовью, он друг и советчик, а вовсе не супостат <...> Доброжелательный критик судит произведение по его законам, а для этого нужно понимать — писатель ведь обычно знает, что он делает. Плохой критик имеет какие-то свои представления и делает выводы, исходя из них, другого мнения не допуская <...> Хороший критик может и поругать, но может и восхититься. Беда нынешнего времени вот в чем: теряется грань между профессиональным и непрофессиональным <...>» Аналитическую статью о таком критике А. А. Золотове и его книге «Сад Дебюсси. Эпические мгновения из жизни искусства. Книга критика» можно назвать образцом, как можно писать легко и образно о двухтомном издании, подводящем итоги 65-летнему творческому пути известного деятеля культуры. К самой Лоле Уткировне можно отнести строки из статьи: «Золотов доказал, насколько герои были искренни в творчестве, и именно искусство с его всеисцеляющим гуманизмом сегодня единственное, что способно спасти мир от неизбежной гибели».

Лола Звонарева, анализируя статьи участников конкурса молодых литературных критиков имени Льва Аннинского, с радостью отмечает для себя положительные тенденции в критике «новой волны»: энциклопедичную образованность, отсутствие провинциализма, многие критики состоялись как талантливые авторы поэзии и прозы и даже научных исследований, но при этом «благополучно избегают в текстах пресловутой диссертационной оскомины». Отмечает для себя главный критерий хорошей критики: «Поиск критиками новой волны глубинного смысла бытия. Ответы на этот судьбоносный вопрос ищут молодые авторы в книгах всех, без исключения, писателей как отечественных, так и западных».

В статье «В поисках строгих критериев и справедливых оценок» приводит цитату из лекции И. П. Золотусского, утверждавшего: «...критик — лидер литературного процесса, он прокладывает пути, по которым затем идут писатели, его современники». Через призму этой мысли Лола Звонарева оценивает деятельность литературных критиков «новой волны»: «И новое поколение литературных критиков пророчит и стратегически выстраивает собственное литературное поле, создает манифесты и выдвигает оригинальные культурные инициативы».

В центре внимания автора статьи о новом поколении критиков творчество занявших уже свое место известных литературных критиков Елены Погорелой, Бориса Кутенкова, Александра Евсюкова, которых отличают «распахнутость навстречу другим областям культуры, понимание глубины связей, объединявших в единое целое лите-

ратуру, живопись, кино и театр», в этом профессор Звонарева видит преемственную связь с критиками-шестидесятниками Львом Аннинским и Валентином Курбатовым.

...И к творчеству профессора Звонаревой можно отнести слова Альберта Лиханова: «Истинное искусство — форма выражения добра: это и своеобразная концентрация всего лучшего, что может быть в человеке. Концентрация такой силы, которая рождает вокруг себя свет, очищающий, облагораживающий, возвышающий стоящих рядом». Творчество и неутомимая деятельность Лолы Уткировны рождает этот мощный свет добра и созидания.

Альфия ГАЛИМУЛЛИНА

КРОШКИ ВОЛШЕБСТВА

Чигрин Е. М. Болотный огонь: Избранное. — М. : ООО «Группа Компаний „РИПОЛ классик“», 2024. — 538 с.

Книга избранных стихотворений Евгения Чигрина «Болотный огонь», увидевшая свет в столичном издательстве «РИПОЛ классик» совсем недавно, — явление, на мой взгляд, совершенно уникальное. Несмотря на все формальные признаки литературного успеха (14 изданных книг, переводы на 21 язык мира!), творчество этого автора до сих пор еще не стало известным широкому читателю. И связано это не столько с профессионализацией всех видов искусств, не столько с усложнением поэзии как таковой, а с тем, что в настоящее время даже профессиональный читатель (преподаватели литературы, литературоведы, критики, библиотекари) не всегда успевает за черпахой профессиональной литературы, и перспективы Ахиллеса из древнегреческой апории выглядят фатальными.

Постараюсь сделать все для того, чтобы мысль моя об уникальности стихов этого поэта не показалась читателю голословной. Не секрет, что доказательность как раз и есть то, чего так недостает подчас большинству наших критических материалов. А ведь именно она превращает любое личное и подчас субъективное высказывание в то, что становится частным мнением уже некоторой группы людей, объединенных общими интересами. Условно назовем эту группу «ценителями поэзии». Зачастую, однако, бывает так, что критик или обозреватель, не стесняясь самых высоких и даже выпренных выражений, всячески превозносит того или иного автора, а потом в качестве доказательства приводит его текст. Читатель зачастую просто недоумевает: а что здесь гениального? Слишком уж велика бывает пропасть между панегириками обозревателя и приведенным текстом автора. Совсем уж далекий от предмета обсуждения человек подчас верит автору статьи: да, наверное, действительно хорошо написано, к тому же ведь и напечатали! А то, что я не понимаю этого, так, наверное, не дорос еще... А иногда бывает и так, что читатель полностью соглашается с критиком, и тогда возникает открытие для себя нового автора. Сразу же возникает вопрос: а необходим ли вообще между автором и читателем такой вот посредник? Литературный текст не недвижимость, где подчас нужен грамотный знаток-посредник, выступающий в качестве риэлтора. Ответы на этот вопрос могут быть разные. Критик нужен хотя бы потому, чтобы показать читателю верную дорогу, чтобы он не потерялся в лабиринтах и зачастую тупиках колоссальной продукции, выходящей из-под Гутенбергова пресса.

Чтобы предмет разговора был понятен читателю и, разумеется, соглашаясь с тем, что поэзия может быть самой разной, должны все-таки напомнить, что у поэзии есть

и неотъемлемые внешние атрибуты: рифма, ритм, метафорический ряд, а главное, система образов, которая в стихах второстепенных поэтов, насколько бы они ни были прекрасными людьми, никогда не бывает уникальной.

Известно, что устная речь возникла гораздо раньше письменной, и первые поэты были так же неграмотны, как и их слушатели. Они рассказывали и пели о том, что видели, слышали и осязали. «Вот олень пробежал. Вот человек едет в собачьей упряжке» — образцы такой поэзии были и будут всегда. Такие непохожие друг на друга и такие разные по уровню дарования поэты, как Алексей Кольцов, Абай и Эдуард Асадов, писали исключительно о том, о чем с той или иной долей достоверности информировали рецепторные поля анализаторов: зрительного, слухового, обонятельного и вкусового, а также другие виды чувствительности (болевая, температурная, тактильная — нужное подчеркнуть!), не опосредованные письменной речью. Таких поэтов иногда (наверное, не совсем удачно) называют «почвенниками», разумея почву в самом широком, философском, а не в агрономическом значении этого слова. Другая категория стихотворцев — те, которые появились уже после возникновения письменной речи как таковой и опирающиеся, кроме впечатлений от реальности, еще и на то, что им довелось прочитать, то есть на то, что было написано до них (на мировую культуру). «Почвенники» подчас считают таких стихослагателей «вторичными», поскольку последние живут уже отраженным светом и отчасти справедливо обвиняют их в книжности, «литературщине». Многие пишущие люди, особенно прошедшие школу советских литобъединений, вспоминают эти дежурные обвинения в «литературщине», зачастую исходящие от особ с не слишком высоким уровнем образованности. С другой стороны, поэты, опирающиеся на мировую культуру, подчас свысока относятся к «почвенникам», справедливо говоря о том, что в наше время нельзя уже петь, как птичка, сидящая на ветке и не знающая, что до нее что-то там писали Гомер, Данте, Пушкин, Бодлер и Мандельштам. Как всякая классификация, даже и претендующая на научность, это подразделение поэтов на две категории, безусловно, во многом притянута за уши. Например, опора на мировую, в частности, на античную культуру видна уже в незрелых, лицейских стихотворениях «смуглого отрока» Пушкина. С другой стороны, у того же поэта много произведений, обусловленных влиянием исключительно органов чувств, то бишь «почвеннических» — «Погасло дневное светило», например. И в первой, и во второй категории, разумеется, есть свои классики.

Не претендуя ни на какие литературоведческие лавры, предполагаем, что существует и третья категория поэтов, генетически вышедшая из второй. Это люди, впитавшие в себя мировую культуру, как губка, а затем расщепившие ее на молекулы для того, чтобы из этих молекул синтезировать уже свой, своеобразный поэтический мир. Эта редкая категория поэтов никогда не цитирует тупо своих предшественников, тем более никогда не обыгрывает классические цитаты, как это делают постмодернисты (например, «чем меньше женщину мы больше, тем больше меньше она нам»). То, что подобные цитирования и обыгрыши зачастую носят сатирический характер, объясняется тем, что стихотворцы-постмодернисты не выдерживают груз поэтических строк классиков, не в состоянии, подобно муравью, нести соломинку, превышающую во много раз массу его тела.

К этой третьей категории поэтов, синтезирующих свой поэтический мир из атомов и молекул, составляющих поэтические миры наших классиков, принадлежит поэзия Евгения Чигрина. Имена исторических персонажей, писателей и художников, мифологических героев, в стихах Чигрина, как по мановению волшебной палочки, перестают быть книжными, сошедшими со страниц полуистлевших фолиантов. Они

пахнут так же, как пахнут земля, вода, полынь и резеда. Имена собственные смыкаются с именами нарицательными и встают с ними в один семантический ряд.

В купе окно, в котором светит сад,
Под яблоней и грушей спрятан клад,
А под землю дева, как в ловушке,
С которой был бы... «Ты про счастье?» — «Нет!»
Феб в облаках читает твой планшет,
И вертятся менады-потаскушки...

Этот сидящий за гаджетом Аполлон никак не ассоциируется с античным богом, даже с его классической статуей, стоящей на всеобщее обозрение глазующих экскурсантов в каком-нибудь суперэкскурсионном Ватикане. Скорее всего, это увлеченный своей работой наш современник, выискивающий что-то в Интернете. Или же такое интимное, выходящее из самого сердца и в то же время связанное тысячью нитей со всей русской поэзией, начиная с пушкинского «Пророка»:

Если что, на призрачное право
Серафиму черкануть слова:
«Было запредельно, было ржаво,
Жизнь бросала крошки волшебства».

Шестикрылый серафим настолько близок, что ему можно просто «черкануть», послать эсмэску. Способ доставки сообщения может быть самым разным, он никогда не акцентируется поэтом. Да и места отправки и доставки совершенно не соотносятся с категорией времени:

Пишу тебе из темноты, из местности NN —
В который раз? В который снег? В который Карфаген?

Умело маневрируя в разных лексических пластах, поэт и сами эстетические символы вроде кастальского ключа превращает в знакомые каждому осязаемые бытовые предметы:

Плюс 30 в безоблачном полдне. Жара
Стоит парадизом по-галльски,
В который иголки вгоняет хандра,
Чтоб выхватить ключик кастальский.

Эта удивительная близость высокого с низким, небесного и земного приводит и к причудливому сближению лексических пластов. Такие разные лексические пласты, как феня, молодежный сленг, разговорный язык, литературный язык, язык высокой поэзии, переходят у автора друг в друга незаметно, как отдельные цвета радуги, не оставляя чувства пересечения некоторой этической или эстетической границы. Сама же радуга всегда радуется как многообразием, так и великолепием.

Например:

Настроенье у местного автора — заросли мглы,
Он рассеянно смотрит на выходы бабьего лета,

На лице его — «пофиг»... Заляпаны красным дворы,
К лазуриту небес прилепилась янтарная мета...
Вот и бродит один, облака оплетая в стихи,
Постаревшим кустам завещает дары писанины,
Зависая в тени, в депрессняк загружая мозги,
Там открытые файлы: задвиги, нюансы, картины...

Пример поэтического текста, где более чем разговорный фразеологический оборот чуть ли не роднится с древнеегипетской мифологической терминологией:

Ты умер и проснулся в сентябре,
Взглянул в окно, там дождь, как в хрустале,
Гулял, а ветер выходил в валторны.
Там жизнь входила в смерть: ты проверял?
Анубис в рот тебе, ты сам шакал,
Ты на кого ругаешься, позорный?

Или с историей русской поэзии:

Почему Б. Поплавский плывет за буйками? Не знаю.
Да и сам Ходасевич какого хераскова тут?

Интересно, что эта лексика не только не выбивается из текста, но делает его еще более пластичным и органичным. Сама любовь к слову настолько велика, что слово выступает не только как семантическая единица, не только как некий эквивалент информации, а прежде всего как единица художественного текста. Поэтому в поэтическом словаре Чигрина нет слов-генералов и слов-солдат (что было, например, в словаре создателя теории «трех штилей» Михаила Ломоносова), слова «депрессняк» и «пофиг» воюют в таком же авангарде, как и все другие слова.

Существует весьма сомнительная точка зрения, что советскую официальную поэзию несколько приземлил почти поголовный атеизм ее представителей. Может ли поэт быть атеистом? Вопрос на засыпку. Впрочем, а почему бы нет? Тем более что для христианской доктрины атеист, особенно атеист сознательный, даже воинственный, стоит на гораздо более высокой ступени духовного развития, чем человек, по умолчанию равнодушный к вопросам религии. Об этом, кстати, более чем прозрачно намекает старец Тихон пришедшему к нему на исповедь Николаю Ставрогину. Как поэт высокого духовного напряжения, миллионами нитей связанный с мировой культурой, Евгений Чигрин не может игнорировать категорию Бога, поскольку с античных времен поэзия как форма общественного сознания опирается на реалии жизни не для того, чтобы протоколировать и «сфоткать», но чтобы открыть читателю духовные каналы общения с материями вечными, трансцендентными, чем и отличается, например, от той же науки, опирающейся исключительно на факты и анализирующей факты.

Общение с Богом в творчестве Чигрина предстает вовсе не как традиционная молитва, не как крик от отчаяния, не как крик утопающего, мечтающего о вечной занюханной сакраментальной соломинке, а как напряженный диалог-поединок:

Я вещество? Я только вещество,
Субстанция Твоих забот всего лишь?..

Посмейся, Бог. И больше ничего.
И не поспоришь.

Двадцать первый век с его реалиями, которыми насыщен и подчас даже перенасыщен поэтический мир Евгения Чигрина, мир жесткий, атеистический и технократический, в котором нельзя ни на минуту расслабиться, чтобы не поймать себя на том, что плывешь по течению, заставляет автора-скептика чуть ли не физически страдать от недостатка Божественного:

Серафим, мне слишком одиноко
Шар земной на пальчиках держать,
Над моей кроватью мало Бога...
Вот и вышел зайчик умирать.

Вечная проблема взаимодействия иллюзий и реальности тяжело переживается поэтом:

Цвета манго и мускатной дыни
Снился остров. Снились острова.
Снилась жизнь таких авиалиний,
От которой лучшая халва
И во рту, и на большой тарелке,
Только вот тарелка эта где?
Я проснулся. Ни свистка, ни белки...
Только осень старая везде.

Поиски Бога в стихах Евгения Чигрина постоянны. И если не всегда они удачны в аспекте метафизическом, то в художественном аспекте удача налицо:

Видеть: несут восемь ангелов книгу печали,
радости книгу несут эти твари Тебе.
Я говорил: «Так случится...» — в неспящие дали
я поднимался, играя на тихой трубе.
Я пионер, понимающий евангелиста,
я засвечусь, и тогда Ты увидишь меня
точкой? Звездой? Понимающим коду флейтиста?
Тем, для кого не хватило простого огня?

Бог в стихах поэта присутствует всегда, и в моменты высшего откровения поэту становится просто необходимо, чтобы высшее существо подтвердило его мысли и чувства:

Нам выпадет на Вавель помолчать
Да под молчанье русское — кирять...
Не так ли, INRI? Так ли, Иегова?

Такое совершенно немолитвенное отношение к Христу человека, страдающего и мыслящего, читателю невоцерковленному (а у нас таких большинство!) очень понятно. Иногда кажется, что поэт уже готов отречься от логических схем на пороге полного приятия Бога, но этого не происходит. В отличие от героя Достоевского, ко-

торый между Истиной и Христом всегда выбирает Христа, даже если знает, что Христос идет против истины, лирический герой Евгения Чигрина (не будем его идентифицировать лично с автором!) до сих пор находится в сомнении, но это сомнение как раз и есть «огонь, мерцающий в сосуде», та самая искра Божия, готовая в любой момент разгореться и превратиться в пламя несокрушимой веры.

Категория страдания вообще настолько часто обсуждалась теоретиками и практиками от отечественной словесности, что давно уже стала общим местом. Во всяком случае, во второй половине позапрошлого столетия способность к страданию воспринималась как неотъемлемый атрибут каждого пишущего. Отец Дмитрия Мережковского, пришедший с сыном к Достоевскому с целью получения консультации по поводу первых стихов своего мальчика и услышав это вечное, так знакомое русскому сердцу «страдать надо, страдать», усомнился вообще в пользе литературы, во всяком случае для ребенка: «А может, ему лучше вообще не писать? Я не хочу, чтобы мой ребенок страдал». Ответ Мережковского-старшего удивительно точен и поучителен как с точки зрения здорового реализма, так и с точки зрения апологета психического здоровья. В стихах Евгения Чигрина страдание никогда не перерастает в жалобы на мировую несправедливость, поскольку мир удивительно ярок и разнообразен, а жить в нем — истинное счастье, поскольку

Прекрасно утро, солнце вышло жить,
Перекатилось и давай ловить
Все в объектив, как в жизни, ненасытно.

Объектив того чудесного микроскопа, в который смотрит на мир поэт, наверное, и есть тот самый талант, даруемый поэту Богом (или природой, в данном контексте это не имеет никакого значения). Значение для нас, читателей, имеет прежде всего то, что талант поэта позволяет нам в сотый и тысячный раз удивляться умопомрачительной красоте окружающего нас мира и способностью поэта открыть для нас этот мир.

Евгений ЭРАСТОВ

ОТ МУЗЫКИ СПАСЕНИЯ НЕТ...

Дина Дронфорт. Огонь в ладонях. СПб.: Алетейя, 2025.

Сегодня я держу в руках совсем свежую книгу, только что увидевшую свет в престижном петербургском издательстве, и хотя этот сборник стихов не столь уж велик по объему, можно не сомневаться: он не разочарует библиофилов и подлинных любителей поэзии. Более того, для многих, как и для меня, он станет неожиданным и счастливым обретением нового дарования, нового имени. Отважусь ли утверждать, что изящная книжечка Дины Дронфорт томов премногих тяжелей? Да, пожалуй, рискну, потому что это утверждение прозвучит вполне обоснованно.

Благодаря яркой образности, интенсивности переживаний многие строки из этого дебютного авторского сборника, претерпевающего второе издание, остаются в памяти.

Обращаясь к творчеству Дины Дронфорт, невозможно хоть несколькими словами не обмолвиться об особенностях ее жизненного пути. Дина родилась и выросла в подмосковном местечке Томилино, но уже тридцать пять лет проживает в германском городе Франкфурте-на-Майне. Она работает в области информатики, организатор вы-

ставок, занималась профессионально фотографией, пишет не только стихи, но и прозу, основала творческий литературный проект «Невод», вступила в сообщество Союза литераторов РФ. Можно было бы сказать, как принято в таких случаях, что в связи с отъездом в Германию ее жизнь поделилась на ДО и ПОСЛЕ.

Вот только поделилась ли?

Мать и мачеха

Несмотря на достаточную успешность, востребованность и занятость в Германии, Дина Дронфорт испытывает чувство не совсем равное ностальгии, но сходное с ней. Точнее всего было бы назвать его ощущением утраты родной почвы под ногами. «В мокром Франкфурте утром хмурым» память возвращает ее в родные места, она явственно видит улицу, на которой выросла, тополя в Томилине (именно так — «Тополя в Томилино» — даже названо одно из стихотворений)... Вольно или невольно все эти приметы вросли в ее душу, стали частью прожитой жизни и ее самой. К ней приходят, словно наваждение, близкие сердцу картины русской зимы: «сугроб хрустальным сталактитом / струится в талую купель», и особенно пронзительным предстает воспоминание, видение:

Мой далекий, мой Балаклавский
смотрит окнами, как снег идет.

Казалось бы, сказано предельно просто, без каких-либо особенных поэтических изысков, но именно эта строка способна кольнуть в самое сердце. Одним словом, не столь трудно переменить место обитания, но гораздо сложнее перестроить сознание, адаптироваться полностью в чужеродной среде.

И как бы случайно, намеком поэтесса роняет:

Благословляю добровольный плен.
По клетке, улетев, тоскует птица
и гибнет, не осилив перемен.

Отметим, однако: отношение не к малой, а к большой, огромной Родине у Дины Дронфорт достаточно сложное и неоднозначное: «Я люблю Россию, но в этой стране / Можно шляпу носить, если ты на коне...» И хотя «Мать и мачеха» не «железный стих, облитый горечью и злостью», как у Лермонтова, но помимо боли сквозит в нем и обличительный пафос:

А что же та, далекая страна —
расхристанная, тянущая душу,
та, что, родив, давала имена
и, не кормя, бросала равнодушно...

Но вместе с тем связь с покинутым пространством неразрывна, что объясняется, видимо, не только силой и яркостью воспоминаний, но и сладчайшей властью родного языка:

В похмелье битвы истин и утопий
то рушит небо и возводит ад,

то заново мостит ступени строчек,
полночным часом верует в рассвет,
клянет, благословляет и пророчит —
тобой живет, Россия, твой поэт!

Свет и тени

Дина Дронфорт — профессиональный фотограф, тонко чувствующий нюансы и выразительные возможности, которые приносит с собой удачное использование светотени. Ее чуткая и отнюдь не чуждая мистики душа хорошо знакома с тем, что Евгений Шварц выделял как теневую сторону вещей, с тем, что было увидено Блоком как «из света в сумрак переход». Возможно, «где-то там, за пределами разума, / где-то во мраке», но царство теней определенно существует. Это зазеркалье нашего подсознания, которое дает о себе знать не всегда, но порою очень отчетливо.

Кто знает, какие тени
витают, легки и гулки,
чьи блеклые отраженья
хранят зеркал закоулки.

«В тени за оправой внимательных глаз» пробегают призраки и воспоминания, отсветы и отблески, недаром поэтесса называет себя «сомнамбулой у вечного окна». Не случайно темой одного из ее стихотворений становится театр кабуки, где, как известно, немаловажную роль играет теневой двойник сценического персонажа. «Оставим Амстердаму наши тени», — подает реплику своему спутнику ее лирическая героиня. И похоже, именно с помощью приемов светотени Дине Дронфорт удается вылепить столь удачный образ старой Европы:

Старуха, независима, согбенна —
сама Европа! — мерзнет у ворот.

Одним словом, энигматичная, завораживающая тема изнанки, подтекста, теневой стороны действительности и человеческой души становится одной из ведущих в сборнике, придавая ему психологическую и мистическую глубину:

Кто знает, какие тени
в доме моем витают.

Стихи о прекрасной даме, написанные ею самой

Впервые за долгие годы берусь утверждать с полной уверенностью, что «женственность» в поэзии заключается не в камерности «женских» тем и переживаний. Женщинам-поэтам отнюдь не чужды философские и гражданские мотивы, в некоторых стихах они звучат в полный голос. Однако сама позиция, отношение к реальности и ощущение в этой реальности своей роли выражены в стихах Дины Дронфорт, несомненно, по-женски:

Сосна на зыбком берегу —
кому скажу, чего б хотела я?
Хрупка осанка корабельная...

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

**Дереккой: память о прошлых поколениях / Авт.-сост. Б. М. Сулейманов.
Симферополь: Н. Орианда, 2023. — 172 с.: ил.**

Наверное, насельники Крыма стали обживать крутой склон горы по правому берегу реки Дереккойка в незапамятные времена. Французский путешественник Ж. де Бай, побывавший в селении Дереккой в 1905 году, счел, что местные жители «зовутся татарами по большей части из-за их принадлежности к магометанству, а не по причине их этнического происхождения. В этих людях явно смешана кровь генуэзцев, греков и готов. Они почти все просто красавцы». Считается, что ядро народа складывалось в IV—XV веках в результате консолидации нетюркских и тюркских племен. Путешествовавшие по Крыму в 30-х годах XIX века Н. Мурзакевич и А. Демидов писали: «Взрослые татары очень стройны, проворны, смелы, имеют прекрасные глаза, орлиный нос: вся их наружность ознаменована печатью сметливости и ума». Точно известно, что в средние века соседние деревни Дереккой и Ай-Василь составляли одно большое греческое селение, входившее в княжество Феодоро. После захвата княжества османами в 1475 году селение оказалось под властью Османской империи. Согласно старинным переписям, вплоть до 1542 года в Дерекое проживали исключительно христиане, мусульмане появились позже, а в XVII веке с распространением на южном побережье Крыма ислама мусульманское население в деревне стало преобладать. После Кучук-кайнаджирского мирного договора Шагин-Гирей «повелительным актом» (1775) включил селение в Крымское ханство. Присоединив Крым к России, Екатерина II издала указ (1784), по которому на территории бывшего Крымского ханства появилась Таврическая область, а Дереккой, бывший значительно крупнее деревушки Ялты, вошел в Симферопольский уезд. Поселение не раз меняло административное подчинение. После трагедии 1944 года — массовой депортации татар в Среднюю Азию (из Дереккой выслали 458 семей татар: всего 1700 жителей) — на место выселенных были направлены колхозники из Ростовской области, позже последовала вторая волна переселенцев из различных областей Украины. В 1945 году Дереккой был переименован в Ущельное и со временем включен в состав Ялты. Сейчас это район практически в центре города, южнее автовокзала. Автор-составитель, потомок уроженцев Дереккой Билял Сулейманов более десяти лет по крупицам собирал фактические и иллюстративные материалы о Дерекое. «Историю творят не только великие люди. Мне была интересна жизнь людей самых обычных — моих родственников и простых жителей деревни Дереккой. В их жизнях история отражена не менее ярко, чем в судьбах выдающихся личностей... Каждая история уникальна по-своему. Собрав материал о жизни представителей своего рода сегодня, мы навсегда сохраним для своих потомков память о них», — пишет он в предисловии. Собирая материал, он был крайне изумлен, обнаружив, что нет ни одной книги об истории, культуре, быте жителей Ялтинского района. Материалы в книге уникальны. Это и документы из архивов Крыма, воспоминания, старинные путеводители, записки путешественников XVII—XX веков. И конечно, фотографии, литографии, репродукции. В путеводителе 1902 года А. Безчинского селение описано так: «Деревня разбросана по крутому склону горы и отчасти по берегу речки Гува. Улиц, строго говоря, нет: есть дорожки с уступами, крутыми подъемами;

местами имеются просто тропинки. Проехать в экипаже можно только по немногим местам; из верхней части деревни в нижнюю можно перебраться пешком либо верхом <...> Население Дерекоя татарское. Жители — около 1200 человек — зажиточны, занимаются садоводством, виноградарством, табаководством... Кроме того, благодаря близости города, многие поселяне заняты городскими промыслами: служат проводниками, торгуют фруктами. Среди дерекойских татар есть много состоятельных людей, содержащих в городе магазины, извозчицьи экипажи...» Путешественники отмечали необыкновенную чистоту жилищ и дворов, трудолюбие местного населения. В 1867 году крымский краевед, писатель, этнограф В. Кондараки писал, что «татары — народ честный, трезвый и незаменимый в этой стране... никто другой кроме них, не сумеет прожить, довольствуясь доходами нескольких десятков деревьев и клочком земли в восьмую долю десятины». Кроме того, татары владели тайной извлечения и проведения воды в этих сухих местах. Б. Сулейманов рассказывает о быте и основных занятиях дерекойцев. Вопреки религиозным запретам, татары изготавливали прекрасное вино, «обходя закон приличным образом». В середине XVIII века уникальные крымские вина считались элитными даже в производящих собственных вина странах Южной Европы. Лозы привозили в Крым со всех стран, в дерекойских виноградниках произрастал виноград самых разных сортов: альятик, джеват кара, изабель, каталон, мускат, сатер, чауш, шашла, шах изюм. Автор-составитель перечисляет уникальные сорта яблок, груш, сливы, черешни, что зрели в садах дерекойцев. Считалось, что в Дерекое и Ай-Василе растет лучший табак. Б. Сулейманов собрал материалы о традиционной кухне Дерекоя, о старинном обычае почитания воды (до наших дней сохранилось всего два источника воды — искусно обработанные каменные глыбы с высеченными цитатами из Священного Корана), о крымских старинных обрядах татарского заручения (сватовства) и свадьбы. Он пишет о мечетях и кладбищах Дерекоя, вернее, о том, что от них осталось. Он прослеживает трагическую судьбу народа, неоднократно подвергавшегося тяжелым испытаниям: в XIX веке — незаконное присвоение земель российскими чиновными лицами; во время революционных событий начала XX века — борьба за выживание и вынужденная эмиграция, разделение семей; 1944 год — депортация. Он восстанавливает трагическую историю конкретных семей Дремджи и Кадыевых, больших, достаточных, трудолюбивых. Б. Сулейманова действительно интересуют люди родной земли, и он приводит краткие биографические справки известных дерекойцев, среди которых и «отец мусульманской журналистики» Исмаил Гаспринский, и один из лучших сказителей Южного Крыма, хранитель устного народного творчества Мустафа Топал, и доктор филологических наук Адиле Эмирова, врачи, актеры, певицы. А еще Б. Сулейманов публикует список уроженцев Дерекоя, участников Великой Отечественной войны: 154 человека, многие из которых отдали жизнь, сражаясь за Родину.

Дмитрий Богатырёв, Илья Докучаев. Провинциализация империи.

Очерки истории образования в постсоветской России. Изд. 2-е.

СПб.: РХГА, 2024. — 236 с.

Книгой о погроме отечественного образования назвал эти очерки независимый исследователь Р. Лившиц. «Все развитие России после развала СССР и поражения реального социализма происходило под лозунгом „возвращения в лоно мировой ци-

визации“. Если отбросить эвфемизмы, это „возвращение“ означало сдачу на милость победителю и перекройку всего общественного устройства России по лекалам Вашингтона. События последнего времени убедительно показали, что движение по этому пути ведет к утрате Россией исторической субъектности», — пишет он (Вопросы культурологии, 2024, № 2). Авторы книги доктора философских наук из Санкт-Петербурга Дмитрий Богатырёв и Илья Докучаев не просто теоретики, но практики, знающие изнутри образовательную систему постсоветского периода и чехарду, которая идет в этой сфере на протяжении трех десятилетий. Они убеждены, что «реформы образования, которые начались после распада СССР, вредоносны для страны». Даже если в материальном отношении все выглядит ныне, казалось бы, и не так плохо, особенно если сравнивать с 1990-ми годами, то общая ситуация в социально-культурном плане печальна. И в первую очередь потому, что порочна сама цель реформ. Согласно заявлению А. Фурсенко, министра образования с 2004-го по 2012 год, целью образования является не человек-созидатель, а цивилизованный (очевидно, послушный) потребитель. А у потребителя нет Родины, она там, где лучше потребление. Значит, отмирающими понятиями становятся государственный суверенитет, нация, социальная справедливость. Реформаторы ельцинской волны достигли цели: постсоветская система образования способствует интеллектуальной колонизации России. Главным ударом, считают авторы, стал переход к ЕГЭ, тесты как тренировка способности выполнять элементарные операции, например, «правильно» ставить галочку на выборах. Если упрощенно, конечная цель постсоветских реформ в образовании выглядит так: меньше детей, способных мыслить. Авторы предлагают сравнить задачи современной школы с задачами советской, где обучение рассматривалось прежде всего как развитие интеллекта. Авторы констатируют, что советское образование было лучшим в мире по совокупности параметров: массовость, организованность, дифференцированность уровней, воспитательные эффекты, достижения в области науки и культуры, бесплатность образования и обеспечение социальных лифтов. За годы советской власти были созданы элитные технические вузы (выпускавшие инженеров, а не «офисный планктон»), специализированные профессиональные техникумы, ПТУ, готовящие кадры для промышленности. Практически с нуля построена система дошкольного образования. Но главное, в советский период образование опиралось на «архетипы и ценности, благодаря которым и сформировалась Российская империя и русская культура. Русский ум всегда стремился к целостности, иногда в ущерб проработке деталей. И по этой причине «советское образование <...> отдавало приоритет фундаментальности перед прикладным аспектом». Идея справедливого общественного устройства была созвучна архетипу коллективного бессознательного русского народа. Да, советская школа стремилась создать человека-творца, патриота. И учила мыслить начиная с детского садика. Д. Богатырёв рассказывает, как функционировали образовательные системы разного уровня, какое значение для развития мышления имели чтение и сочинение, русская литература, изучение иностранных языков и даже игра в кубики в яслях. Он указывает, что в России, начиная с Петра Великого, главным «просветителем» было государство, а не Церковь, не общество. Империя принуждала к образованию, Сталин и Брежнев продолжили это принуждение: советское государство в отличие от дня сегодняшнего всегда рассматривало образование и науку (особенно фундаментальную и военно-прикладную) как важнейшую сферу инвестиций. В первой части Д. Богатырёв делает социально-философский анализ реформ образования, обраща-

ется к трудам Платона, Аристотеля, Гегеля, Канта, связанным с духовной жизнью и мышлением; рассматривает факторы, влияющие на реформу образования; сравнивает глубинные ментальные особенности русского человека и западного в контексте постулатов западных версий позитивизма-либерализма. Во второй части, автором которой является И. Докучаев, речь в основном идет о конкретных новациях, посредством которых с 1991 года до наших дней перекодируется система образования. Это и Болонская система, введение которой способствовало оттоку мозгов за границу. И переход на ЕГЭ, что изменило систему поступления и подготовки абитуриентов в вузы и отучило школьников думать. И внедрение дистанционных технологий, разрывающих необходимую для обучения живую связь учителя и ученика. И мониторинг эффективности вузов России как ключевая технология по уничтожению отечественного образования. И бессмысленность различного рода количественных показателей научной деятельности, индексаций публикационной активности, что в нормальных условиях есть побочный продукт работы ученых и преподавателей. В ситуации деградации сферы они превратились из инструмента оценки в цель всей реальной практики. А в ситуации санкционной войны требование публиковать статьи в зарубежных изданиях выглядит полным абсурдом. Список странностей можно продолжить. Авторы считают, что большинство предлагаемых инноваций носят мифологический характер, а сами реформы способствуют превращению империи в провинцию, которая обслуживает чужую финансовую и идеологическую метрополию. И несмотря на инспирированные после СВО громкие заявления ряда высокопоставленных лиц об идеологическом и организационном разрыве с Западом, сущностного отката от принятой стратегии, ведущей к деградации образовательной системы, нет. Анализ сделан, диагноз поставлен. Есть и средства, способные остановить губительные процессы. Главное — думать, что делаем и к чему это приведет. Прежде чем затевать новые реформы, хорошо изучить результаты предыдущих. Отказаться от абсолютизации что западного опыта, что опыта отечественного, что нововведений и обратиться к реальности. Авторы считают, что российское образование попало в ментальную ловушку, но у России глубокие корни, поэтому иммунитет еще не утерян. Однако лет десять, и его можно потерять.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит издательства
за предоставленные книги

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

РУССКИЕ ПАЛОМНИКИ У СВЯТЫНЬ БЕЛЬГИИ

Часть 4

Улица Слепого Осла приглашает пройти на площадь Бург. Здесь находится часовня Святой Крови, хранящая самую главную реликвию Брюгге — капли Крови Христовой. Капелла (часовня) Святой Крови (*Хейлигблудкапел*) является самой известной святыней Брюгге. Эту капеллу в XII веке построил Теодорих (Дитрих) Эльзасский, граф Фландрский, чтобы поместить в ней раку с каплями Господней Крови, привезенными в 1150 году из Иерусалима. Этой святыне часовня и обязана своим названием. (Нижняя романская капелла Синт Базилиускапел — 1150 год; верхняя готическая — около 1480 года; фасад — 1529—1534 годы, архитектор Сиксденирс.)

В 1879 году здесь побывал русский паломник К. А. Скальковский: «Тут и замечательные картины, и резные вещи, — сообщает он, — но тысячи богомольцев капелла привлекает ежегодно более всего серебряной раззолоченной дарохранительницей, усыпанной драгоценными камнями, пожертвованными знаменитостями нескольких столетий. Католическое предание гласит, что в этом сосуде сохраняется несколько капель крови Спасителя, присланной в начале XII века Бодуэном III, королем Иерусалимским»¹. В мае в Брюгге проходит процессия в честь праздника Вознесения. После мессы в кафедральном соборе начинается праздничное шествие. Реликвию Святой Крови, хранящуюся в Брюгге, несут во главе процессии. Чуть позже проходит шествие-мистерия на тему библейских и исторических сюжетов.

Бегинаж

К. А. Скальковский уделил большое внимание монашеской жизни Брюгге. Одной из особенностей, которая была присуща этому городу, являлось наличие *бегинажей* — обителей, не получивших широкого распространения за пределами страны и малоизвестных на христианском Востоке. (Бегинаж — одно из самых известных мест в Брюгге — представляет собой изолированный район, пристанище бегинок, женщин, объединившихся в мирские союзы для благочестивых дел, но не пожелавших связать себя

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Скальковский К. А. У скандинавов и фламандцев. СПб., 1880. С. 160.

монашеским обетом. Эти союзы, возникшие в XII веке, получили особенно широкое распространение во Фландрии.)

Поэтому К. А. Скальковский подробно излагает историю этого женского ордена. «Осматривая все углы Брюгге, я зашел в так называемый Бегинаж, основанный в XIII столетии Жанною Константинопольскою на островке, соединенном подъемным мостом, — пишет русский паломник. — Огромный двор засажен высокими старыми деревьями; кажется, я еще подобных и не видывал. Вокруг стоят старинные здания и небольшая церковь. Тишина царствует мертвая. Beguinages — род женских общежитий, существующих только в Бельгии и Голландии»². Здесь речь идет о Бегинаже (Бегейнхоф), основанном в 1245 году; церковь — 1605 год.

По преданию, первая община бегинок была основана еще в XII веке известным льежским проповедником Ламбертом Косноязычным (Bege)³. Первыми бегинками были вдовы или девушки, которые, не приняв монашества, предавались молитвам, умерщвлению плоти и уходу за больными. Их труды упоминаются уже с XII века в городах, где избыток женского населения обрекал многих на безбрачие. Самым совершенным образцом их была Мария из Уаньи, которая после нескольких лет брака разошлась с мужем, посвятила себя долгое время уходу за прокаженными и под конец поселилась с несколькими подругами около маленького монастыря Уаньи в Намюрской провинции⁴. Бегинки прилежно трудились в мастерских, иные воспитывали детей в богатых семьях.

Русский исследователь приводит некоторые версии относительно происхождения названия этого ордена и сообщает о его дальнейшей истории: «Происхождение этого учреждения, название которого не умею перевести по-русски, в точности неизвестно: одни производят его от французского святого Бега, другие от глагола молиться — по-фламандски *beggen*, — пишет К. А. Скальковский. — Оно существует уже около шестисот лет и имеет целью принимать в свою среду женщин, желающих жить скромно, вдали от света, посвящая себя делам милосердия. Никаких, однако, религиозных обетов бегинки не дают; поэтому не только император Иосиф II не коснулся их при уничтожении большей части монастырей в Бельгии, но бегинажи, за их заслуги человечеству, были пощажены даже французскими революционерами, разрушавшими в близоруком усердии в Нидерландах все памятники старины, до надгробных монументов включительно»⁵.

Можно сопоставить эти сведения с более поздними данными, появившимися в русской печати в начале XX века. По словам одного из путешественников, побывавших здесь через три десятилетия после К. А. Скальковского, «бегинами называются нидерландские сестры милосердия; любопытное учреждение это благополучно миновало все бури истории; его пощадила даже сама революция, признав, что „эти учреждения всегда были посвящены облегчению участи больных и бедных“. Происхождение „бегинажа“, по-видимому, очень древнее; по мнению одних начало им положила святая Бега, которая основала первый бегинаж в VII веке, другие же его основание приписывают епископу Льежскому Ламберу Бэг, который будто бы учредил этот орден в XII веке»⁶.

«Происхождение бегинских общин не является столь исключительно делом Ламберта, как это принято думать, — пишет знаток этого вопроса А. Пиренн. — Томас

² Там же. С. 164.

³ Пиренн А. Средневековые города Бельгии. М., 1937. С. 331.

⁴ Там же.

⁵ Скальковский К. А. Указ. соч. С. 164.

⁶ Изар И. Современная Бельгия. Пг., 1914. С. 168.

из Кантимирэ сообщает, что бегинажи возникли в Нивелле. Поэтому возможно, что их название следует производить от имени св. Бегги, сестры св. Гертруды, патронессы этого города. Бегинские общины появились в XII веке, но слово *beghina* встречается лишь с XIII в.»⁷.

Далее можно сравнить сообщения авторов, которые пишут о монастырском быте бегинок, дополняя один другого. «Чтобы быть принятой в бегинаж, девушка или вдова должна иметь аттестат беспорочной нравственности и доход в 26 рублей в год; она платит, кроме того при вступлении 30 рублей единовременно. Окончательный прием делается только через два года, по большинству голосов»⁸, — читаем у К. А. Скальковского.

«Организация бегинажа довольно любопытная; чтобы добиться принятия, каждая желающая должна заранее заручиться согласием своих будущих товарок, затем доказать, что имеет годовой доход в 110 франков и 500 франков должна единовременно внести на содержание храма. Первые шесть лет проводятся в положении послушничества, причем эти испытуемые живут как в монастыре, все вместе; по окончании же этого срока, они могут уже удалиться в эти, такие живописные, домики, в каждом из которых имеется от 2-х до 4-х квартир»⁹, — пишет один из зарубежных авторов И. Изар в книге «Современная Бельгия», опубликованной в России в 1914 году.

«Молодые сестры живут вместе, а по прошествии шести лет получают право жить отдельным хозяйством в одном из маленьких домиков, содержащих от двух до четырех квартир. Каждый подобный домик носит название какого-нибудь святого — своего патрона. Бегинки имеют право, если хотят, уступить часть квартиры, за плату, какой-нибудь старой женщине, родственнице или посторонней»¹⁰, — дополняет К. А. Скальковский приведенные сведения.

Для большей наглядности дальнейшее изложение монастырского быта бегинок можно привести в параллельном сопоставлении строк обоих авторов.

К. А. Скальковский: «Для управления своего они избирают начальницу (*Groot jungfrouw*), которой подчиняются безусловно, равно как и правилам их учреждения»¹¹.

И. Изар: «Они дают обет бедности, чистоты и повиновения „старшей даме“, но отнюдь не связаны на всю жизнь и, если угодно, всегда могут удалиться»¹².

К. А. Скальковский: «Они носят особый старинный костюм и обязаны два раза в день слушать церковную службу»¹³.

И. Изар: «Единственная их обязанность — это три раза в день являться на богослужение, а именно: на восходе солнца, в полдень и вечером. Последняя служба называется „лоф“, т. е. поклонение бегинок и проникнуто какою-то особенной поэзией; с наступлением часа, когда горизонт окутывается синей мантией ночи и тихо зазвонит маленький колокол капеллы, из всех домиков выходят бегины и длинными темными рядами направляются к храму»¹⁴.

К. А. Скальковский: бегинажи — «это весьма достойные учреждения, прокармливающие выделкой кружев и другими рукоделиями несколько тысяч беспомощных старух. Само собою разумеется, что для уединенной и спокойной жизни беги-

⁷ Пиренн А. Указ. соч. С. 331, примеч. 2.

⁸ Скальковский К. А. Указ. соч. С. 165.

⁹ Изар И. Указ. соч. С. 169.

¹⁰ Скальковский К. А. Указ. соч. С. 165.

¹¹ Там же.

¹² Изар И. Указ. соч. С. 168.

¹³ Скальковский К. А. Указ. соч. С. 165.

¹⁴ Изар И. Указ. соч. С. 169.

нажей — Брюгге чистойшая находка; самые значительные бегинажи имеются, впрочем, в Генте»¹⁵.

И. Изар: «Бегинажи в Бельгии служат последним надежным убежищем кружевной промышленности. Единственными опытными кружевницами, вполне сохранившими секрет настоящих брюссельских „пуантов“ и малинских вышивок, являются старые сморщенные бегины, которые остатки своего зрения, при смягченном стеклянным шаром с водой свете лампы, употребляет на плетение этих воздушных тканей, образцы которых, как верх тонкости и художества, скоро останутся только в музеях»¹⁶.

Спят кружевницы в своих подвалах
И во сне привычными руками
Ворожат в узорах небывалых,
Что цветутверху над чердаками¹⁷.

(А. С. Головина)

К. А. Скальковский: «Каждая желающая может всегда покинуть учреждение; в таких случаях, внесенные при поступлении деньги возвращаются. Бегинки гордятся, однако, что подобных случаев было чрезвычайно мало»¹⁸ — такими словами русского автора можно закончить описание быта и традиций бельгийских бегинажей. Но здесь же можно привести еще некоторые сведения о бегинажах, которые излагаются в сочинении знатока этой темы А. Пиренна.

«Бегинские общины достигли в середине XIII века невиданного расцвета. Из валлонских частей страны, где они возникли первоначально, они вскоре распространились во фламандские области, проникнув здесь даже в самые небольшие города, — отмечается в сочинении А. Пиренна, изданном в Москве в 1937 году в переводе на русский язык. — Так, например, во Фландрии до 1275 г. бегинские общины существовали в Генте, Брюгге, Лилле, Ипре, Арденбурге, Оденарде, Исендике, Остбурге, Дамме, Гистелле, Куртрэ, Дейнзе, Алосте, Термонде и т. д.»¹⁹. «Создание бегинских общин вызвало вскоре появление бегардов (beghini), которые были отмечены в Брюгге уже в 1252 г. Они жили согласно уставу св. Франциска или св. Доминика, и занимались ткачеством, — сообщает тот же автор. — Менее многочисленные, чем бегинки, они распространились, подобно им, в других странах и проникли в Германию и Францию. Таким образом Нидерланды, с давних пор получившие от своих южных соседей новые монашеские ордена и новые стимулы духовной жизни, передали им, в свою очередь, новый институт, родившийся на их почве из взаимодействия их общественных сил»²⁰.

Прошло больше столетия с тех пор, как К. А. Скальковский побывал у бегинок в Брюгге. Многое с тех пор здесь изменилось. «Ныне в здании Бегинажа — монастырь бенедиктинок, — пишет современный отечественный исследователь. — Неслышными шагами проходят монахини в черных плащах и белых косынках, лица их приветливы, движения уверенны и спокойны»²¹. Эту духовную атмосферу почувствовала и передала в своих записях известная русская художница Анна Петровна Остроумова-Лебедева, побывавшая в Брюгге в начале XX века: «Нигде я так ясно не чувствовала близко-

¹⁵ Скальковский К. А. Указ. соч. С. 165.

¹⁶ Изар И. Указ. соч. С. 169.

¹⁷ Головина А. С. Указ. соч. С. 125.

¹⁸ Скальковский К. А. Указ. соч. С. 165.

¹⁹ Пиренн А. Указ. соч. С. 332.

²⁰ Там же.

²¹ Герман М. Антверпен. Гент. Брюгге. Города старой Фландрии. Л., 1974. С. 134.

го родства музыки с архитектурой, как в этом очаровательном городке... Все кругом очень стройно, приветливо, красиво»²².

Удивительным кажется то, что Александр Блок, посетивший Бельгию в 1911 году, не проникся романтической атмосферой Брюгге. «Вчера приехал в Брюгге... Сейчас пойду в музеи и церкви... А завтра хочу перебраться в Голландию — через Флиссинген»²³, — сообщал поэт в письме жене Л. Д. Блок. Из письма матери: «Лодочник полтора часа таскал меня по каналам. Действительно — каналы, лебеди, средневековое старье, какие-то тысячелетние подсолнухи и бузины по берегам»²⁴.

«Искупить вину» А. А. Блока попыталась поэтесса Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (1874—1952), посвятившая стихотворение городу Брюгге, ставшему жертвой германской агрессии в годы Первой мировой войны.

Тихий Брюгге, тихий город
Белоснежных лебедей,
Полусонных вод зеленых
И безмолвных площадей!
Наклонялся лик Мадонны
В полумраке строгих ниш,
Гладь канала отражала
Черепицы острых крыш...
Укрывала сень деревьев
Белых стен святой приют...
Пролетали без печали
Тени светлые минут.
Только женщин чистых сердцем
Эти стены стерегли:
Были чужды им все нужды
И волнения земли.
Там в покое проходили
Безмятежные года...
Их жилище было чище
Лебединого гнезда...
Плавно лебеди скользили
По зеленой глубине,
Их движенья отраженья
Повторяли, как во сне.
В час вечерний над водою
Пели песнь колокола,
Песнь святая, пролетая,
Мир торжественный несла.
Город, сказка кружевная
Несказанной тишины,
Как жестоко издалека
Налетели злые сны!

Отразился ряд развалин
В тихом «Озере любви».
Все каналы — бледно-алы
От пожаров, как в крови.
Над печальным разрушеньем
Опустевших площадей,
Улетая, плачет стая
Белоснежных лебедей.
О, куда им путь направить
Из родимого гнезда?
Дым и пламя над лесами
И пылают города.
Рвутся ядра, свищут пули.
Над водой звучит набат...
Всюду смута — нет приюта
Целый край огнем объят.
Лебедей невинных стая
На лету поражена...
Стон печальный... Крик прощальный...
Песня смерти — вот она!
Стая воронов зловещих
К страшной трапезе своей
Тучей смело налетела
Вместо белых лебедей!
Нивы Фландрии несчастной,
Вас жестокий ждет удел:
Лебедь чистый, серебристый,
Лебедь мира — улетел!
Стая воронов зловещих
Грозно кличет: «умирай»...
Нет! Ты встанешь, ты воспрянешь,
О бессмертный, смелый край!

²² Там же. С. 156.

²³ Письмо жене Л. Д. Блок. 26 августа (8 сентября н. ст.) 1911 г. Брюгге // Блок Александр. Письма к жене. М., 1978. С. 274.

²⁴ Блок А. А. Собр. соч. Т. 8. С. 373.

Черных воронов кровавых
 Ты прогонишь навсегда
 Из родного, из святого
 Лебединого гнезда!
 И услышишь, полон счастья
 Новой жизни, новых сил,
 Шум священный, неизменный,
 Лебединых мощных крыл²⁵.

Поэт русского зарубежья Владимир Дитерихс фон Дитрихштейн, побывавший в Бельгии в 1928 году, написал стихотворение «В старом Брюгге»:

Церквей готических таинственная тьма.
 В столетях сумрачных пылала мысль о Боге.
 В каналы смотрятся старинные дома.
 Картины, кружева пленительны и строги.

Наивный Бегинач и озеро любви.
 Рассказы бледные о мертвом старом Брюгге.
 Здесь камни стерегут предания твои,
 О прошлом говорят, как о любимом друге²⁶.

* * *

...Иностранные торговцы покинули Брюгге, жизнь, бившая в нем ключом, замерла, и он превратился в тихий, провинциальный городок, атмосфера которого была передана романистом Георгом Роденбахом в опубликованной в 1892 году книге под названием «Bruges-la-Morte» («Мертвый Брюгге»). Сегодня благодаря экономическому подъему и притоку туристов — любителей прекрасной старины — Брюгге переживает свое второе рождение. Он ревностно оберегает свой средневековый облик и единство архитектурного ансамбля, за что в 1975 году был удостоен специальной премии.

Сегодня в Брюгге сохраняется та же благодатная умиротворенность, о которой неизменно говорят современные паломники, посещающие этот старинный город: «В этой религиозности, спокойно служащей здравому смыслу, в этом неприхотливом обыденном изяществе, в естественной неторопливости и миниатюрной солидности быта осязательны прочные связи прошлого и настоящего, осязательна подлинная, устойчивая тишина минувшего. То, что в центре города может показаться изящной декорацией, здесь — плоть повседневной жизни, религия глубоко вросла в восприятие и привычки горожан; то, что для приезжего просто история, для старожилов — сегодняшний день»²⁷.

Невероятно, но факт: сегодня в Брюгге живет столько же человек, сколько пятьсот лет назад. Примерно в 1500 году по воле высших сил, даровавших Брюгге рост и процветание в начале XII века, время замедлило свое течение, плавно укачав город в бесконечный, мирный сон. Средневековый ансамбль сохранился почти без изменений — старый центр, пересеченный во всех направлениях каналами и бульжными мостовыми, площади, соборы, дворцы, купеческие дома и ветряные мельницы, — его уникальность

²⁵ Щепкина-Куперник Т. Л. Брюгге // Песни о Бельгии. Пг., 1916. С. 55–57.

²⁶ Дитерихс фон Дитрихштейн Владимир. Собрание стихов. 1912–1964. Брюссель, 1965. С. 16 (июнь 1928 года).

²⁷ Герман М. Антверпен. Гент. Брюгге. Города старой Фландрии. Л., 1974. С. 134.

послужила причиной того, что он целиком был включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО. С вершины дозорной башни (Belfort), с середины XIII века возвышающейся над Суконными рядами (Lakenhal), открывается неправдоподобная панорама города, каждый уголок которого мог бы служить сценой для сказочной истории.

Только одно то, что весь исторический центр Брюгге взят под охрану ЮНЕСКО, говорит об абсолютной уникальности этого города. Без сомнения, это самый красивый город Бельгии. В теплое время года женщины в белоснежных чепчиках устраиваются прямо на улицах и плетут, быстро перебирая бесчисленными маленькими коклюшками, сложные узоры знаменитых на весь мир кружев. А по каналам и другим водоемам города плавают лебеди, белоснежные и по-настоящему большие. В Брюгге они почему-то крупнее, чем в других местах, хотя не исключено, что просто так кажется на фоне «кукольных» домиков. Брюгге — город паломников и романтиков. Гуляя по узким улочкам Брюгге, вы почувствуете некую нереальность происходящего. В наш суетный век вы действительно перенесетесь в далекое прошлое, ведь Брюгге — это город, в котором остановилось время...

В Брюгге по-прежнему дуют морские ветры, хотя он расположен примерно в 15 километрах от песчаных пляжей Северного моря, с которым Брюгге соединяло в средневековье устье реки Цвин, открывавшей путь в город всем типам судов. В наши дни Цвин — охраняемый природный заповедник. В ясный солнечный день с дозорной башни Брюгге видна серебристая полоса Северного моря. На бельгийском побережье — 67 километров между Голландией и Францией — два портовых города, природный заповедник вокруг обмелевшего 500 лет назад устья реки Цвин и целая череда морских курортов, построенных параллельно широким песчаным пляжам. Между ними вдоль всего побережья неторопливо ходит самый обыкновенный трамвай, останавливаясь и в фешенебельных, элегантных курортных городках, и в местах попроще, и в деловитых портах. И это, может быть, самое неожиданное, что есть в Бельгии: ведь трамвай с видом на море — это очень трогательно.

...Прощаясь с Брюгге, приведем строки из стихотворения Аллы Сергеевны Головиной:

А когда колокола застонут
И кружевниц ослепят рыдания,
Нас лучи готические тронут
И мы птицам скажем: до свиданья...²⁸

²⁸ Головина А. С. Указ. соч. С. 125.

ПИСЬМО ИЗ-ЗА РУБЕЖА

Написано коротко и глубоко. Абсолютно со всем согласна, вывод в статье¹ очень хороший. Меня статья особенно задела, потому что я посмотрелась, как в Канаде, в Северной Америке вообще, людей убивает культ успеха. Отовсюду идет пропаганда богатства, и мужчинам, особенно молодым, приходится хуже всех. Таких денег не заработать, таких машин не купить в возрасте 20–35 лет, а ведь это как раз возраст встреч с девушками. Они же, приученные телевизором и Интернетом, что к ним надо подъезжать только на дорогих машинах, не смотрят на обычных парней — трудовых, образованных. И дом должен быть, и на курорты должен возить, и кольца дорогие дарить. А стоимость жизни с 2008 года поднялась в разы. На континенте экономический кризис с тех пор, потому и ходили грабить Ближний Восток, и пандемию соорудили — уничтожить лишние рты.

Потому миллионы парней живут без семей, женятся поздно, только когда уже деньги есть, а волос нет. Часто подолгу живут даже без секса. Ведь за секс тоже надо платить — водить в рестораны, покупать путевки и пр.

Море молодежи сидит на антидепрессантах. Они все соревнуются друг с другом. Для экономики это хорошо — потому Запад и процветал, что так запряг людей, им даже некогда было подумать что и как... Не пашешь по-черному, ты лузер, и всё.

Но для людей это тяжелый груз. Наркомания, суициды. Услуги психолога востребованы. И, к сожалению, это и в Россию перешло. Культ успеха. Фильмы невозможно смотреть. Они все про Золушку. Как горничная, няня, «разведенка» встретила миллионера. Не показывают, что встретила простого хорошего мужчину. Бухгалтера, скажем. Или учителя в школе. Только бизнесмены. А их ведь на всех не хватит, и более того, не показывают правду: богатые не ищут уборщиц-любовниц, им не о чем говорить с простыми людьми, вероятность любви мизерная. Да и большие деньги — это всегда пожертвование совестью, дружбой, принципами. Характер исковеркан. Но девицы отвергают синицу в руках ради журавля в небе.

Мелихов говорит о зависти, которая порождена вот этим всем — когда пропагандируется успех, и он непременно в Москве и в бизнесе. Это очень редкий разговор. Никто не вглядывается, я рада что сказали об этом. Правильно он призвал писать, что счастье возможно и там, и сям, и вот такое, и вот эдакое. Это перекликается и с тем, что народ давно уже просит показывать в кино людей труда. А кто ж покажет? Киношники и не видели вблизи этих людей труда. У них и у многих прозаиков если описывается деревня, то людей там зовут Севастьянами и Прасковьями, и разговаривают они, как крепостные XVIII века: «Ой, бяда, бяда». Творцы даже не соображают, что нынешние пенсионеры родились в 40-х, были молоды в 60–80-е, и ну никак их не могут звать Лукерьями, и речь их часто грамотнее, чем у молодежи.

С завистью сталкивалась постоянно и сталкиваюсь сейчас. И поэтому статья задела тоже. Вот. Извините, может, вам неинтересно, но может, и интересно. Все же отклик на статью в «Неве».

Н.

¹ Александр Мелихов. Чем победить зависть? // Нева. 2025. № 1. С. 191–194.

Contents

70 years of „Neva“ magazine

Dear friends, readers of our magazine! • 3

For the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War

Sergey Smirnov, Vladimir Zhukov, Yulia Drunina, Adam Shogentsukov, Anatoly Chepurov. Roll Call of Comrades-in-Arms. *Poems* • 5

Sergey Arno. The House of Gargalezis. *Grotesque novel* • 9

Elena Elagina. *Poems* • 67

Pavel Krenev. From Lopshenga to Sadovaya, 26 and to the Sinyavino Marshes. *Short stories* • 72

Anna Gedymin. Ankle-Deep Sky. *Poems* • 95

Andrey Astvatsaturov. In the Labyrinth of the Minotaur. *Short story* • 99

Grigory Mark. The Soul Has Turned into a Maze. *Poems* • 107

Non-Capital Russia

Elena Bogdanova. In a Meaningless Drip Voice. *Poems. Foreword by S. Nosov* • 112

Publicistic Writings

Dmitry Travin. Impudent „Orphans“ and High-Ranking „Serfs“ • 118

Felix Lurye. Revolutionary Expediency • 131

Dmitry Lanko. Money and the Finnish Economic Miracle • 148

Evgeny Popov, Mikhail Gundarin. Alexander Kabakov: The Last Days • 172

Evgeny Berkovich. Albert Einstein and Religion • 180

Vyacheslav Rybakov. Forty Years Later. *Afterword by A. Melikhov* • 201

Criticism and Essays

Andrey Popov. Salvador and Gala: Life under the „Golden Rain“ • 206

Petersburg Bookman

Territory of Memory. *Evgeny Lukin.* The Philosophy of Pacifism in the Works of the Frontline Poets of the First World War. **Reviews.** *Alfiya Galimullina.* From Simeon of Polotsk to the Literature of Our Time. *Evgeny Erastov.* Specks of Magic. *Elena Pecher-skaya.* There is No Salvation from Music... **Book Island.** *E. Zinovieva's Publication* • 224

Pilgrim

Archimandrite Augustine (Nikitin). Russian Pilgrims at the Shrines of Belgium. *Part 4* • 247

The Word Is Up to You

Letter from Abroad • 254

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал «Нева»
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-72-50
E-mail: nevaredaction@mail.ru

Страница «Невы» в «Журнальном зале»: <https://magazines.gorky.media/neva>
Сайт «Невы»: <http://nevajournal.ru>, <https://neva-journal.ru>

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет АО «Почта России»,
подписной индекс П1743.

Свежие номера журнала в Санкт-Петербурге можно приобрести в магазинах
прессы у станций метрополитена.

**По вопросам, связанным с оптовой и мелкооптовой продажей,
приобретением** отдельных номеров журнала за последние годы, обращайтесь:

в Санкт-Петербурге – в редакцию журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18,
тел. (812) 312-49-23, e-mail: officeneva@mail.ru).

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала
«Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте
издательства: <http://nevajournal.ru/book.html>, <https://neva-journal.ru>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-83135 от 26 апреля 2022 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Учредитель: ООО «Журнал «Нева»

Сдано в набор 20.02.2025. Подписано в печать 20.03.2025.
Выход в свет 03.04.2025. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108 ¹/₁₆. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 800 экз. Свободная цена. Заказ № 16

Адрес издателя ООО «Журнал «Нева»: Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 18

Отпечатано в типографии ООО «ИПК „БИОНТ“»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр., 86
Тел. (812) 207-58-43

Дорогие друзья! Журнал вошел в свой юбилейный год с большими задолженностями (более 900 000 руб.). Мы пытались решить проблему самостоятельно, но не справились со всеми трудностями. В последнее время существенно выросли полиграфические и коммунальные услуги. Всех, кто желает и готов нас поддержать, заранее горячо благодарим!

Реквизиты для банковского перевода:

Наименование — название организации: ООО «Журнал «Нева»

ИНН: 7810328498

КПП: 784101001

Расчетный счет: 40702 810 6 5500 0029700

Банк получателя: СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ БАНК
ПАО СБЕРБАНК

БИК: 044030653

Корсчет: 30101 810 5 0000 0000653

В графе «Назначение платежа»

важно написать «финансовая помощь»

Еще проще помочь нам переводом по QR-коду

За февраль собрано 74 200 руб. Благодарим вас, дорогие друзья!

Журнал «Нева» выходит с периодичностью
1 раз в месяц и распространяется по подписке

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ
осуществляет АО «Почта России», индекс П1743

Объединенный каталог «Пресса России», индекс 73276

Агентство подписки «Урал-Пресс», индекс 73276

В Республике Беларусь — через отделения «Белпочты»

ВКонтакте — vk.com/nevajournal

